

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 720.2

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

BOUGHT WITH

THE GIFT OF

WILLIAM AMORY GARDNER

OF BOSTON

(H. U. 1384)

Received *13 July, 1898.*

ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
И
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1886

СѢВЕРНОРУССКІЯ
НАРОДОПРАВСТВА

ВО ВРЕМЕНА УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАГО УКЛАДА
(ИСТОРИЯ НОВГОРОДА, ПСКОВА И ВЯТКИ).

Томъ I.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ
НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1886

Star 720.2

Gardner fund.

НОВГОРОДЪ—ПСКОВЪ—ВЯТКА.

(Лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1860—1861 гг.).

Злыя поклепы и лихія дѣла, и у вѣщи
кричаніе, а не вѣдуши глава, что языкъ
глаголетъ, не умѣюще своего дому
строить, а градомъ содержати хошемъ:
сего ради самоволія и непокоренія другъ
другу бысть сія вся влая на ны.

(Псковск. Лѣт. I. 287).

Novagardia gentem quoque humanis-
simam ac honestam habebat: sed quae
nunc, procul dubio peste Moscovitica,
quam eo commeantes Mosci secum inve-
xerunt, corruptissima est.

(Herberst. edit. Starcz. 51).

Pro cultioribus atque adeo humanio-
ribus Plescoviensium moribus, corruptio-
res in omnibus fere Moscoviensium mores
sunt introducti.

(Herberst. edit. Starcz. 52).

ИСТОЧНИКИ,

ПОСОБІЯ И СОЧИНЕНІЯ, СЛУЖИВШІЯ ДЛЯ СООБРАЖЕНІЯ.

1. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданіе археографической комиссіи, т. III (Новгородская первая, вторая и третья лѣтописи). Т. IV (Новгородская четвертая и Псковская первая). Т. V (Псковская вторая и Софійская лѣтопись). Т. VI (Софійская). Т. VII (Воскресенская лѣтопись). Т. IX (Никоновская). Т. I. (Лаврентьевскій и Троицкій списки). Т. II, (Ипатьевскій списокъ).

2. Русская лѣтопись по Никоновскому списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1789, въ восьми томахъ.

3. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ четырехъ томахъ (преимущественно томъ I, гдѣ помѣщены договорныя грамоты Великаго Новгорода).

4. Акты, собранные въ бібліотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи археографическою экспедиціею, въ четырехъ томахъ (преимущественно томъ I).

5. Акты историческіе, собранные и изданные археографическою комиссіею въ пяти томахъ (преимущественно томъ I).

6. Дополненія къ актамъ историческимъ, изданныя археографическою комиссіею въ девяти томахъ (преимущественно томъ I).

7. Акты Западной Россіи, въ пяти томахъ (преимущественно томъ I).

8. Акты юридическіе, изданные археографическою комиссіею. Спб. 1838.

9. Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригю и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Спб. 1851.

10. Памятники Россійской словесности XII вѣка. М. 1821.

11. Bunge, Liev-, Ehst- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Registern, Reval, 1852—1854, 1862.

12. Codex diplomaticus lubecensis, въ четырехъ частяхъ. Lübeck und Oldenburg. 1843—1858.

13. Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse, въ двухъ частяхъ; вторая часть изъ подлинныхъ актовъ. Hansisches Urkundenbuch und Urkunden-Verzeichnisse bis zum Jahr 1370. Hamburg. 1830.

14. Новгородскія писцовыя книги, изданныя археографическою комиссіею. Спб. 1859—1861.

15. Писцовая Новгородская книга (Врем. Общ. Ист. и Др. VI).

16. Переписная окладная книга Вотской пятины (Врем. XII).

17. Родословная книга (Врем. Общ. Ист. и Древн., т. X).

18. Родословная книга (Др. Русск. Визиліоники, т. IX).

19. Русскія достопамятности. М., т. I, 1815, т. II, 1843, т. III, 1844.

20. Псковская судная грамота, изд. Мурзавечича. Одесса.

21. Памятники старинной Русской литературы, изд. граф. Кушелевымъ-Безбородко, т. I, II и III подъ редакціею Н. Костомарова, т. III, подъ редакціею А. Пыпина. Спб. 1860—1862.

22. Памятники древне-русской письменности, помѣщенные въ разныхъ книжкахъ, изд. въ журналѣ Православный Собесѣдникъ (1855—1862).

23. Духовный Вѣстникъ, изд. въ Харьковѣ, 1862 (Разные древніе памятники).

24. Napiersky, Scriptores regum livonicarum, въ четырехъ частяхъ. 1848—1853 (преимущ. въ 1 ч. лѣтопись Генрика и въ 4. Дитлеба фонъ-Альнпекке).

25. Schirren, Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken. St.-Pbg. 1860.

26. Gilbert de Lannoy. Voyages et ambassades 1399—1450. Mons. 1850.

27. Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI collegit et ad veterum editionum fidem edidit Adalbertus de Starzewski. Berolini et Petropoli. MDCCCXLI.

28. Behrmann, die Skra von Nougarden, d. i. Die Handels, Gerichts und Polizey Ordnung des Deutschen Handels-Hofes zu Nowgorod in uralten Zeiten, ins jetzige Deutsche übertragen, nebst einer einleitenden Vorerinnerung einer Vergleichung derselben mit dem Lübschen Recht und erläuternden Anmerkungen. Copenhagen, 1828.

29. Неволина, О пятинахъ Новгородскихъ (Зап. И. Р. Г. Общ. VIII).

30. Грѣшнаго инока Іосифа сказаніе о новоявившейся ереси новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ Алексѣя Протопопа и Дениса, Осипа и Ѳедора Курицына и инѣхъ, иже также мудрствующихъ. 1491 г. (Др. Русск. Вивл. XIV).

31. Просвѣтитель или обличеніе ереси жиновствующихъ. Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа игумена Волоцкаго (Правосл. Собесѣдн. 1855, № 3—4. 1856, № 1—4.

32. Raft, Antiquités Russes. 2 vol. Copenhagen. 1850—1851.

33. Тихонравова, Лѣтописи русской литературы и древности. М. 1859—1860 (Разные древніе и народныя памятники).

34. Древнія Русскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. М. 1818.

35. Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. 2 части. М. 1861—1862.

36. Студитскаго, Пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній. Спб. 1851.

37. Сельскія свадьбы Архангельской губерніи (Москвит. 1853. XIII, XIV).

38. Древности Россійскаго государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая Павловича. М. Рисовано академикомъ Ѳ. Солнцевымъ, 6 тетр., преим. тетрадь 1-я.

39. Татищева, Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, пять томовъ. 1768, 1773, 1774, 1784 и 1848.

40. Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, томы I—VI включительно, изданіе первое.

41. Соловьева (Сергѣя), Исторія Россіи, томы I—V включительно. М. 1857—1858.

42. Долгорукова (Петра), Россійская Родословная книга въ 4 частяхъ. Спб. 1856.

43. Хронологическія таблицы Хавскаго. Спб. 1848.

44. Куницына, Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. Спб. 1843.

45. Энгельмана, Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской судной грамотѣ. Спб. 1855.

46. Устрялова (Федора), Изслѣдованіе Псковской судной грамоты. Спб. 1855.

47. Соловьева (Сергѣя), Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. М. 1845.

48. Славянскаго, Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ. Спб. 1847.

49. Андреевскаго, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. Спб. 1855.

50. Лавровскаго (Петра), О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.

51. Опытъ о посадникахъ новгородскихъ. М. 1821.

52. Вельмана, О Господинѣ Великомъ Новгородѣ. М. 1838.

53. Макарія архимандрита, Описаніе новгородскаго архіерейскаго дома. Спб. 1857.

54. Riesenkampf, Der Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitsch III. im Jahre 1494. Dorpat. 1854.

55. Hermann (Ernst), Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches (über die Verbindung Nowgorods mit Wisby und der Deutschen mit den Russen. Leipzig). 1843.

56. Исторія княжества Псковскаго, 4 ч. Кіевъ. 1831.

57. Бочкова, Историко-статистическіе очерки Псковской губерніи. Псковъ. 1862.

58. Историческіе разговоры о древностях Великаго Новгорода. М. 1808.

59. Макарія архимандрита, Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ. М. 1860.

60. Графа М. Толстого, Святини и древности Великаго Новгорода. М. 1862.

61. Графа М. Толстого, Святини и древности Пскова. М. 1861.

62. Красова, О мѣстоположеніи древняго Новгорода. Новг. 1851.

63. Муравьева (Николая), Историческое изслѣдованіе о древностяхъ Новгорода. Спб. 1828.

64. Графа М. Толстого, Указатель Новгорода. М. 1862.

65. Метафраста Григорія, Описаніе Софійскаго Новгородскаго кафедральнаго Собора. Новг. 1849.

66. Аполлоса, Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора. М. 1847.

67. Соловьева, протоіерея, Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора. Спб. 1858.

68. Купріянова, Разборъ сочиненія Красова о мѣстоположеніи древняго Новгорода (Москвит. 1851, XXIII).

69. Купріянова, Крестные ходы и мѣстные праздники и церковные обряды древняго Новгорода. Новг. 1859.

70. Павлова (Андрея), Историческое описаніе святини новгородской. 1848, вт. изд. 1848.

71. Вихрова, Новгородскія святія мѣста. Новг. 1860.

72. Adelung, Die Korsunischen Thüren in der Kathedral-Kirche zur Heiligen Sophia in Nowgorod. Berlin. 1823.

73. Еще о Корсунскихъ вратахъ Софійскаго Собора (Отеч. Зап. 1825).

74. Князева, Историко-статистическое описаніе псковскаго кафедральнаго Троицкаго Собора. М. 1858.

75. Иваницкаго, Изслѣдованіе о времени основанія Пскова. Псковъ. 1856.

76. Князева, Указатель достопамятностей Пскова. М. 1858.

77. Купріянова, Письма изъ Новгорода къ Погдину (Москвит. 1851. IX, XXII. 1853. VIII, X, XI и XII).

78. Новгородскія письма (Отеч. Зап. 1826. Ч. XXVIII).

79. Воспоминанія и наблюденія во Псковѣ (Отеч. Зап. 1830. Ч. XLIII).

80. Погодина, Слѣды Глаголическихъ буквъ въ Новгородѣ въ концѣ XI в. (1843 Москвит. VII).

81. Купріянова, Обзоръ пергаменныхъ рукописей Новгородской Соф. Библіотеки. Спб. 1857.

82. Невоструева, Описаніе евангелія, писаннаго для Новг. князя Мстислава Владимировича (Изв. Акад. т. IX).

83. Описаніе Спасохутынского монастыря (Зап. Арх. Общ. т. IX).

84. Макарія архимандрита, Описаніе Новгородскаго общезительнаго первокласснаго Юрьева монастыря. Спб. 1862.

85. Герасима Гойдукова, Краткое описаніе Новгородскаго третьекласснаго мужскаго Клопскаго монастыря. Спб. 1815.

86. Описаніе Антоніева монастыря. Спб. 1830.

87. Александра игумена, Краткая лѣтопись о монастырѣ преподобнаго Саввы, иже надъ Вишерою рѣкою. Спб. 1849.

88. Валаамскій монастырь. Спб. 1847, 1856.

89. Историческое описаніе Корельскаго монастыря. 1862.

90. Историческое изображеніе о началѣ Коневской обители. Спб. 1822.

90. Острова Коневецъ и Валаамъ. Спб. 1852.

91. Иліодора, Историко-статистическое описаніе Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Тверь. 1861.

92. Монастырь дѣвичій Воскресенскій въ Торжкѣ. Тверь. 1851.

93. Староладожскій Никольскій монастырь. Спб. 1862.

94. Историческое описаніе Тихвинскаго монастыря. Спб. 1859.

95. Доснѣея архимандрита, Лѣтописецъ Соловецкій, на четыре столѣтія отъ основанія Соловецкаго монастыря до настоящаго времени, то есть съ 1429 до 1831. М. 1833.

96. Антоніевъ Краснохолмскій монастырь (Моск. Вѣд. 1852. № 117).

97. Доснѣея архимандр., Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря и другихъ подвѣдомственныхъ сей обители монастырей, штатовъ, приходскихъ церквей и подворьевъ. М. 1836, 1853.

98. Макарія архимандрита Соловецкаго, Описаніе Соловецкаго ставропигіального первокласнаго монастыря. М. 1821.

99. Іосифа іеромонаха, Описаніе Спасо-Елеазаровскаго монастыря. Спб. 1862.

100. Описаніе Іоанно-Предтечинскаго Псковскаго монастыря. 1821.

101. Описаніе монастырей Іоанно-Богословскаго, Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снітогорскаго. Дерптъ. 1820.

102. Повѣсть о началѣ и основаніи Псково-печерскаго монастыря, ваятая отъ древнихъ лѣтописцевъ. Псковъ. 1849.

103. Описаніе Псковскаго печерскаго монастыря. Дерптъ. 1832.

104. Псково-Печерскій монастырь. Спб. 1860.

105. Ратшина, Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и замѣчательныхъ церквахъ въ Россіи. М. 1852.

106. Описаніе монастырей, въ Россіи находящихся. М. 1822.

107. Историческое описаніе находящихся въ Россіи епархій, монастырей, церквей, съ показаніемъ начала и построенія оныхъ. Спб. 1819.

108. Историческое описаніе соборныхъ и приходскихъ церквей въ Россіи по алфавиту. М. 1828.

109. Свѣдѣнія о существующихъ въ Россіи лаврахъ и монастыряхъ. М. 1850.

110. Муравьева (Андрея), Путешествія ко св. мѣстамъ русскимъ. Спб. 1836.

111. Купріянова, Матеріалы для исторіи и географіи новгородской области (Вѣстн. Геогр. Общ. 1852. VI).

112. Купріянова, Письмо изъ Новгорода о разныхъ древностяхъ, найденныхъ преимущественно въ Демьянскомъ уѣздѣ (Москвитян. 1853, XX).

113. Крестинина, Историческія начатки о Двинскомъ народѣ. Спб. 1784.

114. Купріянова, Старая Руса (Москвит. 1859. XVII).

115. Лѣтопись древняго славяно-русскаго города Изборска (Отеч. Зап. Свинына, 1825 г. № 60).

116. Мясникова, Историческое описаніе Ваги и города Шенкурска (Отеч. Зап. 1829. XXXVIII, XXXIX, XL).

117. О Бѣжецкомъ уѣздѣ (Москвит. 1853. XVI).

118. Савванитова, Дорожныя замѣтки изъ Вологды до Устюга (Москвит. 1842. XI).

119. Пермскій Сборникъ. М. 1860.

120. Максимова, Годъ на сѣверѣ. Спб. 1860.

121. Пушкарева, Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ, статистическомъ отношеніяхъ (кн. I. Новг. губ., кн. II. Арханг. губ., кн. III. Олонецк. губ., кн. IV. Волог. губ.). Спб. 1844—46.

122. Макарія Архим., Памятники древности въ Пермской губерніи (Зап. Арх. Общ. VII).

123. Sjögren, über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanlands. St.-Pbg. 1850.

124. Sjögren, über die ältesten Wohnsitze der Jemen. St.-Pbg. (изъ Записк. Акад.).

125. Sjögren, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St.-Pbg. 1857.

126. Castrén, Ueber die Ursitze des finnischen Volkes. St.-Pbg. 1850.

127. Koeppen, Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St.-Petersburgischen Gouvernements. St.-Pbg. 1849.

128. Кеппена, Водъ въ С.-Петербургской губ. Спб. 1861.

129. Латкина, Дневникъ во время путешествія на Печору (З. Георг. О. VII).

130. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands. Dorpat. 1848—1854.

131. Georgi, Beschreibung aller Nationen des Russischen Reiches, etc. St.-Pbg. 1776.

132. Schiefner, Die Lieder der Woten. St.-Pbg. 1856.

133. Schiefner, Einige Bemerkungen zu den Liedern der Woten. St.-Pbg. 1858.

134. О финнахъ, соч. Сума. (Чт. 1847, № 9).

135. Шренка, Областныя выраженія Русскаго языка Архангельской губерніи (Зап. Георг. Общ. IV).

136. Абрамова, Описаніе Березовскаго края (Зап. Геогр. Общ. XII).

137. Глинки, О древностяхъ Тверской Корелии. Спб. 1836.

138. Шевырева, Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь. Спб. 1850.

139. Михайлова, Замятки о Зырянахъ (Москв. 1849. XVI. 1851. IX, X).

140. Нравы и обычаи Вотяковъ (Москв. 1851. XXI).

141. Бѣльева, Географическія свѣдѣнія на Руси (Зап. Геогр. Общ. ΘI).

142. Щекатова, Словарь географическій Россійскаго государства. 6 томовъ. М. 1807.

143. Калачова, о Кормчей (Чт. 1847. № 3).

144. Калачова, Изслѣдованіе о Русской Правдѣ. М. 1847.

145. Погодина, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. 7 томовъ. М. 1846—1856.

146. Бѣльева, Русь въ первыя столѣтія послѣ прибытія Рюрика въ Новгородъ (Врем. V).

147. Бѣльева, Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. (Врем. VII).

148. Бѣльева, Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій (Врем. II).

149. Евгенія митрополита, Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви. II т. М. 1827.

150. Древнѣйшія путешествія иностранцевъ по Россіи. (Чт. 1848. № 1).

151. Adelung, Kritisch-literärisehe Uebersicht der Reisen in Russland bis 1700. St.-Pbg. und Leipzig. 1846.

152. Lehrberg, Untersuchungen zur Erklärung der älteren Geschichte Russlands. St.-Pbg. 1816.

153. Hipping, Bemerkungen über einen in den Russischen Chroniken erwähnten Kriegzug der Russen nach Finnland. St.-Pbg. 1820.

154. Kunik, kritische Bemerkungen zu den Rafnischen Antiqités Russes. St.-Pbg. 1844—1850.

155. Schlözer, Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771.

156. Krug's Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. St.-Pbg. 1848.
157. Kunik, Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. St.-Pbg. 1844—1845.
158. Kunik, Historisch-ethnographische Bemerkungen zu einigen Stellen der Krugischen Forschungen. St.-Pbg. 1848.
159. Kunik, *Analectes historiques ou choix des matériaux pour servir à la connaissance des sources de l'histoire Russe.* St.-Pbg. 1844. 1850. 1851.
160. Буслаева, Историческіе очерки Русской народной словесности и искусства. Спб. 1861.
161. Krug's Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St.-Pbg. 1810.
162. Chaudoir, *Aperçu sur les monnaies russes.* 2 т. St.-Pbg. 1836. 1831.
163. Сонцова, Деньги и пулы. М. 1860.
164. Бѣляева, Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси (Чт. 1846, 3).
165. Черткова, Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. М. 1834 (къ нему прибавленія I. М. 1837. II. 1832. III. 1842).
166. Куника, О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владимировича. Спб. 1860.
167. Казанскаго, Исслѣдованіе о древней русской монетной системѣ XIII, XIV и XV в. (З. Арх. Общ. V).
168. Кене, Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вв. (Зап. Арх. Общ. IV).
169. Шуберта, Псковскія монеты (Чт. 1843—4).
170. Труды комиссіи, высочайше учрежденной при Императорскомъ Университетѣ св. Владимира для описанія губерній кievскаго учебнаго округа. Смѣсь. Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Кіевъ. 1853.
171. Муравьева, Житія святыхъ російской церкви, также иверскихъ и славянскихъ и мѣстно чтимыхъ поборниковъ благочестія. Спб. 12 томовъ. 1858.
172. Макарія, епископа винницкаго, Исторія Русской церкви. Спб. 1857. III части.

173. Филарета, епископа харьковскаго, Исторія Русской церкви. 6 част. М. 1857 (преимущ. I, II и III ч.).

174. Филарета, епископа харьковскаго, Обзоръ духовной русской литературы. Харьк. 1859.

175. Соловьева (Сергѣя), Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси (Чт. И. Общ. ист. и древ. 1847).

176. Филарета, еп. рижскаго (потомъ харьковскаго), Бого служеніе Русской церкви до монгольскаго владычества (Чт. V).

177. Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи (Прав. Собесѣдн. 1858. Апр.).

178. Амвросія, Исторія Россійской іерархіи. М. 1807—1815.

179. Иоаннова, Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ. 1-е изд. 1795. 2-е 1831. 3-е. Спб. 1855.

180. О ложно-духовномъ Христіанствѣ въ древней церкви. (Правосл. Собесѣдн. 1856. I—IV. 1857. I).

181. Руднева, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ. М. 1838.

182. Napiersky, Monumenta Livoniæ antiquæ. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands dienen. Riga, Dorpat und Leipzig, 1835—1847.

183. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Ehst- und Kurlands. 6. B. Riga 1747—1853.

184. Engelmanns, Chronologische Forschungen auf dem Gebiete der russischen und lifländischen Geschichte des XIII und XIV Jahrhunderts. 1860.

185. Scarin, Dissertatio historica de Sancto Henrico Fenno- rum Apostolo. Abo. 1737.

186. Bilmark, Dissertatio academica de commerciis veterum Rossorum. Above. 1770.

187. Hillner, Die Lieven an der Nordküste von Kurland. St.-Pbg. 1846.

188. Rein, Dissertatio academica de gente Sumorum in annalibus russicis commemorata. Above. MDCCCXXVII.

189. Rein, De loco qua arma Tavastis illaturus appulerit Bîrgerus Dux. Helsingforsæ. 1833.

190. Rein, Disquisitio chronologica annorum quo verbum crucis

contra Carelis praedicari iusserit ecclesiae catholicae pontifex. 1836.

191. Porthan. Sylloge monumentorum ad illustrandam historiam Fennicam pertinentium. Above, 1802—1804.

192. Willebrand, Hansische Chronick aus beglaubigten Nachrichten. Lübeck, 1748.

193. Schlözer, Die Hansa und der deutsche Ritter-Orden in den Ostseeländern. 1853.

194. Schlözer, Verfall und Untergang der Hansa und des deutschen Ordens in den Ostseeländern 1853.

195. Meier, Dissertatio historica de civitatibus hanseaticis cum in generetum de nonnullis praecipue livonicis. Riga. MDCLXXIV.

196. Napiersky, Index corporis historico-diplomaticus Livoniae et Curoniae, 1833. 1835.

197. Schirren. Verzeichniss lievländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Chroniken und Bibliotheken. Dorpat. 1861.

198. Arndt, der Lievländischen Chronik erster Theil unter seinen ersten Bischöfen, welcher die alte Geschichte der Russen, Deutschen, Schweden, Dänen, Esthen, Lieven, Letten, Littauer, Curen und Semgallen erläutert (1747—1753).

199. Kelch, Liefländische Historia. Reval. 1695.

200. Kronika Wiganda-Marborga. Poznań. 1842.

201. Bunge, Archiv für die Geschichte Liev-, Ehst- und Kurlands. 1847—1859.

202. Napiersky, Die Gräber der Lieven. 1851.

203. Bähr, die Gräber der Lieven. Dresden, 1850.

204. Kruse, Necrolivonica oder Alterthümer Liev-, Ehst- und Kurlands. Dorpat. 1842.

205. Parrot, Versuch einer Entwicklung der Sprache, Abstammung und Geschichte, Mythologie und bürgerlichen Verhältnisse der Lieven, Lätten, Ehsten, mit Hinblick auf einige benachbarte Ostseevölker, Stuttgart. 1828.

206. Kreuzwald, Der Ehsten abergläubische Gebräuche, Weisen und Gewohnheiten, von Johann Wolfgang Böcler. St.-Pbg. 1854.

207. Richter, Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostsee-Provinzen. Riga. 1858.

208. Rutenberg, Geschichte der Ostsee-Provinzen Liev-, Ehst- und Kurland von der ältesten Zeit bis zum Untergang ihrer Selbständigkeit. Riga. 1859.

209. Rasmussen, De orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio avo. Hauniæ. MDCCCXXV.

210. Rein, Specimen historicum de vetere Carelia ante occupationem Svecorum. Above. 1825.

211. Dalin, Geschichte des Reiches Schweden, aus dem Schwedischen übersetzt. 1756—1763.

212. Geijer's Geschichte Schwedens, übersetzt von Löffler. 1852.

213. Annales Ecclesiastici auctore Cæsare Baronio. Lucæ MDCCXXXVIII—MDCCXLII. (19 томовъ).

214. Annales ecclesiastici ab anno MCXCVIII ubi desinit cardinalus Baronius, auctore Odorico Rainaldo. Lucæ. MDCCXLVII—MDCCLVI.

215. Pertz, Monumenta Germaniæ historica. Hannoveræ 1836—1859 (17 томовъ).

Наконецъ, при составленіи этого сочиненія, я пользовался рукописями, хранящимися въ Публичной Библіотекѣ, въ бывшемъ Румянцовскомъ Музеѣ, въ библіотекахъ Троицко-Сергіевской Лавры, Московской Духовной Академіи, и находящейся при ней библіотекѣ Волоколамскаго монастыря, въ библіотекахъ Новгородскаго Софійскаго Собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, находящихся при Санктпетербургской духовной академіи, за что приношу ихъ начальствамъ благодарность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю долгомъ принести особенную признательность гг. библіотекарямъ Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкову, В. И. Собольщикову, гг. Гену и Бергхолцу, профессорамъ: Московской Духовной Академіи А. В. Горскому и Санктпетербургской И. В. Чельцову, за оказанное мнѣ содѣйствіе указаніемъ и доставленіемъ рукописей и книгъ,—учителямъ новгородской гимназіи И. К. Купріянову и Н. К. Отто, профессору псковской семинаріи А. С. Князеву и С. М. Вочкову за пособія, оказанныя при осмотрѣ новгородскихъ и псковскихъ мѣстностей и древностей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**ОТНОШЕНІЯ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА КЪ
ПРОЧИМЪ ЗЕМЛЯМЪ РУССКИМЪ И КО
КНЯЖЕСКОМУ РОДУ.**

I.

СКАЗОЧНЫЯ ПРЕДАНІЯ О ПОСЕЛЕНІИ СЛАВЯНЪ ВЪ ПРИ- ИЛЬМЕНСКОМЪ КРАѢ.

Русско-славянскій народъ раздѣляется на двѣ вѣтви, различаемыя, въ отношеніи къ рѣчи, по двумъ главнымъ признакамъ: одна перемѣняетъ *о* въ *а*—тамъ, гдѣ надъ этимъ звукомъ нѣтъ ударенія и ѣ произноситъ какъ мягкое *е*; другая—сохраняетъ коренной звукъ *о* и произноситъ ѣ какъ мягкое *и*. Къ первой принадлежатъ бѣлоруссы и великоруссы, ко второй—малороссіяне или южно-руссы и новгородцы. Затѣмъ существуетъ множество второстепенныхъ особенностей рѣчи, составляющихъ мѣстныя нарѣчія и поднарѣчія. Это раздѣленіе русско-славянскаго племени на двѣ вѣтви сообразно съ тою двойственностію славянскаго поселенія на русскомъ материкѣ, которая открывается изъ нашей первоначальной лѣтописи. Одни славяне помѣщаются въ группѣ пришедшихъ съ Дуная вслѣдствіе нашествія на ихъ отечество волоховъ (италіянцевъ-римлянъ); другіе, какъ напримѣръ: кривичи, радимичи и вятичи не принадлежатъ къ этой колоніи. На протяженіи Сѣверной Руси эта двойственность рѣзко выказывается. Бѣлоруссы безъ сомнѣнія есть прежніе потомки кривичей; великоруссы, какъ показываетъ отно-

сительная близость ихъ нарѣчій съ бѣлорусскимъ, имѣютъ также кривскую основу, но по историческимъ обстоятельствамъ обособились и сформировались въ настоящемъ видѣ, со всѣми своими этнографическими отдѣлами чрезъ смѣшеніе съ вятичами, южноруссами и новгородцами при болѣе или менѣе (въ разныхъ мѣстностяхъ) подмѣси финскаго, финско-турскаго, татарско-турскаго и монгольскаго племенъ. Новгородцы, принадлежа первоначально къ вѣтви славянъ, пришедшихъ съ Дуная, утвердившись на берегахъ Волхова и Ильменя, распространили отсюда свою колонизацію, преимущественно на сѣверъ и востокъ, отчасти на югъ и на западъ, и, соприкасаясь съ бѣлорусскимъ и великорусскимъ элементами, внесли въ нихъ свои особенности, произвели смѣшанные переходные типы, гдѣ признаки, составляющіе характеръ той и другой вѣтви, сливаются и переплетаются между собою, а столкнувшись съ сѣверными финскими племенами, поглощали ихъ въ свою славянскую народность.

Во многихъ нашихъ хронографахъ XVI и XVII вѣковъ записана сказка, которую едвали мы имѣемъ право оставить въ полномъ пренебреженіи, хотя въ ней дѣйствительно есть явныя нелѣпости. Эта сказка носитъ названіе: «О исторіи еже ѿ начала рускія земли и созданіи Новагорода». Въ ней разсказывается, что потомки Авета—Скифъ и Заръ-данъ, отлучившись отъ прочей братіи, поселились на берегахъ Эвксиπονты; потомки ихъ тамъ обитали долгое время, пока между ними не возникло междоусобіе; тогда часть ихъ, подъ предводительствомъ Словена и Руся, рѣшилась оставить свое мѣстопробываніе, и пошли они искать себѣ новаго отечества. Двигаясь на неизвѣстный имъ сѣверъ, они дошли, наконецъ, до озера, которое по бѣлорусски называлось Мойско, откуда вытекала рѣка, носившая на томъ же языкѣ древнихъ тамошнихъ туземцевъ названіе *Мутная*. Пришельцы начали гадать, и вол-

шебная наука указала имъ, что именно здѣсь слѣдуетъ имъ основаться на жительство. Тутъ, при истокѣ рѣки, поставили они городъ и поселились. Озеро переименовали, по имени дочери Словена, въ Ильмеръ, а рѣку по имени сына словенова Волхва—Волховъ. Потомъ они переименовали другія мѣстности по именамъ членовъ семейства своихъ предводителей: рѣку, впадающую въ озеро Ильмень, назвали Шелонью—по имени жены словеновой, Шелони; именемъ меньшого сына словенова, Волховца, назвали оборотный протокъ, текущій изъ великой рѣки Волхова и обратно впадающій въ нее; сынъ Волховца, Жилотуръ, утонулъ въ другомъ такомъ же протокѣ,—и въ память его оставили за протокомъ его имя. Другой братъ словеновъ, Русъ, помѣстился у солянаго колодца и основалъ городъ, названный по его имени—Руса; одной изъ рѣкъ, текущихъ въ этихъ мѣстахъ, онъ сообщилъ имя жены своей—Поруси, а другой—имя своей сестры—Полисты. О Волхвѣ разсказывается слѣдующая исторія:

«Волхвъ бѣ и бѣсоугодникъ и чародѣй лють, и бысть бѣсовскими оухипреніи мечты творя многи, преобразуяся во образѣ лютаго звѣря коркодила и залегаше въ той рѣцѣ Волхвъ путь водный, и не поклоняющихся ему, овѣхъ пожираше, овѣхъ же испротерзаше и утопляя. Народи тогда невѣгласи сущи богомъ того окаяннаго нарицаху, сыномъ грома его или Перуна нарекоша; бѣлорусскимъ же языкомъ громъ Перунъ именуется. Постави же онъ окаянный чародѣй, таковыхъ ради мечтаній и собиранія бѣсовскаго, градокъ малъ на мѣстѣ нѣкоемъ зовомомъ Перыня, идѣже кумиръ Перунъ стояше, и баснословять о семъ Волхвѣ невѣгласи, глаголють въ бога его окаянаго претворяющася, наше же христіанское истинное слово съ неложнымъ истязаніемъ о томъ много видѣ о семъ окаяннѣмъ чародѣи Волхвѣ, яко злѣ разбіенъ бысть и удушенъ отъ бѣсовъ въ рѣцѣ Волхвъ, изверженъ на

берегъ противъ волховскаго градца, иже нынѣ зовется Перыня, и со многимъ плачемъ ту отъ невѣгласовъ погребенъ бысть окаянный съ великою тризною и могилу ссыпаше надъ нимъ велми високу, якоже обычай есть поганымъ, и по трехъ убо днѣхъ окаяннаго того тризница просѣдесе земля и пожре мерзкое тѣло коркодилово и могила его просыпаса съ нимъ купно во дно адово, идѣже и донынѣ, якоже повѣдаютъ, знакъ ямы тоя не наполнится». Преемники Словена и Руса въ многихъ поколѣнїяхъ княжили надъ окрестною страной и распространили предѣлы своихъ владѣній на сѣверѣ до Ледовитаго моря, овладѣли берегами Печоры, Выми, перешли за высокія горы въ страну, гдѣ водятся соболѣ, воевали даже до египетскихъ странъ ¹⁾. Потомъ край при-ильменскій постигла моровая язва, и жители, спасаясь отъ гибели, разбѣжались: одни поселились на Бѣломъ озерѣ, другіе на Темномъ и прозвались Весь ²⁾. Тогда опустѣли Словенскъ и Руса на многія лѣта. Но потомъ, когда на славянъ напали угры-бѣлые и повоевали ихъ и разметали ихъ грады и довели Славянскую Землю до окончательнаго запустѣнія, слышали славяне про земли прадѣдовъ своихъ,

¹⁾ Сынове ихъ и внуци княжаху по колѣномъ своимъ и налѣзоша себѣ славы вѣчныя и богатства многа мечемъ своимъ и лукомъ, обладаша же и сѣверными странами и по всему морю даже до предѣлъ Ледовитаго моря и окрестъ желтоводныхъ и зеленеводныхъ водъ и по великимъ рѣкамъ Печерѣ и Выми и за непроходимыми высокими горами въ странѣ рекомой Скиръ по велицей рѣцѣ Оби до устія Бѣловодныя рѣки, еяже вода бѣла аки млеко: тамо бо звѣри рождаются рекомїи соболѣ. Хождаху же и на египетскія страны, воеваху со мною храбростію, показующе въ египетскихъ и варьварскихъ странахъ: великій страхъ тогда отъ нихъ належаше“.

²⁾ „Оставшіи же людіе изыдоша изъ градовъ въ дальныя страны, ови на Бѣлыя воды, иже нынѣ зовется Бѣлое озеро; ови же на озеро Темное и нарекошася Весь. Иные же по разнымъ и нарекошася различными наименованїями“.

что лежать онѣ въ запустѣніи, и отправились туда. Снова завоевали они берега Ильменя и поставили себѣ городъ и уже не на прежнемъ, а на новомъ мѣстѣ, выше стараго, и назвали его Великій-Новгородъ. «Градъ же поставиша отъ стараго Словенска близъ къ Волхову рѣки, яко поприще и болѣ, и нарекоша его Новградъ-Великій». Они избрали себѣ князя-старѣйшину, именемъ Гостомысла, возобновили Русу и другіе города на прежнихъ мѣстахъ, а сынъ Гостомысловъ, Словенъ, отошелъ отъ родителя своего въ Чудъ и поставилъ городъ надъ рѣкою на урочищѣ, называемомъ *Ходнице*, и назвалъ его Славенскомъ; прокняживъ въ немъ три года, онъ умеръ; сынъ его проименовалъ по имени своему этотъ городъ Изборскомъ. Этотъ новый князь славянскаго населенія въ Чудской Землѣ умеръ отъ укушенія змѣи.

Гостомыслъ достигъ глубокой старости. Онъ чувствовалъ, что приближается смерть. Мудрый мужъ былъ сѣдъ не только волосами, но и умомъ: онъ совалъ къ себѣ славянскихъ *властелей* и извѣщалъ, что скоро его не будетъ на свѣтѣ, извѣщая опасеніе, что послѣ него настанетъ мятежъ и неурядица, и совѣтовалъ избрать себѣ князей изъ Прусской Земли, съ береговъ Варяжскаго моря. Гостомыслъ скончался и честно проводили его въ могилу на Волотовомъ полѣ.

Не тотчасъ исполнили новгородцы гостомыслово завіщаніе, пока не произошло дѣйствительно междоусобіе. Земля полянъ, Кіевъ, имѣла первенство надъ другими славянскими народами въ Россіи. Племянники князя кіевскаго, Кія, Оскольдъ и Диръ, повелѣвали древлянами и кривичами, посягали и на славянъ новгородскихъ. Это произвело въ самомъ Новгородѣ раздоры, волненія и усобицы. Они заставили новгородцевъ, кривичей, Мерю, Вѣсь и Чудъ (т. е. изборскихъ славянъ, поселенныхъ въ Чудской Землѣ) призвать съ варяжскаго поморія

изъ Прусской Земли князя Рюрика съ двумя братьями его».

Въ этой сказкѣ слѣдуетъ отличать книжные вымыслы грамотѣя, писавшаго ее подѣ влияніемъ тогдашней учености, отъ народныхъ сказаній, которыми онъ воспользовался, и которые отчасти сохранились въ изустныхъ мѣстныхъ преданіяхъ. Поселенцы на берегахъ Ильменя и Волхова представляются пришельцами съ юга, но сказка не говоритъ, что страна эта прежде была пуста: напротивъ, сказаніе о томъ, что Волхвъ превращался въ змія и залегалъ пути, показываетъ, что народное воображеніе представляетъ край уже заселеннымъ, прежде чѣмъ пришли поселенцы съ юга, ибо залегать путь можно было тогда только, когда по этому пути было людское движеніе и сообщеніе. Между насельниками, которыхъ на сѣверѣ нашли пришельцы съ юга, сказаніе признаетъ славянъ. Рѣка, переименованная пришельцами въ Волховъ, прежде называлась славянскимъ именемъ Мутная. Эти славяне изображаются бѣлоруссами, т.-е. кривичами, ибо названіе Перуна сказаніе признаетъ бѣлорусскимъ. Такимъ образомъ, по смыслу этого сказанія, край при-ильменскій издревле населяли славяне отрасли бѣлоруссовъ, т.-е. кривичей, а потомъ съ юга подвинулись къ нимъ другіе единоплеменники, иная отрасль славянскаго племени ¹⁾.

¹⁾ Разсказъ о Волхвѣ по своему колориту безспорно народный. Змѣй, залегавшій путь — обыкновенный образъ древнихъ сказокъ, сродный всѣмъ народамъ. Профессоръ Буслаевъ очень остроумно и справедливо нашелъ этого Волхва славянскаго въ древней эпической пѣснѣ о Волхѣ Всеславичѣ; Всеславъ и Славенъ — созвучныя, легко замѣняемыя взаимно формы, могли въ преданіи смѣшиваться. Дѣйствительно, въ пѣснѣ о Волхѣ Всеславичѣ онъ представляется сыномъ дѣвицы Марыи Всеславьевны и лютаго змія; здѣсь является вѣрованіе, что духи въ видѣ змѣевъ прилетаютъ къ женщинамъ — вѣрованіе зашедшее въ повѣсть о Петрѣ и Февроніи и сохранившееся до сихъ поръ между народными суевѣріями объ огненныхъ змѣяхъ. Это вѣ-

Обращаясь къ нарѣчію новгородскаго края, можно удостовѣриться, что сказка въ основѣ своей не лишена исторической дѣйствительности. Несмотря на этнографическія потрясенія, испытанныя новгородскимъ краемъ, все еще можно видѣть и теперь, что здѣсь существовало нарѣчіе славянскаго корня южнаго происхожденія, приближающееся къ южно-русскому и отчасти къ словацкому, но имѣющее много своихъ самобытныхъ признаковъ, и во всякомъ случаѣ дававшее народу, употреблявшему его, колоритъ, не сходный съ бѣлорусскимъ и восточно-русскимъ населеніями. Возстановить это нарѣчіе по современнымъ

рованіе соединено съ понятіемъ о полубогахъ, исполинахъ, рожденныхъ отъ земныхъ матерей и отцовъ нечеловѣческаго происхожденія. Такимъ образомъ пѣсня о Волхѣ Всеславичѣ пополняетъ промежутокъ въ сказкѣ: этотъ Волховъ или Волхъ принадлежитъ къ области исполиновъ, о которыхъ сохранилось у насъ преданіе, какъ о существахъ необыкновенныхъ, хотя и въ человѣческомъ образѣ, составлявшихъ переходъ отъ боговъ къ человѣку; преданія эти связывались съ исторіею мѣстности: на это указываетъ и мѣстность Волотова. Имя это происходитъ отъ Волоть, исполнить, великанъ. Что Волхъ Всеславичъ и сказочный Волхъ одно и то же лицо, показываютъ и обстоятельства жизни лица и характеръ его: Волхъ Всеславичъ въ пѣснѣ, какъ сказочный Волхъ, мечты творить, и между прочимъ Волхъ сказочный превращается въ змія, а Волхъ пѣсенный обертывается соколомъ, волкомъ, туромъ—золотые рога; въ пѣснѣ онъ сынъ змія, въ сказкѣ превращается въ змія, въ сказкѣ онъ наученъ отъ бѣсовъ всякимъ хитростямъ, въ пѣснѣ онъ также научается такой мудрости превращеній. Въ сказкѣ онъ залегаетъ пути къ рѣкѣ „и не поклоняющихся ему овѣхъ пожираше, овѣхъ же испротерзаше и оутопляетъ“. Въ пѣснѣ онъ побѣждаетъ индѣйское царство. Какъ мнѣ кажется, соответствующаго этой побѣдѣ надъ индѣйскимъ царствомъ надобно искать въ сказкѣ именно въ томъ, что тамъ рассказывается не о немъ самомъ, а о его преемникахъ—именно, что они ходили къ морю и покорили отдаленныя страны: Печору, Вымь, Обь. Самая странная путаница въ географіи (египетскія и елиньскія страны), показываетъ сходство съ такою же путаницею въ пѣснѣ объ индѣйскомъ царствѣ.

отѣнкамъ и по древнимъ остаткамъ изъ древнихъ актовъ и лѣтописей невозможно, во-первыхъ, потому, что въ послѣдніе четыре вѣка потомки древнихъ новгородцевъ сильно смѣшались съ наплывомъ восточно-русского племени; во-вторыхъ, что вліяніе такъ называемой цивилизаціи, распространяющее въ сельскомъ народѣ городскую рѣчь и городскую манеру выраженія, парализовало правильность формъ древняго нарѣчія. Тѣмъ не менѣе въ разныхъ деревняхъ новгородскаго края, между прочимъ, особенно въ Паозерѣ (на правомъ побережьи Ильмена), въ ладожскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олоонецкой и отчасти архангельской губерній можно еще уловить слѣды прежняго нарѣчія, которымъ говорили новгородцы. Это—произношеніе *ъ* какъ *и*, подобно южноруссамъ, неизмѣняемость *о* въ *а*, отличающая вообще сѣверный говоръ отъ московскаго и кривичскаго, отсѣченія: послѣднихъ гласныхъ въ прилагательныхъ и причастіяхъ, окончанія *тъ* въ правильномъ наклоненіи глаголовъ не только въ единственномъ числѣ, но и въ множественномъ, измѣненія *е* въ *о* въ нѣкоторыхъ словахъ сходно съ южнорусскимъ (напр. *чоловикъ*, *жона*, *четыри*) измѣненіе *е* въ *у* въ нѣкоторыхъ односложныхъ и двухсложныхъ, напр. *суль* вм. *соль*, *горузно* вм. *грозно* (форма почти вышедшая изъ употребленія въ большей части словъ). Своеобразное сходство винительнаго съ именительнымъ и во множественномъ числѣ творительнаго съ дательнымъ, замѣна звука *л* звукомъ *е* въ прошедшихъ глаголахъ (*ходилъ* вм. *ходилъ*—форма также угасающая и не повсемѣстная); замѣненіе однихъ слоговъ другими въ нѣкоторыхъ многосложныхъ словахъ (напр. *намастирь* вм. *монастырь*); *що* вм. *что*, *якъ* вм. *какъ*; измѣненія многихъ удареній своеобразнымъ способомъ; *ч* вм. *и* и *и* вм. *ч* (форма также не повсемѣстная) и множество словъ, не употребляемыхъ въ великорусскомъ нарѣчіи, часто такихъ, которыя встрѣ-

чаются въ южнорусскомъ, а часто исключительно мѣстныхъ.

По цѣлой Новгородской волости была не одна только пришедшая съ юга народность ильменскихъ славянъ, — постоянно оставался съ нею вмѣстѣ кривскій элементъ. Это ощутительно и теперь, ибо на берегахъ Шелони видны признаки бѣлорусскаго нарѣчія. Псковъ со своею областью представляетъ уже основу кривскую или бѣлорусскую, съ примѣсью новгородскаго элемента. Нарѣчіе древней Псковской области сохранило слѣды общіе, свойственные бѣлорусскому нарѣчію. Это дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ извѣстіе, указываемое преданіемъ, что въ земляхъ Новгорода и Пскова, до поселенія въ нихъ пришельцевъ съ юга, уже находились славяне поколѣнія кривичей, и давали мѣстностямъ прозвища своимъ языкомъ, называемымъ въ повѣсти—бѣлорусскимъ.

Такимъ образомъ я осмѣливаюсь находить въ сказкѣ тотъ историческій элементъ, что въ землю, гдѣ впоследствии образовалась земля Великаго Новгорода и Пскова среди аборигеновъ—Чуди, проникли первоначально кривичи, потомъ съ юга, вслѣдствіе народныхъ потрясеній, двинулась воинственная колонія другой вѣтви славянъ, близкой, а всего вѣроятнѣе единой съ тою, изъ которой образовался нынѣшній южнорусскій и малороссійскій народъ. Эта колонія стала въ новомъ своемъ отечествѣ господствующею, такъ что бѣлорусскіе поселенцы или смѣшивались съ нею, или выступали прочь. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же началось и подчиненіе Чуди, а на раннее отношеніе къ ней указываетъ самое слово Волхвъ, которое есть чудское *võlho* и отсюда занесено во всю Россію съ сѣвера чрезъ посредство ильменскихъ славянъ. Оставленіе за ильменскими поселенцами имени славянъ, въ отличіе отъ кривичей, указываетъ, что сѣверные народы славянскаго племени называли вообще такимъ именемъ живущихъ на

югѣ своихъ соплеменниковъ, а потому за припѣльцами оставили это генетическое имя.

Что касается до прозвищъ мѣстностей именами живыхъ лицъ, то этому факту по его основѣ нельзя отказывать въ народности. Мы встрѣчаемъ и въ Киевской Руси подобное: тамъ по именамъ братьевъ Кія, Щека и Хорева названы урочища, а именемъ сестры ихъ—рѣка Лыбедь. О рѣкѣ Дунаѣ сохранился мифъ, что въ эту рѣку превратился человѣкъ. Названія мѣстностей по именамъ лицъ особенно свойственны народному славянскому эпосу, какъ и другимъ народамъ. Но очевидно, не всѣ извѣстія, находящіеся въ сказкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ сказка до насъ дошла, взяты съ народнаго голоса; нѣкоторые отзываются явными натяжками и неловкимъ составленіемъ. Напр. Порусія или Малый Волховецъ: такіа имена народъ едва ли создастъ, ибо слово Порусія указываетъ непосредственно на мѣстность; также и эпитетъ Малый очевидно принадлежитъ уже понятію о рѣкѣ, безотносительно къ какому бы то ни было мифу. Что касается до проименованія Волхова отъ имени Волхва, то это несомнѣнно взято изъ древняго народнаго преданія. Преданія объ этомъ Волхвѣ, о его чародѣйствахъ, о залеганіи пути по рѣкѣ, о его смерти и о наименованіи рѣки его именемъ, до сихъ поръ живутъ въ народной памяти. Народъ знаетъ, что рѣка Волховъ называлась прежде Мутною, а Ильмень-озеро—Мойско-озеро. Названіе протока Жилотугъ, хотя, сколько извѣстно, не оставило до настоящаго времени какого-нибудь преданія, но оно вѣроятно также соединилось съ угасшимъ мифомъ; потому что это названіе, очевидно, по своему значенію, человѣческое и только съ человѣческаго имени могло быть перенесено на мѣстность. Остальныя всѣ несомнѣнно выдуманы книжникомъ, который дополнилъ ими короткую народную номенклатуру преданій, вѣроятно уже и тогда потерявшихъ свою опредѣлительность.

Извѣстіе о моровой язвѣ, отъ которой люди бѣжали и населили Бѣлоозеро и Весь, имѣетъ историческое основаніе. Вѣроятно, въ памяти народа оставалось какое-то темное воспоминаніе о страшномъ бѣдствіи, заставившемъ поселенцевъ подвинуться на востокъ. Это преданіе нѣсколько поясняетъ намъ и то, какимъ образомъ въ послѣдствіи Весь была участницею въ призваніи варяговъ; ибо этотъ фактъ кажется возможенъ тогда только, когда въ этой странѣ утвердилось уже славянское народонаселеніе. Сказка говорить, что послѣ этой свирѣпой моровой язвы край надолго опустѣлъ, города обезлюдѣли, и потомъ снова уже совершился второй приливъ славянскаго народонаселенія, которое пришло туда по сознанію, что это была нѣкогда земля предковъ. Далѣе у книжника все перепутано. Уже по второмъ заселеніи края, пришли на поселенцевъ угры-бѣлые и повоевали ихъ до конца, и послѣ того сдѣлалось еще третье переселеніе. Авторъ отнесъ сказаніе объ уграхъ-бѣлыхъ къ сѣверу, тогда какъ оно относится положительно къ югу. Въ этотъ разъ, по сказанію, пришли уже не одни славяне, но привели съ собою и болгаръ и другихъ инородцевъ, и населили землю, и поставили городъ, но уже не на мѣстѣ прежняго Словенска, а ниже, на Волховѣ, и назвали его Новымъ-Городомъ. Отбрасывая форму выраженія у автора, украсившаго народное преданіе книжною мудростью, останется то, что въ Новгородѣ пребывало воспоминаніе о бѣдствіи, изгнавшемъ нѣкогда народонаселеніе изъ края (голодъ и язва—одно изъ явленийъ обычныхъ и въ послѣдствіи), и потомъ о приливѣ въ этотъ край народонаселенія вновь и объ основаніи новаго города вмѣсто прежняго. Безъ сомнѣнія, либо край былъ опустошенъ не до такой степени, чтобъ въ немъ не оставалось никакихъ слѣдовъ прежняго населенія,—либо же опустѣніе его было недолговременно, когда новое заселеніе произошло по свѣжимъ преданіямъ о прежнемъ жителствѣ.

II.

ПРИЗВАНІЕ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Изъ лѣтописи, за которою усвоено названіе Несторовой, мы видимъ, что въ глубокой древности существовало преданіе, что новгородскіе славяне и жители прилежащихъ къ нимъ странъ, покорены были варягами и обложены данью, но скоро покоренные народы соединились и изгнали поработителей за море. Вслѣдъ затѣмъ между ними произошли несогласія и они, не въ силахъ будучи сами между собою уладиться, призвали къ себѣ для управленія князей, отъ другихъ варяговъ ¹⁾. Это событіе, чрезвычайно важное для нашей исторіи, означено въ лѣтописи неясно и по своей короткости представляетъ множество недоразумѣній и поводовъ ко всевозможнѣйшимъ догадкамъ, доставляющимъ широкое поле воображенію, ко-

¹⁾ „Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ собѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судитъ по праву. Идоша за море къ Варягамъ къ Руси—сиче бо ся зваху тѣи Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свое, друзи же Урмяне, Аѣглыне, друзи Гѣте, тако и си. Рѣша Руси Чудь, Словени и Кривичи и Вся: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами“. И пѣбрашася 3 брата съ роды своими, поаша по собѣ всю Русь и придоша: старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣ-озерѣ, а третій Изборстъ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская Земля Ноугородци; ти суть людѣ ноугородци отъ рода варяжска, преже бо бѣша словѣни. По дву желѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло-озеро. И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи, а первіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣ-озерѣ Веси, въ Муромѣ Муромы, и тѣми всѣми обладале Рюрикъ.“

торое тѣмъ необузданнѣе можетъ увлекаться, чѣмъ менѣе доступенъ знанію быть такого отдаленнаго отъ насъ времени. Для насъ здѣсь важны три вопроса: кто призвалъ князей, кто были призванные и для чего они призваны?

Народы, обложенные отъ варяговъ данью, изгнавшіе ихъ и призвавшіе потомъ другихъ варяговъ, были новгородскіе славяне, кривичи, Меря и Чудь. Уже потому, что они вмѣстѣ дѣлали одно общее дѣло, видно, что между ними существовала тогда связь. Связь эта должна была исходить: во-первыхъ, изъ племенного родства и древней колонизаціи славянъ на финскомъ сѣверѣ, и во-вторыхъ, изъ временныхъ обстоятельствъ, побудившихъ эти народы къ взаимной дѣятельности.

Многое заставляетъ подозрѣвать, что въ IX-мъ вѣкѣ и Веси и Меря, народы финскаго происхожденія, участвовали вмѣстѣ съ славянами-новгородцами и кривичами въ призваніи русскихъ князей только по имени; въ самомъ же дѣлѣ, на нихъ уже тогда легла власть славянъ. Несомнѣнно то, что въ ихъ земляхъ жили славяне: это показываютъ названія городовъ, которые были главами этихъ земель: Бѣлоозеро и Ростовъ—названія славянскія; конечно, еслибъ тамъ не было славянъ, этихъ названій не существовало бы. Да и построены они были славянами: въ тѣ времена городъ продолжалъ называться такимъ именемъ, какимъ прозванъ былъ сначала, даже и тогда, когда переходилъ во власть иного народа. Если же въ земляхъ Веси и Мери города носили славянскія названія, были построены славянами, и во времена призванія князей ими населены, то ужъ, безъ сомнѣнія, эти славяне были господствующимъ народомъ надъ финскими народами, точно также, какъ славяне играютъ ту же роль въ продолженіи вѣковъ до нашего времени, живучи вообще между племенемъ чудскимъ; и эти-то славяне собственно призвали князей, да и къ самому призванію, между другими пово-

дами, вѣроятно побуждала ихъ необходимость удержанія въ повиновеніи подвластныхъ инородцевъ. Доказательствомъ ранняго распространенія славянскаго племени въ этихъ странахъ служить скорое образованіе тамъ отдѣльныхъ княжествъ,—явное присутствіе многочисленнаго славянскаго народонаселенія, равно и то, что въ ростовско-суздальскомъ краѣ туземная народность исчезла рано. Образованіе русскаго княжества было бы невозможно въ странѣ, обитаемой исключительно чудскимъ или какимъ бы то ни было чуждымъ народонаселеніемъ, безъ достаточной славянской колонизаціи, которая бы составляла силу, господствующую до такой степени, что край потерялъ бы уже свой первообразный этнографическій характеръ; и дѣйствительно, тамъ, гдѣ славянская колонизація была незначительна, удалена отъ сплошной славянской народности, тамъ не могли утвердиться княжества и земли не получали значенія самобытности въ русской удѣльной федераціи,—такъ, отдаленная Тмутаракань скоро выбыла изъ области русскихъ земель; новгородско-чудскія области постоянно находились подъ властью Новгорода и, слѣдовательно, подъ господствомъ славянскаго элемента,—однако княжества и земельной автономіи тамъ не образовалось, между тѣмъ какъ Псковъ, съ его сплошнымъ славянскимъ населеніемъ, составлявшій прежде съ своей областью часть Новгородской страны, скоро показалъ начала самобытности. Чудскіе народы, какъ скоро между ними не было достаточно славянскаго элемента, управлялись сами собою и держались въ повиновеніи славянамъ страхомъ пришествія вооруженной силы и образовавшеюся впоследствии времени привычкою платить дань. Весь, Меря и сопредѣльная послѣдней Муромъ, появившись на первой страницѣ нашихъ лѣтописей, почти не показываютъ потомъ самобытнаго существованія. Еслибъ эти народцы не были издревле слишкомъ подавлены русско-славянскимъ населеніемъ, то

гдѣ-нибудь и какъ-нибудь проявили бы противодѣйствіе, и, конечно лѣтописцы хотя бы вкратцѣ намекнули объ этомъ. Какъ въ землѣ Веси (Бѣлозерской), такъ и Мери (Ростовской) вѣроятно, славянскіе колонисты были новгородской отрасли; что касается до первой, то нарѣчіе, господствующее тамъ въ народѣ до сихъ поръ, сохраняетъ яркія особенности новгородскаго, даже въ болѣе своеобразномъ видѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь; между тѣмъ этотъ край въ послѣдующія времена не принадлежалъ къ Землѣ Великаго Новгорода.

То же дѣлалось и съ Чудью. Чудью назывались финскіе народы, жившіе около Чудскаго озера, и далѣе въ Ливоніи. Подъ Чудью, участвующей въ призваніи князей, разумѣется часть этой страны, прилегавшая къ Чудскому озеру и къ Пскову, и уже подвластная славянамъ; Изборскъ былъ ея главнымъ городомъ, какъ надъ Весью — Бѣлозеро, надъ Мерею—Ростовъ. Если бы Чудь эта была та, которая жила позападнѣе, въ Ливоніи, то прибывшіе князья утвердили бы тамъ свою власть; напротивъ, мы видимъ, что славянскій элементъ, господствуя въ Псковской и Полоцкой Земляхъ, подвигался въ послѣдствіи уже въ Чудскую Землю на западъ, какъ въ страну, еще имъ не знятую, и мало-по-малу захватывалъ тамъ перевѣсъ, пока не столкнулся съ нѣмецкими пришельцами. Не слѣдуетъ соблазняться тѣмъ, что лѣтописецъ называетъ чудскія племена, когда говоритъ о призваніи союзниками варяжскихъ князей. Извѣстно, что географическія названія переживаютъ не только независимость народовъ, которые сообщили эти имена своей родинѣ, но даже самое существованіе тѣхъ народовъ. Весь, Меря и находившаяся подъ господствомъ Изборска Чудь, были покорны славянамъ, слѣдовательно, составляли съ ними въ географическомъ отношеніи — цѣлое. И въ наше время Сибирь—слово не русское, а если бы пришлось сказать: «Сибирь этого хочетъ»,

то разумѣлось бы при этомъ выраженіи русское населеніе, а не туземные народы, уступившіе первенство въ своей землѣ пришлому славянскому элементу: то же можно бы сказать объ Астрахани или о Крымѣ, — названія татарскія, и татары живутъ въ краяхъ, которые носятъ эти названія до сихъ поръ, а самобытности татары не имѣютъ, и древнее географическое имя ихъ земли сдѣлалось достояніемъ другого народа, одержавшаго верхъ и господство. Призывавшіе Варяговъ-Русь народы были всѣ наголы славяне; этимъ отстраняются неразрѣшимые вопросы: какъ могли появляться въ союзѣ разноразличные племена, тогда какъ въ послѣдствіи мы не видимъ отношеній равноправности между ними; напротивъ, одно постоянно играетъ роль господствующаго, а другое находится или въ зависимости, или въ безуспѣшномъ сопротивленіи.

Связь съ Новгородомъ славянскихъ племенъ, поселившихся между Весью, Мерею и Чудью, была, напротивъ, тѣмъ естественнѣе и тѣмъ необходимѣе, что каждая изъ славянскихъ колоній должна была держаться противъ чудскихъ племенъ, живучи въ иноплеменномъ краю.

Чуждое завоеваніе должно было укрѣпить эту связь; одни и тѣ же побѣдители поработили всѣ народы, противъ однихъ и тѣхъ же нужно было бороться. По совершеніи дѣла освобожденія, сознаніе необходимости дѣйствовать вмѣстѣ не могло ослабѣть уже и потому, что освобожденные народы не были внѣ опасности; скандинавы-варяги уже давно дѣлали набѣги на сѣверъ русскаго материка; подчиненіе ими народовъ въ половинѣ IX-го вѣка было однимъ изъ многихъ подобныхъ фактовъ, только вѣроятно однимъ изъ рѣзкихъ и чувствительныхъ, когда онъ могъ вызвать сильное противодѣйствіе со стороны покоренныхъ народовъ. Варяги-побѣдители могли снова нагрянуть и только усиленной и дружною защитою народовъ можно было удержатъ отъ нихъ на будущее время неза-

висимость, какъ возможно было ее прибрѣсть. Но коль скоро взаимность родственныхъ народовъ, до сихъ поръ выразившаяся совмѣстною защитой отъ чужихъ, довелась до формы постояннаго политическаго союза, тутъ возникли сложные вопросы, которые не могли порѣшиться разомъ, на которые могла дать отвѣтъ только въ теченіе долгаго времени историческая разработка общественной жизни. За этими вопросами неизбѣжно послѣдовали недоразумѣнія и столкновенія, междоусобія и смуты. Ничего не могло быть естественнѣе. У народовъ съ простыми первобытными приѣмами общественной жизни, взаимныя связи, прежде чѣмъ примутъ опредѣленные и прочныя формы, вызываютъ индивидуальныя и мѣстныя страсти, внутреннее противодѣйствіе связи, и въ этой борьбѣ необходимо бываетъ прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ, чтобъ удержать связь, которой важность чувствуется для существованія каждой изъ частей въ особенности. Такъ, славяне русскаго материка, нуждаясь въ поддержаніи своего союза, обратились къ внѣшней силѣ и призвали княжескій родъ изъ Варяговъ-Руси.

Кромѣ славянскихъ колонистовъ въ земляхъ Веси, Мери и Чуди, съ новгородцами участвовали въ призваніи князей—кривичи. Какіе именно кривичи вошли въ союзъ, призывавшій варяго-русовъ, съ точностью опредѣлить трудно; лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ тотчасъ же посадилъ своихъ мужей въ Полтескѣ: слѣдовательно въ этотъ союзъ входили полочане, жители береговъ Двины и Полоти, которыхъ главнымъ городомъ, центромъ окольныхъ селъ и деревень, былъ Полоцкъ. Лѣтописецъ, исчисляя народы, призвавшіе князей, не помѣщаетъ полочанъ, но вѣроятно, они у него разумѣются подъ именемъ кривичей; потому что хотя полочане были вѣтвь пришлыхъ славянъ, отличная отъ кривичей, которыхъ лѣтопись не помѣщаетъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная поселенцевъ, но посе-

лившись между кривичами, полочане смѣшались съ ними и потерялись въ массѣ превосходявшаго ихъ числомъ родственнаго племени, а потому здѣсь уже скрываются подъ общимъ географическимъ названіемъ той земли, гдѣ жили. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ, рассказывая о пришествіи варяговъ, говоритъ, что въ Полотскѣ жили кривичи. Но очень можетъ быть, что участвовали въ союзѣ и другія вѣтви обширнаго славянскаго племени, извѣстнаго подъ именемъ кривичей. Очень можетъ быть, что и смольнянѣ также должно считать съ полочанами въ числѣ этихъ кривичей, вступившими въ союзъ, потому что смольняне впоследствии какъ-то слишкомъ скоро и легко покорились Олегу. Наконецъ, лѣтопись хотя не говоритъ прямо, описывая фактъ призванія, но впоследствии даетъ поводъ думать, что кіевскіе славяне—поляне также здѣсь участвовали. Это видно изъ того, что когда Олегъ явился съ малолѣтнимъ Игоремъ и убилъ Аскольда и Дира, то сдѣлавъ это не какъ завоеватель, а какъ возстановитель нарушеннаго права. Онъ обличалъ Аскольда и Дира тѣмъ, что они не князья и не княжескаго рода и указалъ на Игоря, назвавъ его настоящимъ княземъ. Кіевляне покорились ему добровольно, безъ сопротивленія. Очевидно, смыслъ этого событія тотъ, что кіевляне приняли Аскольда и Дира не за тѣхъ, чѣмъ они были, а за князей и не противились ихъ казни, когда узнали, что они не князья. Слѣдовательно, они еще прежде имѣли понятіе о томъ, что имъ надобно повиноваться князьямъ, которые должны придти къ нимъ съ сѣвера; но это могло быть тогда только, когда кіевляне сами прежде изъявляли желаніе управляться варяжскими князьями и участвовали въ призывѣ ихъ вмѣстѣ съ новгородцами, кривичами и другими союзниками.

Теперь взглянемъ, кѣмъ могли быть призванные князья. Лѣтопись говоритъ о варягахъ.

Варяги есть составленное по-славянски скандинавское слово *Vaeringiar*; а у скандинавовъ это слово есть переводъ греческаго слова *φοιδερατοι*, что значитъ союзники, или точнѣе, по смыслу, присяжные воины; этимъ именемъ назывались составленные изъ иноземцевъ наемныя дружины, служившія у римскимъ, потомъ у византійскихъ императоровъ. Съ IX-го вѣка начали въ Византійской Имперіи появляться въ рядахъ этихъ служилыхъ иноземцевъ скандинавы или норманны, и перевели на свой языкъ греческое слово *φοιδερατοι* словомъ *Vaeringiar*. Оно въ скандинавскихъ былинахъ (сагахъ) появляется подъ 1040 годомъ, по поводу разсказа о пребываніи въ Греціи норвежскаго принца Гаральда Гардраде. Эти варяги проходили изъ своего отечества черезъ Россію водянымъ путемъ, по Днѣпру и Двинѣ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ наши лѣтописи ¹⁾.

Русскіе, ознакомившись съ жителями прибалтійскаго побережья, въ лицѣ проходившихъ черезъ свои земли варяговъ, стали обращать это имя вообще на страны, откуда являлись къ нимъ эти проходимцы. Подъ варягами разу-

¹⁾ „Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, внити въ Ильмеръ озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечетъ въ озеро великое Невѣ, того озера выидеть устье въ море варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царюгорода прити въ Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса и потечеть на полѣдне, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идеть на полунощѣ и выидеть въ море варяжское, изъ того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и втечетъ семьюдесять жерель въ море Хвалиськое. Тѣмже изъ Руси можетъ ити въ Болгары и Хвалисы, на вѣстокъ дойти въ жребій Симвъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ въ Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же, училъ святыи Оньдрѣй, братъ Петровъ“. (Полн. Соб. Рус. Лѣт. I. 3).

мѣли не одинъ какой-нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при морѣ, которое у русскихъ получило названіе Варяжскаго отъ служилыхъ иноземцевъ, проходившихъ чрезъ земли русскихъ славянъ. Такъ какъ Балтійское море было главнѣйшимъ путемъ сообщенія съ западной Европой, Новгорода и прилежащихъ къ нему сѣверо-русскихъ странъ, то скоро значеніе *варяжскаго* стало еще обширнѣе: римско-католическая вѣра называлась «варяжскою», католическая церковь носила названіе «варяжской божницы», и римско-католическаго священника звали «варяжскій попъ» ¹⁾. Широкое значеніе слова «варягъ» въ нашей лѣтописи, относится къ древнимъ временамъ сообразно съ тѣмъ значеніемъ, какое это слово имѣло въ эпоху составленія лѣтописи. Когда лѣтописецъ, рассказывая о событіяхъ IX-го вѣка, упоминаетъ о варягахъ, то значитъ, что онъ употребляетъ то названіе, какое существовало въ то время, когда онъ жилъ самъ, а не то, которое было въ тѣ времена, когда описываемыя имъ событія совершались. Въ договорахъ Олега и Игоря, заключенныхъ прежде и дошедшихъ къ лѣтописцу цѣликомъ, нѣтъ слова «варяги», да и быть его не могло, потому что люди, составлявшіе этотъ договоръ, не были варягами (*Vaeringiar*). Впослѣдствіи поморье варяжское не ограничивалось одними жилищами скандинавовъ; такъ и въ Волынской Лѣтописи къ поморью варяжскому причисляются страны славянскія, напримѣръ: «она бо бѣ рода князей сербскихъ, съ Кашубъ, отъ поморія варяжскаго» ²⁾. Читая рассказъ писателя конца XI-го и начала XII вѣка о варягахъ, не слѣдуетъ думать, чтобы народы, о которыхъ идетъ рѣчь въ IX вѣкѣ, дѣйствительно назывались варягами, а слово «варягъ» лучше переводить намъ для себя

¹⁾ Новгор. лѣт. I. 35.—Отвѣты Изяславу преподобнаго Феодосія.

²⁾ Полн. Соб. Рус. Лѣт. II, 227.

выраженіемъ: обитатели береговъ Варяжскаго моря т. е. прибалтійцы.

Слово «варягъ» въ XI, XII и XIII вѣкахъ, значило въ нѣкоторомъ смыслѣ то же, что теперь слово «нѣмецъ» у простолудиновъ, означающее вообще западнаго европейца, или «черкесъ» въ смыслѣ жителя кавказскихъ горъ, хотя подъ этими именами могутъ скрываться разноплеменные народы. Варяговъ, по извѣстіямъ лѣтописцевъ, было много родовъ: одни назывались Русь, другіе Свое, третьи Урмяне, четвертые Гѣте. Можетъ быть въ головѣ лѣтописца ихъ было и больше, да онъ не счелъ нужнымъ здѣсь всѣхъ пересчитывать, потому что привелъ ихъ единственно для того, чтобъ отличить отъ другихъ варяговъ тѣхъ изъ нихъ, которые назывались Русь, чтобы читающій зналъ, что Русь не Свое, не Урмяне, не Англяне, не Готы и не что другое еще, а Русь. Варяги, изгнанные изъ русскаго материка и Варяги-Русь были не одни и тѣ же: на это прямо указываетъ лѣтопись, приписываемая Нестору, словомъ Русь, которое она придаетъ единственно варягамъ, призваннымъ въ отличіе отъ другихъ, и словомъ *друзи*, которымъ она отличаетъ отъ Варяговъ-Руси—группу другихъ варяговъ, т. е. прибалтійскихъ народовъ. Варягъ—слово географическое, но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ оно приняло этнографическое значеніе; такъ какъ большинство жителей прибалтійскаго края принадлежитъ къ скандинавскому племени, то слово варяги, безъ обозначенія, какіе именно варяги, нерѣдко принималось въ смыслѣ однихъ скандинавскихъ народовъ, и потому лѣтописецъ, упоминая о Варягахъ-Руси, указываетъ тотчасъ же на отличіе отъ другихъ, имѣющихъ съ ними одно географическое названіе. Это ощутительно высказывается еще въ извѣстіи о томъ, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ: тогда у Олега были въ войскѣ варяги, но они наравнѣ съ другими народами прозвались Русью («бѣша у него Варязи

и Словени и прочи прозвашася Русью»). Слѣдовательно, въ войскѣ Олега лѣтописецъ разумѣетъ такихъ варяговъ, которые прежде не назывались Русью.

Варяги, изгнанные народами Сѣверной Руси, были скандинавы, и именно шведы. И прежде, какъ это видно изъ ихъ преданій, они дѣлали набѣги на русскій материкъ и овладѣвали Голымгардомъ, называя такимъ образомъ Новгородъ и впоследствии, по случаю отношеній ихъ къ Новгороду, то дружественныхъ, то непріязненныхъ. Есть въ скандинавскихъ сагахъ извѣстіе объ оставленіи шведами сѣверо-западной Россіи, которое подходитъ именно къ половинѣ IX-го вѣка, къ тому времени, когда, по нашей лѣтописи, совершилось изгнаніе варяговъ за море. Это мѣсто въ сагѣ Олафа святаго. Въ концѣ X-го или въ началѣ XI-го вѣка старецъ Торгній рассказываетъ, что дѣдъ его вспоминалъ о королѣ Эрикѣ, сынѣ Эдмунда, который, будучи уже во цвѣтѣ лѣтъ, собравши большія силы, овладѣлъ Финляндією, Карелією, Эстонією, Курляндією и другими многими странами, на востокъ лежащими, и оставилъ по себѣ память въ высокихъ насыпяхъ и другихъ памятникахъ ¹⁾.

¹⁾ „Thorgnius locutus est: Aliud est nunc regum Svioniae ingenium, atque olim fuit. Thorgnius, avus meus paternus, recordatus est memoriam Eiriki Edmundi filii, regis Upsaliensis, et hoc de eo retulit, solitum fuisse, dum in viridissimo esset flore aetatis, evocatis quavis aestate copiis expeditionem in varias terras facere, et Finniam, Kirialos, Estoniam, Curlandiam multasque partes orientis subegisse, et etiamnum cernere licet terrenas illas arces aliaque amplissima monumenta, quae facienda curavit“.

Въ другомъ изданіи (Снорро Стурлезона):

„...Subjecisse Finlandiam, Kyrialam (Kareliam), Esthoniā atque Curlandiam nec non plures latae ad orientem regiones, ubi etiamnum cernere licet ungestas ex cespite aggeres aliaque fortiter ibi et praeclarare ab eo gestarum rerum monumenta“... (См. Antiquités Russes, I 316. Extrait de la Heimskingla. Изд. Снорро Стурлезона: Saga a Olafi Hinom Helga, 104).

Около того же времени рассказывается въ житіи св. Ансхарія, писанномъ Ринбертомъ, жившимъ въ половинѣ IX-го вѣка, что скандинавы потеряли власть свою надъ Корами (сигонес, Корсь нашихъ лѣтописцевъ), народомъ литовскаго племени ¹⁾. Этотъ писатель указываетъ, что изгнаніе скандинавовъ совершилось взаимнымъ усиленіемъ нѣсколькихъ народовъ, соединившихся для изгнанія чужеземцевъ ²⁾. Свидѣтельство Ринберта также совпадаетъ съ извѣстіемъ нашей лѣтописи объ изгнаніи варяговъ и дополняетъ послѣднее тѣмъ, что сообщаетъ о взаимнодѣйствіи народовъ литовскаго племени въ общемъ дѣлѣ освобожденія сѣверо-западной Россіи.

Варяговъ, призванныхъ послѣ изгнанія для управленія, лѣтописецъ отличаетъ народнымъ прозваніемъ *Русь*, а потому ихъ нужно искать въ томъ народѣ, который носилъ названіе Русь. Мы находимъ дѣйствительно это названіе на берегу Балтійскаго (Варяжскаго) моря, при устьѣ Нѣмана, которое и до сихъ поръ сохранило названіе Русь, а правый берегъ его называется на мѣстѣ рускимъ. Какъ далеко въ глубокой древности простиралось это названіе въ географическомъ объемѣ, невозможно опредѣлить; но есть свидѣтельства, указывающія на существованіе названія Руси въ смыслѣ страны на побережьѣ Нѣмана. Такъ въ XIV-мъ вѣкѣ историкъ Тевтонскаго Ордена, Петръ дюисбургскій, помѣщаетъ страну Руссію на побережьѣ Нѣмана, при его устьѣ ³⁾. У Адама бременскаго, историка

¹⁾ „Gens enim quaedam longe ab eis (отъ Норманновъ шведскихъ) posita vocata Chori Sueonum principatui olim subjecta fuerat, sed jam tunc diu erat, quod rebellando eis subjici dedignabuntur“. (Acta Sanctor. Februar., I. Vita sanct. Anschar. c. XIII).

²⁾ „Populi itaque, ibi manentes, cognito eorum adventu conglobati in unum, coepere viriliter resistere et sua defendere, dataque sibi victoria...“ etc.

³⁾ Terra Pruschiae pro terminis suis, intra quos constituta est, habet Wiselam, mare Salsum, Memelam, terram Ruschiae, ducatum Maso-

XI-го вѣка, Пруссія, называемая имъ Самбія, представляется граничащею съ страню Руссіею. Точно также у Титмара Пруссія граничитъ съ Руссіею ¹⁾. Въ жизнеописаніи св. Бруно, составленномъ его товарищемъ Вибертомъ ²⁾, описывается его страданіе и смерть, происходившія въ Пруссіи, и то же самое рассказывается въ житіи св. Ромуальда, и страна, гдѣ случилось событіе, называется Руссіею, а король этого края, Нетимеръ, замучившій св. Бруно и его сподвижниковъ, называется королемъ русскимъ ³⁾. Въ XVI-мъ вѣкѣ при-нѣманская страна называлась *Русью*, какъ это видно изъ одной приписки къ житію свят. Антонія сійскаго, гдѣ писатель называетъ себя русиномъ отъ племени варяжскаго, изъ Руси ⁴⁾, которая называется этимъ именемъ по рѣкѣ Руси. Что за нижнею частію Нѣмана названіе Русь принадлежитъ глубокой древности, указываетъ и названіе Пруссія, сокращеніе слова Порусія, т. е. страна, лежащая по рѣкѣ Русѣ. Географическое названіе землѣ этой дано славянами.

Многія имена пришельцевъ, сохранившіяся въ догово-

wiae et ducatum Bobrinensem. Memela est fluens aqua, descendens de regno Russiae circa castrum et civitatem Memelburg intrans mare ipsam Ruschiam, Lethowiam et Curoniam dividens etiam a Pruschia“ (стр. 68).

¹⁾ „Ad Pruciam pergens steriles hos agros semine divino studuit fecundare, sed spinis pululantibus horrida non potuit facile molliri. Tunc in confinio praedictae regionis et Rusciae cum praedicaret, primo. ab incolis prohibetur et plus evangelizans capitur, deinde que amore Christi, qui aecclesiae caput est, 16 kalend. Martii mitis ut agnus decollatur, etc“. (Pertz. V, 834).

²⁾ Pertz, VI. 579.

³⁾ Cumque ad regem Russorum vir venerabilis pervenisset etc. Pertz VI. 851.

⁴⁾ „Отъ племени варяжска, родомъ Русина, близъ восточныхъ страны, межъ предѣлъ словенскихъ, варяжскихъ и агорянскихъ, иже нарицается Русь, по рѣкѣ Русѣ“.

рахъ Олега и Игоря, представляютъ сходство съ собственными именами людей и мѣстностей литовскаго міра, и нѣкоторыя изъ нихъ по складу обличаютъ происхожденіе отъ литовскаго корня ¹⁾).

Немаловажнымъ подтвержденіемъ вѣроятности происхожденія призванныхъ варяговъ изъ прусско-литовскаго міра служить существованіе части Прусской улицы въ Новгородѣ и этнографическаго названія ея обитателей— пруссы. Впродолженіе многихъ вѣковъ эта часть города заселена была боярскими фамиліями, и сохраняла аристократическій характеръ, такъ что не одинъ разъ во время народныхъ усобицъ, черные люди, составлявшіе въ Новгородѣ демократическую стихію, ополчались на эту часть города съ неистовствомъ, отличающимъ подобныя боренія народныхъ партій. Между тѣмъ въ древней нашей лѣтописи указывается, что пришельцы-варяги, переселившись съ призванными князьями, сдѣлались жителями Новгорода (Ѣи соуть людѣе новгородци отъ рода варяжска).

¹⁾ Олегъ, Ольга—рѣка Олегъ, урочище Олька, имена лицъ—Ольгердъ, Ольгимунтъ; Алданъ—имя Альдона; Ятвягъ—имя литовскаго князя; Утинъ—имя литовскаго князя, Туки—имя лица Туки, названія мѣстностей: Туки, Туканы; Гуды—имя лица Гудуль, названія мѣстностей: Гуделе, Гудипки, Гудуипки, Гудайце, Гудели, Гудучипки, Гудунъ; Войковъ—имя Войко; Вернъ—имя лица Вернатъ, фамилія Бернатовичъ, мѣстности: Бернате, Бернатовъ; Кары—имена Каріатъ, Карейва, Каресва, мѣстности: Каріонъ, озеро Кайры; Веремудъ—имя Вермутъ; Сфирка—имя Свирка, названія мѣстностей: Свирка, Свирки, Каршевъ—имя Карши, названія мѣстностей: Каршево, Каршева; Рогнѣдъ—Рогнѣтъ городъ; Карнъ — фамилія Карновичъ, имена мѣстностей: Карны, Карновичи; Монны,—названія мѣстностей: Монны, Монейцы; Слуды—названіе мѣстности Слудокъ (такая же мѣстность близъ Новгорода—Слудки); Карль—названіе мѣстности Карлы; Глѣбъ—названіе нѣсколькихъ мѣстностей съ тѣмъ же именемъ въ Жмудѣ; Шихбернъ—мѣстности Шиксне, Шихле, Шиксти; Якунъ—мѣстности: Яку, Якентъ; Иггивладъ—названіе мѣстности Иггауде; Стеггистонъ — названія мѣстностей: Стегвиле, Стегенъ.

Это извѣстіе побуждаетъ насъ, въ теченіе послѣдующей исторіи Новгорода, искать слѣдовъ такихъ чужеплеменныхъ пришельцевъ и мы не находимъ ничего, кромѣ пруссъ въ этомъ родѣ, и притомъ съ аристократическимъ характеромъ, чего неизбѣжно слѣдовало ожидать, потому что тѣ, которые пришли какъ совѣтники и помощники лицъ, призванныхъ для управленія, должны были передать потомству своему сознаніе важности происхожденія. Наконецъ побуждаетъ къ признанію призванныхъ варяговъ литовскимъ племенемъ и древнее преданіе, существовавшее уже издавна и записанное во многихъ хронографахъ XVI и XVII вѣковъ, что они пришли изъ Пруссъ. Это было убѣжденіе нашихъ предковъ, и ему неоткуда было явиться иначе, какъ перейти отъ прежнихъ поколѣній. Во всякомъ случаѣ, хотя вопросъ, откуда именно пришли первые призванные князья остается неразрѣшеннымъ, но изъ всѣхъ гипотезъ, какія существовали по этому предмету, гипотеза о ихъ прусско-литовскомъ происхожденіи, имѣющая на своей сторонѣ старинное преданіе, намъ кажется вѣроятнѣе всѣхъ другихъ.

Цѣль призванія князей выражается словами, которыя лѣтописецъ заставляетъ произносить призывающихъ: «пріидите княжить и володѣть нами по праву». Союзники сознали, что не могутъ поладить и установить между собою порядокъ. Очевидно, что для водворенія лада должно было имъ представляться прежде всего средство — поручить кому-нибудь власть. Но какъ скоро получающій власть будетъ принадлежать къ одному какому-нибудь изъ союзныхъ народовъ, другіе будутъ недовольны этимъ предпочтеніемъ, и тотъ народъ, откуда будетъ правитель, возьметъ верхъ надъ другими. У нихъ, по извѣстію лѣтописи, и безъ того возставалъ родъ на родъ. Тотъ, кому дадутъ власть, будетъ возвышать свой родъ на счетъ другихъ; тѣ роды, которые были прежде во враждѣ, еще

сильнѣе начнутъ противодѣйствовать: усобицы и смуты не прекратятся отъ этого, а еще усилятся. И вотъ, сознавая необходимость союза, собрались въ Новгородѣ люди изъ союзныхъ народовъ и порѣшили для управленія и установленія порядка призвать лица изъ такого народа, который не участвовалъ въ ихъ домашнихъ распряхъ. Всѣ они сами не составляютъ одного только народа, но нѣсколько союзныхъ народовъ; сообразно съ этимъ они призываютъ не одного правителя, а трехъ братьевъ, да еще съ ихъ родомъ (родными); какъ народы союзные связаны между собой сознательно родственностію племени, такъ и князья, пришедши къ нимъ, могутъ править каждый въ одномъ изъ народовъ, но будутъ связаны между собой сознательно единствомъ рода. Славянскіе народы призывали тогда себѣ князей на основаніи такого общечеловѣческаго обычая, по которому споряція между собою стороны отдаютъ свой споръ на обсужденіе постороннимъ лицамъ, наблюдая, чтобъ эти лица совершенно были непричастны всему чтó подавало поводъ имъ самимъ ко взаимной враждѣ. Это третейскій судъ, столь обычный въ русскомъ народѣ во всѣ времена. Князья были третьи въ дѣлѣ домашнихъ неурядицъ союзныхъ народовъ, и съ этимъ значеніемъ оставались они въ послѣдующей русской исторіи; несмотря на различныя уклоненія отъ такого значенія, происходившія отъ стеченія обстоятельствъ, преимущественно внѣшнихъ, оставались они все тѣмъ же, т. е. третьими до тѣхъ поръ, пока наконецъ историческая судьба не вызвала новыхъ требованій, съ которыми уже несовмѣстимъ былъ старинный порядокъ. Призывавшіе князей народы не отдавались имъ безусловно, но приглашали ихъ «княжить и владѣти по праву». Прежняя автономія народной независимости и народного самоуправленія, выразившаяся понятіемъ о землѣ, не уничтожилась отъ этого призыва. Оно было и естественно: этихъ чужихъ правителей и су-

дей призывали свободные, призывали какъ внѣшнюю силу для опредѣленныхъ заранее цѣлей; могли призывать и не призывать ихъ, не бывъ обязаны ничѣмъ въ отношеніи ихъ; сами давали имъ то, что хотѣли дать и требовали того, что имъ было нужно отъ нихъ, а не принимали того, что тѣмъ угодно было дать. Отсюда и возникло то двоевластіе, то существованіе одна о-бокъ другой двухъ верховныхъ политическихъ силъ — земской или вѣчевой, и княжеской, чѣмъ такъ отличается древняя исторія Руси вообще и Великаго Новгорода въ особенности.

Но если призванныхъ князей съ ихъ родомъ приглашали какъ установителей порядка, то невольно рождается вопросъ: какимъ же образомъ приглашали людей изъ чужого племени, не умѣвшихъ говорить на туземномъ нарѣчій, не знавшихъ обычаевъ того края, куда они приходили? По нашему мнѣнію вопросъ этотъ, часто вовсе оставаемый въ многоразличныхъ размышленіяхъ надъ фактомъ призванія варяговъ, долженъ былъ бы обращать гораздо больше на себя вниманія. И поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на извѣстной Татищеву Іоакимовской Лѣтописи, въ которую, точно также какъ и въ наши хронографы, зашли народныя преданія, изуродованныя книжною мудростію грамотѣевъ. Тамъ разсказывается, что изгнаніемъ варяговъ руководилъ старѣйшина или князь новгородскій Гостомыслъ. Сыновья его были убиты въ сраженіи, оставались у него три замужнія дочери. Волхвы предрекли ему, что боги даруютъ его потомству наслѣдіе. Гостомыслъ былъ старъ — не повѣрилъ этому, потому что не надѣялся имѣть дѣтей, но отправилъ пословъ въ Зимеголу спросить тамошнихъ вѣщуновъ; и тѣ предрекли ему то же. Недоумѣвалъ Гостомыслъ и грустилъ. Однажды снится ему сонъ, будто изъ утробы средней дочери его Умилы, вырастаетъ огромное плодовитое дерево, сбѣняетъ великій градъ, а люди всей земли его на-

сыщаются отъ плодовъ этого дерева. Вѣщуны истолковали ему этотъ сонъ такъ: «отъ сыновъ ея (Умилы) имать наследити ему землю, и земля угодится княженіемъ его». Умила была замужемъ за русскимъ княземъ, и у нея было трое сыновей: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; этихъ-то сыновей русской матери и призвали сѣверные народы русскаго материка ¹⁾).

Въ какомъ бы переименованномъ видѣ ни дошли до насъ эти сказанія, но въ нихъ мерцаетъ историческая основа, прокатившаяся черезъ народныя преданія: очень вѣроятно, что Гостомысль отправлялъ пословъ къ вѣщунамъ въ Зимоголу, т. е. въ Литовскій край, который съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ въ понятіяхъ нашего народа представлялся мѣстомъ колдуновъ и гадателей. Очень вѣроятно, что князей призвали именно потому, что они были сыновья матери славянки, могли быть знакомы съ славянскимъ языкомъ и славянскими обычаями и вообще по крови были нечужіе славянскому міру, но въ то же время были совсѣмъ чужды туземнымъ распрямъ и недоразумѣніямъ и, слѣдовательно, имѣли качества третьейскихъ судей.

Въ дѣлѣ призванія варяжскихъ князей Новгородъ занималъ первенствующую роль. Онъ руководилъ союзомъ; въ лицѣ своего Гостомысла, онъ первый далъ голосъ о призваніи княжескаго рода; въ Новгородѣ водворяется главный князь, а въ другихъ мѣстахъ его братья и мужи. Новгородъ—центръ образующейся федеративной русской державы. Но это великое значеніе скоро исчезаетъ. Новгородъ какъ-будто ускользаетъ изъ исторіи на долгое время, потомъ является уже не съ прежнимъ первенствомъ въ Русской Землѣ. При Олегѣ онъ уже находится въ какомъ-то неясномъ состояніи данничества варягамъ, если принимать на вѣру короткое извѣстіе лѣтописца объ уста-

¹⁾ Татищ. 1. 34.

новленіи Олегомъ годичной дани варягамъ — 300 гривенъ *мира дѣля* ¹⁾). Вѣроятно, эти варяги были норманны изъ-за моря, которымъ новгородцы согласились платить за то, чтобъ они ихъ не трогали. Подобные платежи случались и впослѣдствіи: во всей новгородской исторіи обычная черта, что Новгородъ для своего спокойствія отплачивается серебромъ отъ притязаній великихъ князей и литовскихъ государей. Платежъ установленъ Олегомъ, когда онъ собирался покинуть Новгородъ навсегда. Это было какъ-будто обезпеченіе, какое могъ дать ему князь, исполняя ту обязанность, для которой князья призваны: охранять страну отъ угрожающихъ ей поработителей. Олегъ какъ будто составилъ съ норманнами компромиссъ отъ Новгорода. Норманны не должны беспокоить новгородцевъ, а послѣдніе будутъ имъ платить. Устраивая это, Олегъ какъ-бы расквитался съ Новгородомъ и потомъ уже имѣлъ право его покинуть. Въ походѣ его на югъ, въ ряду удалцовъ изъ другихъ племенъ и народовъ, участвовали новгородцы, называемые у лѣтописца своимъ мѣстнымъ именемъ Словене; тѣ, которые ушли съ Олегомъ, остались въ Кіевской Землѣ. Съ тѣхъ поръ наша лѣтопись, занимаясь почти исключительно югомъ, упускаетъ изъ вида сѣверъ. Только по отрывочнымъ чертамъ можно видѣть, что связь съ нимъ Кіева и кіевскихъ князей не прерывалась. Такъ въ 903 г. Олегъ женилъ питомца своего Игоря на Ольгѣ, дѣвицѣ родомъ изъ сѣвернаго края, изъ Пскова. Въ 947 году эта Ольга, будучи уже самоправною княгинею, ѣздила по Новгород-

¹⁾ Толкованіе Соловьева, будто *мира дѣля* значитъ ради мирского порядка (общественнаго, отъ слова миръ — община), едва ли можно принять. Слово миръ употребляется чрезвычайно часто въ лѣтописяхъ, и всегда—въ смыслѣ „*рахъ*“: *докончиша миръ, даде миръ, на миру* (въ мирное время). Нѣтъ основанія думать, чтобы въ одномъ только этомъ мѣстѣ это слово употреблено было въ особомъ значеніи, такомъ, въ какомъ не является никогда.

ской Землѣ и устанавливала погосты и дани по Мстѣ и Лугѣ. Это извѣстіе, неясное само по себѣ, показываетъ, что Новгородъ признавалъ ея власть наравнѣ съ Кіевомъ. Но въ 970 году новгородцы являютъ къ Святославу уже какъ независимые и просятъ себѣ въ князья одного изъ его сыновей, прибавляя, что если никто изъ нихъ не пойдетъ къ нимъ княжить, то они найдутъ себѣ въ другомъ мѣстѣ князя. Изъ этого видно, что Новгородъ сознавалъ и сохранялъ свою древнюю автономію и если желалъ оставаться въ союзѣ съ русскими землями, скрѣпленными единствомъ властвующаго рода, то не иначе, какъ удерживая за собою право располагать собою иначе, когда найдетъ это нужнымъ. На ихъ просьбу о князѣ, Святославъ отвѣчалъ: «Хорошо, коли кто пойдетъ къ вамъ». Такой отвѣтъ указываетъ, что въ то время княженіе въ Новгородѣ не представляло большихъ надеждъ для князя. Двое сыновей Святослава въ самомъ дѣлѣ отказались отъ такой чести. Новгородцы выбрали себѣ меньшого, Владимира, рожденнаго отъ ключницы Малуши, племянника по матери Добрыни, славнаго въ народной поэзіи богатыря героическаго вѣка. Съ этихъ поръ начинается непрерывное соединеніе Новгорода съ Кіевомъ. Владимиръ, сдѣлавшись новгородскимъ княземъ, утвердилъ въ немъ свою власть съ помощію чужеземцевъ, а потомъ подчинилъ его Кіеву. По нѣкоторымъ чертамъ, сохранившимся въ нашихъ лѣтописяхъ и скандинавскихъ сагахъ, видно, что Новгородъ въ это время не имѣлъ постоянныхъ сношеній съ норманнами. По сказанію олафовой саги, въ Новгородъ прибылъ гонимый Олафъ къ Владимиру, и мать Владимира предрекла на праздникъ, называемомъ въ сагѣ «Юлою» (равнозначительно Колядѣ), о прибытіи славнаго героя съ сѣвера. Сага не болѣе какъ преданіе отдаленнаго времени, перешедшее къ потомкамъ и записанное уже поздно; пря-

мымъ источникомъ къ разъясненію темныхъ фактовъ сага не можетъ служить; однако изъ того, что говоритъ сага, видно, что въ послѣдующихъ вѣкахъ оставалось воспоминаніе о связи Скандинавіи съ Новгородомъ въ X-мъ вѣкѣ. Между дѣтьми Святослава сдѣлалось междоусобіе. Ярополкъ кіевскій убилъ брата Олега. Какъ только Владимиръ услышалъ объ этомъ убійствѣ, тотчасъ убѣжалъ изъ Новгорода за море искать помощи у шведовъ. На новгородцевъ онъ, вѣроятно, не надѣялся; и дѣйствительно, какъ только онъ отправился за море, Ярополкъ прислалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ, и новгородцы приняли ихъ безъ сопротивленія. Новгородцы могли быть или слишкомъ слабы, или же не полюбили Владимира и добровольно признали своимъ княземъ его брата и соперника. Вѣрнѣе послѣднее, потому что Владимиръ только съ помощію чужеземцевъ побѣдилъ Ярополка. Впослѣдствіи же, когда Ярославъ добывалъ Кіева, новгородцы имѣли настолько силы, чтобъ оказанная ими помощь могла заслужить особую благодарность отъ князя. Теперь варяги, помогавшіе Владимиру, требовали себѣ воздаянія за помощь князю. Когда Кіевъ перешелъ въ руки Владимира, варяги, съ которыми онъ добывалъ отцовскую столицу, сказали: «Это нашъ городъ! Мы взяли его. Давайте намъ окупу по двѣ гривны съ человѣка!» О новгородцахъ нѣтъ и помину. Если въ Кіевѣ могли такъ отзываться норманны, то въ Новгородѣ они должны были поступать еще произвольнѣе. Вѣроятно Новгородъ, — безропотно признавшій власть Ярополка въ то время, какъ Владимиръ былъ за моремъ — былъ покоренъ послѣднимъ съ помощію варяговъ, и во все время своего княженія Владимиръ обращался съ нимъ какъ съ землею, завоеванною оружіемъ.

III.

КРЕЩЕНИЕ НОВГОРОДА. — НОВГОРОДЪ ПОДЪ ВЛАСТІЮ
КІЕВА. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ЕГО НЕЗАВИСИМОСТИ.

Русская Земля приняла св. крещеніе. Изъ Кіева христіанство разливалось по славянскимъ землямъ русскаго союза. Оно явилось и въ Новгородѣ. Въ Никоновскомъ спискѣ Сильвестровской Лѣтописи рассказывается коротко, что въ 990 году самъ Михаилъ, первый русскій митрополитъ, прибылъ въ Новгородъ съ епископами, данными ему въ числѣ шести отъ патріарха, съ Добрынею, Володимировымъ дядею, да съ Анастасомъ, грекомъ, предателемъ Корсуна. Проходя по землямъ, они сокрушали идоловъ, многихъ людей окрестили, воздвигли церкви, поставили священниковъ по городамъ и селамъ. Лѣтопись ничего не говоритъ о сопротивленіи со стороны язычниковъ. «Была—выражается она — тишина велія отвсюду» ¹⁾. Но, какъ видно, это была только первая посадка христіанства и принялась довольно плохо. Язычество было слишкомъ сильно на сѣверѣ; принятіе христіанства не предуготовилось предварительнымъ свободнымъ распространеніемъ новой вѣры, какъ это было въ Кіевѣ, при долговременныхъ его сношеніяхъ съ Греціею.

Въ 992 году при Михайловомъ преемникѣ, митрополитѣ Леонтіѣ, епископъ Іоаннъ, назначенный въ Новгородъ, пришедши туда, долженъ былъ еще разъ сокрушать идоловъ и разорять требища ²⁾. Объ этой второй проповѣди христіанства въ Новгородѣ сохранился въ такъ называвшейся Іоакимовской Лѣтописи рассказъ очень правдоподобный и вѣроятно основанный на вѣковыхъ мѣстныхъ преданіяхъ, какъ и многое въ этомъ повѣствовательномъ

¹⁾ П. С. Л. IX, стр. 64.

²⁾ П. С. Л. IX, стр. 65,

отрывкѣ, не лишающее его историческаго значенія, при всемъ томъ, что въ немъ довольно искаженій. Вообще, по извѣстію этой лѣтописи, тогдашнее крещеніе русскаго міра происходило не такъ добровольно и умильно, какъ можно заключить по разсказамъ Сильвестровой Лѣтописи. Вмѣстѣ съ мирными пастырями-учителями словеснаго стада, ходили въ другомъ родѣ проповѣдники: Добрыня, дядя Володимировъ, да Путята, Володимировъ тысячскій, а съ ними была ратная сила. Гдѣ не довлѣли пастырскія увѣщанія, тамъ употреблялись болѣе плотскія средства. Такимъ образомъ они крестили въ разныхъ земляхъ славяно-русскаго міра народъ, гдѣ сотнями, гдѣ тысячами—какъ гдѣ случится. Невѣрные люди и скорбѣли, и роптали, да нечего было дѣлать: не смѣли сопротивляться ратной силѣ. Первоначально войско проповѣдниковъ было конечно изъ Кіева, но потомъ въ каждой землѣ вербовали въ него новокрещенцевъ и такимъ образомъ увеличивалась сила. Приобрѣвъ страхомъ въ одномъ мѣстѣ новыхъ христіанъ, апостолы изъ нихъ же добывали орудія на страхъ другимъ мѣстамъ. Тогда легко было возбуждать воинственныя страсти и набирать охотниковъ воевать другихъ: иные могли креститься только для того, чтобъ ихъ взяли въ войско; легко было при этомъ пользоваться старыми соперничествами и предрасудками, господствовавшими между однѣми и другими землями и мѣстами: находились вѣроятно такіе, которые радовались случаю припомнить старину сосѣдямъ; наконецъ, удалое честолюбіе легко щекоталось и возбуждалось вообще желаніемъ дать почувствовать другимъ свою силу и заставить другихъ дѣлать по своему, а не по ихнему. Такъ, Добрыня и Путята, бывши съ епископами въ Ростовѣ, набрали въ свое войско новокрещенныхъ ростовцевъ и пошли къ Новгороду. Пока войско, проходя отъ Кіева по разнымъ землямъ, дошло наконецъ до отдаленнаго Новгорода, оно, конечно, усили-

лось до самой высокой степени, и Новгороду суждено было у себя встрѣтить болѣе гостей, чѣмъ другія земли. До того новгородцы-язычники показывали терпимость къ христіанамъ; по крайней мѣрѣ существовала въ Новгородѣ христіанская церковь Преображенія, построенная вѣрно въ приходѣ митрополита Михаила; жили спокойно среди язычниковъ новопринявшіе крещеніе ихъ соотечественники. Но когда услышали язычники, что къ нимъ идетъ ратная сила съ тѣмъ, чтобъ уничтожить боговъ—ихъ праѣдовскую святыню, то составили вѣче и приговорили не впускать приходящихъ въ городъ и не выдавать боговъ. Лѣвая сторона города по теченію Волхова держалась упорнѣе старой вѣры, притомъ же была укрѣплена. Проповѣдники съ войскомъ пришли прежде на правую (Торговую) сторону и увидали, что мостъ разобранъ и противъ нихъ на берегу выставлены каменометныя орудія, называемыя пороки: туча каменьевъ грозила имъ, какъ только они покусятся силою переходить на другой берегъ. Стали они крестить людей на правой сторонѣ, и въ теченіе двухъ дней окрестили ихъ нѣсколько сотъ, только вообще замѣтили, что слово крестное представляется невѣрнымъ безуміемъ и обманомъ. На лѣвой сторонѣ старшій жрецъ Богумиль, прозванный за свое сладкорѣчіе «Соловей», возбуждалъ народъ стоять за вѣру предковъ. Тысячскій Угоняй ѣздилъ по городу и кричалъ: «лучше намъ помереть, чѣмъ отдать на поруганіе нашихъ боговъ». Тогда тысячскій Володимировъ, Путята, мужъ храбрый и смысленный, ночью переправился съ пятьюстами ростовцевъ на другой берегъ. Новгородцы ошибкою приняли ихъ за своихъ и впустили въ городъ. Ростовцы схватили Угоняя въ его дворѣ, схватили нѣсколько другихъ такихъ же коноводовъ (переднихъ мужей). Путята отправилъ ихъ тотчасъ на правый берегъ къ Добрынѣ. Разнеслось объ этомъ по городу. Народъ разсвирѣпѣлъ и тутъ-то возбудилась въ немъ не-

стовая ненависть къ христіанству; разметали церковъ Преображенія, ограбили и разорили дома христіанъ. Тогда, вѣроятно, убили жену Добрыни, разорили его домъ, перебили нѣкоторыхъ изъ его родни; хотя Іоакимовская Лѣтопись говоритъ объ этомъ прежде чѣмъ о переправѣ Путяты на лѣвый берегъ, но такъ какъ разореніе церкви и христіанскихъ домовъ послѣдовало уже какъ слѣдствіе народнаго раздраженія, возбужденнаго этою ночью переправою и нападеніемъ на Угоняя, то вѣроятно и поступокъ съ семьею и съ домомъ Добрыни долженъ былъ произойти въ эти часы всеобщаго народнаго волненія. Странно, однако, что Добрыня, зная хорошо духъ новгородскій, оставилъ жену свою и родныхъ въ Новгородѣ, когда собирался туда идти и когда ожидалъ, что его могутъ встрѣтить какъ непріятеля: въ такомъ случаѣ онъ заранѣе бы распорядился удалить ихъ въ болѣе безопасное мѣсто. Въ то же время до пяти тысячъ новгородцевъ вступили въ жестокую сѣчу съ Путятою и ростовцами; тогда Добрыня, пользуясь темнотою ночи, переправился на другой берегъ и зажегъ дома на берегу. Сдѣлалось всеобщее смятеніе, многіе бросились тушить пожаръ, а знатные люди, бояре, послали къ Добрынѣ просить мира. Добрыня приказалъ самъ спасать городъ и перестать грабить. Расправа пошла надъ богами: деревянныхъ идоловъ сожгли, каменныхъ побросали въ рѣку. Мужчины и женщины, старые и малые, съ воплемъ и плачемъ умоляли пощадить боговъ и не поругаться надъ ними. «Что вы безумные ихъ жалѣете,—говорилъ имъ Добрыня:—что это за боги, что сами обороняться не умѣютъ! Какой пользы отъ нихъ ожидать!» Конечно, беззащитность боговъ должна была произвести на массу вліяніе, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, когда народъ, видя безсиліе своихъ идоловъ, начиналъ въ нихъ сомнѣваться; но, по извѣстію повѣствователя, новгородцы все-таки не хотѣли крестить-

ся. Понятно, что насиліе должно было оскорблять вольный дух ильменскихъ славянъ, хотя не разъ поражаемый, но еще не сломленный и не задушенный ни долговременнымъ гнетомъ, ни чуждымъ нравственнымъ влияніемъ. Новгородцы шли въ воду только по крайней необходимости; не хотѣвшихъ тащили воины въ Волховъ: мужчинъ крестили выше, а женщинъ ниже моста; и многіе, чтобы остаться некрещенными, прибѣгали къ хитрости и увѣряли, что они уже крещены. По этому проповѣдники надѣвали всѣмъ крещеннымъ на шею крестики. Повиновались новгородцы,—некуда было дѣться; омылись въ водѣ, крестики надѣли, но въ душѣ надолго оставались по крайней мѣрѣ не христіанами, если не совсѣмъ язычниками. Въ воспоминаніе насильственнаго крещенія, послѣ того, долго упрекали новгородцевъ, и съ насмѣшкою говорили имъ: «Путята васъ крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ»¹⁾.

О Перунѣ, главномъ идолѣ, сохранилось въ послѣдующихъ вѣкахъ такое преданіе. Когда его сбросили съ моста, вступилъ въ него бѣсъ и началъ идолъ кричать: «О горе, охъ, мнѣ! Достался я въ немилостивыя руки». Плывъ подъ большой мостъ, онъ бросилъ на мостъ палку и сказалъ: «поминайте меня этимъ, новгородскія дѣти!» Запрещено было перенимать его. Несчастный божокъ приплылъ къ берегу у Пидьбы (на устьѣ рѣки Пидьбы, впадающей въ Волховъ съ лѣвой стороны, ниже Новгорода). Пидьбанинъ вышелъ на рѣку, собираясь на лодкѣ везти въ городъ горшки на продажу: видитъ Перуна; ударилъ его шестомъ и сказалъ: «Довольно ты, Перунище, поплѣ-поплѣ, плыви теперь прочь».

Сказаніе о насильственномъ крещеніи Новгорода, но Іоакимовской Лѣтописи, подтверждаетъ то, что въ этотъ

¹⁾ Татищ. I, 38—40.

періодъ времени Новгородъ находился въ качествѣ покоренной земли подъ такими условіями, которыя не позволяли новгородцамъ показать свою самобытность. Избранный добровольно новгородцами, Владимиръ покорилъ его себѣ съ помощью варяговъ-норманновъ, а потомъ, ставши кіевскимъ княземъ, удерживалъ надъ нимъ свою власть; такимъ образомъ Новгородъ чрезъ него подпалъ подъ власть Кіева, сталъ какъ-бы пригородомъ послѣдняго. Когда печенѣги стали сильно налегать на Кіевскую Землю, Владимиръ въ 997 году отправился въ Новгородъ набирать воиновъ (по верховнѣ воѣ). Новгородцы должны были проливать кровь вдали отъ родины на защиту далекой земли ¹⁾. Новгородцы обязаны были платить кіевскому князю двѣ тысячи гривенъ въ годъ, и еще тысячу гривенъ давали на гридней княжескихъ, то есть на гарнизонъ, державшій городъ въ повиновеніи. Сыну кіевского князя, Ярославу, поручено было управленіе. Но, обращаясь съ Новгородомъ какъ съ покореннымъ краемъ, кіевскій князь не уничтожилъ внутренняго сомоуправленія города, потому что въ Новгородѣ были посадники, которые собирали дань и давали поставленному надъ ними князю. Неизвѣстно, въ какихъ условіяхъ находилась тогда власть князя къ правамъ посадника; судя по вышеприведенному извѣтію, послѣдній служилъ какъ-бы посредникомъ между властію князей и народомъ. Скандинавскія саги не даромъ описываютъ Ярослава любостязательнымъ и скупымъ. Собирая съ Новгорода уроки, онъ не отсылалъ ихъ своему отцу, и старикъ долженъ былъ собираться въ походъ противъ сына, чтобъ удержать Новгородскій край въ зависимости отъ Кіева. Но какъ только Ярославъ услышалъ, что отецъ хочетъ идти на него, то убѣждалъ къ варягамъ за море такъ же точно, какъ сдѣлалъ его отецъ, когда

¹⁾ Лаврент. Сп., стр. 55.

ему угрожалъ братъ Ярополкъ. Дѣло возстанія Ярослава противъ отца было совсѣмъ не народнымъ новгородскимъ дѣломъ: Новгороду не легче было оттого, что Ярославъ не платилъ отцу, а себѣ оставлялъ то, что собиралъ съ новгородцевъ. Новгородцы, какъ видно, не дали ему помощи на отца; оттого онъ и бѣжалъ за море. Прибывшіе съ нимъ потомъ изъ-за моря въ Новгородъ варяги обра- щались съ жителями своевольно и насильовали новгород- скихъ жонъ. Чужеземное насиліе вывело новгородцевъ изъ терпѣнія; до сихъ, поръ ихъ поработченіе ограничивалось платежомъ князю дани; теперь же чужеземцы, приведен- ные княземъ, посягали на ихъ домашнія права: состав- ился заговоръ,—перебили варяговъ. Лѣтописецъ съ точ- ностью указываетъ на самое мѣсто, гдѣ произошло это убійство,—во дворѣ Поромони; Поромоня былъ, вѣроятно, одинъ изъ зачинщиковъ заговора. Ярославъ вышелъ за городъ въ Ракомъ (на правомъ берегу Ильменя) и послалъ къ новгородцамъ сказать: «Уже мнѣ не воскресить поби- тыхъ». Онъ приглашалъ зачинщиковъ къ себѣ, вѣроятно, на мировую. Обольщенные его словами, они явились и были всѣ изрублены. Но въ ту же ночь пришло извѣстіе, что Святополкъ перебилъ братьевъ. Тогда Ярославъ самъ явился на вѣче въ полѣ, просилъ прощенія у новгород- цевъ. Новгородцы отвѣчали: «Если, князь, наша братья изрублена, то мы можемъ постоять за тебя!» Соловьевъ справедливо объясняетъ согласіе новгородцевъ тѣмъ, что, вѣроятно, Ярославъ успѣлъ соединить свое дѣло съ дѣ- ломъ Новгорода и предоставилъ новгородцамъ возможность освободиться отъ дани, которую платили они кievскому князю. Святополкъ, овладѣвши Кіевомъ, уже потому са- мому имѣлъ притязаніе на Новгородъ: при Владимирѣ Новгородъ подчинялся Кіеву, — такъ должно было оста- ваться и при Святополкѣ, который сталъ преемникомъ Владимира. Новгородъ, принимая сторону Ярослава, въ

случаѣ успѣха его, могъ возвратить себѣ полную независимость. Лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ собралъ варяговъ тысячу, а прочихъ сорокъ тысячъ.

Что касается до варяговъ, то вѣроятно новгородцы перебили только тѣхъ изъ нихъ, кого считали особенно виновными; и дѣйствительно, всего варяжскаго отряда они перебить не могли, когда это избіеніе происходило въ одномъ частномъ дворѣ, гдѣ могло помѣститься только ограниченное количество. Относительно числа *прочихъ* 40,000, едва ли можно принимать его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно показано въ лѣтописи: довольно будетъ, если заключить по немъ, что число поступившихъ въ ряды Ярослава новгородцевъ было велико. Какъ бы то ни было, новгородцы приняли усердно сторону Ярослава потому, что видѣли возможность своего освобожденія отъ Кіева и съ помощію ихъ ополченія Ярославъ выигралъ войну. Замѣчательно, что во время этой войны проявилось притязаніе не князя, но кіевлянъ на власть надъ новгородцами. Когда дошло дѣло до битвы, кіевляне, бывшіе у Святополка, задирали новгородцевъ, называли ихъ плотниками, и грозили обратить ихъ на постройку своихъ хоромъ. Кіевляне смотрѣли на новгородцевъ какъ на слугъ своихъ, а не только какъ на данниковъ своего князя: *а вы плотники суици! а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ!* Эти плотники, эти подданные Кіева, въ свою очередь сдѣлались господами. Святополкъ былъ разбитъ; Кіевъ завоеванъ. Ярославъ раздавалъ всѣмъ новгородцамъ по 10-ти гривенъ каждому: то было право побѣдителей, право завоевателей.

Побѣдитель недолго спокойно усидѣлъ въ Кіевѣ. Святополкъ привелъ Болеслава. Произошла новая битва — битва съ ляхами въ 1018 году, на берегу Буга. У Ярослава были кромѣ Руси, т. е. полянъ, наемные варяги и словене, т. е. новгородцы, тѣ вѣроятно, которые остались

у него служить на югѣ. Ярославъ былъ жестоко разбитъ, и только съ четырьмя мужами убѣжалъ въ Новгородъ. Не надѣялся онъ и тамъ удержаться и хотѣлъ бѣжать за море, но тутъ новгородцы, подъ руководствомъ Коснятина, Добрынина сына (хотя не новгородца по предкамъ, но сжившагося съ Новгородомъ и вѣроятно тамъ увидѣвшаго свѣтъ), остановили Ярослава, сожгли приготовленныя лодки и изъявили готовность сами помогать Ярославу. Сдѣлали складчину отъ старостъ по 10-ти гривенъ, отъ бояръ по 18-ти гривенъ, а отъ мужа по 4 куны ¹⁾. Однако силы новгородцевъ были не такъ важны, какъ ихъ готовность. Осмотрѣвшись, увидали, что приходилось приглашать наемниковъ,—и поѣхали за море за варягами. Оно было естественно: послѣднее пораженіе должно было обезсилить новгородскую военную силу, да и прежняя побѣда не далась даромъ. Новгородцы поставлены были въ такое положеніе, что необходимо должны были изъ всѣхъ силъ тянуть, чтобъ помочь своему князю. Побѣда Святополка грозила имъ совершеннымъ порабощеніемъ. Уже теперь не довольствовался бы великій кievскій князь возвращеніемъ прежняго подданства: теперь присоединилось бы мщеніе за прежнее пораженіе; дѣло Святополка было уже и прежде дѣломъ Кіева: теперь оскорбленное самолюбіе кievлянъ подвергло бы освободившихся подданныхъ той неволѣ, какая всегда ожидаетъ неудачно возмущившихся рабовъ. Новгородцы необходимо должны были стоять дружно за Ярослава, чтобъ себя самихъ спасать. Побѣда при рѣкѣ Альтѣ въ 1019 году утвердила навсегда свободу Новгорода. Новгородцы въ другой разъ и уже навсегда доставили Ярославу великое княженіе въ Кіевѣ. Съ этихъ поръ зависимость отъ

¹⁾ Здѣсь вѣроятно, мужъ не означалъ княжескаго дружинника, ибо невозможно, чтобы приближенный къ князю платилъ такъ мало въ сравненіи съ боярами, когда очень было естественно, что въ княжеской дружинѣ находились бояре, т. е. люди знатные, богатые.

Кіева, возникшая въ княженіе Владимира, поддержанная связью князя съ скандинавскими государями, прекратилась. По Софійскому Временнику, Ярославъ, наградивши новгородцевъ деньгами въ такомъ же размѣрѣ, какой по Новгородской Лѣтописи представилъ Ярославъ новгородцамъ послѣ первой своей побѣды надъ Святополкомъ, далъ имъ «Правду» и «Уставъ»—грамоту ¹⁾.

IV.

ЗНАЧЕНІЕ ЯРОСЛАВОВОЙ ГРАМОТЫ. — НОВГОРОДЪ ДО
ВОРЬБЫ МОНОМАХОВИЧЕЙ СЪ ОЛЬГОВИЧАМИ.

До насъ не дошла эта грамота, и содержаніе ея въ подробности опредѣлить невозможно; но о смыслѣ ея мы судить и заключать можемъ. Въ общемъ значеніи, эта грамота давала, или лучше сказать возвращала Новгороду старинную независимость—право самоуправленія и суда, освобождала Новгородъ отъ дани, которую онъ платилъ великому князю кіевскому, и предоставляла Новгороду съ его землею собственную автономію. Мы имѣемъ много грамотъ новгородскихъ съ половины XIII-го вѣка до конца XV-го,—каждая заключаетъ въ себѣ больше или меньше, въ главныхъ чертахъ, повтореніе предыдущей: онѣ ссылаются на грамоту Ярослава, какъ на свой первообразъ. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ дѣйствительности этой первообразной грамоты. Прошло послѣ Ярослава много вѣковъ; Новгородъ, охраняя свою независимость и гражданскую свободу, постоянно указывалъ на Ярославовы грамоты, какъ на свою древнюю великую хартію. Имя Ярослава было всегда священнымъ въ Нов-

¹⁾ С. Вр. I. 134. Списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ.

городѣ. Мѣсто, гдѣ собиралось вѣче, мѣсто, съ которымъ поэтому соединялось значеніе новгородской свободы, называлось Ярославовымъ Дворомъ или Дворищемъ. Новгородъ, низведенный предъ тѣмъ на степень кievскаго пригорода, опять сталъ старѣйшимъ, самобытнымъ городомъ, главою земли своей. Только Ладога со своимъ округомъ дана была въ управленіе шведу Рагнвальду; но по смерти его снова присоединена къ Новгородской Землѣ.

Для русской исторіи останется навсегда незамѣнимою потерю та краткость извѣстій, которою отличаются наши лѣтописныя повѣствованія о новгородскихъ дѣлахъ XI и XII вѣковъ. Лѣтопись становится нѣсколько пространнѣе противъ прежняго только со времени 1134 года, именно со Всеволода Мстиславича, но принимаетъ тонъ болѣе непрерывнаго и пространнаго разсказа только съ XIII вѣка. Эта неполнота послужила поводомъ къ различнымъ предположеніямъ и теоріямъ. Существовало мнѣніе, что Новгородъ, съ самаго основанія русской федеративной державы, стоялъ особнякомъ отъ всей остальной Руси, и сохранялъ право свободного избранія князя и самоуправленія, которое было ему одному присущимъ, и не было достояніемъ другихъ земель. Это совпадало съ тѣмъ предположеніемъ, что Новгородъ самъ призывалъ князей, а южныя земли были покорены, слѣдовательно и находились въ отношеніяхъ менѣе благоприятныхъ къ власти. Но если Новгородъ былъ первымъ, призвавшимъ князей и вначалѣ находился, поэтому, въ отношеніяхъ къ власти болѣе независимыхъ чѣмъ Кіевъ, Черниговъ и вообще Южная Русь, то, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что послѣ того какъ сдѣлался въ немъ княземъ Владимиръ, онъ попадаетъ въ такую зависимость, которая ставитъ его къ власти на низшую степень, чѣмъ земли иныя, хотя были покоренныя; даже въ послѣдующее время, уже послѣ Ярослава, когда и несомнѣнно онъ освободился отъ этой за-

висимости, остались слѣды отношенія къ Кіеву, которые не показываютъ какого-нибудь исключительнаго преимущества Новгорода въ правахъ предъ другими землями. По воззрѣнію тѣхъ временъ, городъ, бывшій главою земли и, слѣдовательно, старѣйшимъ, управлялся княземъ; Новгородъ же послѣ Ярослава управлялся посадникомъ, посланнымъ изъ Кіева, Остромиромъ. Мы же знаемъ, что посадниками управлялись только пригороды, и послать посадника вмѣсто князя было унижительно для города. Такимъ образомъ, если принимать, что Новгородъ составлялъ исключеніе въ ряду другихъ земель, то въ этомъ отношеніи исключеніе было не преимущество. Но главное, чѣмъ можно возразить противъ мнѣнія объ исключительности Новгорода по какому-то древнему праву, это то, что вездѣ, во всей Руси, видны однѣ и тѣ же начала, тѣ же вѣча, то же участіе народа въ выборѣ князей; только разные обстоятельства въ разныхъ земляхъ то благопріятствовали проявленіямъ народной свободы, то препятствовали ей. Наслѣдственный принципъ не поглощался нигдѣ выборнымъ исполненіемъ. Нигдѣ послѣдній не уничтожался совершенно; но зато и въ самомъ Новгородѣ, при вольномъ избраніи князей, при видимомъ торжествѣ выборнаго начала, не забывалось наслѣдственное. Не только новгородцы считали обычаемъ, чтобъ князь, избранный ими, былъ изъ Рюрикова дома, но обращали вниманіе и на его ближайшую генеалогію, и охотно принимали такихъ князей, съ отцами которыхъ были въ хорошихъ отношеніяхъ, или которыхъ отцы у нихъ правили. Нерѣдко бывало, что сынъ княжилъ въ Новгородѣ, гдѣ прежде княжилъ отецъ. Они любили Мстислава Мономаховича и принимали дѣтей его; любили Мстислава-Храбраго, и съ энтузіазмомъ стали обороняться подъ знаменемъ сына его, Мстислава Удалого. Неоднократно проявлялось въ Новгородѣ предпочтеніе одной какой-нибудь линіи князей предъ другими: такимъ обра-

зомъ въ XII-мъ вѣкѣ видна любовь къ потомству Мстислава, сына Мономаха. Въ XIII-мъ вѣкѣ избраніе князей сосредоточивается около линіи Ярослава Всеволодовича, и преимущественно около дѣтей Александра Невского. Въ XIV-мъ вѣкѣ Новгородъ постоянно склоняется къ московскимъ князьямъ. Ни въ обычаѣ, ни въ правѣ Новгорода не было совершеннаго изъятія наслѣдственности въ выборѣ князей; а если выборное начало часто брало верхъ надъ нимъ, то случалось то же въ Кіевѣ, и въ Полоцкѣ, и вездѣ, какъ скоро представлялся къ этому случай или нужда. Новгородъ въ этомъ отношеніи не былъ исключеніемъ. Мы не знаемъ настолько подробностей внутренняго быта иныхъ земель, чтобы судить, въ какой степени Новгородъ проявилъ себя особеннымъ отъ другихъ по развитію выборнаго права.

Другое мнѣніе было обратное, противоположное этому. Такъ какъ со времени Всеволода Мстиславича является осязательно право Новгорода выбирать и изгонять князей, то нѣкоторые историки и признавали, что только съ этого времени, при благопріятной для Новгорода враждебности князей между собою, выработалось право свободнаго избранія и самоуправленія. Соловьевъ полагаетъ, что грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ льготъ, а не обнимали собою администраціи; что Новгородъ продолжалъ зависѣть тѣсно отъ великаго князя кіевскаго, и зависимость эта выказывается тѣмъ, что въ Новгородъ князья посылались, а не избирались; что даже самые посадники присылались изъ Кіева. Но Суздальская лѣтопись, не расположенная къ новгородскимъ патріотическимъ стремленіямъ, говоря о событіяхъ XII-го вѣка, сознается, что новгородцы издавна, отъ временъ древнихъ князей, имѣли свободныя права ¹⁾. Это одно мѣсто не позволяетъ намъ

¹⁾ Издавна суть свобожени прадѣды князь (Лавр. сп. 154).

въ событіяхъ призванія князей искать какого-нибудь древняго права, стѣснительнаго для выборнаго начала. Собственно мы мало знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ Новгородъ къ князьямъ до Всеволода Мстиславича; но ничто не даетъ намъ права заключать, что онъ не держался на тѣхъ же основаніяхъ свободы, какія мы встрѣчаемъ въ его отношеніяхъ къ князьямъ впослѣдствіи,—въ XIII и XIV вѣкахъ,—на основаніи грамотъ, которыхъ первообразомъ служить грамота Ярослава, существовавшая еще въ XI-мъ вѣкѣ. Видно только, что сначала Ярославъ правилъ самъ и въ Киевѣ и въ Новгородѣ, и посѣщалъ послѣдній; такъ въ 1036 г. посадилъ онъ тамъ сына своего Владимира. Отсюда возникъ обычай, что старшій сынъ великаго князя былъ посылаемъ въ Новгородъ; Владимиръ былъ старшій сынъ. По смерти его въ 1052 г. былъ княземъ Изяславъ Ярославичъ, старшій сынъ. Достойно замѣчанія, что, будучи княземъ новгородскимъ, Владимиръ не постоянно жилъ въ Новгородѣ: воевавши съ новгородцами Емъ въ 1042 году, въ слѣдующемъ онъ уже былъ не въ Новгородѣ, но занимался дѣломъ не имѣвшимъ отношенія къ Новгороду, именно—походомъ на Грецію; а въ 1045 г. опять былъ въ Новгородѣ, гдѣ заложилъ тогда св. Софію. Слѣдовательно, постоянное присутствіе князя не считалось тогда необходимымъ: управленіе Новгорода и безъ него шло своимъ путемъ. Изяславъ, бывшій княземъ новгородскимъ, когда сдѣлался княземъ киевскимъ, не послалъ въ Новгородъ князя, а посадилъ Остромира посадника. Если принимать во вниманіе, что въ городахъ старѣйшихъ были князья, а въ пригородахъ посадники, то въ этомъ посольствѣ посадника можно видѣть какъ-бы униженіе Новгорода и стѣсненіе правъ его. Но и въ послѣдующія времена мы видимъ также, что въ Новгородѣ были, вмѣсто князей, намѣстники, отчего однакожъ Новгородъ не терялъ ни своего значенія, ни своей независи-

мости: это означало только, что Новгородъ признавалъ своимъ княземъ того, кто былъ вмѣстѣ и великимъ. Великій же могъ послать туда или сына, или намѣстника-посадника. Послѣ, когда Изяслава прогналъ Святославъ, Новгородъ призналъ власть новаго кievскаго князя въ 1069 году; и въ Новгородѣ сталъ послѣ княземъ сынъ его, Глѣбъ, убитый въ Заволочѣ въ 1079 году. Но достойно замѣчанія, что Глѣбъ оставался новгородскимъ княземъ и послѣ 1076 года, когда, по смерти отца его Святослава, великимъ кievскимъ княземъ сталъ опять Изяславъ Ярославичъ. Очевидно, въ поставленіи княземъ Глѣба не играло роль слѣпое повиновеніе какому-то праву подчиненія Киеву и преемничества старшихъ сыновей кievскаго князя, а участвовало и свободное признаніе. Только по смерти Глѣба сдѣлался княземъ новгородскимъ сынъ кievскаго князя Изяслава, Святополкъ; но остается подъ сомнѣніемъ: дѣйствительно ли онъ признанъ княземъ потому, что былъ старшій сынъ кievскаго князя? По Лаврентьевскому списку Глѣбъ убитъ былъ въ 6586 г. весною; на мѣсто его поступилъ тотчасъ же Святополкъ; въ тотъ же годъ, въ октябрѣ, убитъ Изяславъ кievскій князь, отецъ Святополка. Новгородская лѣтопись указываетъ, напротивъ, смерть Изяслава прежде смерти Глѣбовой, именно въ 6586, а Глѣбову въ 6587 году ¹⁾. Софійскій Временникъ смерть обоихъ князей переноситъ въ 6587 годъ, но смерть Изяслава указываетъ раньше Глѣбовой ²⁾. Если послѣдній порядокъ событій справедливъ, то Святополкъ поступилъ въ Новгородъ уже послѣ смерти отца и, слѣдовательно, не такъ какъ старшій сынъ кievскаго князя. Когда кievскимъ княземъ былъ Всеволодъ, Святополкъ продолжалъ, однако, нѣсколько лѣтъ быть княземъ новгородскимъ, и только въ 1087 г. переселился въ Туровъ. Ясно, что на

¹⁾ Новг. 1, 3.

²⁾ Соф. I. 148.

княженіе старшихъ сыновей кіевскаго князя въ Новгородѣ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на что-то обязательное для Новгорода. Это были случаи, которые поддерживались тѣмъ, что Новгородъ признавалъ свое старѣйшинство, послѣ Кіева, въ ряду русскихъ земель и потому находилъ умѣстнымъ, чтобы, сообразно такому своему достоинству, и княземъ у него былъ старшій сынъ старѣйшаго надъ всѣми князьями русскихъ земель. Отъ временъ Ярослава до конца XI-го вѣка не видно участія Новгорода въ поставленіи у себя князей; но не слѣдуетъ забывать, что извѣстія о Новгородѣ, вообще относящіяся къ этому періоду времени, слишкомъ кратки, и мы не знаемъ подробностей, которыя бы могли указать намъ на вліяніе народнаго начала и разъяснить степень его участія въ этомъ вопросѣ. Но въ послѣдніе годы XI-го вѣка Новгородъ ярко заявилъ это участіе. Неизвѣстно, кто былъ княземъ въ Новгородѣ послѣ ухода Святополка въ Туровъ, въ 1087 году. Этотъ уходъ не понравился тогда новгородцамъ. Въ однихъ источникахъ ¹⁾ указывается на посаженіе Мстислава въ Новгородъ какъ на фактъ, непосредственно слѣдовавшій за уходомъ Святополка; но, по другимъ лѣтописямъ ²⁾, первое призваніе Мстислава было въ 1095 г. изъ Ростовской Земли. Какъ бы то ни было, въ 1095 г. новгородцы являются съ самобытнымъ правомъ выбирать князя. Предъ тѣмъ князя совѣтомъ назначили въ Новгородъ князя Давида смоленскаго. Но едва Давидъ поѣхалъ въ Новгородъ, какъ новгородцы сказали ему: «Не ходи къ намъ; воротись и сиди въ Смоленскѣ!» Они избрали своимъ княземъ Мстислава, сына Мономаха, бывшаго прежде въ Ростовѣ.

Съ этихъ поръ въ лѣтописяхъ уже постоянно видно, что Новгородъ избираетъ себѣ своихъ князей; но неизвѣстно,

¹⁾ Карамзинъ, т. II, примѣч. 163.

²⁾ П. С. I. 98. Соф. Врем. I. 150.

и ничто не даетъ намъ повода сомнѣваться, чтобъ то же право имъ не было сознаваемо и прежде. Дѣйствительно, случаи, что старшіе сыновья великихъ князей кіевскихъ были князьями новгородскими, побуждали самихъ князей пытаться обратить ихъ въ правный обычай. Въ 1102 г. Святополкъ и Владимиръ составили между собою рядъ, чтобы Мстислава взять изъ Новгорода и посадить во Владимирѣ-Волинскомъ, а Новгородъ дать сыну Святополка. Мстиславъ, по приказанію отца, прибылъ въ Кіевъ. Но тогда новгородцы, пріѣхавшіе съ нимъ, говорили отъ лица всего Новгорода такія рѣчи: «Насъ прислали къ тебѣ и сказали такъ: «Не хотимъ Святополка, ни сына его,—если у него двѣ головы, то посылай его. Мстислава дажь намъ Всеволодъ; мы вскормили себѣ князя, а ты ушелъ отъ насъ»¹⁾. Святополкъ сколько съ ними ни бился, сколько ни спорилъ, но ничего не могъ сдѣлать, и долженъ былъ уступить; Мстиславъ отправился снова въ Новгородъ. Такимъ образомъ, несправедливо, чтобъ событія, случившіяся при Всеволодѣ Мстиславичѣ, произвели коренной переворотъ въ политическомъ порядкѣ Новгорода. Мстиславъ пребылъ княземъ до 1117 года. Когда его взяли въ Кіевъ, приготовляя къ великому княженію, въ Новгородъ былъ посланъ сынъ Мстислава, Всеволодъ. Тогда произошло какое-то смятеніе, котораго подробности ускользнули отъ лѣтописцевъ. Въ слѣдующемъ году Владимиръ-Мономахъ, со Мстиславомъ, призвавши новгородскихъ бояръ въ Кіевъ, привели ихъ къ крестному цѣлованію, а нѣкоторыхъ заточили въ тюрьму. Это были тѣ, которые грабили какихъ-то Даньслава и Новдрьчу; въ томъ числѣ былъ сотскій Ставръ, къ которому, быть можетъ, относится старая пѣсня о бояринѣ Ставрѣ Гоудиновичѣ. На этотъ фактъ нельзя смотрѣть какъ на доказывающій недостатокъ той свободы,

¹⁾ Полн. Собр. Лѣт. т. I, стр. 117.

какая является впоследствии, потому что и послѣ случались примѣры, когда князья дѣйствовали, повидимому, самовластно, сажали въ тюрьмы, ссылали и смѣняли; но въ самомъ дѣлѣ они позволяли себѣ это потому, что опирались на сильную партію въ народѣ. И здѣсь, какъ видно, Владимиръ и Мстиславъ расправились съ такими, которые составляли немногочисленную партію, имѣвшую противъ себя большинство. Поступокъ Мономаха не легъ тяжелымъ воспоминаніемъ на новгородцевъ; впоследствии, имена Мономаха и Мстислава для нихъ были любезны. Такъ же точно по извѣстію, что въ 1120 г. пришелъ какой-то Борисъ посадничать въ Новгородѣ, нельзя дѣлать заключенія, что въ это время посадникъ поставлялся въ Новгородъ безъ воли гражданъ. Мы не знаемъ, что это за Борисъ; можетъ быть онъ былъ и новгородецъ, и призванъ вѣчемъ къ своей должности изъ временнаго жительства въ Кіевѣ, а можетъ быть это княжескій намѣстникъ. Точно также неизвѣстно, кто былъ Данилъ, пришедшій изъ Кіева посадничать въ Новгородъ въ 1129 году ¹⁾. Находя, что въ концѣ XI вѣка новгородцы уже смѣло проявляли сознаніе права избирать князей, изгонять ихъ и составлять самоуправное тѣло, не видимъ поводовъ думать, чтобъ и ранѣе этого времени то же сознаніе не существовало въ такой же силѣ. Возвращенная Ярославомъ, посредствомъ грамотъ, Новгороду независимость не была подавлена съ тѣхъ поръ. Несомнѣнно, что Новгородъ, при сознаніи самобытности, сознавалъ однако единство съ остальною Русью, и такъ какъ политическое единство Россіи было въ то время крѣпче, чѣмъ впоследствии, когда уже его ослабили частыя междоусобія князей и областныхъ племенъ, то Новгородъ выражалъ это сознаніе бѣльшимъ своимъ примыканіемъ къ Кіеву, какъ къ центру. Великій

¹⁾ Новг. Л. I. 5.

князь для Новгорода былъ верховный глава, установитель
пядя; онъ долженствовалъ имъ быть для всей Земли Рус-
ской. Это понятіе оставалось неизмѣнно втеченіи послѣ-
дующихъ столѣтій. Какъ при Изяславѣ Ярославичѣ нов-
городцы сознавали эту верховность въ кievскомъ князѣ,
такъ вполнѣ—во владимирскихъ, и наконецъ въ мо-
сковскихъ князьяхъ. Это сознаніе шло рядомъ съ созна-
ніемъ областного права и своей гражданской и политиче-
ской свободы. Какъ при Святополкѣ новгородцы предла-
гали кievскому князю послать къ нимъ сына, если у него
двѣ головы, какъ скоро они сами хотѣли не этого, а дру-
гого князя,—такъ, вполнѣ, они готовы были съ ору-
жіемъ отстаивать всякія превышенія, по ихъ понятію,
власти со стороны великихъ князей, когда послѣдніе жили
во Владимірѣ и Москвѣ. Въ основѣ всего этого не лежитъ
что-нибудь совершенно исключительное, принадлежащее
одному только Новгороду и совершенно чуждое другимъ
землямъ. Федеративное или удѣльно-вѣчевое начало про-
никало жизнь и другихъ земель; только въ Новгородѣ оно
проявилось осязательнѣе. И этому были причиною слѣ-
дующія обстоятельства: во-первыхъ, географическое поло-
женіе страны становило Новгородъ внѣ тѣхъ потрясеній,
какія испытывали другія русскія земли, какъ напр., южныя.
Новгородъ былъ отдаленъ отъ кочевья дикихъ ордъ тюрк-
скаго племени, которыхъ сосѣдство было столь губительно
для южной и средней Руси. Если бы даже половцамъ
пришла непреодолимая охота разорить Новгородъ, если бы
половецкія орды рѣшились пуститься въ такое далекое
пространство, то Новгородъ находился за дремучими лѣ-
сами и болотами; путь къ нему до крайности былъ не-
удобенъ, сообщеніе производилось водою, а орды хо-
дили только по степямъ. Инородцы чудскаго племени,
окружавшіе Новгородъ, не отличались предпріимчивостію:
они только защищали себя, да и защититься не могли,

и—рано или поздно—уступали нравственной и физической силѣ славянскихъ поселенцевъ. Такимъ образомъ, изгнанные изъ Новгорода князья не имѣли возможности возвращать себѣ власть при посредствѣ чужеземныхъ силъ, какъ это дѣлалось часто на югѣ. Новгородская Земля не была проходная, какъ напримѣръ Киевская, Черниговская, Волынская, Смоленская, и потому не могла сдѣлаться поприщемъ перекрестнаго столкновенія интересовъ князей и племенъ. Новгородъ стоялъ вдали, такъ-сказать, въ углу; за нимъ кончался русскій міръ. Новгородъ, въ земляхъ къ сѣверу, востоку и западу отъ него, естественно былъ господинъ: ни въ какой другой русской землѣ не могло образоваться побужденія посягать на эти отдаленныя страны. Тогда какъ другія земли, соприкасаясь между собою въ неясности границъ, имѣли поводы ко взаимному столкновенію, Новгородъ со своими владѣніями самою природою поставленъ былъ въ такое положеніе, котораго законность выказывалась для всѣхъ сама собою, болѣе чѣмъ въ другихъ краяхъ русскаго міра. Новгородъ расширялъ свои владѣнія на три стороны: къ сѣверу, востоку и западу, и не встрѣчалъ соперничества съ другими русскими землями; въ то же время увеличеніе владѣній приносило ему богатства; самыя эти богатства доставать и пользоваться ими первоначально, могли только новгородцы: эти богатства состояли въ мѣхахъ и добывались въ такихъ краяхъ, куда проникать, по мѣсту жительства, удобнѣе было новгородцамъ, чѣмъ другимъ. Вмѣстѣ съ этимъ Новгородъ, находясь недалеко отъ Балтійскаго моря и овладѣвъ его берегами, естественно долженъ былъ стать главнымъ пунктомъ торговаго сообщенія всего русскаго міра съ Балтійскимъ моремъ и чрезъ то съ Европою. Центры другихъ земель, какъ напримѣръ Полоцкъ и Смоленскъ, принимали участіе въ балтійской торговлѣ, но по своему положенію должны были занимать второстепенное мѣсто, потому что

Новгородъ былъ ближе къ морю, стоялъ на самомъ удобномъ пути и владѣлъ этимъ путемъ вплоть до моря. Между тѣмъ, пока эти выгоды постепенно не установились, самъ по себѣ новгородскій край не представлялъ приманки для князей и ихъ дружинниковъ въ тѣ времена, когда русская жизнь имѣла еще тяготѣніе къ югу. Властью въ Новгородѣ стали дорожить уже тогда, когда великіе князья нашли себѣ другое удобное помѣщеніе на сѣверо-востокѣ, а не на югѣ. Тогда только князья смотрѣли на княженіе въ Новгородѣ, какъ на что-нибудь достойное домогательства. Въ XI и даже XII вѣкѣ новгородцы обвиняли князей, зачѣмъ они уходили отъ нихъ. Когда Мстислава хотѣли отъ нихъ взять, они предъявляли свои права на него, говоря, что они вскормили себѣ князя: видно, что въ тѣ времена новгородцы дорожили княземъ, какъ-скоро находили такого, который былъ имъ по праву.

Много должно было способствовать образованію особаго характера новгородской жизни и этнографическое родство Новгорода съ Южной Русью. Отрывокъ племени, очень близкаго къ южно-русскому, а можетъ быть и того же самаго, заброшенный въ незапамятныя времена на отдаленный сѣверъ, долженъ былъ невольно склоняться народною симпатіею къ Киеву, гдѣ новгородцы находили въ обитателяхъ сходство и въ языкѣ, и въ нравахъ, когда между тѣмъ окружавшіе ихъ славяне представляли, въ этомъ отношеніи, черты болѣе отличныя. Даромъ что временное подчиненіе и подданство Киеву въ концѣ X и началѣ XI вѣка произвело нѣкоторую враждебность во взаимномъ возвращеніи Руси и Новгорода: — дружелюбный характеръ возобновился, когда побѣды новгородцевъ, посаженіе ими въ Киевѣ государя, сбили высокомеріе побѣдителей, — когда киевляне не имѣли уже права называть ихъ въ насмѣшку «плотниками», которыхъ они, ихъ господа, заставляютъ строить себѣ хоромы. Этнографическое родство новгородцевъ съ

южно-руссами необходимо должно было участвовать въ этомъ тяготѣніи Новгорода къ югу,—къ Кіеву: оно проявляется въ первые вѣка нашей удѣльно-вѣчевой исторіи рѣзко и оригинально. Край отдаленный, разрѣзанный другими землями, вмѣщаль народные элементы иные, чѣмъ въ этихъ близкихъ земляхъ, сходные съ тѣми, которые господствовали вдаль. Самая эта даль поддерживала симпатію. Новгородъ оставался въ крѣпкой связи съ Южной Русью и только тогда сталъ примыкать къ восточному центру, когда, съ одной стороны, южный край опустѣлъ, упалъ силами и потерялъ свое значеніе, а съ другой—выгоды быть въ связи съ восточнымъ краемъ преодолѣли прежнее народное нерасположеніе. Но если этнографическое свойство съ Южной Русью поддерживало народную и политическую связь Новгорода съ нею, то, съ другой стороны, этнографическое различіе съ племенемъ восточно-рускимъ, безъ сомнѣнія, способствовало стремленію удерживать свою областную самобытность, когда обстоятельства клонили Новгородъ къ Восточной Руси. Такимъ образомъ, первое, въ болѣе древнія времена, не дало Новгороду совершенно отложиться отъ русскаго міра, укрѣпляло сознаніе единства со всею Русскою державою, со всею группою земель, находившихся подъ первенствомъ Кіева; второе, въ послѣдующія времена, не давало Новгороду скоро слиться съ остальнымъ русскимъ міромъ и побуждало противодѣйствовать возникавшему единодержавію. Наконецъ, рядъ историческихъ событій способствовалъ самобытному складу новгородскаго быта. Низведенный на степень кіевского пригорода, Новгородъ оказалъ важное пособіе Ярославу, получилъ отъ него грамоты, которыя сдѣлались фундаментальнымъ историческимъ преимуществомъ,—какъ въ воспоминаніи новгородцевъ, такъ и въ сознаніи князей. Князья помнили, что Великій Новгородъ оказалъ услугу ихъ праѣду, ихъ общему родоначальнику; Новгородъ ука-

зывать князьямъ на свои грамоты какъ на право, полученное имъ отъ общаго родоначальника княжескаго дома. Безъ сомнѣнія, сами по себѣ эти грамоты, безъ изложенныхъ выше условій, были бы скоро попораны и забыты; но когда положеніе, въ какомъ находился Новгородъ, помогало сохраненію ихъ силы, когда нарушать ихъ было не легко, да не рѣдко и не представлялось въ этомъ необходимости,—при такомъ положеніи дѣль грамоты эти получали великое значеніе, и мало-по-малу стали обычаемъ, почтенною дѣдовскою маститою древностію, которую нарушать было бы нравственнымъ проступкомъ. Новгородъ имѣлъ то же, что другія земли; но это общее достоинство освящено у него было особымъ образомъ. Такихъ обстоятельствъ не случалось въ другихъ земляхъ. Впослѣдствіи, когда начались междоусобія Ольговичей съ Мономаховичами, а вслѣдъ за тѣмъ — дома Юріева съ Мстиславичами и ихъ потомками, и вмѣстѣ земель восточно-русской и южно-русской, — Новгородъ, до того времени державшійся связи съ Кіевомъ, часто находился въ недоумѣніи, къ какой сторонѣ пристать; и онъ долженъ былъ сообразоваться съ своими выгодами. Частая перемѣна великихъ князей, неясность правъ на великокняженіе, способствовали большому утвержденію областной автономіи въ противоположность единству, связуемому властью великаго князя.

Въ ряду событій новгородской исторіи XI-го вѣка, обращаетъ на себя вниманіе нападеніе двухъ князей половецкихъ—въ 1020 г. Брячислава и въ 1066 г. и 1069 Всеслава. Во всѣхъ трехъ случаяхъ набѣги сопровождались грабежомъ и плѣненіемъ. Въ первый разъ, хотя Брячиславъ успѣлъ взять Новгородъ и погналъ изъ него много плѣнниковъ, но былъ потомъ разбитъ. Всеславъ въ 1066 году взялъ Новгородъ и ограбилъ его; въ 1069 г. напалъ опять и—былъ отбитъ княземъ Глѣбомъ. Этотъ Всеславъ былъ отпущенъ «Бога дѣля»—говорить лѣтописецъ.

V.

новгородъ въ эпоху княжескихъ междоусобій. — ополченіе андрея. — чудо знаменской иконы богородицы. — покушенія князей суздальской земли. — всеволодъ. — ярославъ.

Возникшія въ Южной Руси распри Мономаховичей и Ольговичей измѣнили спокойное отношеніе Новгорода къ великому княженію въ Кіевѣ. Общая буря междоусобій не миновала и Новгорода. По привязанности къ памяти Мстислава, такъ долго бывшаго княземъ новгородцевъ, они ладили съ сыномъ его, Всеволодомъ, пока живъ былъ отецъ; но по смерти его Всеволодъ прельстился призывомъ преемника Мстиславова, Ярополка, и переѣхалъ въ Переяславль, надѣясь стать современемъ великимъ княземъ. Ему не удалось удержаться въ Переяславлѣ: Юрій суздальскій и братъ его Андрей, прогнали Всеволода, и онъ опять явился въ Новгородѣ. — «А помнишь-ли» — говорили ему новгородцы: — ты обѣщался у насъ и умереть; зачѣмъ же насъ оставилъ?» Призвали ладожанъ и псковичей на общее вѣче и прогнали Всеволода. Но вскорѣ, какъ только удовлетворена была досада, стало новгородцамъ жаль привычнаго князя. Одумались новгородцы и послали ворочать его. Всеволода нагнали въ Устьяхъ. Онъ возвратился. Но примиреніе было недолговременное. Поднялось междоусобіе въ Русской Землѣ. Новгородцы, по сочувствію къ памяти Мстислава и Мономаха, готовы были держаться стороны Мономаховичей; но явился къ Всеволоду братъ его, Изяславъ, началъ побуждать Новгородъ противъ суздальскаго князя; а у него уже тогда началась съ нимъ та вражда, что впоследствии такъ громко разразилась въ Южной Руси бурными переворотами. Этотъ князь, получивъ послѣ Всеволода Переяславль, такъ же какъ и Все-

володь, по проискамъ Юрія, лишился его. Юрій требовалъ уступить его дядѣ—Вячеславу; Изяславъ уступилъ, и получилъ вмѣсто Переяславля Туровъ, прежній удѣлъ Вячеслава; но Юрій выгналъ Вячеслава изъ Переяславля, а Вячеславъ, въ свою очередь, выгналъ Изяслава изъ Турова, своего прежняго удѣла. Всему виною былъ суздальскій князь. Изяславъ, прибывши въ Новгородъ, сталъ подвигать новгородцевъ на войну противъ Суздальской Земли и на союзъ съ Ольговичами, противъ которыхъ недавно раздѣлялъ общую вражду своего племени. Лѣтопись представляетъ, что Всеволодь, братъ его, убѣдилъ новгородцевъ помочь своему брату. Оба князя представили новгородцамъ честолюбивыя надежды насчетъ Ростова и Суздаля. Въ житіи Всеволода говорится, что новгородцы помогались овладѣть этимъ краемъ и вспомнили, будто нѣкогда онъ принадлежалъ Новгороду, а Всеволодь, напротивъ, ихъ отговаривалъ. Кажется, могло быть и то, и другое. Было два похода; первый предпринять былъ весною въ 1134 г. Вмѣстѣ съ Изяславомъ дошли до Волги, и, ничего не сдѣлавши, воротились назадъ. Изяславъ ушелъ въ Русь, примирился съ великимъ княземъ Ярополкомъ, и получилъ Владимиръ-на-Волыни. Такимъ образомъ, династическая причина къ войнѣ прекратилась. Но зимою предпринять былъ походъ уже съ завоевательною цѣлью, и, какъ кажется, этотъ походъ былъ тотъ, который, по извѣстію житія, былъ предпринять отъ Великаго Новгорода, въ противность желанію князя. Въ походъ пошли не только новгородцы, но и жители пригородовъ, Ладоги и Пскова. Тогда-то, вмѣстѣ съ княземъ Всеволодомъ, уговаривалъ новгородцевъ не ходить въ походъ митрополитъ Михаилъ, нарочно для того пріѣхавшій въ Новгородъ. Новгородцы не послушали ихъ, князя противъ воли заставляли идти на войну, задержали митрополита и отпустили уже тогда, когда потеряли сраженіе. Произошла

битва на Ждановой горѣ; по извѣстію ростовско-суздальскихъ лѣтописей, новгородцы были разбиты. Новгородскій лѣтописецъ не скрываетъ проигрыша своихъ, но говоритъ объ этомъ глухо, и утѣшается тѣмъ, что и суздальцевъ пало много. Несомнѣнно, что походъ былъ неудаченъ для новгородцевъ ¹⁾. Это событіе пробудило вновь неудовольствіе гражданъ на своего князя. Между тѣмъ, на югѣ вражда между Ольговичами и Мономаховичами разгоралась. Новгородцы не знали куда пристать; они сначала, въ 1135 г., явились въ качествѣ примирительныхъ судей, и отправили посольство примирять враговъ. Но дѣло оказалось невозможнымъ: обѣ враждебныя стороны не желали мира, а та и другая равно хотѣли притянуть на свою сторону Новгородъ. Тогда и въ самомъ Новгородѣ образовались тѣ же партіи, какъ въ Южной Руси; представители той и другой думали выигрывать чрезъ перемѣну князей у себя. Партія Ольговичей взяла верхъ: въ маѣ 1136 г. Всеволода предали суду вѣча. Его обвинили въ томъ, что онъ не заботился о смердахъ, которые находились на попеченіи князя-правителя, — убѣждалъ съ поля прежде всѣхъ, во время войны съ суздальцами; ему ставили въ вину, что онъ колеблется, не знаетъ, куда пристать; вспомнили и то, что онъ покидалъ Новгородъ для Переяславля. Всеволодъ хотѣлъ удалиться; новгородцы послали звать другого князя Святослава Ольговича, а его не пускали отъ себя. — «Постой, — говорили ему: — ты посиди у насъ, пока придетъ другой князь». Въ іюнѣ, прибылъ къ нимъ Святославъ Ольговичъ, и тогда Всеволода прогнали. Онъ ушелъ во Псковъ. Сторонниковъ у Всеволода было много въ Новгородѣ; самъ посадникъ Коснятинъ Микуличъ держался его стороны и убѣждалъ къ нему

¹⁾ Новг. I. 6. — Лавр. Спис. 132. — Соф. I. 156—157. — Никоновск. II. С. Л. т. IX. 158—159.

изъ Новгорода съ другими единомышленниками. Партія эта, собравшись во Псковѣ, склонила къ себѣ псковичей и побуждала Всеволода добывать оружіемъ утраченное княженіе. Въ Новгородѣ сторонники (милостивники) его покушались-было застрѣлить изъ лука Святослава Ольговича, но покушеніе не удалось ¹⁾. Ожесточенная сторона Ольговичей въ Новгородѣ предала грабежу дома и имущества бѣжавшихъ; всѣхъ, кого только подозрѣвали въ расположеніи къ Всеволоду, обложили пенею, и на этотъ сборъ ополчались противъ Пскова. Псковичи и новгородскіе бѣглецы вооружились за Всеволода. Непріязненные стороны сошлись у Дубровны. Но битвы не было. Псковичи подѣлали засѣки на лѣсномъ пути, и новгородцамъ трудно было вести наступательную войну. Лѣтописецъ говоритъ, что обѣ стороны сказали: «Не станемъ проливать крови, братья; пусть Богъ управитъ насъ своимъ промысломъ». Вслѣдъ за тѣмъ, умеръ Всеволодъ. Вѣроятно, въ то время какъ непріязненные войска спорили изъ-за него и готовы были сдѣлаться между собою, князь уже находился при смерти во Псковѣ, и это побудило ихъ оставить битву, когда не за кого было биться. Однако, и совершенный миръ не состоялся. Псковичи, похоронивши Всеволода, призвали брата его, Святополка. Два сѣверные города русскаго міра—Новгородъ и Псковъ, дѣлались представителями двухъ враждебныхъ южныхъ княжескихъ партій: Новгородъ сталъ за Ольговичей, Псковъ за Мономаховичей. Вдругъ, въ самомъ Новгородѣ, дѣло повернулось иначе. Партія Мономаховичей взяла верхъ; неудовольствіе противъ Всеволода угасло съ его смертію; память отца и дѣда опять воскресла. Тогда же на самомъ югѣ взяли верхъ Мономаховичи: черниговцы не потянули за своимъ княземъ, и этотъ князь, Всеволодъ, глава Ольговичей, долженъ былъ пре-

¹⁾ Новг. I, 7.

кратить войну съ Ярополкомъ кievскимъ. Это событіе отразилось въ Новгородѣ благопріятно для стороны Мономаховичей. Сторону эту усилило то, что ни изъ Кіева, ни изъ Суздаля не пропускали въ Новгородъ хлѣба, когда Новгородъ принималъ князя, враждебнаго и сторонѣ кievской и суздальской. Новгородцы, въ 1138 г. апрѣля 17, схватили своего князя Святослава Ольговича, заточили въ монастырь съ семействомъ, а потомъ изгнали. Въмѣсто его призвали князя изъ Суздальской Земли — сына Юрія суздальскаго, Ростислава.

Къ суздальской вѣтви русскаго міра была уже давняя международная непріязнь у новгородцевъ. Князья, призываемые въ Новгородъ, пріѣзжали не одни, а съ дружиною, и суздальскіе князья, такимъ образомъ избранные новгородцами, наводили въ Новгородъ толпу народа, нелюбимаго новгородцами. Въ Кіевѣ, между тѣмъ, произошелъ переворотъ въ пользу Ольговичей. По смерти Ярополка, Кіевомъ овладѣлъ черниговскій князь Всеволодъ, представитель Ольговичей. Юрій звалъ новгородцевъ противъ Ольговичей; новгородцы не согласились, потому что воевать съ суздаляцами, которыхъ не любили, противъ кievлянъ, съ которыми сознавали близкое родство, было не въ обычаѣ. Ростиславъ замѣтилъ, что партія Ольговичей подымаетъ голову, и бѣжалъ. Новгородцы опять позвали Святослава Ольговича; но этотъ князь, испытавшій, какъ непрочно сидѣть въ Новгородѣ, медлилъ прибытіемъ и не прежде явился, какъ къ концу 1139 года, а посаженъ на столѣ 25-го декабря. Мѣсяца черезъ два, новгородцы не взлюбили Святослава; Всеволодъ кievскій интриговалъ противъ брата и послалъ въ Новгородъ своихъ приближенныхъ — настраивать новгородцевъ, чтобъ они просили себѣ въ князья его сына. Интрига пошла удачно. Новгородцы отправили въ Кіевъ посольство просить у великаго князя сына; между тѣмъ, прежнему князю своему Святославу ве-

лѣли оставаться у себя, пока придетъ другой. Святославу показалось это оскорбительно; притомъ онъ и побаивался: онъ видѣлъ, что его не жалуютъ, и потому поспѣшилъ улизнуть изъ города прежде срока. Но въ то время, когда послы новгородскіе находились въ Кіевѣ и упрашивали Всеволода дать Новгороду сына, въ самомъ Новгородѣ сдѣлалась новая смута. Партія, благопріятствовавшая Мономаховичамъ, взяла верхъ; уже не хотѣли ни брата, ни сына кіевского князя. За Святославомъ послали погоню; Святославъ убѣжалъ отъ погони; поймали на дорогѣ бѣжавшаго за нимъ вслѣдъ посадника Якуна съ товарищами, привезли его въ Новгородъ на вѣче, отколотили, обнажили, какъ мать родила, и сбросили съ моста. Онъ не утонулъ, приплылъ какъ-то къ берегу. Послѣ того, новгородцы уже не топили его въ другой разъ и не били, а удовольствовались тѣмъ, что взяли съ него тысячу гривенъ, и съ брата его сто гривенъ; взяли подобную пеню съ другихъ его единомышленниковъ, а его самого заточили въ Чуди. Потомъ — возвратили въ отечество бѣжавшихъ къ Юрію приверженцевъ Мономаховичей, и одному изъ нихъ, Судилѣ, дали посадничество. Послѣ такого переворота, ко Всеволоду въ Кіевъ отправилось новое посольство съ такимъ предложеніемъ: «Мы не хотимъ ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а хотимъ племени Володимирова!» Передъ тѣмъ, какъ прибыло ко Всеволоду это посольство, Всеволодъ съ честію отпустилъ отъ себя въ Новгородъ обратно прежнее новгородское посольство, приходившее звать его сына. Такъ какъ предложеніе новаго посольства не понравилось Всеволоду, то онъ послалъ погоню за прежнимъ посольствомъ и воротилъ его назадъ; потомъ задержалъ въ Кіевѣ всѣхъ новгородскихъ купцовъ, а южно-русскимъ купцамъ не велѣлъ ѣздить въ Новгородъ. Такъ прошла зима; она была тяжела для Новгорода, неполучавшаго по этому случаю продовольствія съ юга. Стали

въ Новгородѣ стараться, какъ бы обѣ стороны примирить такъ, чтобъ и кievскаго князя больше не раздражать, и Новгородъ получилъ бы себѣ князя изъ Мономаховичей по своей волѣ. Отправили еще одно, третье, посольство въ Кіевъ просить шурина Всеволодова — Святополка Мстиславича, брата умершаго Всеволода во Псковѣ, того самаго, котораго псковичи уже хотѣли поставить княземъ. Но кievскій князь не хотѣлъ потакать новгородской волѣ, а задумалъ поставить на своемъ. Онъ не пустилъ Святополка въ Новгородъ, и далъ ему въ удѣлъ Берестье. «Не ходите въ Новгородъ—говорилъ онъ подручнымъ князьямъ: — пусть себѣ сидятъ на своей волѣ безъ князя; гдѣ хотятъ—тамъ пускай себѣ ищутъ князя!» Новгородцы оставались безъ князя девять мѣсяцевъ. По понятіямъ вѣка, казалось невозможнымъ сидѣть безъ князя; особенно это было неудобно въ то время: тутъ партіи волновали городъ, тамъ продовольствія не пускали; да вдобавокъ первое новгородское посольство задержано было въ Кіевѣ подъ стражею: а въ немъ былъ и епископъ, и знатные бояре, и купцы. Новгородцы все таки не сдались. Получивъ отказъ Всеволода, они, подъ вліяніемъ посадника Судилы, призвали къ себѣ изъ Суздальской Земли опять Ростислава Юрьевича ¹⁾. Тутъ великій князь увидѣлъ, что не переломить ихъ упорства, и чтобы, по-крайней-мѣрѣ, не потерять своего первенства надъ Новгородомъ, на сколько ему давалъ его самъ Новгородъ, послалъ имъ Святополка ²⁾. Жалкаго Ростислава, два раза служившаго подставою для иныхъ князей, опять прогнали. Это неуваженіе было оскорбительно какъ для суздальскаго князя, такъ и для Суздальской Земли.

¹⁾ Прибылъ въ Новгородъ 26 ноября 1141 г.

²⁾ Прибылъ въ Новгородъ 19 апрѣля 1142 г.

Во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами, а потомъ съ Юріемъ суздальскимъ, новгородцы постоянно держались стороны перваго. Въ 1148 году они удалили Святополка, которымъ были недовольны *злобы его ради*, и пригласили сына Изяславова, Ярослава ¹⁾. До какой степени новгородцы любили тогдашняго великаго князя и вообще были привязаны къ линіи Мстислава, Мономахова сына, показываетъ пріемъ, оказанный Изяславу, когда онъ, вслѣдъ за сыномъ, и самъ прибылъ въ Новгородъ. По тогдашнимъ почетнымъ обычаямъ, новгородцы выслали къ нему отборную встрѣчу за три «днища», а за одно «днище» цѣлый городъ выступилъ встрѣтить его. Князь прежде всего сдѣлалъ для новгородцевъ обѣдъ — пиръ на весь міръ: приглашены были всѣ — отъ мала до велика. Потомъ онъ приказалъ звонить на вѣче, явился предъ народомъ и говорилъ: «Ради васъ я оставилъ Русскую Землю; вы прислали ко мнѣ жаловаться, что васъ обижаетъ дядя мой, Юрій. Гадайте, братья, какъ съ нимъ справиться: или миръ съ нимъ взять или идти на него ратью?» Новгородцы кричали: «Ты нашъ князь!.. ты нашъ Володимиръ, нашъ Мстиславъ! Рады съ тобою — и за тебя, и за свои обиды! Всѣ пойдемъ; хоть бы и дьякъ, и гуменцо ему прострижено, такъ и тотъ пойдетъ воевать, а кто уже поставленъ, тотъ пусть Бога молить». Такое одушевленіе осталось безъ послѣдствій. Новгородцы пошли на войну на Волгу, опустошили край около Ярославля и воротились съ плѣнниками. Тѣмъ дѣло и кончилось ²⁾. Подъ конецъ жизни Изяславовой, новгородцы не ладили съ его сыномъ, — съ тѣмъ самымъ, съ которымъ такъ восторженно привѣтствовали посѣщавшаго ихъ отца, прогнали его, и взяли брата Изяславова, Ростислава ³⁾.

¹⁾ Прибылъ осенью 1148 г.

²⁾ Ипат. спис. 40.

³⁾ Прибылъ въ Новгородъ 17 апрѣля 1154.

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, суздальская партія, прежде уже пустившая въ Новгородѣ корень, то одерживала верхъ, то падала. Какъ край торговый, Великій Новгородъ не могъ не испытывать на себѣ вліянія переворотовъ, происходившихъ на югѣ. Когда Изяславъ умеръ ¹⁾, Ростиславъ ушелъ изъ Новгорода попытаться захватить великое княженіе въ Кіевѣ и оставилъ новгородцамъ сына Давида. Попытка Ростиславу не удалась. Княземъ кievскимъ сдѣлался Юрій суздальскій и новгородцы прогнали Давида, избрали княземъ себѣ Юріева сына, Мстислава ²⁾, а потомъ опять пристали къ сторонѣ Мстиславичей, взяли себѣ княземъ сына Ростиславова ³⁾, изгоняли его, замѣняли внукомъ суздальскаго князя ⁴⁾ и опять призывали ⁵⁾; а когда въ Кіевѣ, въ 1167 году, сдѣлался великимъ княземъ Мстиславъ Изяславичъ, въ Новгородѣ прогнали Ростиславова сына и призвали Мстиславова, Романа. Но прежній князь имѣлъ тамъ много своихъ приверженцевъ. Такимъ образомъ, дошло до кровопролитнаго междоусобія. Изгнанный князь, Святославъ, при помощи братіи, хотѣлъ охранить свое право: то былъ первый случай, когда изгнанный князь дорожилъ своею властью въ Новгородѣ. Въ досадѣ оскорбленнаго самолюбія, онъ даже соединился съ суздальцами. Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ долженъ былъ отстаивать себя безъ князя и не прежде какъ въ апрѣлѣ 1168 г. прибылъ туда приглашенный сынъ Мстислава Изяславича, Романъ. Братья оскорбленнаго Святослава Ростиславича продолжали воевать новгородскія земли.

¹⁾ Ноября 14, 1154 г.

²⁾ Января 30, 1155 г.

³⁾ Святослава. Другого князя, брата его, Давида, бывшего прежде въ Новгородѣ, посадили въ Новомъ-Торгу 1157 года.

⁴⁾ Мстиславомъ Ростиславичемъ. Прибылъ въ Новгородъ 21 іюня, 1160 года.

⁵⁾ Прибылъ снова въ Новгородъ 28 сентября, 1161 года.

На ихъ сторонѣ былъ сильный суздальскій князь Андрей, раздраженный противъ Новгорода за то, что, во время борьбы его съ южно-русскими князьями, Новгородъ держался стороны послѣднихъ. Этой сторонѣ пришлось проиграть. Уничтоживъ силу и первенство Кіева, Андрей хотѣлъ покорить и Новгородъ, и сначала покусился на важнѣйшій источникъ новгородской силы—Двинскую Землю. Тамъ явилась партія недовольныхъ новгородскимъ правленіемъ и приняла сторону Андрея. Отрядъ новгородцевъ, подъ начальствомъ Даньслава Лазутинича, отправился въ Заволочье для усмиренія провинціи и для сбора дани, и столкнулся съ суздальскими войсками, посланными для завоеванія земли. Произошла битва. Богъ пособилъ новгородцамъ — говоритъ лѣтописецъ и повѣствуетъ, что новгородцевъ было 400, суздальцевъ 7,000, и разбили новгородцы суздальцевъ; послѣднихъ убито 1,300, а новгородцы потеряли только пятнадцать чело-вѣкъ¹⁾. Это сказаніе имѣетъ важность какъ образчикъ возрѣнія самихъ новгородцевъ на свои побѣды, а не какъ извѣстіе съ фактическою достовѣрностію. Побѣдители покусились на владѣнія суздальскія и начали собирать дань на суздальскихъ смердахъ по сосѣдству съ новгородскими колоніями. Раздраженный Андрей составилъ сильную коалицію изъ подручныхъ князей съ ополченіями ихъ земель и послалъ на Новгородъ. Кромѣ многочисленнаго ополченія суздальскаго, на Новгородъ двинулись смольняне со своими князьями, Романомъ и Мстиславомъ, братьями обиженнаго Святослава, недавно помогавшими ему въ войнѣ съ Новгородомъ; двинулись муромцы съ своими князьями, и полочане, легко поднятые на Новгородъ по какой-то давней непріязни къ Новгороду. Эти войска вступили въ Новгородскую область,—запылали новгородскія села; враги

¹⁾ Новг. I, 14.

убивали жителей и загоняли въ плѣнъ, и такъ достигли до Новгорода.

Въ сборное воскресенье 22-го февраля 1169 г. ополченіе подступило къ городу. Враги съ высокоуміемъ дѣлили между собою по жребію улицы Новгорода и женъ и дѣтей новгородскихъ. Граждане отбивались три дня, и стали изнемогать. Въ ночь передъ четвертымъ днемъ — гласить преданіе — архіепископъ Іоаннъ молился передъ образомъ Спасителя, и услышалъ гласъ отъ иконы: «иди на Ильину улицу въ церковь Спаса и тамъ возьми икону Пресвятыя Богородицы и вознеси ее на забрало, и она спасетъ Новгородъ!» Утромъ святитель созвалъ соборъ и объявилъ о такомъ видѣніи. Духовенство отправилось торжественною процессією въ указанную церковь. По повелѣнію владыки, протодіаконъ хотѣлъ взять икону, но икона не двинулась съ мѣста. Только послѣ усерднаго моленія, святитель могъ взять ее своими руками, въ сопровожденіи новгородцевъ отправился на стѣну у Загороднаго конца, между Добрыниной и Прусской улицами, и вознесъ икону на забрало, подъ дождемъ стрѣлъ. Икона обращается навадъ; изъ глазъ ея потекли слезы и упали на фелонь архіепископа. Тогда на суздальцевъ напало одурѣніе; они стали стрѣлять другъ въ друга и пришли въ безпорядокъ. Ободренные новгородцы ударили на нихъ и нанесли имъ совершенное пораженіе. Враги Великаго Новгорода бѣжали безъ оглядки; множество неспѣвавшихъ унести ноги попадалось въ плѣнъ; и было такъ много плѣнниковъ, что новгородцы продавали ихъ по двѣ ноги за голову. Все поле вокругъ города—говорить древнее сказаніе—было покрыто трупами и громады убитыхъ лежали по дебрямъ и болотамъ. Союзники суздальцевъ, увидя такое пораженіе, оставили осаду и удалились. Это происходило 25-го февраля, въ среду. Въ такомъ видѣ перешло это событіе на воспоминаніе потомства. Какъ бы

оно ни происходило въ самомъ дѣлѣ, важность его для исторіи остается въ томъ нравственномъ вліяніи, съ какимъ оно впечатлѣлось въ народномъ воззрѣніи. Въ этомъ отношеніи день 25 февраля 1169 года составляетъ одну изъ тѣхъ многозначительныхъ, рѣзко блистающихъ своимъ свѣтомъ эпохъ, которыя возвышаютъ народное чувство, уясняютъ для народа его самосознаніе, укрѣпляютъ народную волю, способствуютъ развитію его силъ, и въ годы искушеній предохраняютъ отъ паденія. Легенда эта, въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, гораздо позже приняла церковное значеніе, и не прежде какъ въ XIV вѣкѣ построена была церковь Знаменія и была туда перенесена икона, до того времени стоявшая въ церкви Спаса. Но это уже показываетъ, какъ крѣпка была память объ этомъ событіи въ народѣ, когда такъ долго оно сохраняло свою свѣжесть. Видно, что, переходя изъ устъ въ уста, это преданіе поддерживало, при каждой новой борьбѣ съ Восточной Русью, нравственную силу народа, вмѣстѣ съ другими воспоминаніями. Въ народѣ внѣдрилось сознаніе, что чудодѣйственная Божія сила защищаетъ Новгородъ.

Борьба съ Суздальскимъ краемъ въ исторіи Новгорода имѣетъ глубокое, историческое и этнографическое основаніе. Нѣкогда, въ эпоху сѣдой, отдаленной древности, когда еще славянская колонія только что начала поглощать въ себя финскую народную стихію въ Суздальско-Ростовской Землѣ, Новгородъ былъ главою этой страны. Ростовъ находился въ союзѣ, призывавшемъ русскихъ князей, на челѣ котораго былъ Великій Новгородъ. Въ послѣдующія времена, когда части русскаго міра соединились подъ перевѣсомъ Руси кievской, и самъ Новгородъ долженъ былъ подчиниться этой власти, — Ростовско-Суздальская Земля, дѣлаясь особымъ удѣломъ въ распредѣленіи земель по княжескому роду, отпала отъ этой древней связи съ Новго-

родомъ. Новгородъ помнилъ старину, и это воспоминаніе, какъ сказано выше, возбудило въ новгородцахъ охоту покорить свое старое достояніе,—охоту, столь неудачно распръшившуюся Ждановской битвой. Суздальцы не играли чисто-страдательной роли въ этомъ дѣлѣ: кромѣ княжескихъ интересовъ, были еще съ ихъ стороны и народные, противодѣйствовавшіе стремленіямъ Великаго Новгорода; и въ этой землѣ, какъ въ другихъ краяхъ, вѣчевое участіе народа не было устранено, и побужденія князей совпадали съ побужденіями народными, когда шло дѣло о политическомъ значеніи земли въ русскомъ удѣльно-вѣчевомъ союзѣ. Ростовско-Суздальская Земля также непріязненно смотрѣла на Новгородъ. Взаимная народная вражда этихъ земель выказывается многими чертами ихъ распрѣ и, между-прочимъ, въ событіи разбитія суздальцевъ подѣ стѣнами Новгорода. Самое описаніе этого событія въ Новгородской и въ Суздальской Лѣтописяхъ различно, и это различіе указываетъ на то-же взаимное нерасположеніе. Тогда какъ Новгородская лѣтопись изображаетъ полное героическое торжество Новгорода, въ Суздальской разсказывается о чудесахъ, но совсѣмъ въ обратномъ значеніи. Проигрышъ суздальцевъ ослабляется изъ національной гордости; выставляется бѣдствіе, постигшее Новгородскую область отъ разоренія союзными войсками, и, наконецъ, прилагается философское размышленіе о томъ, что Новгородъ наказанъ отъ Бога за его высокомѣріе и за грѣхи посредствомъ князя Андрея. Лѣтописецъ-суздалецъ не знаетъ о чудѣ, совершившемся на забралѣ Загороднаго конца; но до него доходило, что въ трехъ новгородскихъ церквахъ, на трехъ иконахъ плакала Пресвятая Богородица; то были, однако, не слезы сочувствія къ правотѣ дѣла новгородцевъ, а слезы милосердія къ грѣшникамъ, по божественной милости падающей ихъ при всѣхъ ихъ преступленіяхъ, за которыя они достойны были,

по правосудію, сугубой кары. Какъ ни казалась, однако, свирѣпою вражда непріязненныхъ земель, но она была все-таки удѣльная, домашняя; какъ ни жестоки были проявленія взаимной непріязни, враги не переставали видѣть одинъ въ другомъ соотечественниковъ. Новгородъ готовъ былъ признать первенство суздальскаго или владимирскаго князя, когда его принуждали къ этому обстоятельства. Новгородъ только остерегался, чтобъ суздадецъ или владимирецъ не нарушилъ его свободы; послѣдніе съ своей стороны старались обвинить Новгородъ, когда возникли съ нимъ недоразумѣнія, но не отрицали права Новгорода вообще на свою областную самостоятельность. Только это равновѣсіе понятій объ областной независимости и о государственномъ единствѣ цѣлой Руси объясняетъ то безпрестанное колебаніе, съ какимъ Новгородъ то велъ ожесточенную войну съ суздальцами, то легко подчинялся первенству тамошнихъ князей.

Не далѣе какъ на слѣдующій годъ, послѣ блестящаго успѣха новгородцевъ, измѣнились отношенія Новгорода къ Андрею. Когда вся Русь склонилась подъ его великокняжескимъ первенствомъ, Новгородъ не получалъ ни откуда хлѣба; стала дороговизна, гибельная для края, гдѣ, по безпечности, не думали о запасахъ и не насилывали природу, чтобъ дополнить искусственнымъ усиленіемъ труда ея малую производительность. Это заставило новгородцевъ покориться. Храброго князя Романа, который защищалъ Новгородъ, прогнали; отправили къ Андрею посольство, предлагали мировую не иначе, однако, какъ на всей волѣ своей. Въ 1171 году приняли княземъ Андреева сына, Юрія.

Новгородъ все-таки выигралъ. Безъ 25-го февраля 1169 года, этотъ же князь могъ явиться отъ отца, великаго князя, какъ намѣстникъ въ покоренную землю, а теперь онъ является призванный на вольныхъ условіяхъ.

Послѣ трагической кончины Андрея, Новгородъ про-

гналъ его сына, и нѣсколько лѣтъ потомъ принималъ къ себѣ, одного за другимъ, князей изъ Южной Руси и поддерживалъ еще разъ Южную Русь противъ притязаній владѣтелей суздальско-ростовскаго края. Между князьями, посѣщавшими одинъ за другимъ Новгородъ, выказывается своимъ значеніемъ Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Въ эпоху Андреева ополченія на Новгородъ, этотъ князь со смоленянами былъ въ числѣ враговъ новгородскихъ. Но то было мгновенное увлеченіе. Новгородцы не помянули стараго, послѣ того, какъ этотъ князь нѣсколько разъ заявлялъ себя врагомъ Андрея и Суздальской Земли. Въ 1179 году Новгородъ пригласилъ его, зная, что онъ — говорить лѣтописецъ — всегда на великія дѣла порывался. Памятна была его славная защита Вышгорода противъ покушеній Андрея. Мстиславъ не хотѣлъ-было покидать Смоленскую Землю и разставаться съ своею братіею, но братья и мужи уговорили его. Новгородъ принялъ его съ честію. Епископъ, духовенство съ крестами, весь народъ, встрѣчали его съ торжествомъ и посадили его у св. Софіи. Явившись на вѣче, онъ говорилъ: «Обидятъ васъ поганые — воззримъ на Бога и на помощь Пресвятой Богородицы, и освободимъ Новгородскую Землю отъ поганыхъ.» Это значило, что Чудь, на которую давно претендовали новгородцы, отложила тогда отъ Великаго Новгорода. Мстиславъ — говоритъ лѣтописецъ ¹⁾, собралъ до двадцати тысячъ новгородцевъ, повоевалъ землю Чудскую, подчинилъ ее Новгороду, и готовился идти войною на Полоцкъ, чтобъ отомстить за древніе набѣги Брючислава и Всеслава; но тутъ схватила его болѣзнь, силы его упали. Онъ угасть въ Новгородѣ 14 іюня 1180 г., проживши тамъ очень мало времени, но подавши много несбывшихся надеждъ. Когда его хоронили, новгородцы — по словамъ лѣтописи, — такъ его

¹⁾ Ипат. Спис. 120.

оплакивали: «вотъ уже, господинъ князь, мы не можемъ поѣхать съ тобою въ чужую землю поработать поганныхъ Новгородской области; дѣдъ твой Мстиславъ освободилъ насъ отъ всѣхъ обидъ; а ты, господинъ нашъ, поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего». Его храбрость, его презрѣніе къ смерти, при этомъ его набожность и щедрость, располагали къ нему и духовныхъ, и мірянъ. Послѣ смерти, его причислили къ лику святыхъ. Самое его короткое пребываніе въ Новгородѣ способствовало тому, что о немъ сохранилась такая свѣтлая, невозмутимая память.

Находясь въ постоянной непріязни ко князю Всеволоду, представителю Суздальской Земли, Новгородъ преодолѣлъ нерасположеніе къ Ольговичамъ. Когда одинъ изъ ихъ рода, Святославъ Всеволодовичъ, овладѣлъ Кіевомъ, Новгородъ, сохраняя связь съ Южной Русью, призналъ его первенство, принялъ его сына и велъ разорительную войну со Всеволодомъ суздальскимъ. Тогда новгородцы опустошили побережье Волги; но Всеволодъ, послѣ пятинедѣльной осады въ 1181 г., взялъ новгородскій пригородъ Новый-Торгъ, сжегъ его и жителей всѣхъ увелъ въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и одинъ изъ сыновей его соперника — Святослава Всеволодовича. Замѣчательно, что при этомъ погромѣ Торжка, составлявшіе дружину князя были озлоблены противъ Новгорода болѣе чѣмъ онъ самъ. Безчестіе, за которое могъ бы обвинять новгородцевъ князь, ложилось на дружину; новоторжцы покорялись и предлагали ему дань; дружина сопротивлялась: «Мы не цѣловать ихъ пріѣхали,—говорили дружинники — они, княже, богowi лжуть и тобѣ ¹⁾». И тогда-то Новый-Торгъ былъ взятъ и разоренъ съ неистовствомъ. Вотъ примѣръ, когда князь, повидимому ополчаясь за свои личные интересы, въ самомъ-дѣлѣ былъ орудіемъ и народныхъ побужденій.

¹⁾ Лавр. Сп. 163.

Это событіе заставило новгородцевъ помириться съ суздальскимъ княземъ. Уладили дѣло такъ, чтобы сохранить миръ съ Всеволодомъ, но не принимать князя изъ Суздальской Земли. Въ 1181 г. изгнали сына Святослава Всеволодовича, и взяли Всеволодова свояка, Ярослава Владимировича; онъ былъ внукъ Мстислава Великаго, любимого памятью народною. И вотъ, примирившись со Всеволодомъ, Новгородъ, въ династическомъ вопросѣ, удержалъ прежнее свое сочувствіе къ роду Мстислава. Но противныя другъ другу партіи волновали городъ; одни, руководясь выгодами и избѣгая разореній, какія край терпѣлъ во время размолвки съ Суздальскою Землею, клонились къ миру со Всеволодомъ и готовы были признать его право давать князя Новгороду, лишь бы только съ неприкосновенностію своего внутренняго самоуправленія; другіе упорно стояли за связь съ Южной Русью, за старину и за вражду съ Суздальскою Землею и съ суздальскими князьями. Въ 1184 г. южно-русская партія одолѣла, — Ярослава прогнали. Но въ 1187 г. суздальская партія превозмогла. Ярослава Владимировича снова призвали. Въ 1195 г. Всеволодъ потребовалъ, чтобы Новгородъ помогалъ военною силою противъ Ольговичей. Новгородцы пошли неохотно. Самъ Ярославъ, кажется, не очень пылко принимался за это дѣло. Тогда суздальская партія сблизилась тѣснѣе со Всеволодомъ, хотѣла призвать его сына, но противная партія на этотъ разъ перевысила. Вѣче, подъ вліяніемъ этой партіи, положило: *все князи въ свободу идѣ собѣ любо, туже собѣ князя поимають*. Новгородцы вспомнили, что все князья равны для Новгорода: не существуетъ никакого права за тѣмъ или за другимъ, кромѣ добровольнаго народнаго выбора; и теперь они облекали въ легальную форму то, что существовало издавна на дѣлѣ. Ярослава прогнали и пригласили врага Всеволодова — молодого князя черниговскаго, изъ Ольговичей. Ярославъ Владимировичъ

въ 1196 г. ушелъ въ Новый-Торгъ и утвердился тамъ. Всеволодъ принялъ его сторону. Новоторжцы стали за Ярослава. Онъ овладѣлъ волостью Новаго-Торга, собиралъ дань по Мстѣ, а Всеволодъ приказалъ ловить новгородцевъ, разбѣжавшихъ по его волости. Это опять дало силу суздальской партіи въ Новгородѣ, потому что въ ней состояли богатые торговцы, которые разорялись при враждѣ съ Суздальскою Землею. Новый-Торгъ былъ важнымъ мѣстомъ для ихъ выгодъ. Надобно было избавиться, отъ такихъ неудобствъ. Опять призвали съ честію Ярослава. Но въ 1199 г. Ярославъ опять не ужился въ Новгородѣ и уѣхалъ. Суздальская партія пошла такъ далеко, что просила у Всеволода сына его и признавала суздальскаго князя какъ-бы наслѣдственнымъ владѣтелемъ Новгорода. На челѣ этой партіи была фамилія Мирошки (Мирошкинчадь). Явились новгородскіе послы ко Всеволоду и говорили: «Ты, господинъ, великій князь, Всеволодъ Юрьевичъ! Просимъ у тебя сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новгородъ». ¹⁾ Быть можетъ, это извѣстіе, записанное въ Суздальской лѣтописи, не вполне справедливо;—едва-ли точно такъ отзывались новгородцы: потому что этимъ уничтожалось бы прежнее недавнее постановленіе новгородскаго вѣча, признававшее, какъ выше сказано, всѣхъ князей равными по отношенію Новгорода и оставлявшее за народомъ право избирать князя по желанію — безусловно. Вѣроятно, Суздальская лѣтопись, — какъ это часто случается въ ней, въ описаніи споровъ съ Новгородомъ,—изъ мѣстнаго патріотизма освѣщаетъ фактъ свѣтомъ, исключительно благопріятнымъ для своей земли. Всеволодъ далъ имъ сына, Святослава. Въ 1205 г. ²⁾ Всеволодъ перемѣнилъ князя и далъ новгородцамъ другого

¹⁾ Лавр. Сп., 175.

²⁾ Новг. Л. I. 29.

сына, старшаго, по имени Константина. Лѣтописецъ разсказываетъ, что когда Всеволодъ отправлялъ въ Новгородъ Константина, то, вручая ему крестъ и мечъ, какъ знаки его посвященія въ принимаемое званіе, говорилъ: «Сыну мой Константине! на тебѣ Богъ положилъ старѣйшинство въ братіи своей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской Землѣ». Великій князь ставилъ въ соотношеніе старѣйшинство князей между собою со старѣйшинствомъ городовъ, и казалось хотѣлъ, по старымъ примѣрамъ, утвердить и узаконить обычай, чтобъ старѣйшій сынъ великаго князя былъ княземъ въ Новгородѣ. Въ то же время онъ льстилъ новгородцамъ, называя ихъ городъ старѣйшимъ въ Русской Землѣ. Требуя для себя, какъ для великаго князя, права назначенія сыновей князьями въ Новгородъ, онъ признавалъ его самоуправленіе и самосудность. Когда новгородцы (1208—1209 г.) помогли ему въ Рязанской Землѣ, онъ сказалъ отъ имени своего великокняжескаго достоинства ко всему Великому Новгороду: «Кто вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните.» Онъ подтвердилъ ему всѣ уставы прежнихъ князей; онъ казался хранителемъ свободы и правъ вольной земли; и тутъ-то Новгородъ опутался въ его политику. Вслѣдъ за тѣмъ вывелъ онъ старѣйшаго сына своего изъ Новгорода и далъ новгородцамъ другого—Святослава, бывшаго уже разъ въ Новгородѣ. Такимъ образомъ, этотъ князь прибылъ въ Новгородъ уже не по сочетанію понятій о старѣйшинствѣ Новгорода со старѣйшинствомъ назначаемого туда князя, какъ прибылъ Константинъ, а по произволу великаго князя. Всеволодъ самъ нарушалъ то, что недавно выставлялъ какъ законное основаніе; онъ постепенно велъ къ тому, чтобъ назначать въ Новгородъ такого князя, какого ему угодно, и такимъ образомъ подчинить своей власти вольный край. Новгородъ тогда сильно волновался; партіи захватывали одна у другой власть и

стѣшили пользоваться короткимъ временемъ господства, чтобы пріобрѣсть выгоды на счетъ другихъ; но въ свою очередь скоро теряли все пріобрѣтенное, уступая силѣ противниковъ. Самая фамилія Мирошкина, поддерживавшая суздальскую сторону, пала, несмотря на то, что въ Новгородѣ княжилъ сынъ великаго князя. Отозвались посаднику Дмитру налоги, которыми онъ обременялъ народъ для поживы своей семьи; разграбили и сожгли дворы богачей, державшихся суздальской партіи. За эту народную расправу Всеволодъ приказывалъ, въ своей волости, задерживать новгородскихъ купцовъ и конфисковать ихъ товары.

Вдругъ, на слѣдующій 1210 г., является Новгороду защитникъ. То былъ Мстиславъ, торопецкій князь, по прозвищу Удамый, сынъ Мстислава, по прозвищу Храброго, погребеннаго у св. Софіи въ Новгородѣ. Не видно, чтобъ его звали: онъ самъ добровольно явился на выручку Великаго Новгорода. Зимой неожиданно напалъ онъ на Торжокъ, схватилъ дворянъ Святослава Всеволодовича и торжковского посадника, сторонника суздальской партіи, и заковалъ ихъ. Послѣ того, онъ послалъ въ Новгородъ такое привѣтствіе:

«Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и всѣмъ новгородцамъ; пришелъ есмь къ вамъ, слышавъ насиліе отъ князей, и жаль мнѣ своей отчины!»

Тогда для Новгорода настало время такого одушевленія, какое, проникая массу народа, заставляетъ умолкать духъ партій, мелкія распри, корыстныя побужденія, — соединяетъ умы и чувства, опредѣляетъ стремленія и подвигаетъ къ общему дѣлу. Князя Святослава, сына Всеволодова, и его дворянъ взяли подъ стражу на владычнемъ дворѣ и послали ко Мстиславу съ честною рѣчью: «Поди, княже, на столъ».

Мстиславъ явился, и съ честью посаженъ на столѣ.

Собралось ополченіе Новгородской Земли и онъ повелъ его на Всеволода. Новгородцы дошли до Плоской. Тутъ явились послы Всеволода. «Ты мнѣ сынъ, я тебѣ отецъ,—говорили они отъ лица своего князя:—отпусти моего сына Святослава и мужей его, а я отпускаю новгородскихъ гостей». Мстиславъ не былъ изъ числа забіякъ, жадныхъ къ дракамъ. Онъ радовался, когда безъ боя дѣлалось то, за чтó онъ готовъ былъ воевать. Съ обѣихъ сторонъ поцѣловали крестъ. Мстиславъ съ новгородскимъ ополченіемъ воротился въ Новгородъ побѣдителемъ, не проливши крови.

Для Новгорода наступили такіе же дни героизма, славы и чести, какъ для Кіева при Владимирѣ Мономахѣ. Никогда отношенія народа ко князю не являются въ такихъ согласныхъ чертахъ. Мстиславъ безкорыстно ратовалъ за новгородскіе интересы; новгородцы помогали Мстиславу въ его родовыхъ дѣлахъ. Мстиславъ ходилъ съ новгородцами на Чудь, по слѣдамъ отцовскимъ, и подчинилъ этотъ народъ Новгороду вплоть до моря. Взявши съ побѣжденныхъ дань, онъ отдалъ двѣ части ея новгородцамъ, третью—своимъ дворянамъ, а себѣ не взялъ ничего. Въ 1214 г. Мстислава призывали рѣшить запутанное дѣло въ Южной Руси. Внуки Ростислава Мстиславича были изгнаны Ольговичами и просили помощи. Мстиславъ на вѣтъ сталъ просить Новгородъ помочь его родственникамъ противъ главы Ольговичей—Всеволода Чермнаго.

Новгородцы въ одинъ голосъ закричали:

«Куда ты, княже, глянешь очами, туда мы обратимся съ своими головами!»

Новгородское ополченіе двинулось ко Смоленску; тамъ соединились съ нимъ смольняне, которые также шли защищать дѣло князей дома, у нихъ правившаго. На дорогѣ новгородцы со смольнянами не ладили; одного смольнянина въ ссорѣ убили; потомъ взаимная вражда до того

разгорѣлась, что новгородцы рѣшили не идти далѣе и воротиться домой. Мстиславъ убѣждалъ ихъ рассудить и уладить споръ; новгородцы не хотѣли ничего слушать. Тогда Мстиславъ поклонился ихъ полемому вѣчу и попрощался съ ними дружелюбно. Новгородцы опомнились. Вѣче собралось опять и посадникъ Твердиславъ говорилъ: «Братья! какъ наши дѣды и отцы страдали за Русскую Землю, такъ, братія, и мы пойдемъ за своимъ княземъ». Всѣ опять пошли за Мстиславомъ. Новгородцы со смолянами выгнали изъ Кіева Всеволода Чермнаго и посадили тамъ внука Ростиславова — Мстислава Романовича, двоюроднаго брата Мстислава-Удалого; потомъ осадили Черниговъ, послѣ двѣнадцатидневной стоянки подъ городомъ принудили Всеволода къ миру, и взяли съ него дары, какъ съ побѣжденнаго. Тогда Новгородъ сталъ на важную ступень политическаго значенія въ русской федераціи: онъ рѣшалъ судьбу чужихъ отдаленныхъ областей, устанавливалъ рядъ въ Русской Землѣ.

Мстиславова натура была несклонна къ постоянному пребыванію въ одномъ мѣстѣ. Было у него слишкомъ много охоты къ трудамъ, опасностямъ и подвигамъ. Къ тому же не по душѣ было Мстиславу и то, что въ Новгородѣ не упала партія, расположенная ко Всеволоду и къ союзу съ Суздальскою Землею; въ связи съ нею было дѣло духовное: Мстиславъ и его партія низложили и послали въ Торопецъ архіепископа Митрофана — креатуру Всеволода. На мѣсто его возвели Добрыню Ядрейковича, подъ именемъ Антонія. Но у Митрофана оставались приверженцы. Они были врагами Мстислава Удалого. Они могли прикрывать свою враждебность къ нему защитой церковной правды. По извѣстіямъ, записаннымъ Татищевымъ изъ неизданныхъ лѣтописныхъ списковъ, простой народъ любилъ Мстислава; но знатныя фамиліи начали составлять тайныя скопища и намѣревались изгнать князя. Быть можетъ,

эти обстоятельства также побуждали Мстислава оставить тогда Новгородъ. Въ 1215 г. онъ явился на вѣче, поклонился вольному Великому Новгороду и сказалъ: «У меня есть дѣла на Руси (суть ми орудія въ Руси), а вы вольны въ князьяхъ.» Онъ уѣхалъ.

И едва только уѣхалъ онъ, какъ суздальская партія, послѣ многихъ преній на вѣчѣ, опять захватила господство. Замѣтно, что при этомъ играли большую роль торговые интересы. Новгородъ вошелъ уже въ широкую торговую дѣятельность съ Западомъ; черезъ руки его проходили западные товары въ русскіе края. Кіевская Русь, изнуренная междоусобіями и иноплеменными нашествіями, годъ отъ году упадала; напротивъ, сѣверо-восточная населялась, процвѣтала обиліемъ и зажиточностію. Новгородскіе торговцы находили туда удобный сбытъ товаровъ. Съ другой стороны, Новгородскій край постоянно нуждался въ подвозѣ хлѣба. Этотъ подвозъ былъ скуднѣе изъ Южной Руси; тамъ земледѣліе упало отъ безпрестанныхъ раззореній края, и необходимый Новгороду хлѣбъ сталъ доставляться изъ Восточной Руси. Соединеніе съ Восточною Русью было и ближе, и легче: для него служила хорошимъ путемъ Волга съ своими притоками. Эти матеріальныя выгоды преодолевали и древнее народное нерасположеніе къ суздальскому народу и древнюю родственную связь съ Южной Русью, связь, неизбѣжно ослабѣвшую отъ водворенія въ Южной Руси разныхъ иноплеменниковъ, какъ это случилось въ этой странѣ разомъ съ ея политическимъ и общественнымъ упадкомъ. По отходѣ Мстислава, въ тотъ же 1215 г., рѣшено просить княземъ въ Новгородъ сына Всеволодова, Ярослава. Звать его послали посадника, тысяцкого и десять старѣйшихъ купцовъ. Участіе купцовъ въ посольствѣ показываетъ, что торговые интересы руководили этимъ выборомъ. Ярославъ пріѣхалъ; его встрѣчали съ торжествомъ; самъ архіепископъ, сторонникъ

Мстислава, долженъ былъ поневолѣ выходить къ нему на эту почетную встрѣчу.

Тотчасъ же волненія вспыхнули снова. Ярославъ захватилъ своихъ недоброжелателей (Якуна Зуболомнича и Оому Доброщаниця, новоторжскаго посадника), и въ оковахъ отправилъ въ Тверь; потомъ, по наущенію князя, вѣче, гдѣ брала верхъ его партія, разграбило тысяческаго Якуна; князь арестовалъ его сына. Противная партія въ отместку преслѣдовала его сторонниковъ; дошло дѣло до убійства: прусы (жители Прусской улицы) убили Овстрата и сына его Луготу, приверженцевъ Ярослава ¹⁾). Ярославъ огорчился этимъ и уѣхалъ изъ Новгорода въ Торжокъ. Онъ взялъ съ собою бояръ и, одаривъ ихъ, отпустилъ снова въ Новгородъ, вѣроятно, чтобъ имѣть тамъ сторонниковъ. Въ Новгородѣ на Городищѣ оставленъ имъ намѣстникомъ Хоть Григоровичъ. Самъ князь Ярославъ утвердился въ Торжкѣ, и задумалъ сдѣлать этотъ пригородъ главнымъ городомъ, средоточіемъ власти надъ всею Новгородскою Землею, изъ Торжка сдѣлать Новгородъ. Изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ мѣстъ замѣтно, что Торжокъ еще прежде, возвышаясь, сталъ уже соперничать съ Великимъ Новгородомъ. Эта новгородская колонія возникла съ торговыми цѣлями, какъ показываетъ ея названіе — Новый-Торгъ. Счастливое положеніе сдѣлало его посредствующимъ мѣстомъ торговаго обращенія Новгорода съ Восточной Русью. По мѣрѣ того, какъ новгородская торговля находила себѣ пути на юго-востокъ, Торжокъ богатѣлъ. Многіе изъ новгородскихъ торговцевъ, побуждаемые выгодами, переселились туда; мало-по-малу образовались тамъ самобытные интересы, отличные отъ новгородскихъ; и потому, по мѣрѣ того, какъ Торжокъ возвышался, зависимость отъ Новгорода становилась ему затруднительною. Она на него на-

¹⁾ Новг. Л. I, 83.

влекала и внѣшнія опасности. Торжокъ стоялъ на границѣ Новгородской Земли и долженъ былъ испытывать всякаго рода мщеніе, приготовленное извнѣ Великому Новгороду. За природными средствами обороны до Новгорода самого добраться было трудно, до Новаго-Торга легко, и Новый-Торгъ расплачивался за Новгородъ. Такъ Всеволодъ въ 1181 г., враждуя съ Новгородомъ, взялъ Новый-Торгъ и разорилъ. Князья новгородскіе, будучи креатурами суздальскихъ князей, не поладивъ съ Новгородомъ, пользовались положеніемъ Новаго-Торга, уходили туда и тамъ находили себѣ упоръ, чтобъ оттуда вредить Новгороду. Такъ Ярославъ Володимировичъ поступилъ въ 1196 году. Такъ и теперь поступалъ Ярославъ Всеволодовичъ. Выгоды быть съ Суздальскою Землею въ мирѣ и невыгоды, неизбежныя при ссорѣ съ нею, располагали новоторжцевъ принимать сторону князя, неполадившаго съ Новгородомъ, коль скоро этотъ князь находился подъ покровительствомъ князей Суздальской Земли. Черезъ Торжокъ лежала большая торговая дорога. Князь, утвердившись въ Торжкѣ, овладѣвалъ ею и пресѣкалъ торговое сообщеніе съ Новгородомъ. Самъ Торжокъ, какъ и всѣ пригороды, находясь подъ властію Великаго Новгорода, составлялъ по себѣ средоточіе области, которая тянула непосредственно къ нему, — и такимъ образомъ князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, дѣлался владѣтелемъ всей Новоторжской области, а господствуя надъ нею, отнималъ у Новгорода значительную часть его владѣній. Кромѣ того, въ такихъ обстоятельствахъ, князь имѣлъ еще и ту выгоду, что Новоторжская область граничила съ краемъ, которымъ правили суздальскіе князья. Князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, могъ свободно получать свѣжія военныя силы для непріязненныхъ дѣйствій противъ Новгорода. Какъ въ Суздальской Землѣ, Владимиръ—пригородъ, взялъ перевѣсъ надъ старѣйшими городами—Суздалемъ и Ростовомъ, такъ Ярославъ хотѣлъ теперь

такую же роль дать новгородскому пригороду, Торжку, въ Новгородской Землѣ. Обстоятельства, казалось, помогали ему. Морозъ побилъ хлѣбъ; сдѣлалась дороговизна: Ярославъ не пускалъ черезъ Торжокъ ни одного воза съ хлѣбомъ; начался голодъ. Его размѣры стали особенно ужасны въ сѣверо-западной странѣ Новгородской Земли (въ Води). Новгородцы посылали звать князя; князь не приходилъ и не отпустилъ посланниковъ. Новгородцы послали къ нему еще разъ, съ послѣднею рѣчью: «Иди въ свою отчину ко св. Софіи, а не пойдешь, такъ скажи». Ярославъ не приходилъ въ Новгородъ и не отвѣчалъ ничего Новгороду, и опять, какъ прежде, не отпустилъ посланныхъ, да вдобавокъ приказалъ задерживать новгородскихъ гостей и оставлять ихъ въ Торжкѣ. И были, — говорить лѣтописецъ, — тогда въ Новгородѣ печаль и вопль.

VI.

ПОДВИГИ МСТИСЛАВА-УДАЛОГО.

Оставалась надежда на Мстислава. Новгородцы обратились къ нему. Неизвѣстно, гдѣ застали его. 11-го февраля 1216 г. онъ явился въ Новгородъ, и тотчасъ заковалъ на мѣстника Ярославова и его дворянъ. Онъ пріѣхалъ на Ярославовъ дворъ, на вѣче, цѣловалъ крестъ и сказалъ: «Либо возвращу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову повалю за Новгородъ»!. — «На жизнь и на смерть съ тобою!», отвѣчали новгородцы.

Мстиславъ отправилъ къ Ярославу посломъ священника Юрія изъ церкви Іоанна на Торжищѣ. Ярославъ уже слышалъ о томъ, что Мстиславъ идетъ выручать Новгородъ и послалъ сто человекъ природныхъ новгородцевъ, своихъ сторонниковъ, — не допускать Мстислава до Новгорода.

Прибытіе посла отъ Мстислава показало Ярославѣ, что замысль его не удался. — «Сыну!—говорить этотъ посолъ отъ имени своего князя:—отпусти мужей моихъ и гостей, удались изъ Новаго-Торга и возьми со мною любовь». Ярославъ отпустилъ священника безъ мира и приказалъ засѣкать дороги и загораживать путь по рѣкѣ Тверцѣ. Тутъ пришло къ нему извѣстіе, что отрядъ новгородцевъ, посланный имъ съ тѣмъ, чтобы не допустить Мстислава до Новгорода и, если можно, поймать его, самъ передался Мстиславу. Въ досадѣ Ярославъ собралъ за городомъ Торжкомъ новгородцевъ, которыхъ подозревалъ въ нерасположенности къ себѣ; приказалъ своей дружинѣ перековать ихъ, и отправилъ по разнымъ городамъ. Ихъ имущества и лошади были розданы Ярославовымъ дворянамъ. Число такихъ узниковъ лѣтописецъ простираетъ до двухъ тысячъ. Число это, вѣроятно, преувеличено, какъ вообще числа въ нашихъ лѣтописяхъ являются въ преувеличенномъ видѣ.

Пришла вѣсть объ этомъ въ Новгородъ. Мстиславъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, явился посреди новгородцевъ и сказалъ:

«Пойдемте, братья! поищемъ мужей своихъ, вашу братью; возвратимъ волю вашу. Да не будетъ Новый-Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ—Торжкомъ; но гдѣ святая Софія, тутъ Новгородъ. И въ многомъ Богъ и въ маломъ Богъ, и правда!»

Мстиславъ былъ не одинъ съ новгородцами. По его призыву, стали на помощь Великому Новгороду исковичи съ княземъ Владимиромъ, братомъ Мстислава; двинулись и смольняне съ княземъ Володимиромъ Рюриковичемъ. На счастье Новгороду, въ самой Суздальской Землѣ происходилъ тогда раздоръ между дѣтьми умершаго Всеволода — Константиномъ и Юріемъ; послѣдній былъ меньшимъ братомъ; вопреки обычаю старѣйшинства, по волѣ

отца, онъ сѣлъ во Владимирѣ старѣйшимъ княземъ надъ всею Суздальскою Землею. Мстиславъ объявилъ, что идетъ не только искать управы съ Ярославомъ, но и устанавливать рядъ въ Суздальской Землѣ, какъ недавно, по волгѣ своей и Великаго Новгорода, установилъ рядъ въ Южной Руси.

Новгородское ополченіе выступило въ походъ 1-го марта 1216 г. и черезъ два дня нѣсколько знатныхъ особъ убѣжало къ Ярославу. Эти люди присягали недавно Мстиславу, и потому лѣтописецъ называетъ ихъ крестопреступниками; они постарались забрать съ собою и свои семьи, которымъ безъ того могло быть худо отъ народнаго негодованія. Новгородцы взяли Зубцовъ и стали на Волгѣ. Тутъ къ нимъ присоединились смоляняне. Мстиславъ послалъ отъ себя, отъ союзныхъ князей и отъ всего Великаго Новгорода предлагать Ярославу миръ и управу.

Ярославъ отвѣчалъ: «Не хочу мира! идите, когда пришли». Между тѣмъ, его люди работали засѣки по рѣкѣ Тверцѣ.

Новгородцы, услышавъ гордый отвѣтъ, кричали:—«Къ Торжку! къ Торжку!»

«Нѣтъ,—отвѣчалъ имъ Мстиславъ:—коли пойдемъ на Торжокъ, то опустошимъ Новгородскую волость; пойдемте лучше на Тверь, въ зажитѣе».

Ополченіе двинулось къ Твери; стали жечь и грабить. Это заставило Ярослава выйти изъ Торжка къ Твери. Новгородцы, преданные ему, въ числѣ сотни человекъ, отправлены были въ переднюю сторожу. Мстиславъ провѣдалъ объ этомъ и послалъ противъ нихъ своихъ новгородцевъ подъ начальствомъ Яруна. Мстиславовы новгородцы разсѣяли Ярославовыхъ.

Послѣ того, Мстиславъ отправилъ смоленскаго боярина Явольда со смолянянами и псковичами къ Константину

ростовскому и приказалъ опустошать край по Волгѣ, а самъ съ новгородцами шелъ на санихъ по льду. На этомъ пути они сожгли городки Шесну и Дубну; псковичи и смоляне взяли городокъ Коснятинъ; все Поволжье страдало отъ огня. Константинъ ростовскій послалъ къ союзникамъ бояръ и отрядъ ратниковъ. «Князь Константинъ кланяется вамъ и радуется вашему приходу; вотъ вамъ въ помощь пять сотъ мужей ратныхъ; а ко мнѣ пришлите моего шурина Всеволода,» — говорили посланные отъ своего князя. Новгородцы отправили къ нему его шурина Всеволода и продолжали идти по Волгѣ. Но скоро ледъ сталъ таять; они побросали сани, сѣли на лошадей и поѣхали къ Переяславлю; разнесся слухъ, что Ярославъ тамъ. 9-го апрѣля у Городища, на рѣкѣ Сарѣ, пришли къ нимъ ростовцы съ княземъ Константиномъ. Союзники отрядили псковичей къ Ростову, а сами всѣмъ ополченіемъ подошли къ Переяславлю. Ярослава тамъ не было. Взятый въ плѣнъ подъ городомъ человекъ сказалъ, что Ярославъ ушелъ къ брату Юрію во Владимиръ, и тамъ готовится большое ополченіе.

Въ самомъ дѣлѣ, вступленіе новгородскаго ополченія въ Суздальскую Землю всѣхъ расшевелило, все на дыбы поставило. Вся сила Суздальской Земли вооружалась; изъ селъ погнали земледѣльцевъ; кто конный, кто пѣшій, кто съ оружіемъ, кто съ простой дубиной — шли оборонять свой край. Пристали къ нимъ муромцы и городчане; были между ними бродники, — сбродныя шайки степей Восточной Руси, первообразъ казаковъ; многочисленное ополченіе стало на рѣкѣ Гзѣ. «Сыны на отцовъ, отцы на дѣтей, братья на братьевъ, рабы на господъ поднялись!» — говоритъ лѣтописецъ. Этими словами онъ намекаетъ на то, что въ ополченіи суздальскомъ были новоторжцы и даже новгородцы, а съ ополченіемъ Новгорода и его союзни-

новъ ростовцы выступали подъ стягомъ князя Константина ¹⁾).

Мстиславъ съ новгородцами и Володимиръ со псковичами стояли близъ Юрьева, а Константинъ съ ростовцами на рѣкѣ Липицѣ, когда завидѣли они полки суздальскіе, стоявшіе на берегахъ рѣки Гзы. Мстиславъ послалъ къ Юрію новгородскаго сотскаго, Ларіона.

«Кланяемся тебѣ — говоритъ онъ отъ лица Мстислава и Великаго Новгорода:— съ тобой нѣтъ намъ обиды. Обидѣлъ насъ Ярославъ».

— «Мы одинъ братъ съ Ярославомъ», — отвѣчалъ Юрій.

Посолъ обратился къ Ярославу.

«Отпусти нашихъ новгородскихъ мужей и новоторжцевъ; отдай назадъ новгородскія волости, что ты занялъ — Волокъ; возьми съ нами миръ и цѣлуй намъ крестъ, и не станемъ проливать крови».

— «Не хочу мира, — отвѣчалъ Ярославъ: — у меня есть мужи! далеко вы зашли, а вышли — какъ рыбы — на сухо!»

Этотъ гордый тонъ показывалъ, что Ярославъ считалъ заранѣе дѣло новгородцевъ проиграннымъ въ срединѣ Суздальской Земли: Ярославъ надѣялся на ожесточеніе народа и готовность къ отпору.

Мстиславъ послалъ еще разъ посольство къ Юрію.

«Князь Юрій! (была теперь такова посольская рѣчь): — Мы пришли не кровь проливать, а управиться между собою. Мы единое племя; дай старѣйшинство брату своему Константину и посади его во Владимирѣ, а вамъ вся Суздальская Земля».

— «Отвѣчай братьямъ моимъ, Мстиславу и Владимиру — сказалъ Юрій: — если отецъ нашъ не управилъ насъ съ Константиномъ, то какъ же вы хотите управить? Дѣ-

¹⁾ Новг. Л. I. 34.

дайте то, зачѣмъ пришли; а брату Константину такъ скажите: когда насъ одолѣешь, тогда вся земля тебѣ!».

Князья суздальскіе учредили пиръ и вмѣстѣ совѣтъ. Нѣкоторые изъ старыхъ бояръ смущались тѣмъ, что противники требуютъ дѣйствительно того, что, по понятіямъ освященнымъ старыми обычаями, считалось справедливымъ. Они говорили своимъ князьямъ:

«Лучше бы вамъ, господа, сотворить миръ съ братіею и положить старѣйшинство на Константина, а не уповать на силу; у васъ много полковъ... а если правда будетъ за ними?»

Другіе, млодоумные,—какъ называетъ ихъ лѣтописецъ,—были не такого мнѣнія; между ними отличался одинъ, по имени Андрей Станиславовичъ; онъ говорилъ:

— «Не бывало никогда того, ни при нашихъ прадедахъ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ въ Суздальскую Землю со ратьею и вышелъ изъ нея цѣлъ!».

Послѣдній совѣтъ понравился больше. Въ войскѣ Юрія раздѣвалось семнадцать, у Ярослава—тринадцать стяговъ; у перваго гремѣло сорокъ трубъ и сорокъ бубенъ; у другаго шестьдесятъ тѣхъ и другихъ: это придавало и охоты, и надежды; суздальцы показывали негодованіе и жажду мести.

— «Сѣдлами закидаемъ новгородцевъ!»—кричали они.

Князья говорили имъ такую ободрительную рѣчь:

«Вотъ примемъ товаръ въ руки. Вамъ будутъ и брони, и кони, и платья, а человѣка живаго кто возьметъ, тотъ самъ будетъ убитъ! Всѣхъ бейте—никому пощады не давайте! Хоть и золотое оплечье на комъ увидишь,—убей; не оставимъ живаго никого! А кто изъ полку убѣжитъ, и того, кого мы поймемъ, вѣшать или распинать!»

Они послали въ станъ противниковъ, вызывали на бой и указывали для этого мѣсто у Липицъ. Война эта имѣла

видъ судебнаго поединка, гдѣ спорныя стороны повѣряли рѣшеніе своего дѣла суду Божию; сходились на бой на опредѣленное заранѣе мѣсто и въ установленное время, а до боя не боялись ни засады, ни нападенія. Союзники получили вызовъ вечеромъ и дали знать тотчасъ Константину и ростовцамъ. Союзники опасались, какъ кажется, чтобы Константинъ не покинулъ нехотати общаго дѣла; съ обѣихъ сторонъ еще разъ утвердили союзъ крестнымъ цѣлованіемъ.

Пошли къ Липицѣ уже ночью. Суздальскіе полки также потянулись въ походъ. Всю ночь непріянные войска шли такъ близко другъ отъ друга, что суздальцы могли слышать, какъ ихъ противники играли на трубахъ, били въ бубны и кричали. На суздальцевъ,—если вѣрить лѣтописи, — напалъ переполохъ, когда вмѣстѣ съ трубною игрою раздался дружный крикъ ихъ непріятелей. Князья хотѣли-было бѣжать и за малымъ остановились.

Новгородцы и союзники дошли до Липицы. Стало разсвѣтать. Враговъ, сдѣлавшихъ вызовъ, тамъ не было; а имъ бы первымъ, какъ вызвавшимъ, слѣдовало стать на мѣстѣ боя. Вмѣсто того, чтобы остановиться на полѣ, которое сами выбрали и указали противникамъ, суздальцы перешли лѣсъ, и стали по другой его сторонѣ. Новгородцы и ихъ союзники должны были въ свою очередь пройти черезъ лѣсъ, и очутились на горѣ, называемой Юрьевой; внизу, въ крутомъ оврагѣ, среди зарослей протекалъ ручей, по имени Тунегъ, а на другой сторонѣ оврага была гора, называемая Авдова: тамъ стояло суздальское ополченіе. Внизу суздальцы успѣли уже набить кольевъ и заплести плетень.

Враждебныя полчища соверщали другъ друга при утреннемъ весеннемъ солнцѣ. Битва не начиналась. Въ обоихъ войскахъ играли на трубахъ: заохочивали ратниковъ къ предстоявшей борьбѣ. Мстиславъ сохранялъ видъ, что

вышелъ на брань только по крайней необходимости; что упрямство суздальскихъ князей всему виною, а не драчливость его; еще третій разъ отправилъ онъ къ соперникамъ посольство; и говорило оно такія рѣчи:

«Дайте миръ; а не дадите мира, то сойдите отсюда, — мѣсто здѣсь не для битвы: вы сами звали на Липицы; тамъ ровное поле; зачѣмъ же сами стали не тамъ? Либо вы отступите подалѣе—на ровное мѣсто, и мы къ вамъ перейдемъ, либо мы отступимъ на Липицы, а вы къ намъ придете!».

Юрій съ гордостью отвѣчалъ:—«Мира не принимаю; вы прошли черезъ нашу землю,—такъ развѣ не перейдете черезъ эту заросль? Ступайте, ступайте черезъ болота и черезъ дебри: свиньямъ обычно ходить по дебрямъ и корнямъ, и въ грязяхъ валяться!».

Послѣ такого отвѣта, Мстиславъ вызвалъ охотниковъ—удалую молодежь, и пустилъ открывать битву. Молодцы спустились въ оврагъ; съ противоположной горы также соскочили въ оврагъ суздальскіе молодцы; началась схватка. Бились очень усердно,—говорить современникъ,—къ тому же тогда сдѣлалось очень холодно. Такъ день прошелъ. Войско Мстислава досадовало, что враги уклоняются отъ боя.

«Пойдемте,—стали говорить тогда въ станѣ:—пойдемте къ Владимиру: враги услышатъ, такъ поневолѣ пойдутъ на бой!»

Такъ и рѣшили. Рано утромъ, на другой день, войска стали сниматься. Суздальцы замѣтили въ непріятельскомъ станѣ суету, и закричали: «Они бѣгутъ! бѣгутъ!» Толпы суздальцевъ стали сходить съ горы, думая ударить новгородцамъ и ихъ союзникамъ въ тылъ.

Тутъ ростовскій князь сказалъ Мстиславу:

— «Когда мы пойдемъ мимо ихъ, они насъ въ тылъ возьмутъ; а люди мои не дерзки на бой: разойдутся въ города!»

Въ самомъ дѣлѣ, тогда только что прибыли изъ Ростова Владимиръ псковскій и извѣщаль, что ростовцы, какъ увидѣли, что ихъ городъ оставленъ безъ ратныхъ людей, то стали безпокоиться, чтобъ непріатели не напали на нихъ и не сожгли города. Ростовцы въ отрядѣ князя Константина роптали. Отдаляться отъ Ростова, не одержавши побѣды, казалось опасно. Тогда Мстиславъ, выѣхавъ съ князьями передъ войско, громко кричалъ:

«Братя! гора намъ не можетъ помочь; гора и не побѣдитъ насъ. Воззрите на силу честнаго креста и на правду! пойдемте къ нимъ!»

Одушевленные его словами, союзные князья поскакали по своимъ полкамъ, и устанавливали ратныхъ въ боевой порядокъ. Суздальцы увидѣли, что противники ихъ остановились, и сами стали устанавливаться.

Сталъ Володимиръ смоленскій со смолянцами съ края, въ срединѣ новгородцы съ Мстиславомъ и псковичи съ своимъ княземъ, а на другомъ краѣ ростовцы съ Константиномъ. У него были славные витязи: Александръ Поповичъ со слугою своимъ Торопомъ, Добрыня Резаничъ по прозванію Золотой Поясъ, да Нефедій Дикунъ. Напротивъ псковичей, на другой горѣ, стоялъ Ярославъ съ своими полками: въ ряду ихъ были и бѣжавшіе новгородцы, и новоторжцы; съ ними стояли муромцы, бродники и городчане; противъ новгородцевъ въ срединѣ стояла вся Суздальская Земля, съ княземъ владимирскимъ, а противъ Константина и ростовцевъ—его меньшая братія.

Мстиславъ, проѣхавъ передъ рядами новгородцевъ и псковичей, говорилъ:

«Братя! мы вошли въ землю сильную; воззримъ же на Бога и станемъ крѣпко; не озирайтесь назадъ: побѣжавши, не уйдемъ; забудемъ, братія, и женъ, и дѣтей, и домъ свои; идите на бой—какъ кто хочетъ: кто на конѣ, кто пѣшіи!»

На коняхъ трудно было сражаться, потому что надобно было сходить въ оврагъ, а потомъ лѣзть на гору.

«Мы на коняхъ не поѣдемъ, — сказали новгородцы: — мы на коняхъ не хотимъ умирать; мы поѣдемъ пѣшіе, какъ отцы наши бились на Колокшѣ».

Въ порывѣ удалства, они сбросили съ себя и сапоги, и верхнее платье, и босые бросились съ крикомъ. Ихъ примѣру последовали и смоляне.

Съ противной горы первые сбѣжали пѣшкомъ Ярославовы люди. Смоляне прибавили шагу и опередили новгородцевъ; за ними прибѣжали новгородцы; предводитель ихъ, Иворъ Михайловичъ, поѣхалъ верхомъ, чтобы его видѣли ратные, но конь подъ нимъ споткнулся, Иворъ упалъ въ заросли. Новгородцы, въ пылу военной охоты, опередили его, сбѣжились съ неприятелемъ въ оврагъ, начали вырывать у суздальцевъ изъ рукъ дубины и топоры; потомъ подоспѣли къ нимъ смоляне; но съ противной горы спустились еще свѣжія силы. Закипѣла схватка; Мстиславъ увидѣлъ, что молодцы зашли далеко; удалой князь закричалъ своимъ:

«Не дай Богъ выдавать добрыхъ людей!»

Тогда всѣ полки съ крикомъ дружно бросились внизъ, перескочили черезъ оврагъ, быстро вскочили на гору, единодушно ударили на суздальское ополченіе. Суздальцы попятились, побѣжали и Юрій, и Ярославъ, и муромскіе князья. Но то была хитрость. Они покинули свои коши, съ надеждою, что новгородцы и ихъ союзники начнутъ грабить обозъ, и тутъ можно будетъ оборотиться и ударить на нихъ. Мстиславъ догадался въ чемъ дѣло.

«Братья! — закричалъ онъ: — не пристойте корысти, а пристойте бою! А не то — они обратятся на насъ и изомнутъ насъ».

Рать повиновалась. Бросились вслѣдъ за врагами. Самъ Мстиславъ трижды проѣхалъ сквозъ полки Юрьевы и Яро-

славовы, поражая ратниковъ топоромъ, который у него висѣлъ на рукѣ, привязанный паворозкою. Вдругъ, не узнавъ удалого князя, налетѣлъ на него Александръ Поповичъ ростовскій, силенъ и славенъ богатырь, и готовился онъ разсѣчь его мечемъ, но удалой князь закричалъ: «Я князь Мстиславъ!»—Князь, не дерзай—говорить ему богатырь:—а стой, да смотри! Когда ты—голова—убить будешь, куда дѣться другимъ!» Суздальцы увидѣли, что хитрости ихъ не удаются; новгородцы не останавливались надъ кошами и преслѣдовали суздальцевъ. Главное суздальское войско побѣжало; обратился по слѣдамъ его и Ярославъ къ своимъ кошамъ, и все пошло въ разсыпную. Тогда много пало ихъ подъ ударами топоровъ новгородскихъ и смоленскихъ; много ихъ утонуло во время побѣга; пятьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ попалось. Лѣтописецъ ¹⁾ насчитываетъ убитыхъ 9,233, а новгородцевъ только 5 чел. Счеты баснословные, какъ въ ббльшей части чиселъ, приводимыхъ лѣтописцами. Въ Никоновской Лѣтописи поставлено число убитыхъ 17,200, а новгородцевъ и ихъ союзниковъ — 550. Между новгородцами погибъ тогда славный богатырь Іевъ Поповичъ со слугою своимъ Несторомъ; Мстиславъ оплакивалъ ихъ. Несомнѣнно, что суздальцы были тогда разбиты наголову. Побѣда эта произошла 21-го апрѣля въ четвертокъ второй недѣли послѣ Пасхи.

Бѣглецы скрывались каждый въ своемъ городѣ: кто бѣжалъ въ Переяславль, кто въ Суздаль, кто въ Юрьевъ. Князь Юрій прибѣжалъ во Владимиръ, въ полдень. Въ городѣ оставались, —говорить лѣтописецъ,—одни попы, чернецы, женщины и дѣти, — все народъ невоинственный: какъ они увидѣли бѣгущихъ, то сначала обрадовались, думали, что это возвращаются побѣдители. Но какъ только вбѣжали владимирцы въ свой городъ, тотчасъ закричали:

¹⁾ Воскрес. Сл. II. С. Л. VII, стр. 123.

«Твердите городъ!» И тогда вмѣсто веселья сдѣлался плачь. Усилился этотъ плачь ввечеру, когда сходились съ несчастнаго побоища раненые войны, и всю ночь потомъ сходились они въ городъ.

На другое утро князь собралъ вѣче.

«Братья володимирцы, — говорилъ онъ имъ: — затворимся въ городъ, станемъ отъ нихъ отбиваться!»

— «Съ кѣмъ затворимся, княже Юрій?—возразили ему: — братья наша избита; другіе въ плѣнъ взяты, да и тѣ, что прибѣжали съ бою, безъ оружія; съ кѣмъ станемъ на бой?»

«Я все это знаю, — сказалъ Юрій: — прошу васъ только не выдавайте меня ни Константину, моему брату, ни Мстиславу; лучше я самъ по своей волѣ выйду изъ города».

Володимирцы обѣщали. Союзники цѣлый день стояли на побоищѣ и уже на другой день отправились ко Владимиру. Они подошли къ нему въ воскресенье 24-го апрѣля и обѣхали его кругомъ.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ загорѣлся княжескій дворъ. Новгородцы представляли, что наступаетъ удобный случай взять городъ; но Мстиславъ не пустилъ ихъ на приступъ. Во вторникъ ночью, часу въ десятомъ, опять сдѣлался пожаръ. Горѣло до разсвѣта. Смоленяне просились идти на приступъ. Князь ихъ, Владимиръ, не дозволилъ. Лѣтописецъ не говоритъ, что было причиною этихъ пожаровъ: были-ли это случайные пожары, или зажитательства внутри въ пользу осаждающихъ, или же пожаръ произошелъ отъ метанія огня черезъ стѣну. Послѣ этого послѣдняго пожара, князь Юрій прислалъ къ союзникамъ съ челобитьемъ:

«Потерпите сегодня, — завтра я выйду изъ города».

Утромъ князь Юрій вышелъ съ сыновьями въ непріятельскій лагерь и, поклонившись Мстиславу и смоленскому князю, сказалъ:

«Кланяюсь, братія! а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ!»

Мстиславъ съ товарищами разсудили такъ:

Князю Константину слѣдуетъ вступить во Владиміръ, а Юрію вѣдать Городецъ. Сейчасъ изготовили ладьи и посады, сѣли въ нихъ дружины княжескія и люди. Одна ладья ожидала Юрія съ его женой. Юрій въ послѣдній разъ помолился въ церкви Богородицы и плакалъ у отческаго гроба.

— «Суди Богъ,—сказалъ онъ,—брату моему Ярославъ; это онъ довелъ меня до сего!»

И онъ сѣлъ въ ладью съ княгинею. Отправился съ нимъ и владыка. И потянулася за князьями вереница судовъ съ изгнанниками на новоселье. Сборы ихъ, видно, были невелики.

Между тѣмъ, гонецъ бѣжалъ извѣщать Константина ростовскаго и звать его на столъ. Константина ожидала торжественная встрѣча: священническій чинъ со крестами; бояре и люди должны были выказывать радость; Константинъ одарилъ ихъ щедро. По обряду посадили его на столъ, и всѣ владимирцы цѣловали крестъ новому князю.

Упрямый и жестокій Ярославъ съ побоища убѣжалъ въ Переяславль и въ первомъ порывѣ досады приказалъ перековать всѣхъ новгородцевъ и смольнянъ, какихъ можно было найти въ городѣ по торговымъ и другимъ дѣламъ, и засадилъ однихъ въ погреба, другихъ въ тѣсныя и душныя избы. По извѣстію лѣтописца, полтора ста чеховѣкъ задохлось: число, быть можетъ, преувеличенное, какъ и число убитыхъ. 29-го апрѣля союзники пошли на него въ Переяславль. Вмѣстѣ съ ними отправился съ своимъ полкомъ и Константинъ. Не допуская враговъ до города, Ярославъ, 3-го мая, вышелъ самъ изъ Переяславля и добровольно явился къ брату своему Константину.

— «Я въ твоей волѣ,—сказалъ онъ: — но не выдавай меня Мстиславу».

Въ среду, на другой день, прибылъ Мстиславъ до того мѣста, куда впередъ дошелъ Константинъ. Онъ согласился примириться, но потребовалъ, чтобы дочь его, жена Ярослава, пріѣхала къ нему, и чтобы всѣ задержанные новгородцы, которые еще не успѣли задохнуться отъ духоты, были выпущены на свободу и доставлены къ нему. Ярославъ долженъ былъ исполнить требованія побѣдителя. Мстиславъ не отпустилъ своей дочери къ мужу и, наказавъ его презрѣніемъ, уѣхалъ.

Эта побѣдоносная война утвердила за Новгородомъ то великое нравственное значеніе, которое уже прежде доставлено было ему Мстиславомъ. Прежде новгородцы установили рядъ въ Южной Руси, рѣшали споры южныхъ князей и судьбу правленія ихъ областей; теперь они распоряжались судьбою Суздальскаго края и принуждали признать приговоръ, изреченный ихъ выборнымъ княземъ надъ вопросомъ о правѣ на княженіе, претендовавшее быть главою русской удѣльной федераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ эта война показала, что новгородцы умѣютъ заставить уважать неприкосновенность и цѣльность своей областной самостоятельности.

Мстиславъ недолго оставался въ Новгородѣ. Въ 1218 г. онъ снова и уже навсегда попрощался съ нимъ. Соезавѣвъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, удалой князь сказалъ вольнымъ дѣтямъ Великаго Новгорода:

«Кланяюсь святой Софіи, и гробу отца моего, и вамъ! Хочу поискать Галича и васъ не забуду! Дай Богъ лечь близъ отца моего у святыя Софіи!»

Онъ уѣхалъ въ Галичъ; и не привелъ его Богъ ни увидѣть Новгорода, ни костямъ его лечь подъ сводами св. Софіи.

VII.

НОВГОРОДЪ ПОСЛѢ МСТИСЛАВА УДАЛОГО ДО ТАТАРЪ.

Сначала, послѣ Мстислава, новгородцы призывали его двоюродныхъ племянниковъ, сыновей Мстислава Романовича — Святослава, потомъ Всеволода. Когда Всеволодъ имъ не полюбился, они сказали ему: «иди куда хочешь»; и въ 1222 году, опять обратились къ суздальскому князю Юрію и пригласили сына его, Всеволода, но не иначе, какъ во всемъ на всей волѣ новгородской. Всеволодъ съ ними не ужился и убѣжалъ прочь. Партія суздальская такъ усилилась, что подъ ея вліяніемъ Новгородъ призывалъ снова того самаго Ярослава, который отличился такими свирѣпствами надъ новгородцами, противъ котораго ратовалъ Мстиславъ за новгородскую вольность: до такой степени матеріальныхъ выгоды дружелюбнаго сношенія съ Суздальскою Землею преодолѣвали всякія антипатіи. Характеръ новгородцевъ отличался живостію и измѣнчивостію; притомъ же и по степени тогдашней развитости нельзя смотрѣть на партіи какъ на что-нибудь твердое, прочное, основанное на зрѣлыхъ убѣжденіяхъ; минутныя побужденія брали верхъ надъ всякимъ разсчитаннымъ планомъ; тѣ же лица, которыя стояли во главѣ одной партіи, легко могли быть поколеблены обстоятельствами и перейти къ противной сторонѣ, а потомъ снова пристать къ прежней. Несомнѣнно, однако, что время Мстислава не прошло даромъ и суздальскіе князья навсегда получили убѣжденіе, что новгородская вольность не можетъ и не должна быть нарушена. Въ 1223 году Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ и въ тотъ же годъ удалился въ Переяславль. На слѣдующій годъ новгородцы пригласили опять Всеволода Юрьевича; но, видно, порядокъ дѣлъ въ Новгородѣ былъ не подѣ-стать привычкамъ, укоренившимся у князей въ Суздальской Землѣ. Всеволодъ убѣжалъ отъ новгородцевъ въ

слѣдующемъ же году. Новгородцы требовали его назадъ, а отецъ его, Юрій, занялъ Торжокъ. Готова была, повидимому, возобновиться прежняя исторія; но на этотъ разъ обошлось безъ кровопролитія; Юрій требовалъ выдачи нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ считалъ виновниками бѣгства сына ¹⁾. Новгородцы не только отказали, но собрали всю волость свою и начали дѣлать около города острогъ. А ко Всеволоду послали сказать: «Кланяемся тебѣ, княже, а братія своей не выдаютъ, а ты крови не проливай; паки ли твой мечъ и наши головы!» Начали новгородцы дѣлать укрѣпленія по пути, ставить сторожи, собирались умереть за св. Софію, и Юрій, видя, что съ Новгородомъ воевать не легко, уступилъ.

Новгородцы, въ 1225 году, пригласили къ себѣ княземъ Михаила черниговскаго, шурина Юрьева, съ согласія послѣдняго. Михаилъ въ томъ же году и разстался съ Новгородомъ. — «Не хочу у васъ княжить, — сказалъ онъ: — иду къ себѣ въ Черниговъ, а вы пускайте гостей своихъ ко мнѣ: пусть земля моя будетъ такъ же какъ и ваша (*а яко земля ваша, тако земля моя*)». Новгородцы послали опять за Ярославомъ. Въ 1228 году, по поводу распри со Псковомъ, возникли несогласія у Новгорода съ этимъ княземъ; но Ярославъ не могъ уже проявить своего неудовольствія ничѣмъ, кромѣ того, что ушелъ въ свой Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двоихъ сыновей. Молодые князья, по случаю (въ 1229 году) междоусобія и убійствъ въ городѣ, убѣжали, а новгородцы позвали снова Михаила черниговскаго. И тотъ, прибывъ въ Новгородъ, цѣловалъ крестъ по всей волѣ новгородской. Въ залогъ взаимной пріязни князя съ Новгородомъ, новгородцы об-

¹⁾ Рече посломъ: выдайте ми Якова Иванковича, Микифора Тудоровича, Иванка Тимошкиничя, Сдилу Савиича, Вячка Иваца, Радка. Не выдадите ли? а я полнъ есмь конѣ Тверью, а еще Волховомъ напою. Новг. I, 41.

ложили пенею приверженцевъ Ярослава въ городѣ и на Городищѣ. Они должны были платить на постройку большаго моста:—за то ихъ не грабили, какъ обыкновенно поступали со сторонниками изгнаннаго князя, принявши новаго. Въ 1230 году Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ на время, оставивъ въ Новгородѣ сына; но вслѣдъ за тѣмъ произошли междоусобія; сына Михайлова изгнали, и призвали снова Ярослава. Тогда былъ самый бурный и самый несчастный годъ для Новгорода: его волости были поражены страшнымъ голодомъ. Это-то кажется и было причиною, что опять обратились къ Суздальской Землѣ. Пришедши въ Новгородъ, князь цѣловалъ святую Богородицу на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, то есть на всей волѣ новгородской. На этотъ разъ князь Ярославъ пробылъ княземъ новгородскимъ до 1235 г., когда ушелъ въ Кіевъ, а новгородцамъ оставилъ сына своего Александра, славнаго впослѣдствіи Невскаго героя, который и оставался княземъ новгородскимъ до самаго 1252 года, когда сдѣлался великимъ княземъ.

VIII.

Новгородъ въ эпоху татарскаго владычества надъ русью. — защита свободы противъ покушеній твери и москвы.

Со времени татарскаго опустошенія, Новгородъ прекращаетъ свою древнюю связь съ Южною Русью. Постепенно ослабленная междоусобіями и иноплеменными нашествіями, она окончательно была добита татарами, вышла изъ русской федераціи, и начала идти инымъ путемъ по колѣѣ исторической жизни. Новгородъ удержался членомъ федераціи, сплотившейся подъ верховнымъ владычествомъ татаръ. По мѣрѣ болѣе тѣснаго сближенія,

образовался обычай, перешедшій какъ бы въ законъ, что новгородскимъ княземъ долженъ быть тотъ, кто называется великимъ.

Первый примѣръ этому былъ съ Александромъ Невскимъ. Когда Александръ въ 1252 году получилъ княжество владимирское, то оставилъ въ Новгородѣ сына своего, Василия, уже не въ качествѣ особаго новгородскаго князя, а какъ своего намѣстника. Въ 1255 году новгородцы прогнали Василия, а взяли брата Александра—Ярослава; но Александръ поднялъ на нихъ рать не какъ старѣйшій князь за обиду подручника-князя, какъ бывало дѣлали прежде суздальскіе князья, а какъ лицо, сознававшее собственно за собою достоинство новгородскаго правителя. Онъ потребовалъ сверженія тогдашняго посадника, лица ему противнаго, и вѣхалъ въ Новгородъ, какъ князь новгородскій. Онъ ходилъ съ новгородцами на шведовъ и на Чудь, предводительствуя ихъ ополченіемъ, что составляло обязанность мѣстнаго князя и опять уѣхалъ изъ города, оставивъ въ немъ сына, Василия, своимъ подручникомъ.

Въ 1257 г. Александръ прибылъ въ Новгородъ дѣлать перепись. Новгородцы воспротивились и увлекли къ сопротивленію князя Василия. Александръ разгнѣвался на сына, принудилъ его бѣжать, и казнилъ противниковъ своего велѣнія. Все это дѣлалъ онъ какъ князь новгородскій. Вообще Александръ, человекъ съ сильнымъ характеромъ, позволялъ себѣ обращаться съ новгородцами такъ деспотически, какъ бы не могъ допустить того другой князь. Съ одной стороны, Александръ оказалъ слишкомъ много услугъ Новгороду,—онъ обезопасилъ его отъ покушеній западныхъ иноплемениковъ: чрезъ это онъ внушалъ къ себѣ такое уваженіе, какимъ не могъ пользоваться иной князь на его мѣстѣ; съ другой, на сторонѣ его была ужасная татарская сила, грозившая Новгороду опустоше-

ніемъ и порабощеніемъ: въ случаѣ упорства, Александръ могъ позвать ее. Новгородъ не былъ покоренъ татарами, какъ другія русскія земли. Батыево полчище только зацѣпило Новгородскую Землю во время своей опустошительной прогулки въ Руси въ 1238 г. Одному Торжку суждено было подвергнуться пожару и всеобщему истребленію жителей. Путь къ самому Новгороду не по силамъ былъ татарамъ. Однако, состоявши въ связи съ покоренной татарами Русью, Новгородъ не могъ совершенно избѣгнуть необходимости хотя немного хлебнуть изъ той горькой чаши, которую поднесла судьба русскому міру. Новгородъ долженъ былъ войти въ систему подчиненныхъ ханамъ русскихъ странъ и участвовать въ платежѣ выхода побѣдителямъ. Новгородъ не противился этому платежу: онъ не терялъ сознанія принадлежности своей къ русскому міру, и потому долженъ былъ отправлять повинность, которая касалась всѣхъ русскихъ земель вмѣстѣ. Притомъ Новгородъ не былъ столько силенъ, чтобы отважиться раздражить противъ себя могущество завоевателей. Этотъ платежъ выхода привязывалъ его къ особѣ великаго князя, который былъ посредникомъ между ханомъ и князьями и русскимъ народомъ всѣхъ подчиненныхъ земель. Александръ, до конца жизни (въ 1262 году), не переставалъ имѣть непосредственное вліяніе на управленіе Новгорода, и когда самъ не былъ въ Новгородѣ, то оставлялъ тамъ подручникомъ другого сына, Дмитрія. Новгородцы, по его приказанію, ходили въ походы; онъ посылалъ имъ и другихъ подручныхъ князей на помощь съ войскомъ.

По смерти Александра, новгородцы прогнали его сына, Дмитрія, и нарекли себѣ княземъ Александрова брата, Ярослава; но онъ не переставалъ считаться новгородскимъ княземъ и тогда, когда въ свою очередь сталъ великимъ княземъ. Крѣпкая власть Александра не могла передаваться преемственно другимъ князьямъ: она зависѣла отъ лич-

ности Александра. Заключая договоръ съ Ярославомъ, новгородцы припомнили ему, что прежній князь дѣлалъ насилия Новгороду, но того впередъ не должно быть. Въ самомъ дѣлѣ обращеніе князя съ Новгородомъ и Новгорода съ княземъ въ это время носить признаки равенства. Ярославъ, говоря съ новгородцами, выражался о князьяхъ такъ: «Братія мои и ваши». Въ 1269 году Новгородъ не поладилъ съ княземъ за то, что онъ употреблялъ во зло право охоты около города, держалъ много ястребовъ, соколовъ и собакъ, выводилъ изъ города иноземцевъ и дѣлалъ поборы:—вѣче судило его и изгнало. Напрасно Ярославъ хотѣлъ примириться съ вѣчемъ и присылалъ сына своего Святослава.—«Простите мнѣ этотъ разъ,—говорилъ онъ черезъ сына:—впередъ не буду такъ поступать; цѣлую крестъ на всей волѣ вашей». Новгородцы закричали:—«Мы не хотимъ тебя! Ступай отъ насъ добромъ, а не то прогонимъ тебя, хоть тебѣ и не хочется идти отъ насъ ¹⁾!». Изгнанникъ обратился къ татарамъ, и одинъ измѣнникъ новгородскаго дѣла хлопоталъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ навестъ на Новгородъ иноплемennую силу. Князь Василій Ярославичъ защитилъ тогда Новгородъ передъ ханомъ. Когда Ярославу не удалось овладѣть Новгородомъ съ помощью татаръ, онъ прибылъ въ Русу, въ 1270 г., и началъ переговариваться съ новгородцами: предложилъ миръ, уступалъ Новгороду во всемъ, представлялъ за себя порукою всѣхъ князей. Новгородцы не сдавались на его слова: Новгородъ начиналъ сознавать, что онъ можетъ оставаться безъ князя; одинъ изъ пословъ новгородскихъ, Лазарь Моисеевичъ, сказалъ Ярославу: «У насъ князя нѣтъ, но Богъ и правда, и святая Софія; а тебя не хотимъ ²⁾». Вся новгородская волость, псковичи,

¹⁾ Никоновск. III. 50.

²⁾ Новгор. Лѣт. I, 62.

ладожане, корелы, ижора, вожане, отъ мала до велика собрались оборонять права Великаго Новгорода. Насилу примирилъ спорившія стороны митрополитъ. «Мнѣ,—говорилъ онъ,—поручилъ Богъ архіепископство въ Русской Землѣ; вамъ слушать Бога и меня; не проливайте крови, а Ярославъ своей злобы отрекается. Всякой винѣ и всякому грѣху есть покаяніе и прощеніе. Ярославъ кается и проситъ прощенія и впередъ не будетъ такимъ, какъ былъ. Я ручаюсь за него; хоть вы и крестъ противъ него цѣловали,—я приму епитимію и отвѣчаю предъ Богомъ». Тогда новгородцы согласились на миръ и Ярославъ цѣловалъ крестъ на всей волѣ новгородской. Такимъ образомъ, оставаясь великимъ княземъ, онъ удерживалъ княжескую власть въ Новгородѣ; но такъ какъ онъ не жилъ тамъ постоянно, то имѣлъ вмѣсто себя намѣстника на Городищѣ, и съ этихъ поръ началъ входить обычай, сдѣлавшійся впослѣдствіи какъ бы постояннымъ закономъ, что отъ князя великаго, считавшагося дѣйствительнымъ новгородскимъ, живетъ на Городищѣ его намѣстникъ. Между тѣмъ, тогда же вошло въ обычай, кромѣ великаго князя, имѣть въ Новгородѣ еще князей, которые приходили по условію, получали отъ новгородцевъ въ кормленье волости и предводительствовали новгородскими войсками, но не были посажены на столѣ и не считались князьями въ томъ смыслѣ, какъ прежде. Уже при Ярославѣ является такой князь, Юрій Александровичъ; онъ жилъ въ Новгородѣ, воевалъ подъ новгородскимъ знаменемъ, а княземъ новгородскимъ считался Ярославъ. Порабощеніе татарское возвышало значеніе великаго князя, мало-по-малу сообщало ему значеніе государя всей Русской Земли, и низводило князей съ прежняго значенія по ихъ породѣ. Впослѣдствіи, такихъ прихожихъ случайныхъ князей, помимо великаго князя, являлось въ Новгородѣ по нѣскольку разомъ: они и

приходили и уходили безъ значенія правителей, какъ частные люди.

Послѣ смерти Ярослава, въ 1272 году, возникъ споръ между Василюмъ Ярославичемъ костромскимъ и Димитріемъ Александровичемъ переяславскимъ за великое княженіе, и Новгородъ подвергался борьбѣ партій, не зная, кого принять, какъ нѣкогда во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей; только теперь подобные споры улаживались скорѣе ханскими приговорами, и Новгородъ призналъ Василю, потому что онъ сдѣланъ въ Ордѣ великимъ княземъ. Этотъ князь хотѣлъ во что бы то ни стало быть княземъ въ Новгородѣ; новгородцы сначала сопротивлялись и послали Димитрія Александровича противъ него въ Торжокъ, который Василий захватилъ. Но когда потомъ сообразили, что сопротивляться трудно, когда на сторонѣ Василю татары, то отступились отъ Димитрія. «Отсюду намъ горе, — говорили тогда новгородцы: — тутъ князь владимирскій великій, тутъ князь тверской, а тутъ ханскіе баскаки съ войскомъ татарскимъ» ¹⁾. Новгородцы сами послали челобитье къ Василю, просить его въ Новгородъ. Онъ пріѣхалъ и былъ принятъ съ поклономъ и честію. Точно также и послѣ смерти его, въ 1276 году, въ эпоху распрей между братьями, сыновьями Александра, Димитріемъ и Андреемъ, Новгородъ склонился на сторону того, кто дѣлался великимъ княземъ. Сначала признанъ былъ Димитрій; потомъ, когда Андрей навелъ татаръ и началъ добывать себѣ княженіе варварскимъ разореніемъ Суздальско-Ростовскаго края и верхняго Поволжья, новгородцы, видя, что онъ беретъ верхъ, отступились отъ Димитрія, на котораго уже имѣли неудовольствіе, и признали Андрея. Но, въ 1283 году, Димитрій воспользовался междоусобіями въ Ордѣ, и напелъ себѣ сильнаго союзника въ Ногаѣ, который распоряжался

¹⁾ Никон. Л. III, 57.

тогда ханами Золотой-Орды, и новгородцы должны были снова признать Димитрія; а въ 1293 году, Андрей, въ свою очередь, склонилъ на свою сторону того же самого Ногая,— и новгородцы признали Андрея. Не видя у себя постоянного князя, Новгородъ привыкъ къ управленію безъ князя и могъ безъ него обходиться, а признавалъ его уже какъ-бы по необходимости; такъ что князь для Новгорода пересталъ имѣть значеніе свободно-избраннаго правителя—необходимое выраженіе существеннаго учрежденія,—а сталъ уже какимъ-то вѣшнимъ бременемъ, тяготѣющимъ надъ Новгородскимъ краемъ.

Въ Новгородѣ не ослаблялось чувство единства народнаго съ другими землями; голосъ Церкви напоминалъ новгородцамъ о духовномъ братствѣ съ русскимъ міромъ, и кромѣ того вѣдрялъ въ умы монархическія понятія, препятствовавшія новгородцамъ совершенно отрѣшиться отъ идеи имѣть надъ собою одно верховное лицо; необходимость торговыхъ сношеній съ остальною Русью, которыя прекращались въ случаѣ вражды, страхъ за свои Двинскія волости, къ которымъ подбирались великіе князья, и наконецъ страхъ татаръ, съ помощію которыхъ князья могли бы искать власти надъ отпавшимъ Новгородомъ,— всѣ эти обстоятельства разомъ не дозволяли Новгороду дать перевѣсъ своей областной самостоятельности предъ федеративною связью съ остальною Русью, и потому Новгородъ признавалъ сильнѣйшаго. Въ Новгородѣ была борьба двоевластія: съ одной стороны, народоправленіе, выражавшееся формою вѣча, сознаніе государственной цѣльности Новгородской Земли; съ другой — великій князь; признавалась его власть, а между тѣмъ принимались всевозможнѣйшія мѣры, чтобъ эту власть ограничить и допустить ей какъ можно меньше вмѣшательства въ дѣла республики. Свободное избраніе не руководило болѣе новгородцами, какъ прежде: тотъ, кого утверждали татары, становился

по праву верховнымъ главою Новгорода. Выборъ между нѣсколькими лицами могъ имѣть мѣсто тогда только, когда неизвѣстно было, кого утвердить въ Ордѣ, или когда нельзя было сразу понять, кого утвердили; но какъ скоро становилось ясно, что княземъ нареченъ такой-то, рѣчи о выборѣ не было—утвержденный признавался. Прежніе выборные князья выражали собою внутреннюю институцію Великаго Новгорода, были высшими сановниками въ управленіи края; теперь же великій князь сталъ какъ-бы чужеземнымъ государемъ, приобрѣтавшимъ какое-то право на Новгородъ. Великій Новгородъ былъ очевидно въ положеніи страны полузавоеванной, которая не утратила вовсе независимости, но достаточно испытала могущество завоевателей. Оно такъ и было. Остальная Русь была завоевана, — сдѣлалась собственностью побѣдителей. Татарскіе ханы были ея безусловными господами, а великіе князья ихъ довѣренными, — такъ-сказать господскими приказчиками. Новгородъ до татаръ составлялъ часть завоеванной ими удѣльной федераціи. Хотя самъ Новгородъ съ своей областью и не былъ завоеванъ, но связанный древними узами съ завоеванными землями, долженъ былъ или оторваться отъ этой связи, или подчиниться до нѣкоторой степени участи тѣхъ странъ, съ которыми прежде составлялъ одинъ союзъ. Чтобы оторваться отъ нихъ совершенно, онъ не имѣлъ ни нравственныхъ задатковъ, ни физической силы, и такъ, ему скорѣе приходилось подчиниться одной съ ними участи. Но чтобъ раздѣлять эту участь во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ другими землями, надобно потерпѣть наравнѣ съ ними одинаковое завоеваніе. Новгородъ имѣлъ то преимущество, что, какъ мы сказали, не былъ завоеванъ, и потому завоеватели не могли положить на него тѣхъ условій, какимъ подчинились другія земли. Но если Новгородъ не былъ завоеванъ, то всегда могъ быть завоеваннымъ, какъ только побѣдители рѣшатся для этого

на усилія. Новгородъ зналъ это и опасался вызывать противъ себя усилія завоевательнаго могущества. Отъ этого онъ не достигъ полной отдѣльной независимости, но сохранилъ стихіи областной самостоятельности гораздо болѣе, чѣмъ другія земли. Этому способствовало и то, что Новгородъ, предъ татарскимъ завоеваніемъ, поставленъ былъ эпохою Мстислава Удалого въ выгодное положеніе правственной силы и значенія. Чтобъ удержать священные для него стихіи старины, Новгородъ долженъ былъ по-немногу извиваться и приставать къ сильнѣйшему, чтобы не навлечь на себя страшной бури, которая бы могла въ конецъ сломить его свободу. Его подчиненность состояла въ томъ, что онъ участвовалъ въ платежѣ татарской дани и признавалъ верховную власть того, кто былъ великимъ княземъ, то есть посредника между татарами и Русью, довѣреннаго татарскихъ хановъ, и въ то же время безпрестанно долженъ былъ защищать свои права отъ ихъ притязаній. При такомъ порядкѣ вещей, очевидно, Новгородъ долженъ былъ долго стоять почти въ одномъ положеніи въ своемъ политическомъ развитіи, пока приказчики не успѣли уничтожить своихъ хозяевъ и въ свою очередь не сдѣлались хозяевами.

Съ 1304 года возникла вражда между тверскимъ и московскимъ князьями, и Новгородъ, въ продолженіи этой вражды, склонялся на сторону того, кто выигрывалъ передъ ханомъ; а какъ выигрышъ оставался на сторонѣ московской, то это и привязало Новгородъ къ московскимъ князьямъ, и повело въ послѣдствіи къ уничтоженію его областной самостоятельности и древней вѣчевой свободы. Когда, въ 1305 году, тверской князь Михаилъ Ярославичъ былъ великимъ княземъ, Новгородъ призналъ надъ собою его первенство; живучи въ Твери, онъ считался и новгородскимъ княземъ ¹⁾; когда же, въ 1312 году, воз-

¹⁾ Нѣсколько договорныхъ грамотъ съ ними показываютъ, что

никогда снова неудовольствие съ Новгородомъ, онъ легко принудилъ Новгородъ къ миру, занявъ Торжокъ и прекративъ ввозъ хлѣба въ Новгородъ, безъ чего Новгородскій край не могъ существовать. Новгородцы помирились съ Михаиломъ; но потомъ увидѣли, что Юрій московскій беретъ верхъ надъ Михаиломъ у хана, и тотчасъ выгнали Михайловыхъ намѣстниковъ, и приняли отъ Юрія намѣстниками двухъ его братьевъ — Феодора и Аванасія. Имъ на этотъ разъ пришлось ошибиться. Михаилъ тверской вошелъ въ милость у хана, и въ 1315 г. собрался съ татарами наказывать новгородцевъ. Новгородъ, слѣдуя уклончивой политикѣ и готовый признать надъ собою какого угодно великаго князя, лишь бы ему оставляли то, чѣмъ онъ дорожилъ, — приходилъ къ энергической рѣши-

отношенія къ великимъ князьямъ составляли рядъ столкновений, которыя нелегко было уладить. Такъ, напримѣръ, новгородцы жаловались на то, что тверской князь и бояре покупали въ новгородской области села и заводили слободы, и тѣмъ самымъ вмѣшивались во внутреннее управленіе новгородскихъ волостей; ибо эти села тогда принадлежали не Новгороду и не новгородцамъ, а владѣльцамъ, выходившимъ изъ новгородскаго управленія. Сверхъ того, поставленные намѣстники навлекали на себя жалобы Великаго Новгорода. Одинъ изъ нихъ, которому порученъ былъ Псковъ, Феодоръ Михайловичъ, убѣжалъ отъ непріятеля и сверхъ того самовольно бралъ поборы по новгородскимъ селамъ. Новгородъ требовалъ его удалить. Другой, Борисъ Константиновичъ, которому была поручена Корела, такъ дурно управлялъ ею, что разогналъ жителей, и сверхъ того приобращалъ имѣнія въ новгородской волости. Новгородцы требовали, вмѣстѣ съ его удаленіемъ, возврата купленныхъ имѣній, предлагая впрочемъ ему ту сумму, какую онъ заплатилъ. Это показываетъ, какъ важна была подобная покупка имѣній и какъ боялись ея новгородцы (Собранъ Госуд. Грамотъ, томъ I, стр. 14). Понятно, что въ отношеніяхъ къ великокняжеской власти, — выражалась ли она непосредственно самимъ княземъ, или посредствомъ его намѣстниковъ, — для Новгорода было что-то очень тягостное, отъ чего новгородцы хотѣли всѣми силами обезопаситься, не имѣя средствъ избавиться вовсе.

мости, когда посягали отнять у него то, послѣ чего терять было нечего. Сначала онъ удалилъ отъ себя князей; заключили миръ; но Михаилъ противъ договора задержалъ въ плѣну князя Аванасія и новгородскихъ бояръ, началъ брать контрибуцію съ новоторожцевъ, и потомъ двинулся на Новгородъ съ русскими и съ татарскими войсками. Тогда вольный городъ энергически рѣшился обороняться. Собрались за-одно съ Новгородомъ его пригороды: Ладога, Руса; и Псковъ сталъ за него. Въ 1316 г., зимою, Михаилъ пошелъ на Новгородъ съ своими и съ татарами. Не мужество людское, а географическое положеніе спасло на этотъ разъ новгородскую свободу. Войско Михаила заблудилось въ лѣсахъ и болотахъ. Пришлось имъ ѣсть конскую падаль, да жевать голенища и ремни ¹⁾. Михаилъ отступилъ, но послѣ первой неудачи готовилъ новыя силы; новгородцы предлагали миръ; тверской князь слышать о немъ не хотѣлъ. Но тутъ Юрій московскій женился на татарской княжнѣ, сестрѣ ханской, и въ 1318 г. шелъ на тверского князя—съ нимъ были данныя ханомъ татарскія силы, подъ начальствомъ Кавгадыя. Тогда Михаилъ помирился съ новгородцами: послѣдніе заключили съ нимъ договоръ, потому что не знали еще объ успѣхахъ Юрія въ Ордѣ. Юрій напалъ на Михаила подъ Тверью, былъ разбитъ имъ и потерялъ свою молодую жену, которая взята была въ плѣнъ и умерла, а самъ бѣжалъ въ Новгородъ: тамъ приняли его съ радостію и стали помогать ему усердно. Псковъ сталъ также за него. Хотя Юрій былъ разбитъ, но можно было предвидѣть, что въ концѣ концовъ не онъ останется въ проигрышѣ послѣ родства съ ханомъ. Такъ и случилось. Михаилъ былъ позванъ въ Орду и тамъ въ 1319 г. казненъ по подозрѣнію въ убійствѣ ханской сестры, жены Юрія. Самъ Юрій сдѣ-

¹⁾ Ник. Л. III. 111.

лался великимъ княземъ, и остался въ хорошихъ отношеніяхъ съ новгородцами ¹⁾. Даже и тогда, когда въ 1323 году сынъ Михаила, Дмитрій, заплативъ въ Ордѣ выходъ, получилъ великое княженіе, новгородцы остались вѣрны Юрію. Татары двоили между тверскимъ и московскимъ князьями; новгородцы не знали еще, кто одержитъ верхъ, но, руководствуясь своего рода инстинктомъ, считали сильнѣйшимъ Юрія. Опасаясь тверского князя, который не только опирался на татаръ, но искалъ союза съ Литвою, новгородцы заключили оборонительный союзъ съ Орденомъ ²⁾. Два года (1323-й и 1324-й) Юрій находился въ Новгородѣ, служилъ ему усердно на войнѣ, окончилъ выгодно дѣло со шведами, упрочилъ новгородскую власть въ Заволочѣ и отправился въ Орду воротить себѣ великое княженіе; тамъ былъ онъ убитъ Дмитріемъ тверскимъ, мстителемъ за отца своего. Тѣмъ не менѣе, въ 1325-мъ году, великое княженіе досталось брату Дмитрія, тверскому князю Александру Михайловичу. Новгороду это не могло не быть опасно; и Новгородъ сталъ тогда сближаться съ возраставшею Литовскою державою, чтобъ имѣть опору противъ притязаній великокняжеской власти, попавшейся въ руки непріязненной фамиліи: литовскіе князьки являлись въ Новгородъ ³⁾. Но на счастье его, въ 1327 году, въ Твери вспыхнуло возстаніе противъ татаръ: тверичи перебили недобрыхъ гостей. Московскій князь Иванъ Даниловичъ воспользовался этимъ, и выхлопоталъ себѣ великое княженіе. Александръ, преслѣдуемый сильнымъ соперникомъ и татарами, бѣжалъ во Псковъ. Новгородцы не показали тѣни сочувствія къ изгнаннику, а способствовали успѣхамъ Ивана Даниловича. Когда по-

¹⁾ Н. I, 72; Соф. Л. I, 206—207; Ник. Л. III, 110—115.

²⁾ Bunge, П. Heft. 2. 142.

³⁾ Новг. Л. I. 74.

слѣдній въ 1328 году поѣхалъ въ Орду, Новгородъ отправилъ съ нимъ своихъ пословъ ходатайствовать за него передъ ханомъ. Эти послы повезли новгородское серебро для раздачи татарскимъ вельможамъ, чтобъ купить на него великое княженіе московскому князю. Утвердившись въ своемъ достоинствѣ съ помощію Новгорода, Иванъ Даниловичъ пріѣхалъ туда въ сопровожденіи подручныхъ князей, вмѣстѣ съ митрополитомъ Θεогностомъ, который изъ Новгорода посылалъ на псковичей проклятіе за участіе въ гонимому Александру. Новгородъ вмѣстѣ съ московскимъ княземъ преслѣдовалъ изгнанника.

Съ этихъ поръ, до самаго паденія своей областной независимости, Новгородъ признавалъ надъ собою великокняжеское первенство московскихъ князей, получавшихъ это достоинство одинъ за другимъ отъ хановъ. Московскіе князья возвышались при содѣйствіи Новгорода; съ ихъ возвышеніемъ падалъ удѣльный порядокъ; и Новгородъ, вмѣсто благодарности, скоро долженъ былъ отстаивать свою свободу отъ ихъ притязаній.

Едва только Иванъ Даниловичъ утвердился на великомъ княженіи, какъ тотчасъ же возникло у него неудовольствіе съ Новгородомъ. Онъ потребовалъ серебра закамскаго, — дани, собираемой Новгородомъ съ Закамской Земли. Новгородцы отказали; Иванъ Даниловичъ захватилъ Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ. Въ Новгородѣ вѣче раздѣлилось на двѣ партіи; одна склонялась къ миру и уступкамъ великому князю; другая готова была искать въ возраставшей Литовской державѣ опоры противъ самовластия московскаго князя, такъ не признательно забывавшаго недавнее содѣйствіе къ своему возвышенію. Новгородъ очутился уже между двухъ государственныхъ стремленій у сосѣдей. Въ 1331 году, когда владыка Василій ѣздитъ на Волынъ поставляться въ свой санъ отъ митрополита Θεогноста, Гедиминъ, покровитель князя Але-

ксандра тверскаго, нашедшаго пріютъ во Псковѣ, въ угодность псковичамъ, которые тогда помогались себѣ особаго владыки, задержалъ новгородскаго владыку и не иначе его отпустилъ, какъ получивъ отъ провождавшихъ его новгородскихъ бояръ обѣщаніе принять въ Новгородъ на кормленіе одного изъ сыновей его, Наримунта. Такъ рассказываютъ нѣкоторые лѣтописцы ¹⁾. Послѣ того, упорство Ивана Даниловича расположило Новгородъ къ тому, чтобъ угодить Гедимину. Въ 1332 году, зимою, Иванъ Даниловичъ усѣлся въ Торжкѣ и поживлялся съ новгородскихъ волостей. Новгородъ послалъ къ нему архимандрита Лаврентія съ двумя боярами: они звали князя въ Новгородъ; князь не поѣхалъ. Новгородцы еще разъ попытались заключить мировую: самъ владыка поѣхалъ къ Ивану, который оставилъ Торжокъ и находился тогда въ Переяславлѣ. Владыка и сопровождавшіе его бояре отъ имени Великаго Новгорода предлагали ему пять сотъ рублей, съ тѣмъ, чтобъ онъ отказался отъ захваченныхъ на Новгородской Землѣ слободъ. Иванъ ихъ не послушался. Тогда негодованіе противъ московскаго князя овладѣло сильно Новгородомъ. Призванъ былъ Наримунтъ-Глѣбъ, Гедиминъ сынъ, въ октябрѣ 1333 года. Его посадили на столѣ Ярославовомъ, какъ нѣкогда сажали выбранныхъ князей. Весь Новгородъ присягалъ ему, какъ одинъ человекъ. Это событіе воскресило въ новгородской памяти былыя времена предковъ. Новоизбранному князю дали въ кормленье, въ отчину и дѣдину, и съ правомъ это кормленье передать потомкамъ, Ладогу, Орѣховскій городъ, Корельскій городъ съ Корельскою Землею, и половину Копорья. По смыслу нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, эта отдача пригородовъ была невольная, вслѣдствіе вынужденнаго Гедиминомъ согласія въ то время, когда онъ задержалъ

¹⁾ Новг. Л. IV, 52; П. С. Л. т. VII, 203.

владыку. Новгородская Лѣтопись ¹⁾, напротивъ, говорить, что Наримунтъ прислалъ въ Новгородъ посольство, изъявляя желаніе поклониться св. Софіи, и новгородцы по этому поводу пригласили его. Очень можетъ быть, что сначала новгородцы, ѣхавшіе съ владыкою, по-неволѣ согласились, сообразно желанію Гедимины, на такой приѣмъ его сына, а впоследствии, когда Иванъ Даниловичъ началъ тѣснить Новгородъ, съ охотою приняли литовскаго князя, находя въ союзѣ съ Литвою опору противъ Москвы и самой Орды.

Но князь Наримунтъ-Глѣбъ не имѣлъ на столько ни энергіи, ни достоинства, чтобы привязать къ себѣ Новгородъ; а велико-русская партія ожила снова, какъ только оказалось, что призванный князь не удовлетворялъ народнымъ ожиданіямъ. На слѣдующій годъ, узнавши, что Иванъ Даниловичъ, ѣздившій тогда въ Орду, воротился, Новгородъ послалъ къ нему посломъ Вареоламея Юрьевича; на этотъ разъ Иванъ принялъ посольство съ любовью и прибылъ по приглашенію новгородцевъ въ Новгородъ на столъ, февраля 16-го 1335 года. Тогда ли удался Наримунтъ, или же оставался въ Новгородской Землѣ, и если оставался, то какой роли держался—неизвѣстно. Но тотчасъ послѣ посѣщенія Иваномъ Новгорода, произошли набѣги литовцевъ на новгородскую волость. Иванъ Даниловичъ отражалъ эти набѣги въ качествѣ охранителя Новгородской Земли. Могли быть эти набѣги дѣломъ своевольныхъ литовцевъ, но могла быть эта рать и отправлена Гедиминомъ въ отищеніе за то, что Новгородъ опять поладилъ съ Москвою. Скоро, однако, именно въ 1337 году, московскій князь опять поссорился съ Новгородомъ и послалъ рать свою въ Заволочье. Ему хотѣлось получить дань изъ-за Камы. Наримунта-Глѣба не

¹⁾ Новг. Л. I, 77.

было въ Новгородской Землѣ. Новгородцы звали его изъ Литвы, какъ своего кормленника; но, видно, ему не понравился ни новгородскій хлѣбъ, ни новгородское обращеніе, — онъ не поѣхалъ снова въ Новгородъ и вызвалъ сына своего, Александра, изъ Орѣшка, гдѣ онъ сидѣлъ вмѣсто отца, на стражѣ края отъ шведовъ. Вѣроятно, недавнее мирное сношеніе съ московскимъ княземъ оскорбило литвина; онъ уже не довѣрялъ договорамъ съ Новгородомъ. Новгородцы раздѣлялись безъ его помощи — разбили и прогнали москвитянъ изъ Заволочья.

Ссора съ московскимъ княземъ не прекратилась. Въ 1339 году новгородцы привезли ему обыкновенный ханскій выходъ; московскій князь потребовалъ отъ Новгорода двойного выхода, т.-е. двойной дани, ссылаясь на запросъ царя Узбека. «Изначала — отвѣчалъ ему Великій Новгородъ, — не бывало того: по старой пошлинѣ новгородской и по грамотамъ прадѣда твоего, Ярослава Володимировича». Иванъ вывелъ намѣстниковъ своихъ съ Городища и объявилъ войну. Но смерть постигла его въ 1340 году.

Когда, послѣ смерти его, нѣсколько князей явились соискателями великокняжескаго достоинства, Новгородъ не мѣшался въ эти споры, и князь Симеонъ Ивановичъ получилъ это достоинство безъ содѣйствія новгородцевъ. Тотчасъ началъ онъ зацѣплять новгородскую вольность и, воспользовавшись тѣмъ, что въ Торжкѣ была партія, противная зависимости Торжка отъ Новгорода, онъ занялъ торжковскую волость, и послалъ собирать съ черныхъ людей дань.

Новгородцы послали туда войско, перехватили присланныхъ Симеономъ чернорорцевъ, то есть, собирателей дани, и великокняжескаго намѣстника. Но народъ въ Торжкѣ и торжковской волости былъ нерасположенъ къ новгородскому правленію и страшился разореній, которыя онъ по-

несъ бы отъ московскихъ войскъ, если бы держался Новгорода; чернь взбунтовалась, разграбила и прогнала своихъ бояръ, преданныхъ Новгороду. Та же участь постигла и новгородцевъ, временно проживавшихъ въ Торжкѣ. Народъ расположенъ былъ лучше покориться великому князю и платить ему дань, чѣмъ подвергать свои головы мщенію. Симеонъ, пользуясь этимъ, явился въ Торжокъ съ полками Московской Земли, тверскихъ, и суздальскихъ, и разныхъ князей. Подъ опекою хановъ, Москва уже становилась центромъ русскаго міра; ея князь въ первый разъ писался великимъ княземъ всея Руси, и другіе князья поневолѣ должны были идти съ московскими полками на Новгородъ.

Новгородъ отправилъ къ нему владыку Василя, тысяцкаго Авраама съ нѣкоторыми изъ своихъ бояръ, чтобъ уладить споръ, а между тѣмъ приготовлялся къ отпору. Но трудно было ему охранять свои права надъ Торжкомъ, когда туземные жители, зная, что до Новгорода отъ Москвы далеко, а къ нимъ близко, давали сами все потребное для москвичей. Новгородскіе послы примирились съ великимъ княземъ и порѣшили дать ему тысячу рублей съ новоторжской области и черный боръ по Новгородской Землѣ ¹⁾. Во всемъ прочемъ положено оставаться на прежнихъ основаніяхъ, и Симеонъ оставлялъ представителями своей верховной власти своихъ намѣстниковъ на Городищѣ.

Въ 1346 году, зимою, самъ Симеонъ посѣтилъ Новгородъ и пробылъ въ немъ три недѣли. Неизвѣстно, что собственно составляло причину этого посѣщенія; но вслѣдъ затѣмъ, лѣтомъ, Новгородъ поссорился съ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ. По сказанію нашихъ лѣтописей ²⁾, Ольгердъ съ братомъ своимъ Кестутомъ явился

¹⁾ Ник. Л. IV, 173.

²⁾ Новг. Л. I, 83.—Никоновск. т. III. 183.

въ новгородскихъ предѣлахъ на устьѣ рѣки Пшаги, впадающей въ Шелонь и послать сказать новгородцамъ:—«Я хочу съ вами раздѣлаться: меня лаялъ вашъ посадникъ Евстафій Дворянинцевъ: назвалъ меня псомъ!» Послѣ этого объявленія, Ольгердъ разослалъ свои отряды разорять новгородскія волости по рѣкѣ Шелони и Лугѣ. Нѣсколько мѣстъ разорили литовцы; съ Порхова Ольгердъ взялъ окupu 300 новгородскихъ рублей. Новгородцы ополченіемъ вышли-было противъ него на Лугу, но безъ битвы повернули назадъ и, прибѣжавши въ Новгородъ, ударили въ вѣчевой колоколъ и призвали на судъ Евстафія Дворянинцева.—«Ты надѣлалъ войны!—кричали ему:—ты лаялъ короля, а черезъ тебя теперь взяли волости наши!». Его убили на вѣчѣ. Это было опрометчивое и самовольное дѣло тѣсны, прибѣжавшей изъ Луги. Имъ показалось гораздо справедливѣе пожертвовать тѣмъ, кого обвинялъ Ольгердъ, чѣмъ за его неосторожность жертвовать своею жизнію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только дали знать Ольгерду, что тотъ, кто оскорбилъ его дерзкимъ словомъ, уже казнень, Ольгердъ выступилъ изъ новгородскихъ предѣловъ. Очень можетъ быть, что этотъ походъ соотносится съ дѣломъ брата Ольгердова, Явнута. Явнута посаженъ былъ отцомъ Гедиминомъ въ Вильнѣ. Ольгердъ съ братомъ Кестутомъ прогналъ его, прогнавши разомъ и Наримунта изъ Пинска. Наримунтъ бѣжалъ въ Орду; Явнута — въ Смоленскъ, а потомъ въ Москву, гдѣ крестился. Очень можетъ быть, что, во время пребыванія Симеона въ Новгородѣ, новгородскій посадникъ выразился такъ дурно объ Ольгердѣ отъ участія къ Явнутѣ, и Ольгердъ своимъ походомъ заранѣе хотѣлъ отбить у новгородцевъ всякую попытку содѣйствовать его изгнанному брату.

По смерти Симеона, въ 1353 году, новгородцы, испытавъ уже на себѣ невыгоду допускать велико-княжеское достоинство оставаться въ рукахъ московскаго князя, хло-

потали съ своей стороны въ Ордѣ, чтобы это достоинство дано было на этотъ разъ не московскому, а суздальскому князю. Но татарскій дворъ теперь не послушалъ ихъ и назначилъ великимъ княземъ снова московскаго князя, брата Симеонова, Іоанна. Съ 1353 года, новгородцы находились съ нимъ въ разладѣ полтора года ¹⁾, и послѣ, какъ видно, до самой его смерти въ 1360 г., не подчинялись его власти. Послѣ него, въ 1361 году, они признали Дмитрія Константиновича суздальскаго, когда тотъ получилъ великое княженіе, приняли его намѣстниковъ и дали ему судъ, то есть, судныя пошлыны.

Когда, послѣ ссоры съ Дмитріемъ Ивановичемъ московскимъ, суздальскій князь уступилъ послѣднему великокняжеское достоинство, Новгородъ, питая уже недовѣріе и непріязнь къ Москвѣ, сопротивлялся и Дмитрію. Въ 1366 году Дмитрій хотѣлъ смирять новгородцевъ оружіемъ; онъ изъявилъ притязаніе и зато, что новгородская молодежь грабила купцовъ по Волгѣ, и задержалъ шедшаго съ Двины новгородца Василія Даниловича съ сыномъ и Прокофья Кіева ²⁾. Однако обстоятельства заставили новгородцевъ и московскаго князя сблизиться между собою на время. Обоимъ угрожали два сильные врага: литовскій князь Ольгердъ и князь тверской, Ольгердовъ родственникъ. Новгородъ заключилъ оборонительный союзъ съ московскимъ великимъ княземъ. Обѣ стороны обязались помогать другъ другу. Еще прежде Новгородъ и Тверь находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Преданія укрѣпляли эту непріязнь. Выше было показано, какъ Новгородъ былъ недружелюбенъ къ прежнимъ тверскимъ князьямъ: вражда съ ними и сблизила его первоначально съ Москвою. Теперь между Тверью и Новгородомъ возникли поземель-

¹⁾ Новг. Л. I, 86.

²⁾ Новг. Л. IV, 66; Новг. Л. I, 88.

ные споры. Нѣкоторые землевладѣльцы новгородской волости продавали свои имѣнія тверичамъ. Тверской князь, считая себя господиномъ надъ тверскими боярами, показывалъ притязанія и на самыя земли, которыя были куплены этими боярами въ чертѣ новгородской волости. Новгородъ же почиталъ эти земли неприкосновенною своею собственностью. Къ этому присоединился споръ за Торжокъ ¹⁾. Призвавши на помощь Кестута съ литовскими полками, Михаилъ занялъ Торжокъ съ прилежащею волостью и посадилъ въ Торжкѣ своихъ намѣстниковъ. Устроивши свое управленіе въ завоеванной землѣ, тверской князь отпустилъ союзниковъ и вывелъ свои ратныя силы изъ торжковского края. Тогда новгородскіе бояре пріѣхали въ Торжокъ и составили съ новоторжцами думу. Новоторжцы цѣловали крестъ не отступать отъ Великаго Новгорода и стоять за-одно противъ тверскаго князя. Михайловыхъ намѣстниковъ выгнали; тверскихъ гостей, случившихся въ Торжкѣ, ограбили, нѣкоторыхъ убили и принялись дѣятельно укрѣплять городъ, — это случилось передъ заговѣнами на Петровъ постъ, въ 1372 г. Чрезъ нѣсколько дней, мая 31, въ понедѣльникъ, явился Михаилъ Александровичъ подъ Торжкомъ съ тверскимъ ополченіемъ. — «Выдайте мнѣ тѣхъ, которые побили и ограбили моихъ тверичей—требовалъ онъ отъ новоторжцевъ:—да примите вновь моихъ намѣстниковъ; я болѣе ничего отъ васъ не хочу!» Михаилъ далъ имъ срока на думу отъ утра до полудня. Въ Торжкѣ была тогда безледица и мятежъ; но противъ тверскаго князя на этотъ разъ всѣ были ожесточены равно. Пословъ тверскихъ приняли съ высокоуміемъ, говорить лѣтописецъ. И въ тотъ же день бояре новгород-

¹⁾ Михаилъ тверской претендовалъ на этотъ городъ можетъ быть потому, что предки его владѣли землями, дѣйствительно нѣкогда тянувшимися къ Торжку, какъ, напр., Зубцовымъ, и передали ему по пресеминчеству.

скіе, пріѣхавшіе поддерживать новоторжцевъ, хвастаясь своимъ мужествомъ, первые выѣхали въ поле и другимъ путь показывали; за ними высыпали граждане: на первомъ же суймѣ (схваткѣ) главный воевода Александръ Абакумовичъ палъ костью за святого Спаса и за обиду новгородскую. За нимъ другіе отважные мужи положили головы, а прочіе новгородцы поворотили сейчасъ же назадъ и, не заѣзжая въ Торжокъ, поскакали прямо въ Новгородъ. Новоторжцы потеряли духъ, понятелись назадъ; тверичи ударили имъ въ тылъ; въ это время другіе зажгли посадъ съ конца; на бѣду Торжку поднялась буря; пожаръ пошелъ разгуливать по городу съ быстротою; некуда было спастись новоторжцамъ. Мужчины, женщины, дѣти гибли безвыходно въ пламени; другіе бросились въ церковь св. Спаса и тамъ задохлись; иные кинулись въ Тверцу, а тѣ, которые избѣгли пламени и воды, попадались непріятелю. Тверичи свирѣпствовали безъ милосердія; обирали до-нага и женъ, и дѣвицъ, и чернецовъ, и черницъ: инья отъ срамоты бросались въ воду. Ограбили и церкви, и все, что въ нихъ было укрыто отъ огня, меча и нашествія иноплемennыхъ. Остатки разореннаго народа погнали въ плѣнъ. Никогда — разсуждаетъ лѣтописецъ — не бывало Торжку такого зла и отъ поганныхъ; наметали тогда пять скудельницъ убитыхъ и сожженныхъ труповъ, а иныхъ нельзя было похоронить, потому что до тла сгорѣли или на дно рѣки попли, другіе же безъ вѣсти забѣжали¹⁾).

Разоренная, такимъ образомъ, торжковская область досталась тверскому князю. Это-то насильственное завоеваніе болѣе всего сблизило тогда Новгородъ съ соперникомъ тверского князя — Дмитріемъ, и въ 1375-мъ году Новгородъ усердно помогалъ ему противъ Михаила: много подручныхъ князей явилось тогда съ московскимъ великимъ

¹⁾ Новг. Л. I, 89. IV. 67; Соф. I, 232; Ник. IV, 35.

княземъ подѣ Тверью, но никакое ополченіе не шло съ такою охотою, какъ новгородское. Новгородцы, — говорить современникъ, — *пришли туда скрежаща зубами на Тверичъ за свою обиду еже бѣ на нихъ*. Взятые во время войны тверскимъ княземъ въ плѣнъ новгородцы и новоторжцы были засажены въ тюрьму въ Твери. Имъ удалось подкопаться изъ погреба и убѣжать изъ неволи ¹⁾. Они должны были теперь побуждать своихъ единовозмездцевъ къ мщенію. Дѣятельное участіе Великаго Новгорода болѣе всего побудило Михаила искать мира съ великимъ княземъ. Онъ зналъ, что иначе новгородцы сдѣлаютъ съ Тверью то, что онъ дѣлалъ съ Торжкомъ. Новгородцы заранѣе это показывали, потому что разоряли окрестную страну неистовымъ образомъ. Итакъ тверской князь помирился съ Димитріемъ на всей его волѣ: онъ долженъ былъ помириться также и съ новгородцами на всей ихъ волѣ. Мирное окончаніе было подписано 3 сентября ²⁾. Михаилъ отказался отъ Торжка и всей его волости, обѣщался возвратить Великому Новгороду всѣ земли, купленные своими подданными, и предоставилъ послѣднимъ вѣдаться судомъ съ тѣми новгородцами, у которыхъ они ихъ купили, а если бы, за давностью времени, уже не нашлось продавцовъ, Новгородъ долженъ былъ покупщикамъ отдать куны за купленные ими у новгородцевъ имѣнія; но, во всякомъ случаѣ, эти земли отходили къ Великому Новгороду безусловно. Михаилъ обязался отпустить безъ выкупа всѣхъ плѣнниковъ, новгородцевъ и новоторжцевъ, и возвратить товары, захваченные у новгородскихъ гостей до взытія Торжка ³⁾.

Новгородъ обезсиливалъ такимъ образомъ, вмѣстѣ съ московскими князьями, Тверь, которая стояла ближайшимъ

¹⁾ Ник. Л. IV, 37.

²⁾ Новг. IV, 71.

³⁾ Собр. Госуд. Гр. I, 22.

опоромъ противъ московскаго самовластія; Новгородъ тѣмъ самымъ болѣе и болѣе способствовалъ возвышенію Москвы; и послѣ взаимнаго торжества надъ Тверью, черезъ одиннадцать лѣтъ, онъ испыталъ на себѣ отъ Москвы такую же непріязнь, какую вмѣстѣ съ Москвою оказывалъ Твери. Московскій князь собралъ на Новгородъ еще болѣе ратей подручныхъ князей, чѣмъ на Тверь. Лѣтописецъ говоритъ, что причиною размолвки былъ гнѣвъ московскаго государя на новгородцевъ за то, что, еще во время тверскаго похода, когда ратная сила новгородская осаждала вмѣстѣ съ москвичами Тверь, новгородскіе молодцы-ушкуйники плавали по Волгѣ и разоряли города. Это былъ только благовидный предлогъ, чтобъ вооружить другія земли противъ Новгорода и возбудить въ нихъ желаніе мести за неправо дѣло. Главное неудовольствіе Дмитрія на Новгородъ было за то, что новгородцы не платили ему даней съ самаго того времени, какъ онъ вступилъ въ великокняжеское достоинство. Дмитрію хотѣлось взять съ Новгорода такъ же, какъ удалось взять его дѣду. Въ особенности же въ то время для Московской Земли нужны были деньги: Москва расплатилась не дешево за Куликовскую побѣду, одержанную надъ татарами въ 1380 году. Черезъ два года, въ 1382 году, Тохтамышъ превратилъ ее въ пепелъ, и татарскіе отряды, разсѣявшись по Московской и Суздальской Землямъ, опустошали ту и другую; а въ заключеніе всего—разоренныя великокняжескія земли обложены были въ наказанье отъ хана данью съ деревни по полтинѣ ¹⁾. Великому князю казалось справедливымъ, чтобъ и Новгородъ участвовалъ въ раздѣлѣ общей тягости.

Въ 1384 году, Дмитрій послалъ сборщиковъ собирать черный боръ по новгородской волости. Главные бояре, за вѣдывавшіе этимъ порученіемъ, пріѣхали на Городище и

¹⁾ Карам. V, прим. 104.

разослали по волости сборщиковъ. Новгородскіе бояре, по приговору вѣча, отправились на Городище доказывать прибывшимъ москвичамъ, что Новгородъ не долженъ платить этой дани. Обсужденіе этого вопроса довело тотчасъ же до открытой ссоры, такъ что московскіе бояре убѣжали съ Городища.

Сверхъ того, Дмитрій Донской имѣлъ и еще причину досадовать на новгородцевъ: въ 1383 г., новгородцы пригласили къ себѣ на кормленье снова литовскаго князя, Патрикія, Наримунтова сына, и дали ему сначала то же, что нѣкогда было дано его отцу, а потомъ, въ 1384 году, когда жители отданнаго края стали недовольны управленіемъ князя, перемѣнили данный удѣлъ на Ладугу и Русу. Это призваніе князя изъ литовской фамиліи должно было казаться оппозиціею противъ московской власти.

Наконецъ, къ несогласію съ великимъ княземъ присоединилось несогласіе съ митрополитомъ, державшимъ всегда сторону князя той земли, гдѣ жилъ. Новгородъ настаивалъ, чтобъ владыка новгородскій имѣлъ независимость суда и не относился къ митрополиту. Всѣ эти причины вмѣстѣ довели до открытой войны.

Новгородскія молодечества въ послѣдніе годы возбуждали злобу противъ Новгорода въ другихъ земляхъ Руси, и легко было подвинуть ихъ на Новгородъ: жители тѣхъ земель, которыя, назадь тому одиннадцать лѣтъ, посѣщали новгородскіе ушкуйники, были особенно ожесточены; свѣжо еще было горе, понесенное отъ новгородцевъ, а управы искать было негдѣ. Иные, бывшіе прежде предводителями ушкуйническихъ шаекъ, дѣлались современемъ правительственными лицами въ Новгородѣ, да и при всякомъ правительствѣ, власть въ Новгородѣ не была на столько сильна, чтобъ подчинить себѣ личный произволъ. Очень можетъ быть, что и послѣ того времени, когда происходили разбои, которые теперь выставлялись поводомъ къ войнѣ, нов-

городскіе молодцы повторяли въ мѣньшемъ размѣрѣ обычныя своевольства, и негодованіе противъ Новгорода такимъ образомъ не ослабѣвало отъ времени, а поддерживалось: потому-то Димитрій, кромѣ полковъ подручныхъ ему городовъ Московской Земли (Можайска, Серпухова, Ржева, Боровска, Дмитровска), подвинулъ ополченія городовъ приволжскихъ, и вообще прирѣчныхъ, открытыхъ со своими землями для новгородскихъ ушкуйниковъ и, слѣдовательно, питавшихъ къ нимъ злобу: Галича, Мологи, Костромы, Городца, Углича, Ярославля, Нижняго-Новгорода, Бѣлозерска, Устюга, Мурома; присланы были полки: изъ Юрьева, Владимира, Суздаля, Ростова, Мещеры и Стародуба. Самые новгородскіе пригороды — Вологда, Бѣжецкій-Верхъ, Волокъ-Ламскій и Торжокъ, пошли противъ своей метрополіи; богатые новоторжцы были за Новгородъ, зато малые стали въ ополченіе великаго князя. Торжковской и Волоколамской Землямъ выпадало либо идти противъ своего старѣйшины—Новгорода, либо принять на себя военное разореніе за Новгородъ. Видно, управленіе новгородское не такъ было справедливо, чтобъ воодушевить народъ за себя; а положеніе Торжковской Земли на дорогѣ, посреди враждебныхъ странъ, давно уже приучило ее склоняться къ низовской сторонѣ, какъ только дѣло доходило до войны. Иначе Новгородъ, обыкновенно, не успѣетъ послать туда войско для обороны, прежде чѣмъ враждебные сосѣди успѣютъ выказать свою злобу къ Новгороду опустошеніями торжковского края. Такъ-то великій князь воспользовался теперь и старыми, и свѣжими причинами нерасположенія русскихъ земель къ Новгороду, какъ воспользовался давнею враждою Новгорода съ Тверью, чтобы, съ помощью Новгорода, наказать Тверскую Землю, которая упорно противодѣйствовала Москвѣ.

Сосредоточенности управленія въ Новгородѣ было очень мало; нельзя было на-скоро набрать хорошихъ военныхъ

силъ, чтобы противостать находившей грозѣ. Новгородъ счелъ удобнѣе отдѣлаться деньгами, зная привычную склонность къ прибытку московскихъ князей. Владыка Алексѣй поѣхалъ къ Дмитрію и предложилъ ему отъ Новгорода 8,000 рублей. Великій князь отказалъ. Быть можетъ ему неловко было предъ союзниками, начавъ дѣло, такъ скоро помириться. А можетъ быть онъ хотѣлъ въ наличности денегъ; у Новгорода же ихъ не было. Новгородцы стали готовиться къ оборонѣ; устроили около города острогъ. При званный ими князь литовской породы оказался плохимъ защитникомъ. Кромѣ его, у Новгорода еще были князья; но ополченіе, выставленное Новгородомъ подъ начальствомъ этихъ князей, вышло за городъ къ протоку Жилотугу на юго-восточную сторону, и услышавъ вѣсть, что союзники близко, ушло назадъ. 10-го января 1386 года пронеслась вѣсть, что враги подходятъ къ Жилотугу. Тутъ пріѣхалъ въ Новгородъ владыка; онъ, возвратился изъ Москвы, извѣщалъ, что великій князь не даетъ мира и сообщилъ, что войско на Новгородъ собрано великое. Новгородцы въ отчаяніи начали сжигать всѣ загородныя строенія; такимъ образомъ, кромѣ боярскихъ и купеческихъ дворовъ, сгорѣло двадцать четыре монастыря ¹⁾. Много было убытковъ Великому Новгороду,—замѣчаетъ лѣтописецъ ²⁾. Еще болѣе усилился страхъ, когда вокругъ стали являться отряды непріятельскихъ силъ; запылали новгородскія волости; прибѣгали въ городъ поселяне, извѣщали, что враги грабятъ имущество, сжигаютъ жилища, гонятъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Новгородцы послали отряды на выѣзды, а отряды воротились безъ вѣстей; видѣли новгородцы, что враги подѣ города, и не знали, когда и съ какой стороны думаютъ напасть. Наконецъ,

¹⁾ Соф. I, 241.

²⁾ Воскр. Л., П. С. Р. Л. VIII, 50.

они досконально узнали, что великій князь стоитъ у По-недѣлья.

Тогда Новгородъ послать къ нему архимандрита, по имени Давида, семь поповъ и пять человекъ житыхъ людей, съ каждаго городского конца по человекъ. Никоновская Лѣтопись, напротивъ, говорить, что посадникъ Якуновичъ отправилъ ко князю владыку, и святитель Алексій наконецъ преклонилъ великаго князя къ миру кроткими словесами, и общалъ отъ лица Великаго Новгорода наказать виновныхъ въ разбояхъ по Волгѣ ¹⁾. На этотъ разъ великій князь согласился на миръ. Новгородъ обязался дать Димитрію восемь тысячъ рублей. Три тысячи рублей наличными взяты были съ палаты св. Софіи а остальные пять тысячъ положено взыскать съ заволочанъ, потому что преимущественно изъ Заволочья ходили молодцы разбойничать на Волгу.

Димитрій долженъ быть согласиться на мировую сдѣлку. Отчаяніе, съ какимъ новгородцы сожгли свои монастыри и загородныя хоромы, показывало, что Новгородъ не уступить легко своей свободы, и, доведенный до крайности, будетъ защищаться съ ожесточеніемъ. Время было зимнее и ненастное; снѣгу не было, одна гололедица; пути были дурны; все кругомъ сожжено; не была пріюта для ратныхъ; продовольствія тоже трудно было достать. Отважиться на долговременную осаду казалось невозможнымъ. Итакъ, вотъ другой разъ въ своей исторіи Великій Новгородъ увидалъ подъ своими стѣнами союзные полки русскихъ земель подъ знаменемъ великаго князя. Первый разъ ему помогло чудо Пресвятыя Богородицы; черезъ двѣсти лѣтъ повторилось то же, но не повторилось чудо, — пришлось выгораживать себя земными средствами. Сколько первое событіе могло возвысить народный духъ, на столько послѣднее могло способствовать его упадку.

¹⁾ Ник. Лѣт. IV, 150.

Отдѣляваясь отъ великаго князя московскаго деньгами, Новгородъ долженъ былъ упорно держаться своей старины, чтобъ какъ-нибудь сохранить то, что еще можно было удержать. Зависимость отъ власти великаго князя ограничивалась покамѣстъ только дачею денегъ. Великокняжескіе намѣстники доставляли великому князю пошлины съ судовъ и опредѣленные дары; обязательнаго суда и предводительства они не имѣли. Въ Новгородѣ одни за другими появлялись князья то Рюрикова, то Гедиминова дома; получали по условію кормленье и теряли его по волѣ вѣча. Послѣ Патрикія, не умѣвшаго оборонять Новгорода и потому уѣхавшаго прочь, явился, въ 1389 году, литовскій князь Симеонъ Ольгердовичъ и пробылъ до 1392 года ¹⁾; начальствовалъ новгородскими ополченіями въ распряхъ со Псковомъ и въ войнахъ съ нѣмцами. Были разомъ въ то же время иныя князья. Романъ Юрьевичъ нѣсколько разъ появлялся въ Новгородѣ въ разные годы и былъ убитъ при Шелони, въ 1398 году ²⁾. Въ 1393 году, прибылъ въ Новгородъ бѣлозерскій князь Константинъ ³⁾. Упоминаются подъ 1399 годомъ бывшіе въ Новгородѣ и во время нашествія Дмитрія, Василій и Иванъ Ѳедоровичи, князья, называемые копорскими, потому что имъ Копорье дано было для кормленья ⁴⁾. Въ 1397 году смоленскій князь Василій Ивановичъ, а за нимъ, въ томъ же году, послѣ долгой разлуки съ Новгородомъ, Патрикій искалъ тамъ убѣжища ⁵⁾. Новгородъ сталъ притономъ разныхъ князей, приходившихъ туда послѣ какихъ-нибудь неудовольствій въ своемъ краѣ. Новгородъ принималъ всѣхъ, давалъ нѣкоторымъ пригороды

¹⁾ Соф. I, 245.

²⁾ Воскр. Л. П. С. Л. VIII, 72.

³⁾ Новг. I, 96.

⁴⁾ Соф. Л. I, 246.

⁵⁾ Новг. I, 98.

для управленія и кормленья, а они обязывались защищать новгородскіе предѣлы.

При Димитріевомъ преемникѣ, Василиѣ Димитріевичѣ, Великій Новгородъ опять вошелъ въ распри съ великимъ княземъ. Заплативши по необходимости наложенную на него Димитріемъ сумму, Новгородъ не считалъ себя обязаннымъ повторять такіе платежи: то была пеня за совершенныя новгородскими подданными преступленія; такъ это дѣло понимать можно было согласно самому поводу къ войнѣ, объявленному Димитріемъ. Но московскій князь требовалъ чернаго бора, и считалъ взятое Димитріемъ — постояннымъ налогомъ, который Новгородъ долженъ будетъ платить каждому великому князю. Съ этимъ вмѣстѣ Василий Димитріевичъ заступался за своего митрополита, которому новгородцы рѣшительно не хотѣли давать права на святительскій судъ надъ своею Церковью. И отъ того, и отъ другого отрекался Великій Новгородъ. Въ 1393 году началась война. Злополучный Торжокъ, со своею волостью, опять подвергся печальной участи житья-бытья на большой дорогѣ. Москвичи напали на него; въ Торжкѣ по прежнему были двѣ партіи: одна новгородская, стоявшая за принадлежность къ метрополіи, другая, склонная, ради избѣжанія раззоренія, пристать къ Москвѣ. Одинъ изъ представителей послѣдней, по имени Максимъ, былъ убитъ въ городѣ. Великій князь двинулъ сильную рать на Торжокъ. Городъ былъ взятъ; начальниковъ противной партіи привезли въ Москву и тамъ казнили различными казнями. Разомъ занятъ былъ Волокъ-Ламскій: другой отрядъ захватилъ Вологду; третій — Бѣжецкій-Верхъ. Новгородцы съ своей стороны послали войско на востокъ взять города Кличень и Устюжну, а другое ополченіе пошло на Двину и, соединившись съ двинскимъ ополченіемъ, напало на Устюгъ. Этотъ богатый торговый городъ, признававшій власть великаго князя, былъ разграбленъ и сожженъ. По-

бѣдители набрали много церковнаго богатства и серебра. Разорены были окрестности, которыя тянули къ городу: людей погнали по Двинѣ внизъ. Казалось, новгородцы въ этой войнѣ не оставались въ проигрышѣ; однако, въ томъ же году осенью заключили миръ. Новгородская лѣтопись говорить о немъ глухо; но въ лѣтописныхъ редакціяхъ Софійской и Воскресенской говорится, что великій князь отправилъ въ Новгородъ своихъ пословъ, и тѣ взяли съ Новгорода обѣщаніе платить черный боръ, а митрополиту дали новгородцы 350 рублей за благословеніе и крестное цѣлованіе ¹⁾. Событіе это остается неразъясненнымъ, потому что митрополитъ и въ 1395 году находился еще въ спорѣ за свои права.

Въ 1397 году опять возникло размирье. Московское самовластіе брало шагъ за шагомъ верхъ надъ самобытностью русскихъ земель. Уже Нижній-Новгородъ и Суздальская Земля окончательно присоединены были къ Московской державѣ. Всѣми способами подходилъ московскій великій князь, чтобъ подчинить себѣ Великій Новгородъ. Породнившись съ Витовтомъ, великій князь потребовалъ было, чтобъ новгородцы объявили войну крестоносцамъ, съ которыми литовскій великій князь былъ во враждѣ. Великій Новгородъ на своемъ вѣчѣ отвѣчалъ великокняжескому послу: — «Намъ, князь, съ тобою одинъ миръ, а съ великимъ княземъ Витовтомъ другой, а съ нѣмцами иной!» ²⁾. Но въ тотъ же годъ, когда такой твердый отвѣтъ напомнилъ московскому властителю, что Великій Новгородъ дорожитъ независимостью своихъ дѣйствій, въ Двинской Землѣ устраивался подрывъ цѣльности его волости. Въ этой далекой странѣ, какъ и въ Торжкѣ, существо-

¹⁾ Новг. Л. I, 96; Соф. I, 245 — 246; Воскр. II. С. Л. т. VIII, 63—64; Никон. IV, 253; Карамз. V, примѣч. 149.

²⁾ Княже Василій! съ тобою свой миръ, и съ Витовтомъ инъ, и съ нѣмцами инъ (Новг. Л. IV, 102).

вала партія, недовольная новгородскимъ управленіемъ и готовая промѣнять его на великокняжеское. Великій князь воспользовался этимъ и послалъ туда своихъ бояръ, Андрея Албердовича съ товарищами, поджигать двинянъ къ отторженію отъ Новгорода. Нашлись недовольные Новгородомъ двинскіе бояре. Вѣрно, вмѣшательства Новгорода въ дѣла Двинской Земли и обязанность колоній въ отношеніи своей столицы были таковы, что великому князю легко было обѣщаніемъ льготъ склонить ихъ къ переходу на свою сторону. Они искусились. Изъ Уставной Грамоты, данной тогда великимъ княземъ Двинской Землѣ, видно, что онъ предоставлялъ двинянамъ выгоду безпошлинно торговать по всѣмъ подвластнымъ ему землямъ ¹⁾. Въ то же время московскій князь занялъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Вѣжецкій-Верхъ, Вологду, съ ихъ волостями, и посадилъ своихъ намѣстниковъ въ этихъ городахъ. Вездѣ онъ могъ найти благопріятелей, потому что вездѣ кстати давалъ льготы и обѣщанія. Новгородскіе воеводы на Двинѣ—Иванъ и Кононъ ²⁾, обязанные блюсти колоніи, получили отъ великаго князя себѣ въ собственность новгородскія имѣнія; другіе двинскіе бояре также приобрѣли для себя земли, отнятыя у преданныхъ Великому Новгороду владѣльцевъ. То же дѣлалось и въ другихъ волостяхъ: отнимали земли у вѣрныхъ и отдавали измѣнникамъ въ награду. Митрополитъ, съ своей стороны, предъявлялъ право верховнаго управленія по церковнымъ дѣламъ и требовалъ новгородскаго владыку къ себѣ на судъ о святительскихъ дѣлахъ. Чтобъ отвратить грозящую бурю, архіепископъ новгородскій Іоаннъ, не раздражая митрополита, отправился къ нему; вмѣстѣ съ нимъ поѣхали отъ Великаго Новгорода выборные послы: Богданъ Абакумо-

¹⁾ А. Арх. Эксп. I, 9.

²⁾ Новг. Л. I. 99.

вичъ, Кирилль Димитріевичъ, съ житыми людьми отъ концовъ. Владыка явился къ великому князю, возложилъ на него святительское благословеніе и говорилъ: «Господине сыну, князь великій! прими мое благословеніе и доброе слово, и новгородское челобитіе: отложи нелюбе свое на вольныхъ мужей твоихъ, новгородцевъ; прими ихъ по старинѣ, дабы при твоёмъ княженіи не учинилось между христіанами кровопролитіа; отступись отъ Заволочья, Торжка, Волока, Вологды, Бѣжецкаго-Верха, взятыхъ тобою противно крестному цѣлованію; пусть все пойдётъ къ Великому Новгороду по старинѣ; отложи общій судъ на порубежѣ: это все не по старинѣ».

Великій князь не принялъ ни благословенія, ни просьбъ. Митрополитъ Кипріянь не хотѣлъ вести дѣла дагѣ своихъ церковныхъ нуждъ, и не упорствовалъ во враждѣ къ Новгороду, ради княжескихъ притязаній: онъ благословилъ владыку и пословъ новгородскихъ. Когда владыка воротился домой, и на вѣчѣ извѣстилъ, какъ кончилось его посольство, новгородцы говорили:

«Господине отче, не можемъ терпѣть такого насилія отъ своего князя великаго Василія Димитріевича; онъ отнимаетъ у св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину; хотимъ поискать пригородовъ и волостей св. Софіи, своей отчины и дѣдины».

Они всѣ цѣловали крестъ *за одиѣ братѣ* сопротивляться притязаніямъ великаго князя. Посадники, бояре, дѣти боярскіе, житые люди, купецкіе дѣти, всѣ способные носить оружіе, вооружились, снарядились въ походъ. Они собрались на вѣче и въ одинъ голосъ говорили владыкѣ: «Благослови, господине отче-владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей: либо возвратимъ свою отчину къ св. Софіи и Великому Новгороду, либо сложимъ головы за св. Софію и за господина своего Великаго Новгорода».

Владыка благословилъ ихъ, и отпуская военную силу, сказалъ: — «Подите, поищите пригородовъ и волостей св. Софіи, своей отчины и дѣдины!».

Въ 1398 г. новгородское ополченіе двинулось въ Заволочье въ числѣ 3,000 подъ начальствомъ Тимоеея Юрьевича, Юрія Димитріевича и Василя Синча. Слышно было, что измѣнники сосредоточились въ городѣ Орлецѣ ¹⁾. На пути явился къ воеводамъ волостель владычнаго имѣнія, по имени Исаія, и говорилъ: — «Господа воеводы новгородскіе! Бояринъ великаго князя, Андрей, съ Иваномъ Никитинымъ, да съ двинянами, наѣхали на волость св. Софіи на Вель, на самый Великій День, повоевали волость св. Софіи, побрали окупъ на головахъ; отъ великаго князя пріѣхалъ на Двину воеводою князь Ѳеодоръ, блюдетъ городъ, судить и беретъ пошлыны по новгородскимъ волостямъ. Двинскіе воеводы Иванъ и Кононъ, да ихъ друзья, побрали себѣ волости Великаго Новгорода и новгородскихъ бояръ и раздѣлили между собою». — «Братья! — говорили новгородскіе воеводы: — лучше намъ умереть за св. Софію, чѣмъ быть въ обидѣ отъ великаго князя».

Они повернули на великокняжескую бѣлозерскую волость, разсѣялись отрядами, грабили, жгли, брали на щить поселенія; сожгли Старый Бѣлозерскій городокъ и приступили къ Новому; но оттуда вышли князья бѣлозерскіе, подручники великаго князя московскаго, и отдались на милость побѣдителямъ. Они отдѣлялись тѣмъ, что заплатили шестьдесятъ рублей окупъ. Новгородцы захватили кубенскія волости, повоевали окрестности Вологды, подошли къ Устюгу, и, послѣ четырехнедѣльной осады, взяли его, а потомъ отправились къ Орлецу, главному притону измѣнниковъ. Уже противъ стѣнъ этого города были уст-

¹⁾ Въ двадцати верстахъ отъ нынѣшнихъ Холмогоръ.

роены пороки; уже новгородцы собирались идти на приступъ. Двиняне сообразили, что имъ не будетъ помилованія, если новгородцы возьмутъ городъ приступомъ, и заранѣе рѣшились сдаться; вышли на встрѣчу, били челомъ и выдали измѣнниковъ-бояръ. Нѣкоторыхъ воеводы казнили тутъ же; главнѣйшихъ (Ивана, Конона, Герасима, Анфала, Родіона, Ивана) заковали, чтобъ представить на вѣчевой судъ. Князь Феодоръ ростовскій отдалъ всѣ судныя пошрины, какія успѣлъ собрать въ короткое время своего управленія Двинскою Землею въ званіи намѣстника великаго князя, — этимъ онъ купилъ себѣ жизнь; захваченные гости московскіе должны были заплатить за себя окупъ; наконецъ, всѣ двиняне вообще, даромъ что покорились, обложены были въ наказаніе за свое отпаденіе отъ Новгорода — налогомъ въ 4,000 рублей и сверхъ того доставили ополченію три тысячи лошадей.

Уничтоживъ укрѣпленія Орлеца, новгородская рать возвратилась въ Новгородъ уже зимою; и тутъ узнали они, что еще осенью заключенъ миръ съ великимъ княземъ по старинѣ. По благословенію владыки, который старался о прекращеніи войны, архимандритъ Пареевій и посадникъ Осипъ Захарьевичъ, да тысячскій Ананія Константиновичъ, да житые люди Григорій и Давидъ ѣздили къ великому князю. Услышавъ, вѣроятно, что новгородцы успѣвали въ Двинской Землѣ, Василій Димитріевичъ согласился отказаться и отъ Двины, и отъ другихъ захваченныхъ городовъ: Торжка, Вологды, Волока и Бѣжецкаго-Верха, гдѣ онъ уже посадилъ своихъ намѣстниковъ ¹⁾.

Объ этой войнѣ сохранилось такое легендарное преданіе. Новгородцы, войдя въ Заволочье, подошли къ Устюгу, и требовали съ него конейщины, т.-е. окупъ за то, чтобъ не быть взятыми на копьѣ. Устюжане не дали; новгородцы

¹⁾ Новг. Л. I, 98-99-100; Новг. IV, 103; Соф. I, 250; Ник. IV, 273-277.

взяли и сожгли посады; самый городъ оставили—никакъ не удавалось его взять. Въ досадѣ, новгородцы ограбили на посадѣ соборную церковь и взяли чудотворную икону Одигитріи устюжской. Ее внесли въ насадъ; хотѣли отчалить: никакою силою нельзя было насадъ отодвинуть отъ берега. Одинъ старый новгородецъ, Ляпунъ, сказалъ: — «Полоняникъ несвязанный не идетъ въ чужую землю». Онъ обвязалъ икону убрисомъ. Тогда насадъ двинулся. І'нѣвъ Божій поразилъ за то новгородцевъ. Многіе изъ нихъ, на дорогѣ, были поражены коркотою; начало имъ корчить руки и ноги, и ломать хребты; а на тѣхъ, которые благополучно дошли до Новгорода, напала слѣпота. Тогда владыка повелѣлъ имъ отвезти насадъ икону и всѣ украшенія, что на ней были. Для этого, послѣ замиренія, въ 1399 году, отправлены были отъ Великаго Новгорода гости; повезли икону; съ ними поѣхали мастера; владыка проводилъ святыню до самой Ладоги; новгородцы не только возвратили все ограбленное на прежнее мѣсто, а еще поставили въ память въ Устюгѣ деревянную церковь во имя Успенія Богородицы.

Въ 1401 году опять вспыхнулъ раздоръ съ великимъ княземъ и митрополитомъ. Владыка Іоаннъ, послѣ примиренія, оставался въ прежней неподсудности московскому митрополиту. Кипріянь потребовалъ его къ себѣ, подъ предлогомъ поговорить объ общихъ святительскихъ дѣлахъ и задержалъ въ наказаніи и смиреніи. Великій князь сильно гнѣвался на владыку за то, что онъ благословлялъ новгородцевъ, когда они поплы на Двину. Владыку посадили въ Чудовъ монастырь; тамъ онъ пробылъ два года съ половиною, никакъ не поддаваясь на уступки, защищая независимость новгородской Церкви. Вражда, такимъ образомъ, сама собою чрезъ этотъ поступокъ открылась. Великій князь опять послалъ войско захватить Торжокъ. Въ Заволочѣ явились опять ему пособники.

Когда новгородскіе воеводы, въ 1398 г. усмиривши Двинскую Землю, возвращались домой и везли съ собою на судъ зачинщиковъ измѣны, одинъ изъ послѣднихъ, Анфалъ, какъ-то успѣлъ дать тягу. За нимъ тогда же послали погоню. Анфалу помогли устюжане. Быстро явилась у него дружина. Погоня вступила съ нимъ въ битву при Сухонѣ, прогнала устюжанъ, но не поймала Анфала. Этотъ Анфалъ теперь получилъ покровительство великаго князя. Ему прислано въ Заволочье войско; къ нему прибѣжалъ бывшій его товарищъ Герасимъ, котораго воеводы, въ 1398 году, успѣли благополучно довести до Новгорода; но тамъ онъ и другой преступникъ, Родіонъ, такъ успѣли разжалобить новгородцевъ, что имъ даровали жизнь, съ тѣмъ, что они будутъ жить вѣчно въ монастырѣ; и такъ они избавились участи другихъ своихъ товарищей, которыхъ побросали съ моста въ Волховъ. Теперь эти-то два лица стали волновать Заволочье въ пользу великаго князя, разоряли имѣнія, хватали въ плѣнъ землевладѣльцевъ, преданныхъ Новгороду, и огнемъ принуждали двинянъ покориться великому князю. Недолго, однако, они себя такъ показывали; новгородское ополченіе разбило ихъ шайку и освободило захваченныхъ ими въ плѣнъ. Въ Торжкѣ дѣло кончилось тѣмъ, что посланные великимъ княземъ бояре, съ тремястами ратныхъ, схватили двухъ значительныхъ людей, особенно нерасположенныхъ къ великому князю, и въ слѣдующемъ же году ихъ выпустили. Въ 1404 году владыка былъ отпущенъ митрополитомъ, и вражда прекратилась сама собою ¹⁾.

Великій князь, принужденный два раза уступить Новгороду, не пропускалъ, однако, случая дѣлать новыя покушенія на Заволочье. Въ 1417 году, въ Вяткѣ собралась вольная шайка, покровительствуемая великимъ княземъ;

¹⁾ Соф. I, 250; Ник. IV, 302—303; Нов. IV, 103.

княжій бояринъ руководить ею; пристали къ ней новгородскіе бѣглецы, устюжане и вятчане собрались по ихъ зову, изъ охоты къ грабежу. Эта шайка напала на Заволочскую Землю, сожгла города Емцу и Холмогоры, брала въ плѣнъ преданныхъ Новгороду землевладѣльцевъ; однако скоро новгородскій отрядъ разсѣялъ ее, отнялъ плѣнныхъ, и въ свою очередь заволочане въ отмщеніе ограбили Устюгъ ¹⁾. До рѣшительной войны съ великимъ княземъ не дошло.

Во все продолженіе княженія Василя Дмитріевича, новгородцы держали себя осторожно и не довѣряли великому князю. Въ то же время въ Новгородѣ одинъ за другимъ продолжали являться разные князья; Новгородъ давалъ имъ пригороды и отнималъ, и вообще соблюдалъ относительно этихъ пришельцевъ безпристрастіе: находясь въ мирѣ съ однимъ, принималъ въ то же время враговъ его. Такъ, въ 1404 году, принять былъ врагъ литовскаго дома Юрій смоленскій ²⁾, а въ 1407 году призванъ и надѣленъ пригородами, знакомый намъ Симеонъ Ольгердовичъ ³⁾. Доброе отношеніе къ послѣднему не принудило Новгородъ нарушить гостепріимство въ отношеніи Юрія смоленскаго, а послѣ бѣгства его—въ отношеніи сына его Феодора. Также точно принятіе Симеона не обязало Новгородъ къ союзу съ Витовтомъ, котораго подручникомъ былъ Симеонъ. Напрасно также Витовтъ, предпринимая вмѣстѣ съ Польшею войну противъ Ордена, домогался отъ новгородцевъ, чтобъ и они съ своей стороны объявили войну крестоносцамъ; онъ ссылался на договоръ заключенный между Новгородомъ и Литвою. Новгородъ отвѣчалъ посламъ его, Немиру и Зиновію Братошичу, такъ: «Не

¹⁾ Новг. I, 107.

²⁾ Новг. I, 102.

³⁾ Новг. IV, 109.

можетъ Новгородъ того учинить; мы какъ съ литовскимъ княземъ, такъ и съ нѣмцами, мирны».

Въ 1412 году Симеонъ долженъ былъ оставить Новгородъ, потому что, въ угоду ему, не хотѣли изгнать Θεодора, сына Юрія Святославича смоленскаго. Въ томъ же году Витовтъ и Ягелло разомъ объявили себя въ непріязни къ Новгороду, вскинули ему разметныя грамоты и грозили войною. «Вы свое слово забыли — говорилъ имъ Витовтъ чрезъ пословъ — какъ изымались быть съ нами за одно, вы тогда лгали; и неправда великая показалась отъ васъ. Ваши люди лаютъ насъ и безчествуютъ, называютъ насъ погаными и невѣрными: а мы христіане и ненавидимъ поганство: а пуще всего — за чѣмъ приняли и держите у себя врага нашего Юрія смоленскаго?» Симеонъ Ольгердовичъ послалъ тогда сказать новгородцамъ: «Вы меня держали хлѣбокормленіемъ, и то было добро; я зато трудился и кровь проливалъ за васъ; а теперь нельзя мнѣ быть врознь съ братіею моею Ягелломъ и Витовтомъ; съ ними я одинъ человекъ, и крестное цѣлованіе съ меня долой.» Чтобы избавиться отъ бѣды, нужно было только прогнать Θεодора, сына Юрія; Новгородъ не сдѣлалъ этого и рѣшился лучше на неравную борьбу, чѣмъ нарушить гостепріимство ¹⁾.

Соединенныя силы Польши и Литвы уже дали себя почувствовать Ордену. Трудно пришлось бы Новгороду, еслибъ эти силы обратились на него. Самъ несчастный князь-изгнанникъ, Θεодоръ Юрьевичъ, добровольно выручилъ новгородцевъ: «Братья мои и друзья, новгородцы! — сказалъ онъ на вѣчѣ: — вы меня держали въ мое безвременье и кормили меня: Богъ вамъ воздастъ за это. Теперь поднимается изъ-за меня брань и кровопролитіе! Не вступайте за меня съ Витовтомъ въ нелюбье. Отпустите

¹⁾ Новг. Л. I, 105; IV, 114.

меня туда, куда мнѣ Богъ путь укажетъ». И онъ уѣхалъ изъ Новгорода съ плачемъ. И миновала Новгородъ на то время опасность ¹⁾. Но въ 1428 году Новгородъ испыталъ покушеніе со стороны Литвы. Подобно какъ нѣкогда Ольгердъ придрался къ нему за то, что его обругали «псомъ», Витовтъ, всю жизнь стремившійся къ образованію независимаго литовско-русскаго государства, думавшій одно покорить, другое подчинить, прикрывалъ свои политическіе замыслы на Новгородъ предлогомъ, что его новгородцы обругали измѣнникомъ и бражникомъ. Онъ вошелъ въ Новгородскую Землю съ войскомъ и осадилъ Порховъ. Лѣтописцы наши передали этотъ походъ въ эпическихъ образахъ. «Было—говорять они ²⁾»,—у Витовта много пушекъ, тюфяковъ и пищалей; однимъ словомъ огнестрѣльное оружіе у него было, а оно въ то время по своей новизнѣ наводило ужасъ. Какой-то хитрецъ мастеръ нѣмчинъ Микола изготовилъ страшной величины пушку и далъ ей названіе—галка. Каждый день везли ее на сорока коняхъ съ утра до обѣда, на сорока другихъ съ обѣда до полудня, на сорока иныхъ съ полудня до вечера. Литовская рать подошла къ Порхову. Каменные стѣны его были толсты; возвышалась крѣпкая стрѣльница; въ срединѣ поднимался изъ-за стѣны храмъ св. Николы. «Не только разобью стрѣльницу—сказалъ нѣмецъ-мастеръ—и каменнаго Миколу въ городѣ запибу». Микола какъ выстрѣлилъ изъ своей галки, такъ и стрѣльницу вышибъ изъ основанія, и зубцы на стѣнѣ посбивалъ, и у св. Николы переднюю и заднюю стѣну прошибъ; а священникъ у св. Николы въ это время служилъ обѣдню и цѣль онъ остался, а ядро, какъ дошло до алтаря,—обратилось навадъ и нѣмчина Миколу за его похвалъбу рѣзорвало такъ, что ни тѣла, ни

¹⁾ Новг. Л. IV, 114; Никон. V, 46—47.

²⁾ Ник. V, 95.

костей его не нашли; только и осталось отъ него, что кусокъ его кабота». Нѣтъ нужды объяснять, что эта легенда выдумана уже значительно позже событія. На самомъ дѣлѣ Витовтъ такъ прижалъ Порховъ, что порховичи стали просить мира. Вышли къ литовскому великому князю посадникъ Григорій Кириловичъ Посахно, да Исаакъ Борекій, и предложили окупъ. Витовтъ разсудилъ, что взять деньги безъ большихъ трудовъ и безъ потерь—недурно, и согласился на пять тысячъ рублей. Но за эти деньги онъ пощадилъ одинъ только Порховъ и считалъ себя въ правѣ разорять другія новгородскія земли, а потому и готовился идти далѣе, поближе къ Новгороду, какъ вдругъ прѣзжаютъ въ его лагерь подъ Порховымъ архіепископъ Евфимій съ новгородскими послами. Они просили мира. Витовтъ потребовалъ съ нихъ еще пять тысячъ рублей. Новгородцы согласились. Что касается до плѣнныхъ, то литовцы не отпускали ихъ безъ выкупа: Витовтъ, взявши десять тысячъ, не считалъ себя обязаннымъ отпускать ихъ за эти деньги, которыя платились собственно за то, чтобы впередъ не разорять Новгородской Земли. Владыка заплатилъ еще тысячу рублей за плѣнныхъ. «Вотъ это вамъ, новгородцы, зато,—сказалъ Витовтъ:—чтобъ не называли меня измѣнникомъ, да бражникомъ». Чтобъ выплатить, по уговору, Витовту всѣ деньги, Новгородъ принужденъ былъ назначить по всей своей волости поголовный налогъ по рублю съ десяти человекъ ¹⁾).

Новгородъ продолжалъ принимать разныхъ князей. Въ 1419 году, онъ не побоялся дать убѣжище опальному брату великаго князя, Константину, который жилъ тамъ два года, до тѣхъ поръ, пока не помирился съ братомъ ²⁾).

По смерти великаго князя Василія Димитріевича, въ

¹⁾ Новг. Л. I, 110; IV, 121; Ник. V, 95.

²⁾ Новг. Л. I, 109; IV. 119.

1425 году, домашнія распри между князьями московскаго дома препятствовали московскому самовластию энергически вести подкопъ подъ независимость Великаго Новгорода. Новгородъ не оставлялъ прежняго безпристрастія, давалъ убѣжище лицамъ всякой проигравшей стороны. Въ 1434 году великій князь, низложенный съ престола, долженъ былъ искать пріюта,—онъ нашелъ его въ Новгородѣ; но послѣ, въ томъ же году, Новгородъ принялъ врага великаго князя, Василия Косого. За это гостепріимство Косой заплатилъ Новгороду тѣмъ, что, возвращаясь оттуда съ своею дружиною, ограбилъ Бѣжецкій-Верхъ и побережье Мсты ¹⁾. Великій князь, получивъ княженіе, согласился заключить съ Новгородомъ вѣчный миръ, отступился отъ всѣхъ давнихъ отцовскихъ и дѣдовскихъ притязаній, а новгородцы отступились княжщины, т. е. доходовъ, которые издавна отдавали великому князю ²⁾. Съ обѣихъ сторонъ выслали людей для точнаго размежеванія границъ. Но великій князь, по обычаю предковъ, не сохранилъ мира ³⁾; въ 1437 году, новгородцы добровольно дали ему черный боръ по торжковской волости ⁴⁾; а онъ все-таки, въ 1441 году началъ войну. Поводомъ къ ней было, кажется, то, что новгородцы, не вмѣшиваясь въ княжескія усобицы, допустили смертельному врагу Василия Васильевича, Шемякѣ, пробраться къ Бѣжецкому-Верху; а когда онъ просилъ позволенія пріѣхать въ Новгородъ, вѣче отвѣчало:—«Хочешь, пріѣзжай къ намъ и мы тебѣ рады; не хочешь, ступай туда, гдѣ тебѣ любо» ⁵⁾.

¹⁾ Никон. Лѣт. V, стр. 117—118.

²⁾ А. И. I, 486.

³⁾ Новг. I, 112. Не посла ни кого жъ въ отчины новгородскія къ Новгородцамъ, ни гдѣ ни отведе ни своя очисты, исправленіемъ не учини.—Ник. V, 122.

⁴⁾ Новг. Лѣт. I, 112; Акт. Арх. Эксп. I, 24.

⁵⁾ Карамз. т. V, пр. 312; Ник. V, 157.

За это-то, кажется, возвергъ Василій,—какъ говорить лѣтописецъ,—на Великій Новгородъ нелюбіе и прислалъ складную грамоту ¹⁾. Дѣло кончилось разореніемъ въ пограничныхъ областяхъ. Великій князь дошелъ до новгородскаго города Демана, и тутъ архіепископъ Евфимій, съ боярами и житыми людьми, заключилъ съ нимъ миръ. Великій Новгородъ заплатилъ 8,000 рублей ²⁾. Когда, въ 1446 году, великій князь былъ ослѣпленъ, Новгородъ заключилъ съ его преемникомъ, Димитріемъ Шемякою, крепостцловальный союзъ на всей старинѣ. Скоро, однако, Шемяка лишился своей власти; Василій, хотя слѣпой, опять сѣлъ на столъ. Шемяка опять нашелъ пріютъ въ Новгородѣ. Онъ поселилъ тамъ свое семейство, а самъ дѣлалъ нападенія на владѣнія великаго князя. Напрасно митрополитъ увѣщевалъ новгородцевъ не раздражать великаго князя и не приказывалъ имъ съ Шемякою ни пить, ни ѣсть. Новгородскій владыка отвѣчалъ, что въ Новгородѣ старый обычай ведется: всѣ князья, кто бы ни былъ, пріѣзжали къ св. Софіи; всѣхъ дружелюбно принимали, всѣмъ оказывали честь по силѣ, а митрополиты не посылали никогда за это укорительныхъ грамотъ ³⁾. Шемяка оставался въ Новгородѣ до смерти, случившейся въ 1453 году, и погребенъ въ Юрьевомъ монастырѣ.

И дѣйствительно, Новгородъ давалъ всѣмъ князьямъ равный пріютъ, безъ разбора. Въ 1434 году ⁴⁾, пріѣхалъ туда сынъ Симеона Ольгердовича, Юрій, пожилъ въ Новгородѣ и уѣхалъ въ Москву. Въ 1444 году, прибылъ къ новгородцамъ Иванъ Владимировичъ, также литовскаго дома. Въ 1446 году Юрій изъ Москвы снова переселился

¹⁾ Новг. I, 114; IV, 122.

²⁾ Новг. I, 113; Псковск. I, 211. Въмѣсто 8000 р. въ Псков. Л. 2000; Воскр. П. С. Л. VIII, 111; Ник. V, 153.

³⁾ А. А. Э. I, 465.

⁴⁾ Новг. Л., I, 111.

въ Новгородѣ. Прибыль въ Новгородѣ и потомокъ потерявшихъ свои удѣлы суздальскихъ князей, Васидій Гребенка, коренной врагъ великаго князя. И его дружелюбно приняли новгородцы. Не всегда поручали князьямъ города, а давали имъ «хлѣбъ въ кормленье по волости» ¹⁾.

Въ 1456 г. великій князь объявилъ войну Новгороду. Кромѣ того, что его оскорбляло покровительство, оказываемое его врагамъ, новгородцы не заплатили ему дани, слѣдуемой по деманскому миру. Московское самовластіе огорчалось тѣмъ, что Новгородъ на вѣчахъ составлялъ грамоты безъ участія великаго князя, или его намѣстниковъ, и политическія сношенія, всѣ постановленія исходили отъ одного вѣча. Возникли еще поземельныя недоразумѣнія, подобныя тѣмъ, какія въ XIV-мъ вѣкѣ довели Новгородъ до войны съ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ и до союза съ Димитріемъ Донскимъ: новгородцы покупали себѣ земли въ Ростовской и Бѣлозерской Земляхъ и, въ силу владѣнія, эти земли стали тянуть къ Великому Новгороду. Это обстоятельство естественно было непріятно московской политикѣ, старавшейся, напротивъ, чтобъ все тянуло къ Москвѣ, сосредоточивалось около нея, а не отходило отъ ней прочь. На рубежахъ областей происходили взаимныя грабежи и драки, которые остались неразобранными и возбуждали вражду земель. Такъ, еще въ 1445 году, люди великаго князя разоряли принадлежащія Великому Новгороду земли и села около Бѣжецкаго-Верха, Заборовья и Торжка. Зная вражду республики къ Москвѣ, уже литовскій великій князь Казимиръ предлагалъ новгородцамъ свою помощь; но въ то время ненависть къ московскому самовластію въ Новгородѣ не дошла еще до рѣшимости искать покровительства у государя латинской

¹⁾ Новг. Л. IV, 123; Карамз. т. V, 534, прим. 313—314.

вѣры ¹⁾. Военныя дѣйствія, какъ всегда водилось, опять начались съ Торжка, зимою въ февралѣ, и великій князь занялъ своими войсками Новоторжскую Землю, обложилъ жителей данью, деньгами и хлѣбомъ. Московскіе воеводы, князь Стрига и Ѳедоръ Басенокъ, проникли въ глубину Новгородской Земли и дошли до Русы. Новгородцами предводительствовали князь суздальскій, Василій. Ополченіе ихъ вышло противъ непріятеля въ числѣ 5000, но не знало, какъ далеко проникли москвичи въ новгородскую волость, и внезапно наткнулось подъ Русою на сильное войско. Тогда былъ большой снѣгъ. Новгородцы были на лошадяхъ; московскіе воеводы велѣли стрѣлять по лошадямъ; и этотъ оборотъ удался: многіе, лишившись лошадей, завязли въ снѣгу; новгородцы потеряли строй и были разбиты, и князь Василій ушелъ съ поля битвы. Это пораженіе заставило Новгородъ помириться съ великимъ княземъ. Владыка, со старыми посадниками, старыми тысяцскими и житыми людьми отъ пяти концовъ, отправился къ великому князю, стоявшему уже въ Яжелбицахъ. Великій князь принялъ благословеніе владыки Евфимія и челобитіе Великаго Новгорода, и тамъ былъ заключенъ миръ на условіяхъ, невыгодныхъ для Новгорода. Великій Новгородъ заплатилъ великому князю 8,500 рублей, обѣщался доплатить что осталось недоплаченнымъ отъ деманскаго мира. Всѣ земли, пріобрѣтенныя новгородцами въ краю, тянувшемъ къ областямъ великаго князя, возвращались. Новгородъ обѣщалъ давать великому князю по прежнимъ обычаямъ черный боръ, виры въ пользу князя, дары отъ волостей и всѣ пошліны по старинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлено, чтобъ не быть болѣе стѣнными грамотамъ и употреблялась бы княжеская печать. Эти условія поражали новгородскую свободу и пригото-

¹⁾ Новг. Л. IV, 123.

вляли ея паденіе при наслѣдникѣ великаго князя. Съ обѣихъ сторонъ постановлено: возвратить завоеванное и взятое въ плѣнъ ¹⁾).

Великій князь Василій Васильевичъ внушилъ къ себѣ глубокую злобу въ новгородцахъ. Они должны были ненавидѣть его, особенно вспоминая, что этотъ князь нѣкогда въ несчастіи былъ принятъ Новгородомъ, получилъ въ немъ прибѣжище, и когда возвратилъ потерянную власть, то два раза угрожалъ Великому Новгороду и дѣлалъ ему вредъ. Неудивительно послѣ того, что въ 1460-мъ году, когда онъ посѣтилъ Новгородъ, негодованіе при видѣ его возрасло до того, что составилъ заговоръ убить его вмѣстѣ съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ и ненавистнымъ для Новгорода воеводою Басенкомъ, побѣдившимъ новгородскія войска подъ Русою. Владыка Іона, узнавъ объ этомъ, едва уговорилъ заговорщиковъ оставить злобное намѣреніе, и представилъ, что пользы для Новгорода отъ того не будетъ; у Василія остается еще сынъ, Иванъ; его на ту пору не было въ Новгородѣ,—онъ сдѣлается мстителемъ за отца и за братьевъ ²⁾). Это удержало новгородцевъ.

До такого положенія дошли отношенія Новгорода къ князьямъ, предъ вступленіемъ на престолъ великаго князя Іоанна Васильевича, при которомъ московское самовластіе одолѣло его свободу.

IX.

Права князей.

Древнѣйшія извѣстія, при скудости своей, не содержатъ подробностей, которыя бы представили намъ картину положенія князей встарину. Нельзя полагать, чтобъ ихъ

¹⁾ Карамзинъ V, прим. 361; Воскр. Полн. Собр. Лѣт. т. VIII, 146—147; Ник. V, 281—283; Акт. Арх. Эксп. I, 42, 45; Новг. IV, 132.

²⁾ 2 Соф. врем. стр. 182.

права и обязанности были строго опредѣляемы; свободное право избранія, возможность выбрать изъ многихъ кого угодно, и изгнать, когда нужно, дѣлали ненужными строгія правила. Съ половины XIII-го вѣка послѣ татарскаго завоеванія, когда уже, какъ выше замѣчено, великій князь сдѣлался неизмѣннымъ новгородскимъ княземъ и княжеское достоинство, вмѣсто внутренней институціи, стало внѣшнею силою, являются договоры, опредѣляющіе отношенія къ власти, явно показывающіе, что Новгородъ боится князей и хочетъ, сколько возможно, оградить себя отъ ихъ произвола. Договоры эти представляютъ ту замѣчательную черту, что всѣ между собою сходны, даже въ выраженіяхъ, и очевидно составлялись по одной канвѣ. Ихъ отмѣны касаются только подробностей, истекающихъ изъ временныхъ обстоятельствъ. Въ этихъ договорахъ ссылаются всегда на старину, и въ самомъ раннемъ изъ нихъ, 1265-го года, говорится: *такъ княже, господине, пошло отъ дѣда и отъ отецъ, отъ твоихъ и нашихъ*; слѣдовательно, тѣ правила, какія содержалъ этотъ договоръ, существовали и прежде въ обычаяхъ. Дѣйствительно, въ лѣтописи подъ 1218-мъ годомъ, при извѣстіи о цѣлованіи креста княземъ и обѣщаніи хранить обязательства, поставленные при его вступленіи, есть выраженіе: *ты намъ крестъ цѣловалъ, безъ вини мужа нелишити* ¹⁾. Выраженіе это является во всѣхъ послѣдующихъ грамотахъ. Это заставляетъ предполагать, что условія съ князьями, встрѣчаемыя въ договорахъ XIII, XIV и XV вѣковъ, существовали и ранѣе. Подъ 1222 годомъ говорится, что великій князь суздальскій Юрій Всеволодовичъ далъ въ Новгородъ на княженіе сына Всеволода «на всей волѣ новгородской» ²⁾. Подъ 1228 годомъ, когда дѣло идетъ о при-

¹⁾ Новг. I, 37.

²⁾ Новг. IV, 27.

звѣ суждальскаго князя Ярослава, говорится, что новгородцы звали его «на всей волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ» ¹⁾; то-же повторяется, по поводу призыва черниговскаго князя Михаила, 1229 года ²⁾. О грамотахъ Ярославовыхъ существовало постоянное убѣжденіе, что онѣ служили юридическою основою связи Великаго Новгорода съ князьями; остается предположить, что смыслъ послѣдующихъ договоровъ имѣетъ основаніе свое въ этой древней великой хартіи свободы Великаго Новгорода. Въ этой грамотѣ, вѣроятно, было общее основаніе свободнаго избранія князей.

До татарскаго ига князь, по народному понятію, былъ лицо необходимое. Главное его значеніе было—предводительство войскомъ, и въ этомъ заключается сознаніе необходимости княжескаго достоинства. Князь происходилъ изъ особаго рода, несвязаннаго съ туземцами, поставленнаго выше другихъ родовъ по значенію, — рода, призваннаго для установленія ряда, призваннаго такъ, какъ вообще неполадившія стороны призываютъ въ судьи третьяго, чужого, на безпристрастіе котораго могутъ болѣе надѣяться, именно потому, что этотъ третій стоитъ внѣ условій, которыя побуждали бы его пріятствовать одной изъ враждующихъ сторонъ. Только съ такимъ значеніемъ, предводитель ополченія могъ сохранить необходимую на войнѣ дисциплину и заставить всѣхъ, составляющихъ войско, повиноваться; а этого несравненно труднѣе достигнуть полководцу, происходящему изъ среды той же массы, которою онъ предводительствуетъ. Оттого-то и замѣчаютъ лѣтописцы, что въ войскѣ бываетъ безпорядокъ, когда въ немъ нѣтъ князя, а боярина не всѣ слушаютъ. Народное понятіе отдавало княжескому роду право миротворить,

¹⁾ Новг. I, 44.

²⁾ Новг. I, 44.

уставлять рядъ, охранять безопасность земства, а потому князь, ставшій на челѣ войска, казался уже самою судьбой, по своему рожденію, назначеннымъ къ этому. Въ Новгородѣ главное достоинство князя состояло въ предводительствѣ войскомъ; и въ тѣ времена, когда уже не чувствовалась потребность въ князѣ по управленію гражданскими дѣлами, Новгородъ все-еще признавалъ за лицомъ княжескаго происхожденія право и какъ-бы способность быть предводителемъ новгородскаго войска. Съ этими-то понятіями Новгородъ въ XIV и XV вѣкахъ призывалъ себѣ князей на кормленье въ качествѣ военачальниковъ и охранителей пограничныхъ краевъ. Внѣшнія сношенія вообще производились отъ имени князя и вмѣстѣ отъ имени Великаго Новгорода ¹⁾. Такъ имя Юрія въ 1323 г. стоитъ въ договорѣ Новгорода со шведами. Впослѣдствіи, однако, договоры заключались и безъ имени князя. Въ концѣ XIII вѣка, когда значеніе новгородскаго князя утвердилось за великимъ княземъ, договоры писались еще отъ имени князя и Новгорода вмѣстѣ; но князь участвовалъ здѣсь больше по имени. Въ 1292 г. прибыли въ Новгородъ нѣмецкіе послы, по поводу разграбленія нѣмецкаго двора. Переговоры происходили разомъ и съ велико-княжескими боярами на Городищѣ, и въ самомъ Новгородѣ съ новгородскими мужами: тысяцкимъ и двумя боярами. Свои доводы подкрѣпляли новгородцы прежнимъ договоромъ съ нѣмцами, который былъ заключенъ отъ лица великаго князя и Великаго Новгорода вмѣстѣ. Но когда, послѣ того, великій князь былъ расположенъ уступить нѣмцамъ и признать законность требуемаго ими вознагражденія за убытки, понесенные нѣмецкими купцами, новгородцы отрицали ее, и великій князь ничего не могъ сдѣлать. Шесть разъ—говорили нѣмецкимъ посламъ его

¹⁾ Antiq. Russes. t. II, p. 490.

бояре—великій князь посылалъ къ новгородцамъ дать ему отвѣтъ, наконецъ лично просилъ ихъ, и все было напрасно; великій князь сознавалъ свое безправіе въ этомъ случаѣ и только хотѣлъ оправдать себя передъ нѣмцами. «Воздайте имъ тѣмъ, что они вамъ надѣлали»,—былъ послѣдній совѣтъ, данный нѣмецкимъ посламъ велико-княжескими боярами ¹⁾.

Въ древнія времена виды общественной дѣятельности не были строго разграничены и раздѣлены; князь, будучи предводителемъ ополченія и защитникомъ земли извнѣ, былъ вмѣстѣ и правителемъ, т.-е. защитникомъ ея внутри. Князь поражалъ враговъ; но каждый нарушитель порядка и спокойствія земства былъ также врагъ; и потому, охраняя земство отъ внѣшнихъ враговъ, естественно было его участіе въ охраненіи того же земства и отъ враговъ внутреннихъ. И тамъ, и здѣсь, онъ, какъ лицо третье, не принадлежащее къ земству, но призванное имъ, не могъ дѣйствовать самобытно безъ воли и участія вѣча. Въ дѣлахъ внѣшнихъ онъ предводительствовалъ войскомъ по распоряженію вѣча, шелъ на войну, рѣшенную вѣчемъ, клалъ свое имя на договорѣ, составленномъ и обсужденномъ на вѣчѣ; такъ точно и въ дѣлахъ внутреннихъ онъ дѣйствовалъ въ границахъ, очерченныхъ вѣчемъ. Ему предоставляли судъ, но вмѣстѣ съ посадникомъ, происшедшимъ изъ земства и служившимъ полнымъ выраженіемъ земской воли. Собственно въ судѣ доля князя была не обсужденіе дѣла—на то были выборные судьи,—а оправданіе оправданнаго и казнъ виновнаго (а князь казнить); т.-е. именно то, что непосредственно принадлежит внутреннему охраненію земства. Оттого половина виръ и судебныхъ пошлинъ, взыскиваемыхъ съ виновной стороны, шла князю; этотъ платежъ былъ казнъ.

¹⁾ Bunge, I, Heft. 7, 683.

Призваніе и приѣмъ князя имѣли до нѣкоторой степени подобіе усыновленія земствомъ. Князь былъ чужое лицо, входившее въ новгородскую семью съ извѣстными условіями, которыя ему семья имѣла право предложить. Князь долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, а Новгородъ цѣловалъ крестъ ему. Это взаимное цѣлованіе служило залогомъ ихъ взаимнаго согласія. Не было въ этомъ ничего принудительнаго. Князь могъ уйти изъ Новгорода, — только долженъ былъ явиться на вѣче и сложить съ себя цѣлованье.

Изъ договоровъ, оставшихся до нашего времени, видно, что князь былъ поставленъ, сколько возможно, внѣ связей съ жизнью Новгорода. Вся волость считалась достояніемъ святой Софіи и Великаго Новгорода. Князь не могъ приобретать въ Новгородской Землѣ имѣній, ни покупкою, ни принятіемъ въ даръ; не могъ брать закладниковъ, слѣдовательно, совершать сдѣлокъ; это правило распространялось и на его родню, и на его дружинниковъ. Ему дозволялось торговать въ Новгородѣ, но не иначе какъ чрезъ посредство природныхъ новгородцевъ; слѣдовательно, это дозволеніе ограничивалось правомъ пускать капиталъ въ оборотъ. Безъ участія посадниковъ, избираемыхъ вѣчемъ, князь не имѣлъ права назначать правителей въ краю, подчиненномъ Великому Новгороду; отдавать въ кормленье принадлежащую Новгороду землю, давать кому бы то ни было, о чемъ бы то ни было грамоты, нарушать прежде состоявшіяся грамоты; не могъ производить суда безъ участія посадника, лишать волостей, раздавать ихъ въ собственность, наказывать безъ суда, и вообще безъ воли вѣча и безъ участія посадника дѣлать какія бы то ни было распоряженія. Все это простиралось также и на его чиновниковъ ¹⁾. Князь даже не жилъ въ Новгородѣ, но

¹⁾ А ряду въ Новгородской волости, тобѣ княже и твоимъ судьямъ не посужати, ни самосудовъ замышлати.

на Городищѣ; тамъ съ нимъ пребывала его дружина: то мѣсто было навсегда отведено для князя и его дружины. Такъ, въ послѣдствіи, когда званіе новгородскаго князя усвоилось за великими князьями, на Городищѣ жили ихъ намѣстники. Судъ ихъ касался такихъ дѣлъ, когда въ спорномъ дѣлѣ одна сторона не принадлежала къ составу новгородскаго гражданства; а по старому общерусскому обычаю, гдѣ истцы были между собою разныхъ земель или вѣдомствъ, судъ всегда былъ смѣсный, т.-е. были два судьи, каждый отъ того вѣдомства, къ которому принадлежалъ одинъ изъ тяжущихся; сверхъ того, участіе намѣстника во всякомъ судѣ опредѣлялось правомъ—брать извѣстныя пошліны, составлявшія доходъ князя. Лишенный права на недвижимыя имѣнія, князь имѣлъ указанныя Новгородомъ подвижныя доходы. Они состояли во-первыхъ, въ судебныхъ пошлінахъ, которыми князь дѣлился съ посадниками. Эти пошліны платились на судѣ виновною стороною; въ числѣ ихъ была вира, платимая за уголовныя преступленія; для сбора пошлінъ по волостямъ высылались проѣзжіе судьи, по обычаю, ежегодно о Петровѣ днѣ; во-вторыхъ, князю давались доходы съ нѣкоторыхъ мѣстъ Новгородской Земли, и для этого онъ могъ посылать туда для сбора своихъ тиуновъ. Но эти доходы были не произвольны, а полагались заранѣе. Такими краями, опредѣленными для княжескихъ доходовъ, были—половина Волока-Ламскаго и часть въ Торжкѣ. Впрочемъ, точное неизмѣнное указаніе этихъ мѣстъ не было обязательствомъ. Великій Новгородъ могъ назначать и другія мѣста, какъ это показывается тѣмъ, что литовскимъ князьямъ, приходившимъ въ Новгородъ, назначали другія волости на кормленье. Изстари, какъ показываетъ грамота Всеволода Іоанну на Опокахъ, предоставлялись князю доходы съ торговли, плата съ вѣса. Наконецъ, существовалъ особый налогъ въ пользу князя, называемый «даръ

съ волостей». Объ этой вѣтви княжескихъ доходовъ говорится въ договорахъ глухо: *«Когда, княже, поѣдешь въ Новгородъ, тогда даръ тебе имѣти, а коли, княже, поѣдешь изъ Новгорода, то даръ не надобъ.»* Изъ этого можно заключить, что даръ не былъ какой-нибудь постоянный налогъ, а давался князю только при вступленіи его на княженіе или при посѣщеніи имъ Новгорода. Великій Новгородъ предоставлялъ своимъ князьямъ право охоты въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ извѣстное время; такъ напримѣръ, въ Русу ѣздить могли на третью зиму, а въ Ладогу—на третье лѣто для звѣроловства; имъ давали въ пользованіе рыболовли, также въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, и право медоваренія, съ такими же ограниченіями: *а въ Ладогу тебе слати осетръника и медовары; а ѣздить тебе, княже, въ Ладогу на третье лѣто ¹⁾.*

Въ послѣдніе вѣка великіе князья вымогали съ Новгородской волости черный сборъ. Это не былъ постоянный доходъ или налогъ годовой, но брался однажды во всякое великое княженіе, и притомъ почти всегда силою. Новгородцы соглашались на него тогда только, когда не могли отвязаться отъ притязаній на него великаго князя.

Х.

ПАДЕНІЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЫ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

Политика московскихъ великихъ князей, переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, давно подтачивала самостоятельность Великаго Новгорода. Болѣе чѣмъ полтора вѣка Новгородъ терпѣлъ безпрестанныя вымогательства денегъ, захваты областей, разоренія новгородскихъ волостей въ случаяхъ,

¹⁾ Собр. Гос. Гр. I, 3, 8.

когда Новгородъ не хотѣлъ платить. Но ничто, кажется, прежде такъ не озлобляло новгородцевъ противъ Москвы, какъ поступки послѣдняго московскаго государя.

Послѣдняя война съ Василюмъ привела къ стѣснительному договору, требовавшему прекращенія вѣчеваго дѣлопроизводства, — драгоцѣннѣйшаго достоянія свободы; безъ него вѣче оставалось бы незначительною формою, имѣло смыслъ только сходки подданныхъ, которые могутъ говорить о своихъ дѣлахъ столько, сколько позволено господиномъ. Новгородъ имѣлъ предъ глазами печальную судьбу Суздальской Земли: ея князья, лишеныя своихъ правъ, скитались и искали у новгородцевъ убѣжища. Ясно было, что московскіе князья скоро приведутъ и вольный городъ, со всѣми подвластными ему землями, къ такому же порабощенію. Заговоръ на жизнь Василя Васильевича, въ 1460 году, достаточно показываетъ, какъ созрѣла и переполнилась въ Новгородѣ давняя ненависть.

Теперь на московскомъ престолѣ усѣлся государь съ деспотическими наклонностями своихъ предковъ, но съ умомъ гораздо обширнѣйшимъ и потому чрезвычайно осторожный; онъ не только вначалѣ не дѣлалъ ничего крутого, рѣшительнаго, напротивъ, казалось, готовъ былъ сохранять тотъ порядокъ вещей, какой застало его вступленіе на столъ. Тверь и Рязань оставлены съ ихъ видимою независимостію. Московскій государь удовольствовался только тѣмъ, что владѣтели этихъ странъ дѣлались ему послушными; всѣ силы земель ихъ находились въ его распоряженіи, и во всякое время Москва могла стереть наружный образъ, оставшійся отъ ихъ прежней самостоятельности; да при такихъ отношеніяхъ доходило до того, что самый этотъ образъ, содержа въ себѣ мало дѣйствительнаго, уже не побуждалъ жителей земель имъ дорожить. Для Новгорода опасность была уже одинаково велика, какъ и тогда, когда бы эти земли находились въ непосредственной

власти Москвы: туземные князья хотя и управляли своими землями, но безропотно вели своих людей на того, на кого идти прикажет московскій государь. Великій Новгородъ не исполнялъ условій стѣснительнаго договора съ Василиемъ Темнымъ, какъ и прежде всегда дѣлалось, что договоры эти оставались только на бумагѣ; Новгородъ давалъ ихъ, когда не было силы не дать, и оставлялъ безъ дѣйствія; отсюда возникалъ поводъ къ новымъ войнамъ. Такъ катилась исторія его отношеній къ великимъ князьямъ. Между тѣмъ, по старой памяти, недовольство Москвою обращало въ Новгородѣ желаніе и надежды къ Литвѣ. Намѣреніе сойтись съ Литвою уже проявлялось и при Василии Темномъ; и тогда, по словамъ житія Михаила Клопскаго, бояре со старѣйшинами думали, что свобода Новгорода будетъ тверда, если онъ соединится съ Литвою. Въ этомъ краю было много привлекательнаго для Новгорода. Подъ властію короля Казимира соединилась значительная часть русскаго міра. Русскіе города не теряли основъ своего прежняго порядка; не видно было стремленій подавить самобытность русскихъ земель, поступившихъ въ составъ Литовской державы: если и допускались измѣненія, то онѣ не только не стѣсняли свободы, но способствовали ея расширенію; грамота Казимира возводила свободныхъ людей и собственниковъ земель до полной независимости. Это было приманчиво для новгородскихъ бояръ-землевладѣтелей. Подъ верховной властію короля Казимира можно было надѣяться каждому получить отъ короля грамоту на неприкосновенность своего владѣнія и сдѣлаться полнымъ, спокойнымъ его обладателемъ и господиномъ поселянъ, живущихъ въ этихъ владѣніяхъ. Приманчиво было соединеніе съ Литвой и для торговаго класса, потому что привилегіи, которыя давалъ Казимиръ городамъ, сообщали широкій размѣръ и правамъ торговаго сословія и оборотамъ ихъ занятій. Недавній примѣръ подданства Прус-

сѣи (гдѣ города и въ городахъ торговый классъ искали спокойствія въ добровольномъ соединеніи съ Польшею и Литвою), долженъ былъ ободрять Великій Новгородъ. Черный народъ менѣе всего могъ, въ дѣйствительности, выиграть отъ такого соединенія; но масса не вглядывается въ будущее; простой народъ не терпѣлъ Москвы: долговременно было враждебное отношеніе къ ней Новгорода. Одно только могло наводить недовѣріе и боязнь: это вѣсти о попыткахъ католиковъ распространить папизмъ между православными; но если такія вѣсти доходили до Новгорода, то доходили туда и другія, противоположныя и утѣшительныя, — что подданные греческой вѣры пользуются равными правами съ подданными римской; что въ государствѣ Литовско-Русскомъ господствуетъ полная юридическая свобода вѣроисповѣданій. Самыя вѣсти объ измѣнѣ православію литовскаго митрополита Григорія и западно-русскихъ духовныхъ, соединялись съ увѣщаніями митрополита московскаго, котораго не любили въ Новгородѣ, въ которомъ видѣли орудіе московскаго покушенія на новгородскую свободу. Если монахи въ Новгородѣ и толковали объ отступничествѣ Литвы, то были и такіе, которые видѣли въ этихъ толкахъ не болѣе какъ московскую хитрость. Выгоды, представляемыя соединеніемъ съ Литвою, располагали не вѣрить этимъ толкамъ.

Ясно было, что Великій Новгородъ не въ силахъ оградить своей свободы самъ собою. Еще великій князь московскій молчалъ, но, молча, укрѣплялся и готовился задуть ее въ удобное время. Надобно было что-нибудь избрать: или пожертвовать старыми предубѣжденіями, — неловкостью быть подъ верховною властію католическаго короля, заглушить недовѣріе и боязнь за неприкосновенность греческой вѣры и, за то, сохранить древнюю свободу; или же, ради необщенія съ католиками, потерять свободу и свое народное существованіе. Та же партія,

которая въ XIV-мъ вѣкѣ призывала литовскихъ князей, партія, чуждая для Новгорода опасность на востокъ и искавшая противъ нея опоры и союза на западѣ, существовала постоянно, съ разными видоизмѣненіями, дѣйствуя то слабѣе, то сильнѣе. Теперь было отъ чего ей под-
нять голову.

На челѣ партіи, ненавидѣвшей московское самовластіе, явилась женщина—Марѳа Борецкая, вдова бывшаго нѣкогда посадника, Исаака Борецкаго, мать двухъ взрослыхъ сыновей, Дмитрія и Ѳеодора. Достоинно замѣчанія, что въ послѣдніе годы новгородской независимости выступила не одна Марѳа; были еще кромѣ ея женщины, не чуждыя политическихъ дѣлъ; такъ, въ числѣ лицъ, преслѣдуемыхъ московскимъ самовластіемъ, является Настасья Григоровичева, какъ должно думать,—жена Степана Григоровича, одного изъ пословъ къ Казимиру. Скудость извѣстій о подробностяхъ тогдашняго состоянія общества не даетъ намъ средствъ разъяснить участіе женскаго пола въ политической сферѣ. Личность самой Марѳы остается блѣдною, по недостатку свѣдѣній. Несомнѣнно только, что эта женщина была душою свободной партіи, собиравшей послѣднія силы Великаго Новгорода, чтобъ охранить его отъ покушенія Москвы. Велерѣчивый московскій повѣствователь о послѣднихъ дняхъ независимости Новгорода, раточая Марѳѣ всевозможнѣйшіе бранные эпитеты, указываетъ на нее, какъ на главнѣйшую руководительницу литовской партіи и признаетъ ея личное вліяніе на весь Великій Новгородъ. Чтобы больше очернить ее, онъ внушаетъ ей намѣреніе выйти замужъ за князя Михаила Одельковича и властвовать съ нимъ въ Новгородѣ, подъ верховнымъ покровительствомъ короля Казимира. Это, вѣроятно, басня, потому что Марѳа была уже не въ такихъ лѣтахъ, когда можно было думать о замужествѣ. Ничто изъ тогдашнихъ событій, ни отношенія ея къ упомяну-

тому князю, не указываютъ на подобное; да сверхъ того, полемическій тонъ сказанія лишаетъ его довѣрія въ этомъ случаѣ.

Семья Борецкихъ была богата и вліятельна: она не принадлежала къ кругу аристократовъ, стоявшихъ въ оппозиціи съ чернымъ народомъ. Напротивъ, Марea, умѣвшая соединить около себя нѣсколько знатныхъ и богатыхъ фамилій, умѣла расположить къ своей сторонѣ и черный народъ. Это доказывается тѣмъ, что въ послѣдніе дни предсмертныхъ для Великаго Новгорода смутъ и усобицъ, многіе бояре стали на сторонѣ великаго князя, а съ Борецкими оставался черный народъ ¹⁾. На Софійской сторонѣ между Розважею и Борковою улицами на Побережьѣ, въ Неревскомъ концѣ, былъ у Марeы красивый и богатый дворъ, названный лѣтописцемъ «чуднымъ». Тамъ у ней собирались люди, готовые стоять за свободу и независимость отечества. Изъ главныхъ лицъ этой патріотической партіи были: сынъ Марeы, Димитрій, фамилія Селезневыхъ, фамилія Арбузевыхъ, Аванасьевыхъ, Григоровичевыхъ, Немиръ и другіе. Владыка Іона готовился умирать. Пріятелемъ Марeина общества былъ ключникъ его Пимень; его готовили въ преемники Іонѣ, и онъ заранѣе изъявлялъ намѣреніе принять посвященіе отъ литовскаго митрополита. Это было дѣло самое важное: необходимо было осуществить давнее стремленіе новгородской Церкви — отрѣшиться отъ власти митрополита, очевидно покровительствовавшаго своимъ первосвятительскимъ достоинствомъ самовластнымъ московскимъ намѣреніямъ.

Пока народъ приучался къ мысли о союзѣ съ Казимиромъ, пока старались расшевелить въ немъ заветныя чувства независимости и народной самобытности, ненависть къ московскому владычеству начала проявляться рядомъ

¹⁾ Пск. II, 38.

поступковъ, оскорбительныхъ для великаго князя. Новгородское вѣче не только продолжало управляться самобытно: оно объявило, что великій князь не имѣетъ никакой собственности, ни въ землѣ, ни въ водѣ; не хотѣло платить никакой дани, и привело весь Новгородъ ко крестному цѣлованію на имя св. Софіи и Господина Великаго Новгорода, безъ великаго князя. На Городищѣ жили по прежнему намѣстники и дворяне великаго князя. Начались споры съ москвичами; большое вѣче жаловалось на оскорбленія новгородцамъ отъ великокняжескихъ дворянъ и отправило къ намѣстникамъ требовать виновныхъ. Намѣстники отказали. Тогда новгородцы съ вѣча отправились вооруженною силою на Городище; нѣсколько людей въ дракѣ было убито. Новгородцы захватили двухъ какихъ-то князей и еще нѣсколькихъ великокняжескихъ дворянъ, притащили ихъ на вѣче и наказывали. Великій князь, услышавъ объ этомъ, слѣдовалъ своему хитрому нраву, и послалъ въ Новгородъ пословъ не съ угрозами, а съ миролюбивыми представленіями. «Исправьтесь, люди новгородскіе,—говорили послы:—помните, что Новгородъ отчина великаго князя; не творите никакого лиха, живите по старинѣ. Государь ждетъ отъ васъ чистаго исправленія и праваго челобитья». Такой кроткій тонъ, можно подуматъ, нарочно избранъ для того, чтобъ новгородцы возгордились еще болѣе,—подумали, что можно теперь противиться, и стали бы отважнѣе. Новгородцы обругали великокняжескихъ пословъ; вѣче рѣшительно въ глаза имъ твердило, что «Новгородъ не отчина великаго князя, а самъ-себѣ господинъ, и долженъ управляться независимо самъ собою». Это повторялось нѣсколько разъ; а послѣ такихъ рѣзкихъ отвѣтовъ, въ 1470 г., литовская партія отправила къ Казимиру звать на кормленіе князя Михаила Олельковича, брата кіевскаго князя Симеона, ревнителя православія, возстановителя Печерской обители. Благочестивая

репутація князей Олельковичей должна была успокоивать тѣхъ, которые соблазнялись при мысли, что Новгородъ позлудитъ себѣ князя отъ руки государя латинской вѣры.

1470-й годъ склонялся къ концу. Пославъ звать кievскаго князя, Великій Новгородъ отпавилъ въ Москву посадника Василя Ананьина для объясненія съ великимъ княземъ. Въ чемъ состояло это объясненіе — лѣтописцы не говорятъ, ограничиваясь общимъ выраженіемъ: «о дѣлахъ своихъ земскихъ новгородскихъ». Эта неясность и короткость извѣстія не позволяетъ намъ судить о томъ, въ какія отношенія Великій Новгородъ хотѣлъ себя поставить въ то время къ великому князю; но, конечно, объясненія, съ которыми пріѣхалъ въ Москву новгородскій посолъ, не были пріятны московскому правительству. Боярамъ великаго князя поручено было переговорить съ нимъ. «Какъ же это—сказали бояре,—ты пріѣхалъ отъ Великаго Новгорода посольство править великому князю о своихъ земскихъ новгородскихъ дѣлахъ, а о грубости и неисправленіи новгородскомъ ни одного слова покорнаго не выразишь!» Василій отвѣчалъ: «Великій Новгородъ не мнѣ это приказывалъ; мнѣ то не наказано». Бояре замѣтили ему, что государю станеть вельми грубно; однако, когда передали государю эти рѣчи, Іоаннъ приказалъ, спокойно и кротко, дать чрезъ посла Великому Новгороду такой отвѣтъ: «Моя отчина, Великій Новгородъ, люди новгородскіе! Исправьтесь и сознайтесь; не вступайтесь въ земли и воды мои, великаго князя; держите имя мое, великаго князя, честно и грозно, по старинѣ; ко мнѣ, великому князю, посылайте бить челомъ по докончанью; а я буду жаловать свою отчину и держать по старинѣ.» Не было въ словахъ великаго князя никакой угрозы.

Іоаннъ не былъ человѣкъ горячаго характера, — приходить въ изступленіе и досаду было не въ его натурѣ; онъ все сносилъ спокойно, не гнѣвался; онъ дѣлалъ

свое дѣло хладнокровно и шель вѣрно къ своей цѣли. Когда ему указывали на униженіе великокняжескаго достоинства, онъ спокойно отвѣчалъ: «Часто волны бьютъ о камни, но въ пѣну разсыпаются, и ничего не сдѣлаютъ, а какъ будто въ посмѣяніе исчезаютъ; такъ будетъ и съ людьми этими—новгородцами; Господь смирить ихъ».

Ананьинъ повезъ отвѣтъ отъ московскаго государя, самый кроткій, только мимоходомъ замѣтили ему въ Москвѣ бояре, что государю стало не въ-терпѣжь (*не въ истерикъ*), и онъ не хочетъ больше сносить такой досады и непокорства. Не показывая новгородцамъ вида, что хочетъ усмирять ихъ оружіемъ, Іоаннъ, однако, послалъ ко псковичамъ готовить ихъ къ вооруженію на Новгородъ въ крайнемъ случаѣ, еслибъ Новгородъ принудилъ его взяться за оружіе. Тогда Псковъ находился въ несогласіи съ Великимъ Новгородомъ уже много лѣтъ. Главная причина несогласія, кромѣ другихъ, было желаніе Пскова учредить у себя особую епархію и отдѣлиться отъ непріятнаго для нихъ начальства новгородскаго владыки. Тогда новгородскаго владыку Іону столько же во Псковѣ не любили и укоряли въ корыстолюбіи, сколько въ Новгородѣ уважали за благочестіе и святую жизнь. Навздъ тому шесть лѣтъ новгородцы такъ озлобились на псковичей, что просили великаго князя послать своего воеводу для усмиренія псковичей, нехотѣвшихъ признавать правъ новгородскаго владыки. Въ тотъ самый (1470) годъ, когда неудовольствіе Новгорода съ великимъ княземъ обѣщало кровавую развязку, въ Новгородѣ задержали псковскихъ гостей, ограбили ихъ имущество и самихъ засадили въ порубъ въ оковахъ. Псковъ хлопоталъ о возвращеніи имъ свободы чрезъ посредство великаго князя: задержанныхъ псковичей выпустили, а имущества ихъ еще не возвратили. Такъ, накопившееся прежде нерасположеніе къ Новгороду у псковичей было поддерживаемо свѣжими причинами къ

распрямъ. И тутъ, кстати, въ половинѣ ноября 1470 года явился посолъ отъ великаго князя — бояринъ Селиванъ, уже по прежнимъ сношеніямъ, знакомый псковичамъ. Пришедши на вѣче, онъ сталъ поднимать Псковъ на Великій Новгородъ и говорилъ: «Великій князь велѣлъ вамъ сказать: если Великій Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, тогда пусть отчина моя—Псковъ послужить мнѣ, великому князю, на Великій Новгородъ за мои старины». Вѣче выслушало его объясненія и, послѣ преній, разсудило такъ, что Псковъ долженъ стать посредникомъ между Новгородомъ и великимъ княземъ; псковичи признавали, по доказательствамъ, представленнымъ посломъ, что Новгородъ дѣйствительно погрѣшаетъ противъ старины, и рѣшились отправить пословъ въ Новгородъ, съ тѣмъ, чтобъ эти послы, вмѣстѣ съ новгородскими, отправились къ великому князю бить челомъ и просить прощенія. Выбраны были два человѣка: одинъ Никита Насоновъ, другой сотскій Димитрій Патрикѣевичъ. Эти послы на новгородскомъ вѣчѣ говорили такъ: «Извѣщаемъ васъ, Великій Новгородъ, что великій князь, нашъ господинъ, поднимается на васъ; онъ хочетъ отъ васъ, своей отчины, челобитья себѣ; мы за васъ, свою братію, рады слать къ великому князю своего посла вмѣстѣ съ вашими и бить челомъ за васъ по миродокончанной съ вами грамотѣ; дайте посламъ нашимъ путь по своей вотчинѣ къ великому князю».

Такая готовность къ покорному предстательству за Новгородъ предъ московскимъ государемъ не понравилась новгородцамъ, когда у нихъ созрѣло уже намѣреніе рѣшительно сопротивляться и отложиться отъ власти московской. Вѣче не дало опасной грамоты на проѣздъ по своей волости къ великому князю, а дало посламъ опасную грамоту на возвращеніе назадъ во Псковъ, и отправило вслѣдъ за ними въ Псковъ посла, владычнаго стольника Родіона,

съ такимъ объясненіемъ: «Великій Новгородъ велѣлъ всему Пскову повѣстить, что онъ не хочетъ вашего посла поднимать къ великому князю, и также не хочетъ ему бить челомъ. А васъ просить стать съ нами за-одно противъ великаго князя по нашему съ вами миродокончанью». Безъ сомнѣнія, новгородскій посолъ тогда представилъ Пскову причины, которыя побуждаютъ Великій Новгородъ отложиться, и убѣждалъ Псковъ, какъ меньшаго брата и союзника, соединиться съ Новгородомъ и единомышленно утвердить взаимную свободу. Чтобъ расположить къ себѣ псковичей, новгородцы дали этому же послу уполномочіе—уладить со Псковомъ прежнее несогласіе о задержанныхъ людяхъ въ Новгородѣ. Псковичи, чтобы вытребовать отъ Новгорода свое, не сказали послу наотрѣзъ ничего и подали надежду, не давши никакого обѣщанія. Отвѣтъ ихъ вѣча былъ таковъ: «Когда великій князь пришлетъ вамъ возмездную грамоту, вы явите намъ; а мы тогда подумаемъ и отвѣтимъ вамъ». Посолъ заплатилъ 45 рублей въ вознагражденіе потерявшихъ свои имущества въ Новгородѣ. Но Псковъ не думалъ и тогда искренно помогать Новгороду въ рѣшительной борьбѣ съ великимъ княземъ. Псковъ не терпѣлъ такъ часто, какъ Новгородъ, насилій отъ Москвы. Псковъ не свыкъся, подобно Новгороду, съ ненавистью къ Москвѣ; притомъ же сосѣдніе нѣмцы безпрестанно беспокоили его земли; много разъ Псковъ просилъ пособія у Великаго Новгорода, но не получалъ его, и напротивъ, много разъ получалъ помощь отъ великаго князя. И бесполезно Новгородъ переговаривался со Псковомъ, пытаясь сдѣлать его участникомъ отложенія.

Но вотъ, въ самомъ Новгородѣ произошла перемѣна. Владыка Іона скончался 5 ноября 1470 г. — Приходилось выбирать новаго владыку. Дѣло отложенія много зависѣло отъ того, кого выберутъ; надобно было, чтобы новизбранный владыка преодолѣлъ старое предубѣжденіе къ литов-

ской сторонѣ и рѣшился принять посвященіе отъ кievскаго митрополита. Поставленіе отъ московскаго митрополита никакъ не совмѣщалось съ расторгненіемъ связи съ Москвой. Такимъ владыкою могъ быть ключникъ Пименъ, любимецъ Марѣы. «Меня хоть и въ Кіевъ пошлютъ на посвященіе, такъ я пойду», говорилъ онъ. Но стариннаго обычая нарушить было невозможно, особенно въ церковномъ дѣлѣ. Владыка выбирался не иначе, какъ по жребію изъ трехъ. Единственно, что могла сдѣлать Марѣа для Пимена,—это постараться, чтобы въ числѣ трехъ кандидатовъ было его имя. Она этого достигла. 15-го ноября собралось вѣче на Софійскомъ дворѣ. Положили на престолъ три жребія: первый былъ Пимена, второй Варсонофія, духовника покойнаго Іоны, третій Теофила — протодіакона. Народъ въ ожиданіи толпился около св. Софіи; по окончаніи литургіи начали выносить изъ церкви жребіи;—вынесли Варсонофіевъ, вынесли Пименовъ,—остался на престолѣ Теофиловъ. Теофилъ долженъ былъ сдѣлаться владыкою. Инокъ, чуждый, можетъ быть, волненій политическихъ, ужаснулся мысли просить поставленія отъ Григорія. Увѣщанія московскихъ митрополитовъ, неоднократно посылаемые предъ тѣмъ одно за другимъ въ Новгородъ, внушили новгородскимъ духовнымъ, что Григорій, называющій себя митрополитомъ, есть волкъ, а не пастырь; что онъ преемникъ и послѣдователь отступника Исихора, слуга поганнаго папы и латинскаго короля, врага и гонителя русской вѣры. Московская митрополія имѣла для духовенства святость старины; сами патріархи константинопольскіе, отъ которыхъ столько вѣковъ зависѣла русская Церковь, приказывали уже не разъ новгородскимъ владыкамъ признавать надъ собою его благословеніе. Притомъ же дѣло церковное, казалось, могло совершаться своимъ путемъ, независимо отъ политическаго. Духовенство, а за нимъ и многіе граждане рѣшили, что новоизбранному

владыкъ ни отъ кого нельзя принять поставленія, кромѣ какъ отъ московскаго митрополита, по старинѣ. Противники московскаго владычества старались противождать, и распространяли въ простомъ народѣ мысль о возможности отставить новоизбраннаго, когда онъ хочетъ ѣхать въ Москву, и вмѣсто его назначить Пимена. Говорятъ, что Пимень, при жизни старика Іоны, завѣдуя софійскою казною, похищаль изъ ней часть и отдавалъ Марей, а Марее, чрезъ своихъ пособниковъ, раздавала черни, чтобъ та требовала Пимена. Продѣлка не удалась. Трудно было подорвать обычай выбора; Теофилъ, избранный по жребію, представлялся народному понятію указаннымъ самимъ Богомъ. Узнали объ искательствѣ Пимена, и бѣдный раздѣлялся за него не дешево: его подвергли розыску, — отобрали у него казну и взяли у самого 1,000 рублей. Вліяніе Марее и ея партіи временно должно было уменьшиться. Послали въ Москву Никиту Ларіоновича просить у великаго князя опасной грамоты, чтобы владыка съ нею могъ ѣхать къ митрополиту для поставленія. Не дали намека на политическія отношенія, какъ будто бы между Великимъ Новгородомъ и великимъ княземъ все идетъ согласно и не было никакой размолвки. Іоаннъ съ невозможнымъ хладнокровіемъ принялъ тотъ же тонъ, какой показывалъ и прежде, не сдѣлавъ намека на отношенія свои къ Новгороду и отвѣчалъ: «Отчина моя Великій Новгородъ прислалъ ко мнѣ бить челомъ о томъ, что послѣ того какъ Богъ взялъ отца ихъ и нашего богомольца, архіепископа Іону, новгородцы избрали себѣ, по своему обычаю, по жеребьямъ Теофила; и я, великій князь, ихъ жалую и веду нареченному Теофилу прибыть въ Москву ко мнѣ и къ отцу своему, митрополиту Филиппу, для поставленія на архіепископство Великаго Новгорода и Пскова, безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ бывало при отцѣ моемъ Василиѣ, и при дѣдѣ, и при прадѣдѣ, и при

всѣхъ прежде-бывшихъ великихъ князьяхъ,—ихъ же родъ есть володимирскихъ, и Новгорода Великаго, и вся Русіи».

Никита Ларіоновъ, возвратившись изъ Москвы, нашель въ Новгородѣ дѣла въ другомъ положеніи. Патріоты снова одержали верхъ. Партія богатыхъ и знатныхъ фамилій наклонялась къ примиренію; но Марѳа и ея соумышленники возбудили черный народъ, гдѣ раздачею денегъ, гдѣ убѣжденіями и ненавистью къ знатымъ, издавна вооружавшимъ противъ себя бѣдныхъ и простыхъ. «Худые мужики — вѣчники, — какъ называетъ ихъ московскій лѣтописецъ, — прибѣгали толпами на вѣче, звонили въ колоколъ, сбѣгался народъ; всколебались, — говорятъ лѣтопись, — всѣ новгородцы словно пьяные». Настроенные Марѳою мужики кричали: «Не хотимъ великаго князя московскаго! Мы не отчина его! Мы вольные люди — Великій Новгородъ! Московскій князь чинить надъ нами великія обиды и неправды! Отдаемся королю польскому и великому князю Казимиру! Зачѣмъ послали въ Москву просить опасной грамоты владыкъ? Пусть владыка ѣдетъ на поставленіе къ митрополиту Григорію въ Кіевъ!» Тогда люди степенные, старые, бывшіе посадники и тысяцкіе, и вообще богатые, говорили: «Нельзя, братья, этому быть, какъ вы говорите, чтобъ намъ даться за короля Казимира и поставить себѣ архіепископа отъ его митрополита, латинина. Изъ начала мы отчина великихъ князей, отъ перваго великаго князя Рюрика, котораго Земля наша избрала изъ варягъ себѣ княземъ. Правнукъ его, Владимиръ, крестился и крестилъ всю Землю Русскую и нашу Словенскую-Ильмерскую и Весскую, т. е. Бѣловерскую, и Кривскую, и Муромскую, и Вятичей, и проч.; и до нынѣшняго господина нашего, великаго князя Ивана Васильевича, мы не бывали за латиною, и не ставили себѣ архіепископа отъ нихъ. Какъ теперь вы хотите, чтобъ мы поставили

себѣ владыку отъ Григорія, а Григорій ученикъ Исидора латинина? Къ Москвѣ хотимъ!—кричали зажиточные. Къ Москвѣ, по старинѣ, къ митрополиту Филиппу въ православіе!»

Противники не поддавались на такія убѣжденія, проклинали Москву, величали вольность Великаго Новгорода, и кричали: «За короля хотимъ! мы — вольные люди, и наша братья, Русь, подъ королемъ—вольные люди! Пусть Казимиръ охраняетъ Великій Новгородъ!» Началась переправка; наконецъ, вѣчники начали кидать въ противную сторону камнями. Такія собранія повторялись нѣсколько дней, и, наконецъ, сторонники мира съ Москвою не смѣли показаться. Теофилъ видѣлъ, что ему не сдобровать; у него не доставало твердости воли; онъ самъ не могъ себѣ уяснить: будетъ или не будетъ противно православію посвятиться отъ Григорія. Онъ просилъ уволить его отъ предстоящаго сана; новгородцы, считая избраніе его указаніемъ Божиимъ, не дозволяли. Его убѣждали, что православіе отъ этого не пострадаетъ; уже былъ одинъ примѣръ, когда владыка Евфимій поставленъ митрополитомъ не московскимъ, а литовскимъ, Герасимомъ. Со страхомъ недовѣрія склонился владыка на литовскую партію. Къ успокоенію владыки и народа, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ князь Михаилъ Олельковичъ, прибывшій въ Новгородъ 8-го ноября, чрезъ два дня по смерти Іоны. Дружина его состояла изъ кіевлянъ, съ которыми новгородцы сходились снова послѣ столькихъ вѣковъ разлуки; родственныя черты народности должны были поражать новгородцевъ и располагать къ нимъ; это были православные: они должны были увѣрить новгородцевъ собственнымъ примѣромъ, что во владѣніяхъ великаго князя литовскаго православный народъ пользуется невозмутимымъ правомъ свободы совѣсти; что пастыри ихъ вовсе не латинны; что наговоры на нихъ исходятъ изъ Москвы, которая силится отклонить Нов-

городъ отъ связи съ Литвою для того, чтобы задуть его свободу. Не забыли, вѣроятно, кіевляне объяснить новгородцамъ и то, что въ это же самое время, когда Новгородъ искалъ спасенія у Казимира, другіе народы также добровольно отдавались ему: чехи избрали сына его на престолъ, и венгерцы готовились изгнать своего короля Матея и принять другого Казимира сына. Видно, что съ Польшей и Литвой хорошо было жить, когда народы свободные, самобытные, добровольно вступаютъ съ ними въ связь. Наконецъ, къ союзу съ Казимиромъ побуждала и опасность войны. «Видите-ли, какъ поступаетъ съ Новгородомъ великій князь,»—говорили приверженцы литовской партіи:—даетъ опасъ владыкѣ ѣхать къ Москвѣ, и разомъ поднимаетъ на насъ Псковъ и хочетъ идти на насъ войною.»

При всѣхъ этихъ благопріятствующихъ обстоятельствахъ, вѣче составило договорную грамоту съ королемъ Казимиромъ. Она была составлена по образцу древнихъ договорныхъ грамотъ Великаго Новгорода съ своими князьями, и отличалась отъ прежнихъ только нѣкоторыми подробностями; такъ напримѣръ: нѣтъ правила объ охотѣ и рыбной ловлѣ, и о медовареніи для князя; не упоминается о дарѣ своему новому господину, который давался прежнимъ князьямъ; не говорится о мытахъ торговыхъ, о которыхъ условились въ прежнихъ грамотахъ; отношенія опредѣляются общимъ выраженіемъ: «послать и гостямъ путь чистъ по Литовской Землѣ и по Новгородской». Новгородъ обезпечиваетъ свободу своей религіи и Церкви. Предоставлялось королю право держать намѣстника на Городищѣ, но съ тѣмъ, чтобъ намѣстникъ былъ вѣры греческой; при немъ могъ быть тиунъ и дворецкій, и дружина,—въ этой дружинѣ не должно быть болѣе пятидесяти человекъ. Королю не дозволялось строить костеловъ въ Новгородской Землѣ. Ничего не говорится объ отноше-

ніяхъ владыки къ литовскому митрополиту; напротивъ, сдѣланъ оговоръ: «а гдѣ будетъ намъ Великому Новгороду любо въ своемъ православномъ христіанствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей волѣ». Такимъ образомъ, оставялась возможность ставить владыку и у московскаго митрополита, и у восточныхъ патріарховъ. Церковь новгородская пріобрѣтала ту независимость, какой домогалась давно, стараясь отложиться отъ зависимости московскому митрополиту. Предметъ, которымъ подробно занимается грамота,—судное дѣло и доходы, предоставляемые новому господину. Судъ остается на прежнихъ основаніяхъ: намѣстнику Казимира предоставлялся судъ съ посадникомъ на владычномъ дворѣ, не вступаясь въ суды тысячскаго и владыки и въ монастырскіе суды. Доходъ въ волостяхъ составляли: за проѣзжей судъ пошрины, собираемыя по разнымъ пригородамъ извѣстною суммою, разною въ различныхъ пригородахъ. Новгородъ предоставлялъ Казимиру часть Волоцкой и Новоторжской волостей, гдѣ изстари князья держали своихъ тиуновъ, и, сверхъ того, также особый поборъ подъ именемъ черной куны въ волостяхъ порубежныхъ Литвѣ: Ржевѣ, Великихъ-Лукахъ, Холмовскомъ погостѣ и также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Молвотицахъ, Жабнѣ, Моревѣ, Лопатицахъ, Буицахъ) определенное число кунницами, бѣлками и рублями. Вообще изъ этого договора видно, какъ мало развивались въ Новгородѣ политическія понятія, когда, вступая въ новую сферу политическаго существованія, онъ не могъ ничѣмъ болѣе обезпечить свою самостоятельность, какъ только прежними условіями. Казимиръ обязывался помогать Новгороду противъ московскаго князя, а Новгородъ обѣщалъ однажды собрать черный боръ со всей Новгородской волости въ благодарность.

Съ этимъ договоромъ поѣхали къ Казимиру: сынъ Марѣи, Димитрій, Аѳанасій Астафьевичъ, бывшій посад-

никъ, и отъ всѣхъ пяти концовъ по одному житому челоуѣку ¹⁾).

Дошло извѣстіе о такомъ поворотѣ дѣла до Ивана Васильевича. Онъ не измѣнилъ своему хладнокровному спокойствію и наружной кротости, не пришелъ въ ярость, но отправилъ въ Новгородъ пословъ съ ласковыми убѣжденіями; онъ не грозилъ даже войною. Онъ напоминалъ Новгороду, что отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отъ Рюрика до сего дня, Новгородъ зналъ одинъ княжескій родъ. «Вы не были ни за какимъ королемъ—говорилъ посолъ отъ имени великаго князя—и за великимъ княземъ литовскимъ вы не были, какъ и Земля ваша стала; а нынѣ отъ христіанства отступаете къ латинству, черезъ крестное цѣлованіе; а я, князь великій, не чиню надъ вами никакого насилія, не налагаю на васъ никакихъ тягостей выше того, что было при отцѣ моемъ, великомъ князѣ Василии Васильевичѣ, при дѣдѣ же и при прадѣдѣ, и при всѣхъ великихъ князьяхъ рода нашего; но еще хочу жаловать васъ, свою отчину.» Вмѣстѣ съ ласковымъ и кроткимъ словомъ великаго князя, прочитана была на вѣчѣ увѣщательная грамота Филиппа. Въ ней излагалось все послѣднее дѣло Новгорода съ великимъ княземъ, воспоминались два посольства новгородскія, восхвалялись справедливость и милосердіе великаго князя, потомъ говорилось: «Нынѣ, сыны мои, дошло до моего слуха, и очень удивляюсь я тому, что въ ваши сердца входятъ неподобныя мысли; вы оставляете жалованье великаго князя, господина и сына моего; отступаете отъ своего господина, отчича и дѣдича, отъ христіанскаго господаря русскаго; забываете свою старину и обычаи, и приступаете къ чужому латинскому государю-

¹⁾ Памфилъ Селифонтовичъ, Кирило Ивановичъ, Якимъ Яковличъ. Яковъ Зиновьевичъ, Степанъ Григорьевичъ (Акт. Геогр. Арх. Эксп. I, 62).

королю;—недобрые люди возмущаютъ васъ, говорятъ: великій князь поднимаетъ на васъ Псковъ и хочетъ на васъ войной идти. Это, дѣти, врагъ-дьяволъ вкладываетъ неподобное въ сердца человѣка, нехотя роду человѣческому добра, а желая ему погибели. Господинъ мой и сынъ, князь великій, посылалъ своего посла во Псковъ, не чая вашего челобитья, а какъ вы послали съ челобитьемъ, такъ съ того часу и жалованье господина великаго князя пошло, и впередъ по вашему челобитю и исправленію жалованье вамъ будетъ. Не соблазняйтесь же, дѣти; помните, дѣти, апостольское слово: братіе, бога бойтесь, а князя чтите,—Божій бо слуга есть. Разумѣйте, дѣти: царствующій градъ Константинополь и церкви Божіи непоколебимо стояли, пока благочестіе въ немъ сіяло какъ солнце. А какъ оставилъ истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да подписался папѣ золота ради, такъ и скончалъ безгодно свой животъ патріархъ, и Царьградъ впалъ въ руки поганныхъ турокъ. А вы развѣ не чаете Божія гнѣва? Сколько лѣтъ ваши пращуры и прапращуры, и прадѣды, и дѣды, и отцы старины держались и неотступно великихъ русскихъ государей; а вы на концѣ послѣдняго времени, когда бы надобно душу спасти въ православіи, все оставя, да за латинскаго государя закладываетесь. Развѣ не знаете божественнаго писанія, какъ святыми отцами заповѣдано, чтобъ съ латиной не имѣть общенія? Я знаю, что вы горазды сами божественное писаніе разумѣть, а такъ дѣлаете!»

Люди степенные, богатые, бояре, расчувствовались отъ этихъ увѣщаній. «Не надобно преступать крестнаго цѣлованія»—стали говорить они. Но Марѳа Борецкая и ея дѣти и приверженцы—говорить московскій лѣтописецъ—не хотѣли слышать этихъ рѣчей: они уже подготовили партію чернаго народа. Словно скоты—говорить тотъ же враж-

дебный лѣтописецъ ¹⁾—смерды, убійцы, шильники, мужики безъ-именитые, разума неимѣющіе, умѣющіе только кричать да рычать, какъ безсловесныя животныя, пересилили ихъ. Звонили въ колокола, кричали, вопили: «Мы не отчина московскаго князя! Великій Новгородъ—вольная отъ вѣка Земля! Великій Новгородъ самъ себя государь! Хотимъ за короля Казимира!»

И послы великокняжескіе возвратились со срамомъ.

Уже тогда Новгородъ такъ далеко зашелъ, что воротаться было невозможно; послы уже отправились къ Казимиру, а, можетъ быть, въ то время и воротились назадъ съ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла; примириться съ великимъ княземъ значило навести на себя гнѣвъ и войну отъ Казимира; а между тѣмъ, не было покойнаго ручательства, чтобъ московскій государь не продолжалъ дѣла своихъ отцовъ и не уничтожилъ окончательно новгородскую свободу.

Прежнее терпѣніе и спокойствіе Ивана Васильевича не измѣнилось и при новыхъ непріятныхъ вѣстяхъ. Онъ съ видимымъ собогѣзнованіемъ пригласилъ мать свою, митрополита Филиппа и бояръ, и говорилъ, что противъ его воли вынужденъ исполнить мысль свою надъ новгородцами. Чтобъ придать еще болѣе вида своей справедливости, великій князь разослалъ звать свою братію, всѣхъ епископовъ и бояръ на совѣтъ. Онъ не спѣшилъ войною, показывалъ видъ, что желаетъ, чтобъ дѣло обошлось безъ войны,—чтобъ новгородцы одумались; что онъ ничего отъ нихъ не требуетъ, кромѣ старины, и послалъ еще въ концѣ марта посла—Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ такими же, какъ и прежде, кроткими увѣщаніями. «Не отступай, моя отчина, отъ православія» — говорилъ отъ имени великаго князя Товарковъ: — изгоните изъ сердца своего лихую

¹⁾ Ник. Л. VI. 20.

мысль; не приставайте къ латинству; исправьтесь и бейте мнѣ челомъ, а я буду васъ жаловать и въ старинѣ держать» ¹⁾. Съ своей стороны, и митрополитъ послалъ еще одно увѣщаніе, въ' духѣ прежняго. Въ немъ, между прочимъ, было сказано:

«Многое лютое и неутолимое предстоить въ такомъ начинаніи, чтобъ, оставивши новый законъ благочестія и спасенной заповѣди живаго Бога, приступить къ латинству; всѣ прельщенные души вышутся отъ руки Господа Вседержителя на тѣхъ богоотступникахъ, начинающихъ вводить богоотметную ересь древнихъ еретиковъ каруловыхъ въ великое благочестіе вашихъ земель даже до онаго Формоса, послѣдовавшаго имъ, папы римскаго, ереси, въ которой до сихъ поръ пребываетъ латинь и всѣ ихъ папы римскіе четверовластно держа святую Троицу, глаголюще не токмо отъ отца Духъ святой исходящъ, но и отъ Сына, Духа, яко раболѣпна Духа Святаго глаголють и опрѣсновенная служить, и субботу хранить, и постятся въ ню, яко жидови, и водою кропятся по вся дни, тѣмъ же обычаемъ жидовскимъ». Обращаясь къ духовенству новгородскому, митрополитъ говорилъ: «А ты, сыну Ѳеофиле, нареченный во владычество, и вы, архимандриты и честнѣйшіе игумены, и всѣхъ семи соборовъ священники! Накажите своихъ дѣтей духовныхъ отъ велика до мала, укрѣпляйте ихъ въ вѣрѣ православія, берегучи едиnorodныхъ и безсмертныхъ ихъ душъ отъ сѣтей ловца, многословнаго змія діавола, яко да не ввалятъ въ стромины покровенныхъ оныхъ глубокихъ ямъ бѣсовскихъ, ни увязнуть въ сѣтяхъ лукаваго прельщеніемъ латинскихъ ересей... А вы, старые посадники новгородскіе и тысяцскіе, и бояре, и купцы, старшіе младыхъ понакажите, и вщините лихихъ отъ злаго начинанія, чтобъ не было латинамъ по-

¹⁾ Соф. I, 8.

хвалы на вѣру православныхъ людей» ¹⁾. Эти увѣщанія, казалось, пришли кстати. Призванный изъ Литвы князь Михайло Олельковичъ уѣхалъ изъ Новгорода 15-го марта. Передъ тѣмъ умеръ братъ его, князь кіевскій Симеонъ, и Казимиръ посягалъ уничтожить кіевское княженіе и поставить въ Кіевѣ воеводу. Князь Михайлъ поспѣшилъ въ Кіевъ—удерживать свое наслѣдіе, и надѣялся заступитъ мѣсто брата. Въ свое четырехмѣсячное пребываніе онъ вовсе не расположилъ къ себѣ новгородцевъ; много было отъ его дружины непріятностей; дорого стоило Новгороду содержаніе такихъ гостей: надобно было всѣмъ доставлять кормъ и давать подарки; и всѣмъ они были недовольны; наконецъ, уходя изъ Новгорода, они шли по новгородской волости какъ непріатели; въ Русь силою брали оброки, грабили и дѣлали насилія по новгородскимъ селамъ вплоть до самаго рубежа. Такимъ образомъ, помощь, ожидаемая отъ короля, едва-ли въ то время могла представляться новгородцамъ въ привлекательномъ видѣ. Однако, партія Борецкихъ успѣла еще разъ пересилить противную. Вѣроятно, король, отправляя пословъ назадъ, надавалъ имъ много лестныхъ обѣщаній.

Тогда уже Іоаннъ приступилъ къ рѣшительному дѣлу.

Сѣхались въ Москву епископы, бояре, воеводы. Великій князь извѣстилъ ихъ, что съ прискорбіемъ долженъ идти на Новгородъ ратью. Новгородцы измѣнили, и нѣтъ въ нихъ никакой правды, — ни во чтó считаютъ московскую власть. «Не знаю только,—говорилъ великій князь, —идти ли теперь, или подождать зимы; теперь наступаетъ время лѣтнее, а земля у нихъ многоводная—большія озера, великія рѣки, непроходимыя болота; прежніе великіе князья въ такое время на нихъ не ходили; а кто ходилъ, тотъ много людей потерялъ». Но оскорбленіе отъ Новгорода ка-

¹⁾ Акт. Ист. I. 510, 517.

салось не одного князя; его братья, его бояре чувствовали его на себѣ; вмѣстѣ съ непріязнью къ великому князю соединилась давняя къ Новгороду непріязнь Восточной и Сѣверной Руси. Новгородцы, вѣчники, крамольники—возбуждали негодованіе въ покорныхъ властямъ москвичамъ и вообще великоруссамъ, у которыхъ уже угасли тогда древнія вѣчевыя начала подъ татарскимъ игомъ. «Нельзя ожидать—говорили ему,—не дадимъ королю собраться на помощь новгородцамъ.» И такъ, рѣшили идти немедленно, и князь одного посла отправилъ въ Новгородъ съ розметною грамотою, объявляющею войну, а другого во Псковъ.

На Троицыной недѣлѣ, въ пятокъ, прибылъ во Псковъ дьякъ московскій, по имени Яковъ; рассказалъ всѣ новгородскія неправды противъ великаго князя; извѣщалъ, что князь въ понедѣльникъ на будущей недѣлѣ отошлетъ свои розметныя грамоты въ Новгородъ, и потребовалъ, чтобъ и Псковъ также послалъ отъ себя въ своихъ розметныхъ грамотахъ объявленіе войны Великому Новгороду.

«Великій князь — говорилъ посолъ — приказалъ вамъ сказать:—что у васъ съ Новгородомъ миръ и крестное цѣлованье, то я буду предъ Богомъ въ томъ грѣхѣ, а вы крестную грамоту отвергните.»—«Когда услышимъ—отвѣчали псковичи,—что великій князь вступилъ въ Новгородскую Землю, и мы вступимъ туда ратью».

И послали подвойскаго Савву съ розметными грамотами въ Великій Новгородъ ¹⁾.

Въ это время явился посолъ и отъ Новгорода — приглашать псковичей противъ великаго князя. Но способъ посольства оскорбилъ псковичей, уже настроенныхъ противъ Новгорода. Присланъ былъ не бояринъ, а подвойскій, безъ обычнаго поклона, безъ челобитья, не какъ къ равному себѣ меньшому брату, а какъ къ своему приго-

¹⁾ Псков. Л. I, 239, II, 36.

роду,—съ однимъ вопросомъ: «врекаетесь ли пособить намъ противъ великаго князя?» Псковичи думали такъ и сѣкъ—и рѣшились воевать противъ Новгорода.

Уже таинственное ожиданіе чего-то грознаго смущало новгородское населеніе. Не задолго передъ тѣмъ посѣщаль Великій Новгородъ преподобный Зосима, соловецкій отшельникъ. Онъ приходилъ жаловаться на боярскихъ людей, которые не дозволяютъ инокамъ его обители ловить рыбу и ходатайствовали, чтобъ монастырю подарили островъ во владѣніе. Марѳа Борецкая, имѣвшая тогда вліяніе на дѣла, была противъ отдачи острова обители. Когда Зосима, хлопота по своему дѣлу, явился-было къ ней, она не пустила его къ себѣ. Тогда преподобный, обратившись къ ея дому, сказалъ:—«Придутъ дни, когда живущіе въ дворѣ семъ не оставятъ въ немъ слѣдовъ своихъ, и затворятся двери дома сего, и дворъ ихъ будетъ пустъ». Однако, по ходатайству владыки и духовенства, вѣче согласилось на просьбу Зосимы,—подарило островъ монастырю и дало Зосимѣ грамоту на владѣніе отъ всего Великаго Новгорода. Тогда и Марѳа одумалась,—не стала больше противиться и пригласила преподобнаго къ себѣ на пиръ. Зосима не помянулъ ея прежней суровости и пришелъ. Марѳа съ почестями приняла его и посадила за столомъ на почетное мѣсто. Вдругъ, посреди пира, преподобный задрожалъ, устремилъ глаза, исполненные ужаса, на сидѣвшихъ за столомъ бояръ и заплакалъ, но не сказалъ ничего. До конца пира онъ ничего не ѣлъ, ничего не говорилъ и былъ печаленъ.—«Чего ты ужаснулся, сидя за столомъ? Чтѣ ты видѣлъ, и отчего заплакалъ?» спросилъ его потомъ благочестивый Памфилъ, одинъ изъ бояръ, послѣ и самъ удалившійся изъ разореннаго отечества въ Соловецкую обитель.—«Я видѣлъ—сказалъ Зосима—бояръ, что сидѣли за столомъ: на нихъ головъ не было!» Это были тѣ самые четыре боярина, которымъ потомъ московскій великій князь отру-

билъ головы въ Русѣ. Новгородецъ происхожденіемъ и душою, преподобный Зосима заранѣе плакалъ о грядущей судьбѣ своего отечества, предвидя пророческимъ даромъ, что скоро падеть сила его, затмится слава его и дѣти его пойдутъ умирать невольниками на чужой землѣ.

Предзнаменованія слѣдовали одно за другимъ. Буря сломила крестъ на св. Софій; на гробахъ двухъ новгородскихъ архіепископовъ, почивающихъ въ мартіріевской паперти у св. Софій, увидѣли кровь; у хутынского Спаса зазвонили сами собою колокола; въ женскомъ монастырѣ Евфиміи въ церкви на иконѣ Богородицы изъ очей покатились слезы, какъ струя; замѣтили слезы и на иконѣ св. Николы Чудотворца въ Никитиной улицѣ; а на Ѳеодоровой улицѣ полилась вода съ вѣтвей и съ вершины тополцевъ (ветль) и это были какъ-будто слезы ¹⁾.

Что-то зловѣщее носилось надъ Великимъ Новгородомъ.

31-го мая 1471 года, великій князь отрядилъ рать свою подъ начальствомъ Василя Ѳеодоровича Образца и Бориса Матвѣевича Тютчева на Двину, чтобъ захватить главнѣйшія новгородскія колоніи. Къ великокняжескому ополченію долженъ былъ пристать подручникъ московскаго государя—устюжскій князь Василій Ѳеодоровичъ. Подошли тогда на новгородцевъ и Вятку, гдѣ тлилась давняя неприязнь къ бывшей метрополіи, и вятчане послали свое ополченіе. Пристала къ великому князю и Вологда, пригородъ новгородскій. Давно уже недовольна была она управленіемъ Великаго Новгорода. Какъ Торжокъ, она имѣла всегда партію, готовую перейти на сторону великаго князя, особенно когда въ распрѣ съ Новгородомъ счастье склонялось не къ послѣднему. Новгородцы отправили защищать

¹ Новг. Л. III, 241; I, 127.

Заволочье потомка низложенных суздальских князей—Василия Шуйскаго-Гребенку.

Через шесть дней послѣ первой рати, іюня 6-го, отправилась изъ Москвы другая рать, въ двѣнадцать тысячъ. Предводительствовали князь Данило Дмитріевичъ Холмскій, да бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ. Они должны были идти къ Русѣ, оттуда обойти Ильмень и стать позади Новгорода ¹⁾. Снова, черезъ шесть дней послѣ того, іюня 13-го, отправленъ былъ третій отрядъ, подъ начальствомъ князя Василия Ивановича Оболенскаго-Стриги; много было въ немъ русскихъ ратниковъ; къ нимъ придали еще и татаръ, подручныхъ великому князю татарскихъ царевичей Даньяровъ. Этотъ отрядъ посланъ на Волоочокъ, и долженъ былъ пройти побережье рѣки Мсты. Всѣмъ дано приказаніе—жечь безъ пощады новгородскіе пригороды и селенія: положить пусту землю, черезъ которую будетъ лежать путь,—убивать безъ разбора и состраданія и малыхъ, и старыхъ, и загонять въ плѣнъ людей. Во Псковъ былъ посланъ приказъ выходить въ новгородскую волость. Другой посолъ отправился къ тверскому князю требовать, чтобъ тверская рать была послана къ Торжку на соединеніе съ главною ратью московскою. Такимъ образомъ, передовые отряды должны были опустошить Новгородскую Землю, прежде чѣмъ главное войско пойдетъ за ними къ центру этой земли, къ Великому Новгороду.

Великій князь отправилъ отряды одинъ за другимъ, а потомъ и самъ съ своими родственниками и подручными князьями сталъ собираться. Управлять Москвою оставилъ онъ своего сына Ивана и брата Андрея; съ нимъ должны были идти другіе братья — Юрій и Борисъ, двоюродный братъ Михаилъ Андреевичъ, много служебныхъ князей, переставшихъ уже дорожить своею независимостію въ теп-

¹⁾ Соф. II, 191.

ломъ углу подъ московскимъ крыломъ, бояре, и воеводы, и дѣти боярскіе, и татары касимовскіе съ ихъ царемъ Даміаномъ Касимовичемъ и татары мещерскіе: иноплеменные поселенцы Русской Земли, они платили теперь вѣрною службою московскому самовластію за раболѣпство ханамъ предковъ московскаго государя. Сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ Волокъ-Ламскій.

Наступилъ день отъѣзда изъ Москвы. Иванъ Васильевичъ съ обыкновеннымъ невозмутимо-спокойнымъ и благочестивымъ лицомъ посѣщалъ одинъ за другимъ московскіе кремлевскіе соборы и молился усердно образу Владимирской Богородицы въ Успенской церкви, молился передъ гробами московскихъ святителей, митрополитовъ, благословлявшихъ всегда его предковъ на поражение удѣльной свободы; молился онъ въ церкви архистратига Михаила, — прося предводителя силъ безплотныхъ невидимо помогать ему; просилъ заступленія святыхъ, ознаменовавшихъ свое земное житіе воинскою храбростію: Дмитрія Салунскаго, Георгія Храбраго, всегда покровительствующихъ войнамъ въ браняхъ; припадалъ къ гробамъ прародителей, начиная отъ Ивана Калиты до отца своего, Василія. Всѣ они воевали противъ Новгорода. Теперь ихъ потомокъ шелъ кончить дѣло, котораго не суждено было окончить дѣдамъ. «О, прародители мои! — восклицалъ Иванъ:—о, великіе князья Владимира, Новгорода и всея Руси! Если вы духомъ и далеко отстоите, то молитвами помогите мнѣ на отступниковъ православія державы вашей!» Потомъ онъ посѣщалъ монастыри, вездѣ прикладывался къ святынямъ, принималъ благословеніе и раздавалъ обильную милостыню. Окончивши путешествіе по церквамъ, великій князь Иванъ принялъ торжественно благословеніе на брань отъ митрополита Филиппа и всего освященнаго собора. И благословилъ его митрополитъ Филиппъ на брань на противники, какъ благословлялъ Самуилъ Давида на

Голааа—говорить московскій лѣтописецъ. Московское духовенство одушевляло ратныхъ толкованіемъ, что—предстоятъ намъ брань святая за православную вѣру. Какъ Дмитрій Ивановичъ — говоритъ одинъ изъ духовныхъ того времени, котораго слова вошли въ лѣтопись ¹⁾),—шелъ на безбожнаго Мамаю и на богомерзское воинство татарское, такъ и нашъ благовѣрный великій князь Иванъ идетъ на этихъ отступниковъ,—дѣла ихъ хуже невѣрныхъ: невѣрные изначала не знали Бога, ни отъ кого не научились православію и держались всегда своего перваго языческаго идолопоклоненія; а эти—пятьсотъ лѣтъ были въ крещеніи, а теперь, на скончаніи седьмой тысячи, захотѣли отступить къ латинству. И такъ, нашъ великій князь идетъ не яко на христіанъ, но яко на иноязычниковъ и на отступниковъ православія.

Великій князь былъ вѣренъ своему праву: онъ взялъ съ собою архіепископскаго дьяка Степана Бородатаго—«умѣвшаго воротити русскими лѣтописцы». «Когда придутъ новгородскіе послы,—говорилъ ему Иванъ—ты имъ помяни давнія неправды новгородцевъ; припомни имъ все, какъ они въ прежнія времена измѣняли князьямъ, отцамъ нашимъ, и дѣдамъ, и прадѣдамъ».

24-го іюня прибылъ великій князь въ Волокъ, 29-го въ Торжокъ. На Волокъ сошлись съ нимъ его братья съ своими ополченіями; въ Торжокъ—ратная сила Тверской Земли. Великій князь понималъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и не думалъ о генеральной битвѣ,—онъ собралъ своихъ братьевъ и воеводъ, и сказалъ имъ: «Ступайте каждый съ своими силами; ступайте разными дорогами къ Великому Новгороду; жгите, убивайте, въ плѣнъ людей загоняйте». И они пошли исполнять повелѣніе своего властителя — разными дорогами.

¹⁾ Ник. Л. VI, 24.

И въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ, также собирались на ратное дѣло. И тамъ, какъ въ Москвѣ, молились со слезами своей народной святынь, — просили помощи у Знаменской Богоматери, древле сохранившей Новгородъ отъ такой же рати, посланной предкомъ великаго князя; призывали заступничество архіепископа Іоанна, своими молитвами низведшаго на Новгородскую Землю благодать побѣды; поклонялись предъ гробами владыкъ, благословлявшихъ народъ на защиту святыни народной свободы. Но за то въ Новгородѣ не переставали волненія. Одни шли съ жаромъ на брань; другіе колебались; иные соглашались. и потомъ охота отпадала у нихъ. Новгородское населеніе отвыкло отъ воинственности; ярые противники Москвы принуждены были подгонять палками и кулаками на войну непривычныхъ плотниковъ, гончаровъ, перевозчиковъ; были и такіе, которые за упорство полетѣли съ моста въ Волховъ. Сельскій народъ вооружался машинально по приказанію города, также какъ въ Московскомъ Государствѣ машинально сельскій народъ долженъ былъ исполнять волю Ивана Васильевича. Владыка Теофилъ двоилъ, мучился совѣстію: то готовъ былъ принести повинную великому князю - самодержцу, то пробуждалось въ немъ патріотическое чувство свободного новгородца. У владыки былъ свой конный отрядъ — стягъ; владыка отправилъ его на войну, но далъ приказаніе — уклоняться отъ битвы съ войсками великаго князя. «Псковичи встрѣтятся, такъ бейтесь», — сказалъ владыка. На псковичей злоба была преемственная отъ прежнихъ владыкъ за стремленіе Пскова отпасть отъ новгородской епархіи. Сначала Новгородъ отправилъ передовое ополченіе къ Русѣ на судахъ по Ильмену; потомъ собиралось идти также на судахъ другое — главное, котораго число простираютъ лѣтописцы до тридцати тысячъ.

Передовой отрядъ Даніила Холмскаго прошелъ непре-

зятственно до Русы. Вездѣ, куда только проходили москвичи, они сожигали до тла жилища, истребляли хлѣбъ; кого хотѣли—убивали, кого хотѣли—брали въ плѣнъ; дѣлали неудержимыя неистовства надъ народомъ. «Видимая была благодать Божія надъ Иваномъ Васильичемъ—говорили москвичи:—Земля Новгородская обыкновенно лѣтомъ наводняется, такъ что никакой рати пройти невозможно, и они,—окаянные измѣнники, — жили себѣ безопасно отъ войны отъ весны и до зимы: не чаяли они себѣ нашествія; а тутъ, на пагубу ихъ Новгородской Землѣ, ни капли дождя не было все лѣто—съ мая до сентября; жары были постоянные; болота высохли, и рать московская всюду гонялась за жителями и карала ихъ за неправду. Такъ-то Богъ смирялъ ихъ крѣпкую руку благочестивому князю, государю нашему, Русскія Земли» ¹⁾.

23-го іюня московское войско дошло до Русы, разорило ее и пожгло. Тогда новгородскій передовой отрядъ высадился съ судовъ на берегу Ильменя у Коростыня. Новгородцы, ставши на твердую землю, думали неожиданно напасть на москвичей, но вмѣсто того на нихъ нечаянно напали. Сторожи великаго князя, отправленные Холмскимъ заранѣе къ берегу, увидали новгородское войско и дали знать воеводѣ; и московское войско поспѣшно двинулось навстрѣчу новгородцамъ. Пѣшая новгородская рать шла впередъ, конная позади. Москвичи ударили на пѣхоту; новгородцы стали изнемогать и кричали, чтобъ конные подошлѣли. Но конный отрядъ, владычный — не поспѣшилъ: «Владыка,—говорили конные,—не велѣлъ намъ идти на княжій полкъ, а послалъ насъ только на псковичей». И москвичи разбили новгородцевъ: пятьсотъ ихъ пало на мѣстѣ, другіе убѣжали. Москвичи ихъ ловили и приводили къ своимъ воеводамъ. Воеводы приказывали отрѣзывать плѣн-

¹⁾ Соф. II, 10.

никамъ носы и губы, и въ такомъ видѣ отпускали на свободу. Говорили имъ москвичи: «Покажитесь теперь своимъ!». По военному обычаю, ратники стягивали доспѣхи съ убитыхъ и плѣнныхъ. «Не берите себѣ,—говорили начальники,—измѣнничьихъ доспѣховъ: у насъ и своихъ доспѣховъ много, и мы всѣмъ довольны». И москвичи бросали добычу въ воду; а что могло горѣть, то сожигали. Неизвѣстно, куда ушли конные владычняго стяга, не хотѣвшіе выручать изъ бѣды свою плѣшую братью въ битвѣ, однако, досталось тогда не одной новгородской пѣхотѣ, но и конницѣ. Съ побоища воеводы отправили во Псковъ боярина Зиновьева съ тремя стами взятыхъ въ добычу лошадей, — распродать ихъ во Псковѣ: показать псковичамъ плоды побѣды и заохотить ихъ самихъ къ скорѣйшему выходу на войну. Эти лошади были очень дурны: ихъ называлъ лѣтописецъ «шкабатами и клячами». Псковичи отвели боярину и его отряду подворье; и была великая «истора» отъ него и отъ ста человекъ его отряда. Псковъ собирался на войну, *рубил* по старинѣ, то есть набирали военную силу; бояринъ торопилъ псковичей, и нѣсколько дней сряду кричалъ имъ: «Поспѣшайте, садитесь на коней со мною скорѣе; наши уже и Русу пожгли и государь въ Петровъ день въ Торжкѣ станеть» ¹⁾. Псковичи собирались медленно: должно думать, въ Псковѣ тогда не совсѣмъ было единодушно, — вѣрно были и такіе, что не хотѣли идти вовсе; еще больше было такихъ, которые не хотѣли выступить, прежде чѣмъ не вступить въ новгородскія волости вся великокняжеская сила: боялись, чтобы новгородцы, свободные еще отъ нападенія съ московской стороны, не уничтожили псковичей, собравъ на нихъ всю свою силу. Хотя бояринъ еще до Петрова дня понуждалъ къ походу, но пришло десятое іюля, а пско-

¹⁾ Пск. Л. I, 240.

вечи еще не выходили; и въ этотъ день явился другой бояринъ отъ великаго князя, вмѣстѣ со псковскими посланцами, отправленными прежде къ великому князю съ изъясненіемъ готовности. Этотъ новый посолье — Коробинъ извѣстилъ псковичей, что великій князь еще въ Петровъ день стоялъ въ Торжкѣ; тогда только псковичи рѣшились идти и 12-го іюля выступили подъ предводительствомъ Василя, сына своего князя Федора Юрьевича, и тринадцати посадниковъ.

Война открылась тѣмъ, что начали жечь новгородскія села. Пограничный новгородскій пригородъ ко Пскову былъ Вышгородъ (ниже Порхова). Услышавъ, что псковичи жгутъ новгородскія поселенія, вышгородцы сдѣлали набѣгъ на псковскія села въ Навережской губѣ. Такъ другъ другу творили они взаимныя пакости. 15-го іюля псковское войско привалило къ Вышгороду; ратной силы въ городѣ вѣрно было мало: отряды, которые пошли пустошить псковскія села, еще не вернулись. Псковичи стали сильно тѣснить новгородцевъ огненными примѣтами; въ городѣ не было воды; дымъ беспокоилъ осажденныхъ, переваливаясь черезъ стѣну; мучилъ ихъ зной, томила жажда; они защищались храбро, стрѣляли въ псковичей мѣтко и убили одного изъ предводителей — посадника; а другимъ ловко раздробляли камнями головы; но на другой день утромъ, изнемогая отъ нужды, вышли изъ городского забрала съ крестами, и воевода ихъ, Ефремъ Кипринъ, кричалъ осаждающимъ: «Псковичи, посадники, а весь Псковъ! повѣстую вамъ съ челобитьемъ и съ плачемъ: какая ни есть вамъ обида, вѣдають про то государь и вашъ и нашъ князь великій, да Великій Новгородъ; а вы надъ нами учините милосердіе; мы же вамъ животворящій крестъ пѣлуемъ». И псковичи посовѣтовались между собою и оказали милосердіе; вышгородцы отпустили плѣнниковъ; псковичи отошли отъ города и стали опять

жечь новгородскія села вправо и влево, по однимъ извѣстіямъ верстѣ на пятьдесятъ отъ границы, по другимъ — верстѣ на двадцать ¹⁾).

Новгородцы, отпущенные въ Новгородъ Холмскимъ безъ носовъ и губъ, на однихъ навели страхъ, на другихъ ожесточеніе и охоту къ мщенію. Сначала взялъ верхъ страхъ; стали говорить о мирѣ, роптали на патріотовъ; владыка потакалъ такому говору. Послали къ великому князю Луку Клементьева — просить опасу для пословъ; но приказали гонцу показывать видъ, какъ будто не знаютъ ничего о пораженіи подъ Коростынемъ, чтобы представить великому князю, будто не отъ нужды хотятъ мириться. Но когда Лука уѣхалъ, люди партіи литовской ободрили народъ и взяли верхъ.

«Одной побѣдой все дѣло перемѣнится»; — говорили они. Надежда была на помощь отъ Казимира, и послали къ нему гонца, съ просьбою прислать скорѣе войско на выручку Новгорода, а между тѣмъ, отправили противъ враговъ ополченіе. По извѣстіямъ московскихъ лѣтописцевъ, число отправленныхъ простиралось по однимъ до 30,000, по другимъ до 40,000, по третьимъ до 20,000, и всего вѣроятнѣе, что въ этомъ войскѣ было до 12,000, число, показанное впоследствии убитыми. А по общей замашкѣ лѣтописцевъ прибавлять, можно подозрѣвать, что и меньшее преувеличено. Это войско предположили отправить двумя путями: половину на коняхъ вдоль Шелони, а другую половину — на судахъ. Положили ударить прежде на псковичей. До Новгорода, конечно, доходили извѣстія, какъ медленно выходили псковичи, — съ ними легче было сладить; всякая побѣда, хоть бы и надъ псковичами, ободрила бы новгородцевъ, — внушила бы имъ надежду; дружнѣе тогда взялись бы всѣ за дѣло ратное. И потому, оставивъ

¹⁾ Пск. II, 36; Пск. I, 241.

на время москвичей, думали обратить и самое посольство Луки въ свою пользу,—протянуть время переговорами и задержать Иоанна, пока расправятся со псковичами; а тамъ Новгородъ съ силами соберется; и побѣда придастъ духу; тѣмъ временемъ отъ литовскаго великаго князя помощь приспѣть. И войско новгородское обогнуло западный берегъ озера, дошло до Шелони и слѣдовало по ея лѣвому берегу на псковичей. Но москвичи вѣрнѣе и скорѣе получали вѣсти изъ Новгорода, чѣмъ новгородцы о москвичахъ: въ Новгородѣ были благопріятели Москвы; они-то дали знать сторожамъ, оставленнымъ близъ Коростыня, а сторожи сообщили Холмскому. Князь Холмскій посигѣшилъ со своимъ войскомъ прямо на встрѣчу новгородцамъ, чтобы не дать времени пристать къ нимъ той рати, которая шла на судахъ сзади. Лѣтописцы, увеличивая новгородское войско отъ 20,000 до 40,000, умѣньшаютъ московское до 5,000.

13-го іюля въ субботу, не доходя до селеній Мусцы и Солицы, новгородцы увидѣли на другомъ берегу рѣки московское войско. Нѣсколько времени враги шли по одному направленію: эти на лѣвомъ, тѣ на правомъ берегу Шелони. Москвичи дошли до маленькой рѣчки Дрянъ, впадающей въ Шелонь, и перебродили ее. Уже темнѣло. Москвичи остановились. Новгородскіе задирали отпускали къ нимъ черезъ рѣку ругательства и похвалки. «Окаянные, какъ псы, лаяли износя хульные словеса на самого великаго князя» — говорить московскій лѣтописецъ ¹⁾. Въ московскомъ станѣ однихъ раздражали и сердили такіа привѣтствія, а другіе стали призадумываться о томъ, что новгородцевъ гораздо больше, чѣмъ москвичей. «Братіе,—ободрялъ Холмскій воевода: — намъ теперь мѣра послужить великому князю, своему государю, и биться съ ни-

¹⁾ Соф. II, 192.

ми за государеву правду — хоть бы ихъ триста тысячъ было. Богъ и Пречистая Богородица вѣдаютъ, что правда вашего государя передъ нами!»

На другой день рано утромъ, въ воскресенье, московскіе воеводы поставили войско въ боевой порядокъ; заохочивали воиновъ къ бою — припоминали лукавство и измѣну новгородцевъ передъ государемъ. Холмскій выѣхалъ передъ войско; всѣ сняли шлемы, всѣ стали молиться. Холмскій говорилъ громко:

«Господи, Иисусе Христе, Боже, пособившій кроткому Давиду побѣдить иноплеменика Голиаа и Гедеону съ тремя стами одолѣть множество иноплемennыхъ! Пособи, Господи, и намъ, недостойнымъ рабамъ Твоимъ, надъ сими новыми отступниками и измѣнниками, восхотѣвшими покорить православную вѣру христіанскую и приложить къ латинской ереси, и поработить латинскому королю и митрополиту, и поминать имена враговъ твоихъ, Господи, въ Твоей соборной церкви!».

И всѣ проникались мыслию, что идутъ противъ нечестивыхъ отступниковъ за вѣру и за государя, его же противники противятся Богу. Всѣ были единодушны; всѣ послушно готовились исполнять волю старѣйшаго.

Въ новгородскомъ войскѣ, напротивъ, поднялось несогласіе большихъ съ меньшими, — то несогласіе, которое сотни лѣтъ волновало новгородскія улицы, и теперь оно не заснуло и въ полѣ, въ великія минуты, когда рѣшалась судьба ихъ Земли. Большіе посылали меньшихъ впередъ; меньшіе кричали: «Я чоловікъ молодой, испроterraлся доспихомъ и конемъ, ступайте вы впередъ, большіе!». Съ такимъ духомъ стояли новгородцы въ боевомъ порядкѣ. Враги поглядывали нѣсколько времени другъ на друга черезъ рѣку, и вдругъ, по приказанію Холмскаго, вся рать московская крикнула свой ясакъ: «Москва!» и бросилась съ высокаго берега въ Шелонь. «Господа и братья!

—кричали воеводы:—лучше намъ здѣсь положить свои головы за государя своего, великаго князя, чѣмъ со срамомъ возвращаться!». Дивное дѣло, — замѣчаютъ лѣтописцы: — въ этомъ мѣстѣ, какъ новгородцы сами послѣ говорили, броду не было, но москвичи, не спрашиваясь броду, бросились въ воду, и ни одинъ конь не споткнулся съ высокаго берега, и никто не потерялся въ глубинѣ водной. Крикнули и новгородцы: «Св. Софія и Великій Новгородъ!». И ударилась Москва съ Великимъ Новгородомъ. Новгородцы стали прогонять москвичей за Шелонь, какъ вдругъ неожиданно сзади бросились на новгородцевъ татары, всегда ловко умѣвшіе устраивать засады и показываться въ тылу непріятеля¹⁾. Москвичи ободрились; Холмскій приказалъ стрѣлять не въ людей, а въ лошадей; кони, взятые отъ работъ, непріученные къ войнѣ, поднялись на дыбы; всадники, неумѣвшіе владѣть конями, падали съ нихъ стремглавъ; когда они въ бѣшенствѣ несли ихъ назадъ, — не умѣли удержать и повернуть; — народъ былъ непривычный къ бою: кто взять отъ кожевеннаго чана, кто отъ горшечной печи; отродясь не сидѣли на лошади, смерти ратной не видали, грому и треску оружія не слышали, пороку не нюхали. Все столпилось, смѣшалось: передніе ударились на заднихъ, одни падали, другіе на нихъ летѣли съ конями и въ свою очередь были сбиты товарищами; бросились всѣ въ разсыпную; метали оружіе, щиты, скидали съ себя доспѣхи. Песчаный грунтъ берега не давалъ имъ скоро бѣжать; москвичи догоняли ихъ и поражали сзади копьями и сулицами. Татары ловили ихъ арканами. Шелонское побережье устлалось трупами. Безоружные и раненые бѣжали, какъ безумные. Господь ослѣпилъ ихъ, — говорятъ современники, — поглощенна бысть мудрость ихъ; бѣжали въ лѣса, бѣжали въ болота; раненые

¹⁾ Новг. Л. IV, 128.

заползали въ чащи и тамъ истекали кровью; тѣ взяли въ тинѣ; болѣе счастливые, у кого кони были пошибче, лѣтѣли безъ оглядки до тѣхъ поръ, пока кони подъ ними не падали и не выпускали духъ; а нѣкоторыхъ кони донесли до Новгорода, да они со страха не узнали его и бѣжали мимо его, дальше, пока не падали съ издохшими конями: все еще раздавался у нихъ въ ушахъ страшный ясакъ — «Москва!». Московскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что двѣнадцать тысячъ новгородцевъ поражено было на этомъ бою. Взяты были и начальники ихъ; взяли тысячу шесть сотъ плѣнниковъ; достались побѣдителямъ и знамена съ изображеніемъ святыхъ, и договорная грамота съ Казимиромъ: ее, вѣрно, начальники побоялись оставить въ непостоянномъ Новгородѣ; и даже тотъ писарь, который писалъ ее, достался въ руки Холмскаго. Цѣлый день на двѣнадцать верстъ гонялись за остальными москвичи, и сами выбились изъ силъ, изрубивая и закалывая бѣгущихъ. — «Что значить, — спросилъ Холмскій плѣнныхъ воеводъ, — что вы съ такимъ множествомъ не постояли противъ насъ?» — «Мы какъ увидѣли, — отвѣчали воеводы, — иные полки съ желтыми знаменами, какъ услышали людской говоръ и страшный конскій топотъ, — на насъ ужасъ напалъ, и страхъ насъ объялъ, и трепетъ насъ пронялъ!». Воеводы новгородскіе, конечно, разумѣли татаръ, появившихся неожиданно изъ засады; но москвичи дали этому отвѣту такой смыслъ, будто новгородцамъ представилось страшное видѣніе, — по устроенію Божію, въ кару за ихъ измену. Ставши гордо посреди убитыхъ и умирающихъ, затрубили москвичи побѣду, и съ веселіемъ прикладывались къ образамъ, нарисованнымъ на новгородскихъ знаменахъ, взятыхъ съ боя. Въ упоеніи торжества, воеводы дали обѣтъ воздвигнуть въ Москвѣ храмъ Христова Воскресенія въ память этой побѣды.

Рать судовая доходила на помощь, но уже не пошла

на бой,—помогать было некому. Теперь уже москвичамъ опасаться было нечего; воеводы отправили отряды—жечь новгородскія волости и истреблять людей. Рати пошли на западъ и опустошали неистово Новгородскую волость вплоть до рѣки Наровы, отдѣлявшей ее отъ земель Ливонскаго Ордена. Въ другую сторону, къ великому князю, посланъ былъ нѣкто Замятня, извѣстить, что помогъ Богъ Москвѣ и силы новгородскія сокрушены.

Великій князь стоялъ тогда въ Яжелбицахъ съ братьями и со всѣмъ главнымъ войскомъ. 18-го іюля пріѣхалъ Замятня. Великая радость исполнила тогда все московское войско. Иванъ Васильевичъ, въ знакъ благодарности небу, далъ тотчасъ же обѣтъ—построить церковь въ Москвѣ во имя апостола Акилы: въ день этого святого совершилась такая блистательная побѣда. Къ довершенію удовольствія, явились псковскіе послы и извѣстили, что псковичи вошли въ Новгородскую волость, въ угоду государю—истребляютъ села, бьютъ людей и, запирая въ избахъ, житьемъ сожигаютъ.

Снявшись съ лагеря, государь московскій отправился въ Русу, и тамъ Холмскій съ товарищами своими привелъ къ нему связанных новгородскихъ воеводъ.—«Вы,—говорилъ имъ Иванъ,—отступили свѣта благочестія и приложились къ латинству, отдавали отчину мою и самихъ себя латинскому государю». Договорная грамота съ Казимиромъ была въ рукахъ московскаго князя, на уличеніе новгородцевъ. Тутъ-то вѣрно пригодился Степанъ Бородастый; здѣсь онъ всего приличнѣе могъ показать свои археологическія свѣдѣнія. Прочитавъ плѣнникамъ нравоученія въ красивыхъ выраженіяхъ, съ приправою изъ духовныхъ словъ, Иванъ приказалъ четырехъ изъ нихъ казнить смертію, а остальныхъ большихъ людей, человекъ пятьдесятъ, въ оковахъ отослать въ Москву. 24 іюля въ разоренной Русѣ на площади отрубили голову сыну Марѣы Борецкой,

Димитрію, Василью Селезневу-Губѣ, Кипріану Арбузьеву ¹⁾ и архіепископскому чашнику Іеремію Сухощеву. Это были самые горячіе сторонники Литвы ²⁾.

Вопль родныхъ погибшихъ на Шелони разносился по Новгороду. Марѳа Борецкая, несмотря на собственное материнское горе, ободряла народъ, и ея приверженцы, думая еще держаться, начали жечь посады и монастыри, чтобъ не дать врагамъ пристанища на время осады: надѣялись, что тѣмъ временемъ подоспѣтъ литовская помощь на выручку. Ставили сторожей; день и ночь должны были они стоять на стѣнахъ и высматривать непріятеля. Но московская партія въ Новгородѣ дѣлала свое. Кто-то Упадышъ заколотилъ 5 пушекъ (по нѣкоторымъ спискамъ 50), поставленныхъ на стѣнахъ. Его казнили съ единомышленниками. «Лучше бы тебѣ, Упадышъ, не быть въ утробѣ матерней, чѣмъ наречься предателемъ Новгорода!». восклицаетъ лѣтописецъ ³⁾. Скоро послѣдняя и единственная надежда на спасеніе пропала для Новгорода. Посолъ, отправленный къ Казимиру, возвратился въ Новгородъ. Ливонцы не пропустили его къ королю: ливонцы, какъ нѣмцы, не питали дружескихъ чувствъ къ славянскому Новгороду; нѣкоторые, однако, задумывались: не помочь ли въ самомъ дѣлѣ новгородцамъ, чтобъ не дать усилиться Москвѣ; другіе совѣтовали не мѣшаться въ чужое дѣло. Магистръ ливонскій написалъ объ этомъ къ тевтонскому, но между тѣмъ посла не пустили далѣе. Недоброжелательству Москвѣ болѣе чѣмъ Новгороду, ливонцы, однако, болѣе чѣмъ Москвы, боялись усиленія союза польско-литовскаго и, такимъ образомъ, сами того не зная, стали

¹⁾ Иначе Арзубьеву.

²⁾ Новг. IV, 127—128; Псковск. Л. I, 241—242; II, 36; Соф. Л. I; П. С. Л. т. VI, 10—12; Соф. Л. II, 192—193; Воскрес. П. С. Л. т. VIII, 164—165; Никоновск. VI, 27—30.

³⁾ Новг. Л. IV. 129.

полезными союзниками московскаго самовластиа, — допустили Москвѣ покорять и поработать сосѣдей и приготовляли своему потомству черезъ столѣтіе ту же судьбу, какая въ ихъ глазахъ постигала Великій Новгородъ.

Надежды на Литву не было. Московская рать шла къ городу. Отважиться выдерживать осаду было чрезвычайно трудно. Тутъ Упадышъ пушки заколотилъ, а еще и голодъ угрожалъ. Въ городъ набѣжало множество народа изъ селъ, укрываясь отъ непріятеля. Недоставало ржаного хлѣба; пшеничный былъ, да очень дорогъ, доступенъ только богатымъ; вотъ по вѣковому обычаю поднимались бѣдныя на богатыхъ, житники на пшеничниковъ; начались смуты и нестроенія. Тѣ, которые прежде, по наущенію Марѣи и ея приверженцевъ, такъ усердно прославляли вольность Великаго Новгорода и Казимира, теперь ударили въ вѣчевой колоколъ съ иною цѣлью. «Что, гдѣ вашъ Казимиръ?—кричали они:—гдѣ? Вотъ до чего довели васъ прелестники, обманщики!». И когда прежніе ихъ противники, московцы, явились, то не камнями ихъ встрѣтили, — со слезами у нихъ прощенія просили. «Не слушались мы васъ, большихъ умныхъ людей, — говорили они: — себя на бѣду, а послушались безумцевъ, что и сами пропали, и насъ на горе подвели: теперь будемъ уже васъ во всемъ слушать. Спасайте Новгородъ: идите бить челою великому князю, чтобъ насъ помиловалъ!» — «Вотъ то-то братцы, — отвѣчали имъ сторонники Москвы, — еслибъ вы бабъ не слушали и зла не начинали, такъ и бѣды-бѣ такой не сложилось; но добро и то, что хоть теперь грѣхъ и безуміе свое познали; мы не можемъ за дѣло сами взяться, а поплемъ отъ нареченнаго владыки просить у великаго князя опасы: если дасть опасы, — значитъ смирится и не погубитъ своей отчины до конца!». Всѣ пошли толпою на Софійскій дворъ. Владыка сталъ научать ихъ и ободрять, и взялся быть ходатаемъ; онъ собрался въ

путь; съ нимъ пошли священники отъ семи новгородскихъ соборовъ, старые посадники и тысячскіе, и пять житыхъ отъ пяти концовъ. Повезли дары: нельзя было являться съ пустыми руками къ москвичамъ.

Великій князь изъ Руси 27-го іюля прибылъ на берегъ Ильмена, и сталъ между Коростынемъ и берегомъ (вѣрно устьемъ Шелони). Онъ готовился идти на Новгородъ—уничтожить его, еслибъ Новгородъ упорствовалъ, но не расположенъ былъ отвергать покорности; тогда это было не въ видахъ его. Притомъ же митрополитъ Филиппъ написалъ къ нему посланіе, и въ немъ увѣщевалъ простить новгородцевъ, если они принесутъ повинную ¹⁾. Къ стану его пристало судно; изъ него вышелъ нареченный владыка и послы. Они не смѣли явиться прямо предъ лицо великаго князя: уже тогда возникла въ порядкѣ московскаго самодержавія чиновная лѣстница и придворная обрядность; прежде новгородцы явились къ боярамъ и поднесли поминки; принявшіе ихъ бояре доложили братьямъ великаго князя; явились новгородцы передъ князьями, и также поднесли поминки; а братья доложили великому князю и вмѣстѣ съ боярами упрашивали его сжалиться и допустить къ своимъ очамъ просящихъ пощады и милости. Послѣ этихъ обрядовъ позволено было послать войти въ шатеръ великаго князя. Увидѣвъ грознаго побѣдителя, новгородцы поклонились до земли, и владыка произнесъ:

«Господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, милостивый! Господа ради, помилуй виновныхъ предъ тобою людей Великаго Новгорода, своей отчины! Покажи, господине, свое жалованье; смилуйся надъ своей отчиною; уложи гнѣвъ и уйми мечъ; угаси огонь на землѣ и не порушай старины земли твоей; дай свѣта видѣть бе-

¹⁾ Актъ Ист. I, 518.

зотвѣтнымъ людямъ твоимъ; пожалуй, смилуйся, какъ Богъ положить тебѣ на сердце!».

Владыка прервалъ эту рѣчь слезами; новгородцы стояли съ плаксивыми лицами и поникшими головами.

Тогда братья великаго князя стали просить о помилованіи новгородцевъ.

За ними великокняжескіе бояре повторили ту же просьбу, кланяясь своему повелителю.

Видѣлъ великій князь—говорить лѣтописецъ—печалованіе и челобитіе братіи своей, и своей отчины, и бояръ многихъ и князей; вспомнилъ грамоту отца своего, митрополита, полученную имъ на пути: какъ истинный пастырь стада и учитель, онъ просилъ его—смиловаться надъ Великимъ Новгородомъ, если будетъ бить челомъ, и напоминать слова Господни. Иванъ объявилъ новгородцамъ свое милосердіе. «Отдаю,—скавалъ онъ,—нелюбе свое; унимаю мечъ и грозу въ земли и отпускаю полонъ новгородскій безъ окупа; а что залого старые и пошлыны, о всемъ томъ укрѣпимся твердымъ цѣлованьемъ по старинѣ» ¹⁾.

Составлены были двѣ договорныя грамоты; по нимъ Новгородъ отрекался отъ союза съ литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ, обязывался не принимать враговъ и всѣхъ лиходѣевъ великаго князя (поименованы сынъ Шемяки Иванъ можайскій и Василій Ярославичъ боровскій), не ставиться владыкѣ на достоинство нигдѣ, кромѣ Москвы, и ни у кого, кромѣ московскаго митрополита; объявлялся *поребъ* всему, что происходило во время минувшей войны съ обѣихъ сторонъ; а новгородцы обязались не мстить никоею хитростію и не держать нелюбыя къ новоторжцамъ и вообще къ пригородамъ Новгородской Земли, изъ которыхъ жители принимали сторону великаго

¹⁾ Соф. Л. I, 14.

князя. За тѣмъ все прочее было повтореніемъ прежнихъ грамотъ. Великій князь оправдывалъ на дѣлѣ свое обыкновенное увѣреніе, что онъ ничего не хочетъ болѣе, какъ только хранить старину. Онъ сложилъ цѣлованіе съ тѣхъ жителей новгородской волости, которые, во время войны, этимъ цѣлованіемъ признали свою непосредственную принадлежность господству его, и обратилъ ихъ въ прежнюю зависимость. Великій Новгородъ, съ своей стороны, согласно договору съ отцомъ великаго князя, отступался отъ ростовскихъ и бѣлозерскихъ земель, приобретенныхъ новгородцами. Согласно договору съ Василиемъ Темнымъ, этотъ новый договоръ уничтожалъ также вѣчныя грамоты — должна была употребляться великокняжеская печать. Ненавистный Новгороду черный боръ положено давать тогда, когда окажется нужнымъ (доведется). Договоръ заключенъ Новгородомъ не съ однимъ великимъ княземъ, но вмѣстѣ и съ сыномъ его, и такимъ образомъ утверждалось наслѣдственное господство московскаго рода надъ Великимъ Новгородомъ въ нисходящей линіи. Великій Новгородъ обязался заплатить великому князю, по опредѣленнымъ срокамъ 15½ тысячъ деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ: на Рождество Богородицы полтретьи тысячи (двѣ съ половиною), на Крещеніе 3,000, на Великій день 5,000 и на Успеніе 5,000. Новгородцы должны были эту сумму заплатить (*добить*) за *новгородскую проступку*. Это называлось *копейное*, т.-е. пеня, налагаемая побѣдителемъ. Иванъ, по милости, скинулъ одну тысячу. Хотя въ договорныхъ грамотахъ и поставлялось, что всѣ земли новгородскія отдаются великимъ княземъ назадъ, однако положено было, что Новгородъ уступаетъ великому князю нѣсколько сѣверо-восточныхъ земель, и новгородцы составили на вѣчѣ грамоту къ старостамъ ¹⁾ этихъ земель,

¹⁾ На Пинегу, на Кевролу, на Чаколу, и на Пермскія, и на Пялы горы, и на Немьюгу, и на Пянешку, и на Выю, и на Суру на Поганую.

извѣщая, что признають ихъ собственностію великаго князя ¹⁾ и слагають съ нихъ новгородское цѣлованіе ²⁾. Въ заключеніе великій князь примирилъ псковичей съ новгородцами и поставилъ, чтобъ все между ними осталось по старинѣ, по прежнимъ миродокончаннымъ грамотамъ. Однако докончанье было болѣе въ пользу псковичей, чѣмъ новгородцевъ ³⁾. Послѣ договора, великій князь угостилъ, въ знакъ мировой, нареченнаго владыку и новгородскихъ пословъ и отпустилъ дружелюбно въ Новгородъ вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ Ѳеодоромъ Давидовичемъ. Послѣдній долженъ былъ привести къ присягѣ на сохраненіе договора весь Новгородъ, отъ мала до велика. Когда великій князь узналъ, что присяга дана и получилъ часть копейнаго, то двинулся съ войскомъ въ обратный путь ⁴⁾.

Въ Москвѣ вопарилась радость побѣждающей народности; Москва гордилась торжествомъ своего великаго князя, какъ своимъ собственнымъ; Новгородъ поклонился не только лицу государя, но всей Москвѣ; московская сила показала свой перевѣсъ надъ соперникомъ. На послѣдней стоянкѣ предъ столицею встрѣтили великаго князя его сынъ и братъ, оставленные тамъ въ качествѣ правителей. За семь верстъ предъ Москвою пестрѣла толпа народная; раздавались радостные привѣты; праздновали старые и малые, и славные, и неславные. Когда Иванъ вошелъ въ городъ, митрополитъ Филиппъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами и хоругвями, шелъ съ Каменнаго моста до площаднаго колодца, и благословлялъ и привѣтствовалъ вонтеля вѣры, карателя отступниковъ, хранителя правды, правосуднаго и милосердаго государя!

¹⁾ Земли осноды великихъ князей.

²⁾ А то крестное цѣлованіе Новгороду съ васъ доловъ.

³⁾ Взялъ съ Новгородцы выше перваго, какъ Псковичи хотѣли.

⁴⁾ Собр. Госуд. Гр. I, 26, 30; Акт. Арх. Эксп. I, 65, 69, 72 — 75; Карамз. VI, прим. 66.

Слава великому князю!—воскликали москвичи:—побѣдилъ супостатовъ, непокорныхъ привелъ въ свою волю, пріобрѣлъ корысть и славу!

Новгородъ, въ довершеніе своихъ неудачъ, получилъ извѣстіе, что и на Двинѣ дѣло защиты старой свободы окончилось такъ же плачевно, какъ и на берегахъ Шелони. Слуга Великаго Новгорода, изгнанникъ стола суздальскаго, князь Василій, пришедшій на Двину съ новгородцами и корелами, собралъ ополченіе изъ двинянъ и заводчанъ, и поплылъ на судахъ на встрѣчу воеводамъ, когда они вступали съ московскимъ войскомъ и съ союзниками. 27-го іюля, въ тотъ самый день, когда побѣдитель Иванъ прибылъ на устье Шелони, сошлись непріатели и начали ожесточенную сѣчу. Бились на судахъ; вышли изъ судовъ; стали на берегу биться пѣшіе, — не только бились обычнымъ боемъ, но, за руки взявши другъ друга, рѣзались. Москвичи порывались схватить двинское знамя, убили трехъ знаменщиковъ. Знамя три раза переходило изъ рукъ одного знаменщика въ руки другого, и наконецъ досталось московскимъ рукамъ. Уже солнце закатывалось; двиняне утомились,—потеря знамени придавала имъ унынія; и пустились они бѣжать, потерявши послѣднія силы; а москвичи погнались за ними. Самъ князь Шуйскій бросился храбро на враговъ, но былъ пронзенъ стрѣлою: его схватили, посадили въ лодку и еле жива увезли въ Холмогоры. Войско его разсѣялось. Москвичи брали двинскіе городки одинъ за другимъ, жгли селенія, убивали жителей. Двинская Земля подверглась тому же жребію, какъ и пространство отъ Торжка до Ильмена.

Такъ же расправлялись съ поселянами береговъ Мстырѣки тѣ, которые были отправлены туда великимъ княземъ для разгрома. Вся волость новгородская была опустошена; хлѣбъ на поляхъ сожженъ или вытравленъ лошадьми; хлѣбъ въ стогахъ и амбарахъ сожженъ вмѣстѣ съ сель

скими строеніями; недобитые поселяне, потерявши имущество, спасали жизнь въ болотахъ и лѣсахъ, и множество ихъ потомъ умирало съ голоду, отъ всеобщей скудости; и къ пущей тягости Великій Новгородъ долженъ былъ платить великому князю копейное; а это копейное приходилось добыть отъ труда этихъ разоренныхъ, лишенныхъ пристанища, одежды, скота, утвари, орудій — поселянъ, оплакивающихъ своихъ кровныхъ, умерщвленныхъ или сожженныхъ живьемъ ратниками, — своихъ младенцевъ, избитыхъ о пни или брошенныхъ въ пылающія избы, — своихъ женъ, изнасилованныхъ, поруганныхъ и замученныхъ, — свою горькую судьбу, доставшуюся въ удѣлъ бѣдному труженнику — страдать за какой-то Великій Новгородъ, который хотѣлъ свободно жить на счетъ трудовъ его, — въ угоду великому князю, домогавшемуся овладѣть этими трудами, чтобъ отдать ихъ другимъ господамъ, — своимъ слугамъ! Участъ Новгородской Земли была не отрадна въ исторіи: много тергѣла эта страна, бѣдно надѣленная природою, и отъ голода, и отъ мора, и отъ огня, и отъ нашествія непріятелей; но такой бѣды, — по замѣчанію со-временныхъ лѣтописцевъ, — не было на нихъ отъ вѣка, какъ и земля ихъ стала. Московскіе философы утѣшались тѣмъ, что все это совершилось отъ ихъ же людей — измѣнниковъ, за ихъ отступленіе къ латинству, и людская кровь, и вся земская бѣда будетъ взыскана на нихъ отъ Господа Вседержителя, а пострадавшіе получаютъ награду въ будущемъ вѣкѣ!

Говорится въ народѣ, что одна бѣда приводитъ за собою другія. Такъ послѣ ухода непріятеля, надъ новгородскими поселянами самая природа дополнила бѣдствіе, нанесенное москвичами. Народъ изъ Русы и съ Ильменскаго побережья, спасавшійся въ городѣ, отправился отыскивать родныя пепелища, на судахъ, съ женами, съ дѣтьми, и скотомъ; нѣкоторые купили себѣ и готовые хоромы и

погнали по водѣ. Много судовъ повезло изгнанниковъ; вдругъ сдѣлалась буря съ вихремъ и грозою, вздулись волны и разорвали врознь вереницу судовъ. Они разнеслись по бурному озеру. Разлученные другъ отъ друга не въ силахъ были подать взаимной помощи; напрасенъ былъ крикъ и вопль; всѣ суда,—говорить лѣтописецъ, — были опрокинуты и поплыли по водамъ пустыне: погибло тогда до 7000 душъ. А все это Господь наказывалъ ихъ за лукавыя мысли злурядыхъ человѣкъ, — за ихъ отступленіе къ латинству,—прибавляетъ тутъ же лѣтописецъ, не давая себѣ отчета, въ какой степени виноваты были жители Русы въ отступленіи къ латинству ¹⁾).

На другой годъ Теофилъ отправился въ Москву и былъ тамъ поставленъ: церковная независимость Новгорода исчезла, какъ и гражданская. Иванъ обезсилилъ вольный городъ, парализировалъ его силы; но, вѣрный своей системѣ—не ломить насильно вѣкового зданія, а подкопавъ его основаніе, оставлять падать и разрушаться, и въ свое время уничтожить легкимъ прикосновеніемъ, — Іоаннъ не трогалъ новгородской старины, ожидая, когда судорожныя движенія пораженной жизни вызовутъ его нанести ей послѣдніе удары. Онъ милостиво отпустилъ даже плѣнниковъ, которыхъ изъ Русы послалъ окованными въ Москву.

Партія патріотовъ не умерла. Нѣсколько лѣтъ придавленная противною, она опять взяла верхъ; масса народа группировалась около ея представителей; новгородскимъ посадникомъ былъ избранъ одинъ изъ заклятыхъ враговъ московскаго самовластія — Василій Ананьинъ. Ему подобные патріоты заняли должности. Они не могли не считать

¹⁾ Соф. Л. I, II. С. Л. VI, 15.

злобы къ своимъ противникамъ въ Новгородѣ; плачевный исходъ борьбы 1471 года они приписывали ихъ измѣнѣ, двоедушію и трусости. Начались ссоры, драки, безадица. Асанасьевы, Селезневъ, сынъ Марыи Борецкой—Федоръ, староста Федоровской улицы Панфилъ, ѣздившій къ Казимиру, и другіе главные представители бывшей литовской партіи сдѣлали набѣгъ на Славкову и Никитину улицу, приколотили нѣкоторыхъ изъ своихъ противниковъ и ограбили ихъ достояніе. То же сдѣлалось съ боярами Полинарьиными. Буйство, неурядица, произволъ личной свободы и прежде составляли характеръ новгородской жизни; теперь неистовство политическихъ страстей доводило до высшей степени эти обычные качества. Люди московской партіи не могли нигдѣ себѣ найти управы: терпѣли насилія, поруганія и обратились къ великому князю—просить защиты. Этому и нужно было Ивану. Въ 1475 г. съ своими боярами онъ отправился въ Новгородъ и, доѣхавши до Волока, встрѣченъ былъ новыми жалобниками: они описывали ему свое тяжелое положеніе и просили суда и защиты. Великій князь, не выставляя на видъ своихъ намѣреній, объявилъ, что ѣдетъ въ Новгородъ съ миромъ, какъ будто для посѣщенія своей отчины, — въ гости къ новгородцамъ. Зажиточные люди засуетились: надобно было принимать гостя, учреждать ему пиры и дарить его. По старымъ обычаямъ, князю, какъ и владыкѣ, и вообще почетному лицу, дѣлалась встрѣча. Феофилъ, степенный посадникъ, тысячскій, нѣсколько бояръ и житыхъ людей отправились привѣтствовать гостя; съ ними былъ и неудачный защитникъ Заволочья — кормленный князь Василий Шуйскій-Гребенка,—послѣдній княжескаго происхожденія слуга Великаго Новгорода. Новгородцы поклонились великому князю за девяносто верстъ отъ Новгорода, на рѣкѣ Холовѣ. Владыка привезъ ему въ подарокъ двѣ бочки вина, всѣ другіе по мѣху вина. Иванъ обошелся съ ними

ласково, устроилъ имъ походный пиръ и отпустилъ съ честію. Не смотря на то, что въ числѣ пирующихъ были Ананьинъ и Аванасьевъ, на которыхъ великій князь уже сильно гнѣвался, онъ не далъ имъ замѣтить ни малѣйшаго нерасположенія. Новгородцы воротились довольные. Въ Плошкинѣ, за двадцать пять верстъ отъ Новгорода, была ему другая встрѣча: явились старые посадники и бояре, и староста городищенскій; первые поднесли ему по мѣху вина, староста отъ всѣхъ городищанъ бочку вина, 25 яблокъ и блюдо винныхъ ягодъ.

21-го ноября пріѣхалъ московскій государь на Городище. 22-го ноября онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ владыку, князя Шуйскаго, степеннаго посадника, тысячскаго и нѣсколько знатныхъ людей. Тутъ, какъ будто въ укоръ новгородскому правительству, явились толпою просители изъ разныхъ мѣстъ Новгородской Земли. Одни просили приставовъ оберегать ихъ отъ московскихъ воиновъ, а другіе жаловались на свое управленіе. Земля эта, — говоритъ лѣтописецъ ¹⁾, — долго въ своей волѣ пребывала, великихъ князей не слушала; отъ того и зла много было въ этой землѣ — убійства, грабежи, кто кого насилить, тотъ того и разорялъ. 23-го Иванъ поѣхалъ въ городъ. Княжескій пріѣздъ изстари былъ праздникомъ; такъ казалось и теперь: владыка, съ игуменами монастырей, съ протоіереями соборовъ и со множествомъ духовенства, вышелъ встрѣчать его въ священныхъ одеждахъ; за духовными шли стройно чиновники, за ними толпился народъ. Великій князь приложился къ образамъ; напутствуемый благословеніемъ владыки, поѣхалъ прямо къ св. Софіи; тамъ въ глазахъ народа кланялся иконамъ и гробамъ, и слушалъ обѣдню, стоя на устроенномъ для него мѣстѣ. Окончилась обѣдня. Теофилъ пригласилъ гостя на пиръ. Иванъ ка-

¹⁾ Соф. Л. II, 202.

зался очень весель; послѣ дружескихъ разговоровъ съ новгородскими боярами и въ видимо-хорошемъ расположеніи духа, онъ уѣхалъ на Городище; владыка ѣхалъ за нимъ съ виномъ: по обычаю, слѣдовало гостя провожать съ виномъ и выпить съ нимъ, прощаясь, у мѣста его жительства.

Черезъ день послѣ того, 25-го ноября, пріѣхалъ къ Ивану владыка съ нѣкоторыми значительными людьми,— въ ихъ числѣ съ Василиемъ Казимиромъ, бывшимъ прежде въ плѣну у Іоанна. Неизвѣстно, призваны ли они были, или сами явились. Вдругъ являются челобитчики изъ Славковой и Никитиной улицъ просить суда. Ивану прежде извѣстно было это дѣло, но онъ не показалъ этого: выслушалъ внимательно, далъ своихъ приставовъ—звать къ суду обвиняемыхъ; а потомъ обратясь ко владыкѣ и новгородцамъ, сказалъ: «И ты бы, мой богомолецъ, и вы, посадники нашей отчины, сказали бы Великому Новгороду, чтобъ дать своихъ приставовъ на этихъ насильниковъ, на которыхъ я далъ моихъ. Я хочу разсмотрѣть это дѣло; и ты, богомолецъ, и вы, посадники, у меня тогда будьте: мнѣ хочется дать обиженнымъ управу. Бояре,—сказалъ онъ, обращаясь къ двумъ изъ своихъ бояръ:—идите къ отчинѣ моей, Великому Новгороду, чтобъ далъ приставовъ на обидящихъ братій своихъ!». Срокъ былъ назначенъ на другой день 26-го числа, въ воскресенье.

Въ этотъ день на Городищѣ явились двѣ толпы съ двухъ сторонъ; въ одной стояли истцы, въ другой—отвѣтчики. Въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ степенный посадникъ. Иванъ разспросилъ, выслушалъ и сказалъ, что онъ жалобниковъ оправляетъ, а тѣхъ, которые дѣлали наѣзды, грабили и били,—обвиняетъ. Новгородцы съ владыкою, стоявшіе близъ князя въ качествѣ соучастниковъ суда, были въ сущности простыми зрителями. Отвѣтчиковъ великій князь приговорилъ къ уплатѣ требуемаго

иска, котораго показано было на сумму полторы тысячи рублей, и приказалъ дѣтямъ боярскимъ взять нѣсколько лицъ подѣ стражу, въ томъ числѣ степеннаго посадника и Марейна сына. Оеофилъ вызывался взять ихъ на крѣпкія поруки въ уплатѣ требуемой суммы. Тутъ, взглянувши значительно на Аеанасьева, великій князь сказалъ:—«Ты пойманъ и въ томъ, что мыслилъ Новугороду отъ меня, великаго князя, отдаться за короля!»

Разошлись новгородцы.

Но на третій день послѣ того услышалъ владыка, что великій князь не думаетъ ограничиться только высканіемъ денегъ, а хочетъ казнить виновныхъ за грабежи, побои и убійства въ дракѣ. Оеофилъ съ посадниками отправился къ нему и сталъ просить помилованія отъ лица всего Новагорода.

Великій князь отвѣчалъ: «Извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Великому Новугороду, нашей отчинѣ, сколько отъ этихъ бояръ чинилось лиха и прежде, а нынче, что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ чинится; какъ же мнѣ ихъ за то лихо жаловать!» И онъ отправилъ въ оковахъ въ Москву Василя Ананьинова, Оедора Борецкаго, Ивана Аеанасьева съ сыномъ Алферіемъ, Богдана Есипова, Лошинскаго. Тогда владыка сталъ просить за другихъ. Такъ какъ послѣднихъ Иванъ Васильевичъ не считалъ главными своими непріятелями, то сказалъ, что прощаетъ ихъ, только съ тѣмъ, чтобъ они загладили свою вину. Вслѣдъ за тѣмъ великій князь принималъ другія жалобы на бояръ, и защищалъ обидимыхъ. Великій князь дѣйствовалъ съ большимъ разсчетомъ. Онъ уцѣпился за давнюю непріязнь черни къ боярамъ; онъ этимъ показался защитникомъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, слабыхъ противъ сильныхъ, и оставлялъ къ себѣ расположеніе.

Но уособицы въ Новгородѣ были такого свойства, что

когда сами бояре ссорились между собою, то искали опоры въ черномъ народѣ; а черный народъ вооружался противъ бояръ, и въ то же время примыкалъ къ другимъ боярамъ. Такъ врапались политическія партіи, и одна противъ другой подбирала пособниковъ себѣ изъ черни, выставляла противниковъ утѣснителями, а себя охранителями чернаго народа. Великій князь зналъ, что враждебная ему партія успѣла привлечь на свою сторону толпу, и обидчиками народа явились въ глазахъ народа бояре московской стороны; надобно было представить народу, что обидчики его есть именно бояре противники великаго князя, которые не только народъ на дурное увлекаютъ, но и обижаютъ: потому-то онъ придавъ суду надъ своими врагами такой характеръ, какъ будто онъ судилъ ихъ какъ враговъ и утѣснителей народа.

Послѣ суда начались угощенія. Богатые новгородцы одинъ за другимъ устраивали у себя пиры и приглашали великаго князя. Послѣ каждаго такого пира слѣдовали подарки Ивану: обыкновенно ему дарили корабленники, — португальскія золотыя монеты съ изображеніемъ корабля, бывшія тогда въ ходу: ихъ давали по тридцати или по двадцати штукъ; дарили сукна поставами, рыбы зубы, бывшіе тогда роскошью, золотые ковши, кубки, лисицы, соболей, нѣкоторые дарили бочки вина. Такъ прошелъ декабрь и январь. Иванъ Васильевичъ отличался наслѣдственными хозяйственными наклонностями московскихъ государей — собирать все возможное къ себѣ въ домъ. Гости слѣдовало дарить: такъ было въ обычаяхъ. Даже тѣ, которые не успѣли учредить пировъ и покормить его, приносили на Городище подарки; не только житые люди, купцы, но и *молодые* (черные) люди, приходившіе съ челобитьемъ, приносили дары. Съ своей стороны и великій князь жаловалъ — кому камку, кому ковшъ, кому одежду, смотря по достоинству. Его свита также принимала по-

дарки, требовала ихъ, когда медлили давать, и даже сама грабила. Расположившись по селеніямъ и монастырямъ, во множествѣ окружающимъ Новгородъ, люди великаго князя—говорить лѣтописецъ—причиняли большія насилія жителямъ посадовъ по обѣимъ сторонамъ Великаго Новгорода. Нагрузивши свои повозки добромъ всякаго рода, великій князь попрощался дружелюбно съ новгородцами 26 января. Владыка, князь Василий Шуйскій и нѣсколько знатныхъ особъ провожали его до перваго стана, и въ послѣдній разъ подарили ему на дорогу вина, а великій князь сдѣлалъ для нихъ прощальный обѣдъ и далъ имъ прощальные подарки. Всѣмъ этимъ великій князь показывалъ, что онъ держитъ Великій Новгородъ по старинѣ и посѣщаетъ его, какъ посѣщали изстари князья. Но разница была та, что тогда приемы дѣлались по волѣ, а теперь—по неволѣ. Въ послѣднихъ числахъ марта 1476 г. Новгородъ отправилъ въ Москву посольство, просить отпуска задержанныхъ. На челѣ посольства былъ владыка. Великій князь принялъ ихъ ласково, угощалъ пирами—и не отпустилъ изъ задержанныхъ никого.

Самое важнѣйшее дѣло его былъ—судъ. Великій князь ухватился за эту вѣтвь самобытности Новгорода и притомъ такъ, что казалось не онъ самъ начинать, а новгородцы ему подають право къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ и стѣсненіямъ ихъ свободы. Онъ рассчиталъ, что, послѣ суда на Городищѣ, придуть судиться къ нему и въ Москву.

Издавна одно изъ важнѣйшихъ правъ новгородской свободы было то, что новгородецъ нельзя было судить въ чужой землѣ, на низу. Новгородецъ—вольный человекъ, подлежалъ только своему суду. Теперь нарушалось это право, и поводъ къ нарушенію давали сами новгородцы. Одинъ изъ бывшихъ посадниковъ, Василий Никифоровичъ Пенковъ, поѣхалъ въ Москву судиться съ Иваномъ Кузьминымъ. По ихъ примѣру отправились въ Москву

за тѣмъ же и другіе: житые люди, вдовы и поселяне. Это было подѣ руку и боярамъ, и житымъ московской партіи, которые, по злобѣ своихъ противниковъ, не могли найти управы на новгородскомъ судѣ; кстати было это и черному народу: великій князь выказывалъ себя его защитникомъ противъ знатныхъ и богатыхъ. Великій князь хорошо пользовался слабыми сторонами новгородской жизни и употреблялъ для своихъ видовъ эту давнюю вражду сословій. Изъ Москвы отправляли приставовъ за отвѣтчиками. Въ числѣ послѣднихъ былъ нѣкто Захарія Овиновъ, также изъ бывшихъ посадниковъ; призванный сначала отвѣтчикомъ, онъ для своего оправданія сталъ самъ истцомъ на другихъ. Въ Москвѣ принуждали тѣхъ, которые искали тамъ управы, произносить присягу государю; а эта присяга имѣла такой смыслъ, что тѣ, которые ее давали, признавали надъ собою непосредственную власть великаго князя, — по выраженію того времени, — задавались за государя.

27-го февраля 1477 г. между такими челобитчиками пріѣхали въ Москву подвойскій Назаръ, да дьякъ вѣча Захаръ. Въ Москвѣ разумѣли ихъ послами отъ владыки и всего Великаго Новгорода. Вмѣсто того, чтобъ великаго князя и его сына, котораго имя поставлено въ договорѣ вмѣстѣ съ отцовскимъ въ значеніи соправителя, назвать господами, они называли ихъ государями. Съ утвержденіемъ самодержавнаго начала получили важное значеніе титулы, которые впослѣдствіи играли такую значительную роль въ нашей государственной исторіи, и не одинъ разъ служили предлогомъ къ войнамъ. Великій князь тотчасъ придрался къ этому, и на вопросъ о титулѣ завязалъ рѣшительное дѣло о судьбѣ Великаго Новгорода. Онъ отправилъ въ Новгородъ пословъ, бояръ своихъ—Федора Давидовича, Ивана Тучкова и дьяка Василия Далматова, — нарочно по этому вопросу.

Ставши на вѣчѣ, послы сказали: «Великій князь велѣлъ спросить Новгородъ: какого государства онъ хочет?».

Вѣче заволновалось. — «Мы не хотимъ никакого государства!» — кричали новгородцы.

«Но Великій Новгородъ, — сказали послы, — посылатъ къ великому князю отъ владыки и отъ всѣхъ людей Великаго Новгорода пословъ своихъ, Назара и Захара, бить челомъ о государствѣ, и послы называли великаго князя — государемъ».

«Вѣче никогда не посылало! — кричали новгородцы: — вѣче никогда не называло великаго князя — государемъ! Отъ вѣка не было того, какъ и земля наша стала, чтобы какого-нибудь князя мы называли государемъ! Мы всякаго своего князя называли господиномъ, а не государемъ. А что великому князю сказывали, будто мы посылали, такъ это ложь!».

Остается темнымъ, участвовал ли Теофилъ въ этой продѣлкѣ; скорѣе надобно предположить, что нѣтъ, и его имя принято было противъ его воли. Кажется, все это сложилось само собою — отъ суда. Такъ какъ приходившіе судиться произносили присягу, въ которой именовали великаго князя государемъ, то кружокъ бояръ, хотѣвшій возвыситься чрезъ угоду великому князю, замѣтивъ, что ему особенно нравится такой титулъ, задумалъ эту продѣлку. Новгородскіе послы остались въ Москвѣ; иначе имъ было бы худо, еслибъ они воротились въ Новгородъ. Великокняжескихъ пословъ попросили объяснить, какая же перемѣна будетъ, когда Новгородъ назоветъ великаго князя государемъ, вмѣсто господина? Тѣ сказали: «Если вы его называли государемъ, значить — вы за него задались, и слѣдуетъ быть суду его въ Великомъ Новгородѣ, и по всѣмъ улицамъ сидѣть его тиунамъ, и Ярославово дворище великому князю отдать, и въ суды его не вступаться!».

Новгородцы пришли въ негодованіе; ясно было, что добираются до послѣднихъ правъ ихъ самобытности. Народъ кричалъ: «Какъ смѣли ходить въ Москву судиться и присягать великому князю, какъ государю!... Этого отъ вѣка не дѣлалось; и въ dokonчаньи сказано, чтобъ новгородца не судить на низу, а судить въ Новгородѣ! Давайте сюда тѣхъ, кто ѣздилъ судиться!».

31-го мая притащили на вѣче Василия Никифорова Пенкова и Захара Овинова.

«Перевѣтники!»—кричали новгородцы на Василия:— «Ты былъ у великаго князя, и цѣловалъ ему на насъ крестъ!».

«Я былъ у великаго князя—сказалъ Василій:—и цѣловалъ ему крестъ въ томъ, что служить мнѣ великому государю правдою и добра хотѣть; а не на государя моего Великій Новгородъ и не на васъ, свою госпѣду и братію!»

Прижали Захара; и Захаръ доказывалъ на Василия, что тотъ цѣловалъ крестъ на Новгородъ.

Форма присяги, употребительная въ Москвѣ, до уничтоженія вѣча, не была извѣстна въ Новгородѣ. Она отзывалась большимъ раболѣпствомъ, непривычнымъ для вольныхъ людей, какими считали и называли себя новгородцы. Присягнувшій по-московски долженъ былъ, въ случаѣ нужды, дѣйствовать противъ Новгорода и доносить великому князю о всякомъ сопротивленіи ему или недоброжелательствѣ.

Новгородцы убили каменьями Василия.

Не спасло и Захара болѣе искреннее сознаніе. Убили и его. Убили и брата его, Кузьму. Псковская Лѣтопись говоритъ, что тогда изрубили топорами въ куски и Василия Ананьина; если здѣсь не ошибка, и имя Ананьина не поставлено случайно вмѣсто кого-то иного, то вѣрно этотъ цѣвникъ былъ освобожденъ Иваномъ съ условіемъ присягнуть ему, какъ государю, и не имѣть духа отказаться

отъ такой свободы. Тогда нѣкоторые изъ бояръ, благопріятелей Москвы, увидѣли надъ собою бѣду и бѣжали изъ Новгорода. Ихъ обласкали, наградили въ Москвѣ. Ихъ примѣру послѣдовали другіе; бѣглецы рассказывали, что Новгородъ взбунтовался, хочетъ опять Казимира, и подстрекали великаго князя наказъ войною непокорную отчину.

Великокняжескихъ пословъ продержали въ Новгородѣ шесть недѣль и потомъ дали имъ такой отвѣтъ:

«Бьемъ челомъ господамъ своимъ великимъ князьямъ, а государями ихъ не зовемъ; судъ вашимъ намѣстникамъ по старинѣ, на Городищѣ; а у насъ суда вашего княжескаго не будетъ, и тиунамъ вашимъ у насъ не быть; дворища Ярославова не дадимъ вамъ. Какъ мы съ вами на Коростынѣ миръ кончили и крестъ цѣловали, такъ на томъ докончаніи и хотимъ съ вами жить; а съ тѣми, что поступали безъ нашего вѣдома, ты, государь, самъ развѣдайся: какъ хочешь, такъ ихъ и казни; но и мы тоже, гдѣ котораго поймаетъ, тамъ и казнимъ; а вамъ, . своимъ господамъ, бьемъ челомъ, чтобъ держали насъ по старинѣ, по крестному цѣлованью».

Такъ какъ лѣто въ этотъ годъ не было такое сухое, какъ въ 1471 году, то Иванъ Васильевичъ ожидалъ осени. Наконецъ приблизился октябрь. Великій князь созвалъ совѣтъ, пригласилъ митрополита, архіереевъ, братьевъ своихъ и воеводу, по прежнему, въ Москву; принималъ видъ соболѣзнованія,—едва отъ слезъ удерживался и объявлялъ, что Великій Новгородъ снова отступилъ отъ крестнаго цѣлованія, измѣняетъ православной вѣрѣ, отдается латинскому государю. Всѣ признали, что слѣдуетъ идти войною на вѣроломныхъ отступниковъ. По прежнему, великій князь, приготовляясь въ походъ, совершалъ молебствія въ главныхъ московскихъ церквахъ, поклонялся мощамъ святителей, гробамъ прародителей, ѣздилъ по монас-

тырямъ, раздавалъ милостыню, путешествовалъ къ Троицѣ, чтобъ испросить у св. Сергія ту помощь, которую нѣкогда чудотворецъ даровалъ Донскому; потомъ великій князь послалъ двухъ гонцовъ въ подручныя земли: одного въ Тверь, другого во Псковъ; 30-го сентября отправилъ Новгороду складную грамоту, и 9-го октября двинулся самъ изъ Москвы въ Торжокъ.

Ополченіе шло по Новгородской Землѣ, какъ и прежде, разными дорогами. Самъ великій князь слѣдовалъ изъ Торжка на Волочокъ; съ нимъ шли: володимирцы, переяславцы, костромичи, суздальцы, юрьевцы, тверскіе полки; изъ Торжка на Деманъ пошли съ княземъ Андреемъ: ростовцы, ярославцы, утличане и тѣ бѣжичане, которые волею и неволею измѣняли Великому Новгороду и служили великому князю; на востокъ между Деманомъ и Яжелбичами шли полки южныхъ частей Московскаго государства: калужане, серпуховцы, алексинцы, рузане; съ ними были и отпавшіе отъ Новгорода новоторжцы и волочане. Другіе отряды были распущены на всѣ стороны по новгородской волости; отъ Заволочья до Наровы, — нѣмецкой границы и до литовскаго рубежа рассыпались ратные люди, жгли, убивали, полонили. Въ строгомъ смыслѣ нельзя назвать этого войною, — войска не встрѣчали сопротивленія: били безоружныхъ, безотвѣтныхъ, безропотныхъ. На дорогѣ къ великому князю являлись новгородскіе бояре бить челомъ и служить противъ своего отечества. Такъ великій князь достигъ Ильмена и остановился на правомъ берегу озера въ Сытинскомъ погостѣ. Здѣсь явился къ нему владыка съ новгородцами просить мира.

«Господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси! — говорил владыка: — Я, богомолецъ твой, и архимандриты, и игумены, и всѣ священники семи соборовъ новгородскихъ, бьемъ тебѣ челомъ. Мечъ твой ходить по Новгородской Землѣ; кровь христіанская льется. Смилуйся

надъ своею отчиною: уйми мечъ, угаси огонь. Отпусти въ Великій Новгородъ бояръ, которыхъ ты свелъ на Москву въ первый твой прїѣздъ».

За владыкою, приносившимъ свое челобитье отъ духовенства, говорили о томъ же міряне отъ лица всѣхъ сословій Великаго Новгорода, людей вольныхъ, и просили чтобъ великій князь поручилъ своимъ боярамъ переговоры съ ними.

Великій князь пригласилъ ихъ обѣдать и назначилъ бояръ для переговоровъ. И на этихъ переговорахъ новгородцы просили прекращенія войны и отпуска задержанныхъ въ Москвѣ бояръ. Одинъ изъ пословъ, Лука Оedorовъ, предложилъ, чтобъ великій князь ѣздилъ въ Новгородъ только на четвертый годъ судить такіа дѣла, которыя не могли рѣшить намѣстникъ съ посадникомъ, и брать бы за то тысячу рублей. Послѣдній прїѣздъ великаго князя былъ такъ тяжелъ, что новгородцы хотѣли оградить себя положительными правилами на время подобныхъ посѣщеній. Житые люди жаловались, что проживающіе на Городищѣ люди великаго князя (—мукобране, отъ словъ мука и братъ, т.-е. получающіе муку въ продовольствіе) позываютъ новгородцевъ на судъ въ Городище, и просили восстановления древняго права, чтобъ тяжбы между новгородцами и княжескими людьми рѣшались смѣснымъ судомъ посадника съ намѣстникомъ.

Когда бояре доложили великому князю, онъ велѣлъ дать новгородцамъ такой отвѣтъ:

«Вы сами знаете, что присылали къ намъ, великимъ князьямъ, отъ нашей отчины подвойскаго Назара, да вѣчнаго дьяка Захара, и они назвали насъ государями. По вашей присылкѣ и челобитью, мы отправили ко владыкѣ и ко всему Великому Новгороду своихъ пословъ, и велѣли спросить: какого государства вы хотите въ Великомъ Новгородѣ? Вы заперлись и сказали, будто пословъ къ

намъ не присылали, и на насъ, великихъ государей, взымали, будто мы надъ вами чинимъ насилье, и ложь положили на насъ, своихъ государей. Много и другихъ неисправленій чинится отъ васъ; но мы все ждали вашего обращенія, а вы явились еще лукавѣйшими. За это мы болѣе не возмogli терпѣть и положили идти на васъ ратью, по Господнему словеси: «аще согрѣшитъ братъ твой, шедъ, обличи его предъ собою и тѣмъ единомъ, и аще послушаетъ тебе, приобрѣлъ еси брата твоего; аще же не послушаетъ тебе, поими съ собою два или трехъ свидѣтелей, при устахъ бо дву или тріехъ да станетъ всякъ глаголь; аще же и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь Церкви; аще и о Церкви нерадѣти начнетъ, буди ти якоже язычникъ и мытарь». Вотъ—мы такъ и поступили: посылали къ вамъ, своей отчинѣ: престаните отъ злобъ вашихъ; а вы не захотѣли и вмѣнились намъ яко чужи. И мы, положивъ упованіе на Господа Бога и Пречистую Его Матерь, и на святыхъ, и на молитвы прародителей своихъ, пошли на васъ за ваше неисправленіе».

Другой бояринъ говорилъ посламъ, отъ имени великаго князя:

«На тѣхъ боярѣ, о которыхъ вы просите, весь Великій Новгородъ билъ челомъ; отъ нихъ дѣлалось много зла и Великому Новгороду, и волостямъ его: наѣзды, грабежи, отнятіе животовъ людскихъ, пролитіе христіанской крови. Да не ты ли, Лука Исаковъ, былъ тогда истцомъ на нихъ, и не ты ли, Григорій Кипріяновъ, приходилъ на нихъ жаловаться отъ Никитской улицы? Я, великій князь, и такъ по просьбѣ владычней и вашей помиловалъ ихъ и не казнилъ; а вы нынче и тѣхъ виновныхъ вставляете въ ваши рѣчи! Не по пригожу вы бьете челомъ, и какъ мнѣ васъ жаловать?».

Видно было, что отводъ въ чужую землю такъ оскорблялъ новгородцевъ, что прежніе враги задержанныхъ бо-

яръ теперь, ради народныхъ правъ, стали за нихъ ходатаями.

Въ заключеніе великокняжескіе бояре прибавили:

«А захочетъ Великій Новгородъ бить челомъ, то онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ!»

Въ этихъ словахъ скрывалось что-то загадочное и злобщее; неизвѣстно, до какой степени поняли ихъ смыслъ новгородцы.

Они ушли безъ успѣха.

А между тѣмъ, великій князь приказалъ своимъ отрядамъ захватить поскорѣе околородные монастыри, пока новгородцы ихъ не сожгли, и самъ 27-го января переѣхалъ въ саняхъ чрезъ Ильмень и сталъ въ селѣ Лопинскаго (за три версты отъ Новгорода, близъ Юрьева монастыря). Лопинскаго держали въ Москвѣ: село его дѣлалось конфискованнымъ. Отряды русскіе, одинъ за другимъ, начали захватывать монастыри. Сначала овладѣли линіей монастырей и селъ, опоясывавшихъ Новгородъ съ Софійской стороны. Воеводы заняли Юрьевъ, Аркажъ, Пантелеймоновъ, Мостищенскій, и такъ войско расположилось до самой рѣки Пидьбы; Торговая сторона оставалась нѣсколько дней незахваченною; только на Лисичьей-Горкѣ сталъ князь верейскій. Народъ изъ селъ бѣжалъ въ Новгородъ, и скоро городъ переполнился населеніемъ. Новгородцы старались возить туда запасы.

Посадники и житые отъ пяти концовъ явились опять съ челобитьемъ — прекратить войну; но великій князь приказалъ имъ отвѣчать то же, что и прежде: «Зачѣмъ они отпираются отъ того, съ чѣмъ пріѣзжали послы, и не объявили, какого государства они хотятъ: они возложили на него ложь. А восхоцетъ, — присовокупили бояре, — великимъ князьямъ Великій Новгородъ бить челомъ, вы сами знаете, какъ бить челомъ». Великій князь еще разъ вынуждалъ Новгородъ — самому просить уничтоженія своей самобыт-

ности и свободы. Въ первыхъ числахъ декабря отряды появлялись гуще и гуще, захватили Городище, Сковородку, Ковалевъ, Волоотово и, наконецъ, Деревяницу. 3-го декабря всё войска были въ сборѣ подъ городомъ, и Новгородъ былъ замкнутъ со всѣхъ сторонъ. Псковичи пришли поздно: они все отговаривались пожаромъ и только послѣ двукратнаго приказанія должны были идти.

Въ Новгородѣ безпрестанно происходили волненія. Посольство отправлялось отъ одной партіи; другая хотѣла защищаться до послѣдней капли крови; построили стѣну черезъ Волховъ; укрѣпляли острогъ. Но владыка и умѣренная партія рѣшились успокоить великаго князя и взвести на себя вину, въ которой, быть можетъ, изъ нихъ никто не былъ виноватъ.

5-го декабря явились они снова въ станъ великаго князя и сказали: «Мы винимся въ томъ, что посылали Назара, да Захара и передъ послами великаго князя заперлись».

«А коли вы,—отвѣчалъ великій князь черезъ бояръ, — владыка и вся отчина моя Великій Новгородъ, предъ нами, великими князьями, виноватыми сказались, и сами на себя теперь свидѣльствуете, и спрашиваете: какого государства мы хотимъ (хотя тѣ и не спрашивали), то мы хотимъ такого государства въ нашей отчинѣ Великомъ Новгородѣ, какъ у насъ въ Москвѣ».

Новгородцы уѣхали совѣтоваться съ вѣчемъ, и 7-го декабря снова прибыли уже въ сопровожденіи пяти чело-вѣкъ отъ черныхъ людей. Они думали предложеніемъ новаго источника доходовъ смягчить великаго князя, зная по опыту его любовь къ приобрѣтенію, и одинъ изъ посадниковъ, Теофилактъ, предложилъ: пусть бы великій князь бралъ на каждый годъ съ сохи по полугривнѣ, держалъ бы намѣстниковъ своихъ и въ пригородахъ, какъ въ Новгородѣ, только, чтобъ судъ былъ по старинѣ, не было вы-

вода изъ Новгородской Земли, и на службу въ Низовскую Землю новгородцевъ не посылали. А мы рады,—говорили они,—боронить тѣ рубежи, что сошлись съ новгородскими землями; да чтобъ великій князь въ боярскія вотчины не вступался».

Великій князь чрезъ своихъ бояръ далъ имъ такой отвѣтъ: «Я сказалъ вамъ, что хотимъ такого государства, какое въ нашей Низовской Землѣ, на Москвѣ; а вы нынче сами мнѣ указываете и чините урокъ нашему государству, такъ что же это за государство?».

— «Мы не учиняемъ урока государства своимъ государямъ, великимъ князьямъ,—отвѣчали новгородцы;—но Великій Новгородъ низовской пошрины (обычая) не знаетъ: какъ наши государи великіе князи держатъ тамъ въ Низовской Землѣ свое государство?»

Тогда великій князь заговорилъ черезъ бояръ прямымъ языкомъ и ясно сказалъ, чего онъ хочетъ:

— «Вы мнѣ бьете челомъ, чтобъ я вамъ явилъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ; такъ знайте, что наше государство таково: вѣчу и колоколу въ Новгородѣ не быть, какъ въ нашей вотчинѣ того нѣтъ; посаднику не быть; государство свое намъ держать, какъ слѣдуетъ великимъ князьямъ, какъ держимъ мы свое государство въ нашей Низовской Землѣ; и земли великихъ князей, что за вами, отдать намъ, чтобъ это наше было. А что вы бьете челомъ мнѣ, великому князю, чтобъ не было вывода изъ Новгородской Земли, и чтобъ мнѣ не вступаться въ боярскія земли, такъ мы тѣмъ жалуемъ свою отчину; и судъ будетъ по старинѣ въ Новгородѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ».

Владыка съ послами отправился въ Новгородъ.

Послѣ того шесть тяжелыхъ дней прошло въ борьбѣ Новгорода съ самимъ собою. Бояръ-землевладѣльцевъ обнадеживало обѣщаніе великаго князя, что если Великій

Новгородъ, по его хотѣнію, откажется отъ вѣча и вѣчскаго порядка, то, по крайней мѣрѣ, имѣнія останутся за ними, и ихъ самихъ оставятъ на мѣстѣ; напротивъ, казалось ясно, что когда они станутъ упрямиться и стоять за вѣче, колоколъ и посадника, то вѣча, колокола и посадника у нихъ все-таки не будетъ, да сверхъ того, отнимутъ у нихъ вотчины, и самихъ заплютъ далеко. Одни соблазнялись примѣромъ своей брата: тѣ, что передались Іоанну на дорогѣ, когда онъ шелъ къ Новгороду, и тѣ, что перебѣжали къ нему изъ Новгорода послѣ, приняты имъ ласково. Другіе готовы были теперь согласиться на все, лишь бы остаться самимъ въ своей землѣ, и надѣялись со временемъ дѣло поправить. И они рѣшились пожертвовать самобытностію Великаго Новгорода, когда уже невозможно было удержать ее. Они пытались сохранить хоть то, что казалось еще возможнымъ сохранить.

Владыка съ прежними послами поѣхалъ въ станъ и объявилъ, что Новгородъ согласенъ отложить и вѣче, и колоколъ, и посадника, лишь бы государь не вступался въ боярскія земли, оставилъ судъ по старинѣ, да чтобъ не было ни позвовъ къ суду, ни выводовъ людей изъ Новгородской Земли въ другую. Великій князь повторилъ прежде данное обѣщаніе. Все казалось улаженнымъ. По своимъ старымъ понятіямъ послы думали, что теперь остается писать договоръ и съ обѣихъ сторонъ цѣловать крестъ. «Бьемъ челомъ—сказали они боярамъ,—чтобъ великій государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому Новгороду и поцѣловалъ крестъ». Бояре пошли съ этимъ къ великому князю и, воротившись къ посламъ, сказали, что великій князь цѣловать креста не будетъ. Новгородцы просили, чтобъ въ такомъ случаѣ государевы бояре поцѣловали за него крестъ. Бояре, доложивши объ этомъ великому князю, воротились снова къ посламъ съ такимъ отвѣтомъ: «и боярамъ великій князь цѣловать креста не велитъ».

Дико и непривычно казалось новгородцамъ обѣщать безъ крестнаго цѣлованія; этого они не слыхали и въ толкъ не могли взять. Казалось имъ, что ктожъ нибудь да долженъ цѣловать крестъ. «Такъ пусть намѣстникъ, который будетъ оставленъ въ Великомъ Новгородѣ, крестъ цѣлуеъ», — сказали они. Бояре передали имъ на это отвѣтъ великаго князя, что «цѣловать креста не будетъ и намѣстникъ». Посламъ оставалось ѣхать въ городъ и передать вѣчу то, что слышали; они, по обычаю, просили отпуска и опасной грамоты для проѣзда назадъ. Но великій князь не далъ имъ грамоты и не объяснилъ имъ причины, почему не даетъ. По неволѣ они должны были оставаться въ станѣ. Тамъ пробыли они до конца декабря.

Иванъ Васильевичъ домогался еще кое-чего и хотѣлъ довести новгородцевъ, чтобъ они догадались и предложили сами. Онъ зналъ, что хоть они и согласились разстаться съ вѣчемъ, да не всѣ, и тѣ, которые второпяхъ дали согласие, еще не свыклись съ этой мыслью. Московскій способъ — волочить дѣло — дѣйствовалъ убійственнѣе, чѣмъ всякое непріязненное нападеніе. Напротивъ, тогда городъ былъ укрѣпленъ твердо, и еслибъ москвичи сдѣлали нападеніе, то новгородцы воодушевились бы мыслию о защитѣ своей гражданской святыни, — отчаяніе придавало бы имъ и духа, и отваги, и Новгородъ, хотя бы все-таки и достался Москвѣ, да не легко. Московскій государь понималъ это и предпочелъ томить городъ. Новгородцы, не зная, что съ ними затѣваютъ, дѣлали и такія, и инакія соображенія и догадки: задумавъ одно, переходили къ другому, третьему, и ума не прибирали; а между тѣмъ, положеніе города день-отодня становилось печальнѣе: кругомъ перенаты были всѣ пути, — ни входу, ни выходу; запасы истощились, начался голодъ; отъ тѣсноты и голода явились болѣзни, и наконецъ открылся моръ. Чѣмъ больше было мнѣній и толковъ, тѣмъ больше несогласія и раздоровъ; одни винили

другихъ; тѣ кричали: «Идемъ биться!.. умремъ за св. Софію!». Другіе кричали: «Остается намъ задаться великому князю!». Чернь возстала на бояръ, бояре на чернь; тамъ плачь, рыданіе, голодная смерть; тутъ ссоры, драки, убійства; и колебались они,—говорить лѣтописецъ,—какъ пьяные. Было полное разложеніе всякаго гражданскаго порядка. Тогда князь Василій Шуйскій увидѣлъ, что Великій Новгородъ окончательно погибъ и ему уже нечего въ немъ дѣлать. 28-го декабря князь явился на вѣче, отблагодарилъ за хлѣбъ за соль, сложилъ съ себя цѣлованіе Великому Новгороду и объявилъ, что идетъ бить челомъ великому князю. Новгородцы не могли его остановить; не смѣли,—говорить лѣтописецъ,—ничего ему и сдѣлать, боясь великаго князя. Сложивъ съ себя цѣлованіе, два дня онъ еще пробылъ въ Великомъ Новгородѣ, и 30-го декабря поѣхалъ въ московскій станъ и отдался московскому государю. Иванъ принялъ дружелюбно послѣдняго кормленаго князя новгородскаго и даже одарилъ его.

Наканунѣ этого дня великій князь узналъ уже, что Шуйскій отказался служить Великому Новгороду; онъ понималъ, что Новгородъ доведенъ уже до того положенія, когда пришла пора заговорить съ задержанными послами. Ихъ призвали, по ихъ же просьбѣ, къ великому князю на глаза.

— «Вы мнѣ били челомъ,—сказалъ онъ,—чтобъ я отложилъ гнѣвъ свой, не выводилъ бы людей изъ Новгородской Земли, не вступался въ отчины и имущества людскія; чтобъ судъ былъ по старинѣ и чтобъ васъ не наряжать на службу въ Низовскія земли. Я всѣмъ этимъ жалую свою отчину Великій Новгородъ».

Послы поклонились. Иванъ болѣе ничего не говорилъ. Послы должны были выходить отъ него въ прежнемъ недоумѣніи; то, что теперь имъ сказано, они слышали въ третій разъ;—ничего новаго имъ не сказано, и отпуска не

объявлено. Новгородцы не понимали, для чего их еще держать и чего еще требуют.

Но какъ только они вышли отъ великаго князя, бояре сказали имъ:

— «Князь великій велѣлъ вамъ вотъ что сказать: чтобъ наша отчина, Великій Новгородъ, далъ намъ волости и села; намъ, великимъ государямъ, нельзя безъ того держать свое государство на своей отчинѣ въ Великомъ Новгородѣ».

— «Мы скажемъ объ этомъ Великому Новгороду», отвѣчали новгородцы.

Ихъ отпустили. Должно думать, и странно, и ужасно показалось это Великому Новгороду: обѣщали не вступаться въ вотчины, а требуютъ ихъ разомъ!

1-го января явились послы опять въ станъ московскій, и сказали: «Великій Новгородъ даетъ Великіе Луки и Ржеву Пустую на литовской границѣ». Быть можетъ, здѣсь было не безъ хитрости. Новгородцы давали волости по близости къ Литвѣ, чтобъ скорѣе поссорить Москву съ Литвою и тогда потомъ самимъ пристать къ Литвѣ. Великій князь не взялъ этихъ волостей и не сказалъ чего онъ хочетъ, предоставляя Новгороду назначить добровольно.

Послы были отпущены.

Издавна завидовали бояре богатству владычныхъ и монастырскихъ имѣній; теперь бояре разсудили, что если ужъ нужно какими-нибудь вотчинами отдѣлываться, то лучше церковными, а не своими. Опять владыка съ теми же послами 4-го января прибылъ въ станъ и сказалъ, что Великій Новгородъ даетъ ему десять волостей церковныхъ¹⁾, и сверхъ того всѣ волости, какъ владычнія и монастырскія, такъ и боярскія, и всѣхъ новгородцевъ вообще, въ Торжковской Землѣ.

¹⁾ Владычныхъ 4, Юрьевского монастыря 2, Деманскаго 1, Антоніевского 1, Тубасъ волость 1.

Великій князь отвѣчалъ, что онъ не беретъ этого.

«Такъ пусть же,—сказали послы боярамъ, говорившимъ съ ними отъ имени великаго князя,—государь самъ смыслить, какъ ему свою отчину жаловать и сколько волостей взять; а отчина его Великій Новгородъ покладается на Бога и на него».

Бояре пошли ко князю и воротились съ такимъ отвѣтомъ: «Государь велѣлъ сказать: — взять мнѣ половину всѣхъ волостей владычныхъ и монастырскихъ во всей землѣ, а новоторжскія всѣ,—чьи бы-то ни были».

Послы ушли въ Новгородъ и 6-го января пришли съ согласіемъ, но просили, чтобъ государь пожаловалъ бѣдныя монастыри—не отнималъ у нихъ земель, а ограничивался бы шестью богатыми монастырями ¹⁾. Великій князь согласился. «Пусть идутъ въ городъ,—сказалъ онъ своимъ боярамъ,—и напишутъ на списокъ половину владычныхъ и монастырскихъ волостей,—только чтобъ не таили ничего; а что утаятъ,— та земля великихъ князей».

На другой день владыка съ послами принесли списокъ. Уже Новгородъ былъ безропотенъ; голодъ дошелъ до ужасныхъ размѣровъ; моръ усиливался; чего бы ни потребовалъ побѣдитель,—побѣжденный на все согласится напередъ. Но по расчету великаго князя слѣдовало его еще помучить и дать памяти. Послы надѣялись, что все уже окончено, и владыка сказалъ боярамъ: «Пусть государь пожалуетъ отчину свою, чтобъ христіанство до конца не гибло; тѣснота, и голодъ, и моръ въ городѣ».

Но бояре не слишкомъ разжалобились, и сказали: «Князь великій велѣлъ вамъ сказать: вы явили дань со всѣхъ волостей новгородскихъ съ сохи по полугривнѣ, по семи денегъ; а какая ваша соха?».

¹⁾ У Юрьева, Антоньева, Благовѣщенскаго, Аркажа, у Никольскаго въ Неревскомъ концѣ и у Михайловскаго на Сквордкѣ.

«Наша соха,—отвѣчали послы, — три обжа; а обжа у насъ одинъ человѣкъ, когда ореть на одной лошади; какъ на трехъ лошадяхъ орешь, то соха».

«Такъ князь великій,—сказали бояре,—захотѣлъ взять не съ сохи а съ обжа по полугривнѣ».

Владыка началъ говорить: «Бьемъ челомъ великому государю: смилуйся, государь, имать дань съ сохи съ трехъ обжай по полугривнѣ и брать одинъ разъ въ годъ».

Доложили великому князю. Иванъ Васильевичъ оказалъ милость,—согласился, только съ тѣмъ, чтобъ брать эту дань со всѣхъ, безо льготы: со всякаго, кто землю ореть, и съ ключниковъ, и со старость, и съ одерноватыхъ.

Тогда владыка и послы сказали: «Бьемъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ—не велѣлъ посылать въ новгородскія волости писцовъ своихъ и данщиковъ: это, господине, будетъ христіанамъ тяжело; пусть положится государь на новгородскую душу; сами скажутъ, сколько у кого сохъ будетъ, да сами собою дань собравши и отдадутъ по крестному цѣлованію, безъ хитрости, тому, кому великій князь прикажетъ въ Новгородѣ; а кто утаитъ хоть одну обжа, и уличимъ его, мы скажемъ про то своимъ государямъ великимъ князьямъ и великіе государи его казнятъ».

Великій князь сказалъ на это: «Жалую свою отчину; пусть сами дань собираютъ, и отдаютъ кому у нихъ будетъ велѣно брать, а писарей и данщиковъ къ нимъ не будуть посылать».

Послы задержаны были на одинъ день. 10-го января бояре дали имъ списокъ, по которому Новгородъ долженъ былъ произнести присягу. Этотъ списокъ слѣдовало прочитать новгородцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказалъ очистить для него Ярославово дворіще. Послы поѣхали въ городъ вмѣстѣ съ московскимъ подъячимъ Одинцомъ, который везъ форму присяги. Форма была списана; къ этому списку новгородскій владыка долженъ былъ прило-

жить руку и свою печать, да сверхъ того отъ пяти концовъ по печати.

Форма присяги была прочтена у владыки въ палатѣ. Ее слушали конечно немногіе, — сколько могло помѣститься въ палатѣ. Когда сказали новгородцамъ, что государь велитъ очистить Ярославово дворище, тутъ воскресло невольное воспоминаніе всего прошедшаго; ужасно казалось отдавать эту святыню. Новгородцы не могли противиться, но сказали съ грустію: «Тотъ дворъ въ волѣ нашихъ государей великихъ князей: хотятъ его взять, — все передъ Богомъ и передъ ними, а можетъ быть захотятъ въ Околотѣ взять мѣсто равное тому двору, и то въ ихъ волѣ».

13-го января явился въ станъ Ивана владыка; съ нимъ были уже не только прежніе послы, но многіе посадники, бояре, житые и купцы, и показали записъ, подписанную владыкою и утвержденную печатями пяти концовъ. Бояре сказали имъ: «что псковичи послужили великому князю по крестному цѣлованію, за то вы имъ не должны никакою хитростію мстить, не вступаться во псковскія земли и воды и не дѣлать имъ обидъ; а какъ будутъ у васъ съ ними дѣла о земляхъ и водахъ, то о томъ новгородскіе намѣстники великихъ князей будутъ ссылаться съ намѣстниками псковскими, и будетъ у васъ судъ и управа на обѣ стороны. Вы также не должны мстить никакою хитростію и тѣмъ новгородскимъ боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и боярынямъ, что служатъ великому князю. А на Двинѣ и на Заволочѣ, что ни есть пригородовъ, такъ всѣ двиняне и заволочане сложатъ новгородское цѣлованіе и будутъ цѣловать крестъ на имя великихъ князей».

Новгородцамъ оставалось безмолвно согласиться, и они цѣловали крестъ по записи.

Послѣ крестной присяги они сказали: «Бьемъ челомъ вамъ, бояре, чтобъ вы печаловались у государя, отдать бы онъ намъ нелюбие и сердце свое сложилъ, и слово свое

изрекъ бы намъ отъ устъ своихъ въ слухъ всѣмъ до прежнему жалованью».

Бояре передали эту просьбу государю, и великій князь позвалъ ихъ къ себѣ. Онъ объявилъ имъ то же, что сказали владыкѣ и посламъ объ имѣніяхъ и судахъ и прибавилъ: «Дастъ Богъ и впередъ тебя, своего богомольца, владыку, и всю отчину свою Великій Новгородъ будемъ жаловать».

Великій князь промедлить еще день. Въ четвергъ 15-го января поѣхалъ въ Новгородъ отъ его имени князь Иванъ Юрьевичъ въ сопровожденіи другихъ князей и бояръ ¹⁾.

Новгородцы созваны были на Софійскій дворъ. Въ палатѣ были владыки, духовенство и бояре; за ними толпы вошли въ палату; другіе стояли на открытомъ воздухѣ. Князь Иванъ Юрьевичъ говорилъ: «Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, государь нашъ, тебѣ, своему богомольцу, владыцѣ и своей отчинѣ — Великому Новгороду, глаголетъ такъ: ты, нашъ богомолецъ, Теофилъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и вся наша отчина, Великій Новгородъ, били челомъ нашей братии о томъ, чтобъ я пожаловалъ — смиловался и нелюбіе сердца сложилъ; я, князь великій, ради своей братии жалую свою отчину и отлагаю нелюбіе. Ты, богомолецъ нашъ, архіепископъ, и отчина наша, написали грамоту, на чемъ добились намъ челомъ и цѣловали крестъ; — пусть теперь всѣ люди новгородскіе, моя отчина, цѣлуютъ крестъ по той грамотѣ и оказываютъ намъ должное; а мы васъ, свою отчину, и впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ».

Началась присяга. Бояре приводили ко кресту бояръ и житыхъ людей, стоявшихъ на Софійскомъ дворѣ, а дѣ-

¹⁾ Феодора Даниловича, да князя Ивана Стрига, да Борисовичевъ Ивана и Семена, бывшихъ въ Новгородѣ прежде послами отъ великаго князя съ вопросомъ о государствѣ, да Василья, да Ивана.

тей боярскихъ и московскихъ дьяковъ разослали по всѣмъ пяти концамъ приводить къ присягѣ народъ. Тогда присягали всѣ люди, и жены боярскія, и вдовы, и люди боярскіе. Присяга давалась отъ каждаго лица особо, и каждый поставленъ былъ ею въ непосредственное подданство великому князю. Это уже не была присяга на храненіе договора, заключеннаго на взаимныхъ условіяхъ, а присяга подданнаго, предававшагося въ безусловное повиновеніе государю, принадлежавшаго лично его особѣ, обязаннаго исполнять всѣ его приказанія безотносительно ко всякимъ условіямъ своего общества. Въ присягѣ, между прочимъ, обѣщался каждый—всякое слово, какое услышитъ отъ своего брата новгородца, доброе или худое о великомъ князѣ, сказывать великимъ государямъ. Князья отобрали во владычней палатѣ грамоту, заключенную новгородцами между собою за шестидесятью восьмью печатями. Наконецъ, послѣ окончанія присяги, москвичи отправились на Ярославово дворище, сняли вѣчевой колоколъ и повезли въ московскій станъ. Плакали сильно новгородцы по своей волѣ,—говорить лѣтопись, — и не смѣли сказать ничего. Вслѣдъ за этимъ многіе новгородскіе бояре и дѣти боярскіе сами били челомъ въ службу государя и произносили особую, служебную, присягу.

Наконецъ Новгородъ отворился, но уже не прежній Великій Новгородъ! Владыка испросилъ у великаго князя опасную грамоту и приставовъ — проводить поселянъ въ ихъ волости и села; и голодные, чахлые, стали расходиться въ свои разоренныя жилища. Все время, когда Новгородъ находился въ осадѣ, великокняжескія войска продолжали разорять волости: и была, — говоритъ лѣтописецъ,—эта война еще пагубнѣе прошлой: тогда, по крайней мѣрѣ, было лѣто и жители прятались въ лѣсахъ; теперь негдѣ было спрятаться; ратные люди пожгли ихъ жилища, хлѣбъ, истребляли скоть, и толпы народа уми-

рали въ пустыняхъ отъ мороза и голода. Только собакамъ, волкамъ, да хищнымъ птицамъ была тогда пожива! Новгородская область обезлюдѣла. Иванъ, какъ видно, съ задуманнымъ заранѣе планомъ, хотѣлъ истребить враждебную Москвѣ народность, преслѣдуя свой политическій планъ — соединить Русь въ одно крѣпкое государственное тѣло.

Еще мѣсяцъ пробылъ Иванъ подъ Новгородомъ. Лишенные старинной свободы, новгородцы должны были, какъ бы въ благодарность своему государю, подносить ему поминки. Самъ великій князь не прежде какъ 29 января посѣтилъ Новгородъ и то не надолго: онъ отслушалъ обѣдню у святой Софіи и тотчасъ уѣхалъ въ свой станъ; онъ боялся мора, который продолжалъ свирѣпствовать: отъ множества умирающихъ не успѣвали копать особыхъ могилъ; складывали по два, по три трупа въ одну могилу, а далѣе уже по десяти.

Пожертвовавъ свободою, бояре думали, что, по крайней мѣрѣ, сохранять свои имущества и останутся на мѣстѣ; но скоро оказалось, что Иванъ не слишкомъ цѣнилъ обѣщаніе, на которое не даромъ хотѣлъ присягать. Перваго февраля схватили купческаго старосту Марка Панфилова и увели въ станъ. На другой день, 2-го числа, схватили Марѳу Борецкую и внука ея. Сынъ ея, отецъ этого внука, уже умеръ въ заточеніи въ Муромѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, чрезъ нѣсколько дней, схватили другихъ новгородцевъ, стоявшихъ прежде во главѣ патріотической партіи: Арзубьева, Ивана Савелкова, Іакинфа съ сыномъ и Юрія Репехова. Всѣхъ ихъ, оковавши, повезли въ Москву, а ихъ имущества отписали на государя. Такъ достался Ивану и тотъ чудный дворъ Марѣы посадницы, гдѣ собирались патріоты и разсуждали о томъ, какъ имъ противостоятъ московскому самовластию. Въ Новгородѣ оставлены четыре намѣстника: два должны были жить на

Торговой сторонѣ на Ярославовомъ дворѣ; два — на Софійской, въ архіепископскомъ дворѣ. Такимъ образомъ, ихъ управленіе замѣняло древнее вѣче, собиравшееся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ теперь указано жить.

Получивъ отъ владыки послѣдніе подарки изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, великій князь 17-го февраля выѣхалъ изъ Великаго Новгорода. До перваго стана должны были провожать его владыка, и бояре, и житые; побѣдитель здѣсь покормилъ ихъ и одарилъ. Такъ, наконецъ, расстался онъ съ Новгородомъ, и пріѣхалъ въ Москву 5-го марта при всеобщемъ торжествѣ московскаго народа. За нимъ, какъ трофей побѣдителя, везли вѣчевой колоколъ, — символъ древней общественной жизни удѣльно-вѣчевого порядка, пораженного торжествовавшимъ единодержавіемъ. «И привезенъ бысть,—говоритъ лѣтописецъ,—и вознесли его на колокольницу на площади, съ прочими колоколы звонити.»

Новгородская катастрофа этимъ не кончилась. Раздоры, прежде выражавшіеся палочными и кулачными боями на улицахъ, сейчасъ же нашли себѣ новую дорожку—доносы. Новгородцы московской партіи донесли на своихъ соотечей, что составляется заговоръ: хотять отложиться отъ Москвы и призывать снова Казимира.

Новгородъ оставался на душѣ у Казимира.

Онъ обѣщалъ помощь. Литовцы денегъ ему не давали; онъ обратился съ просьбою объ деньгахъ къ папѣ, а между тѣмъ, послалъ къ хану Большой Орды подвигать его на московскаго государя, бывшаго его данника. Была надежда новгородцамъ даже на помощь внутри великаго княженія: братья великаго князя — Андрей и Борисъ, вмѣстѣ съ братомъ воевавшіе Новгородъ, стали недовольны; они сами испытывали тягость московскаго самовластія. «Мы, — говорили они между собою, — вмѣстѣ съ нашимъ

братомъ воевали Великій Новгородъ, а онъ взялъ его себѣ весь и намъ не далъ изъ него части». Они переговаривались съ заговорщиками и изъявили согласіе дѣйствовать заедино. Но государь въ концѣ 1479 г. узналъ объ этомъ впору. Утаивая настоящее намѣреніе, онъ распустилъ слухъ, будто идетъ на нѣмцевъ. Даже сынъ его не зналъ отцовскаго замысла, и долженъ былъ собирать войско будто на нѣмцевъ. Весною онъ отправилъ заставы, чтобы новгородцы не узнали о числѣ его войска. Однако въ Новгородѣ все узнали, прогнали намѣстниковъ и приготовились къ оборонѣ. Была надежда, что татары отвлекутъ великаго князя отъ сѣвера и заставятъ обратиться назадъ; а между тѣмъ, Кизимиръ успѣлъ прислать вспомогательное литовско-русское войско на выручку. Представлялся, повидимому, удобный случай возвратить утраченное. Возобновленъ вѣчевой порядокъ. Избрали посадника, тысяцскаго. Стали укрѣплять острогъ. Великій князь, достигши Бронницъ, узналъ, что Новгородъ взбунтовался явно. У него была только тысяча человекъ; надобно было подождать; и онъ сидѣлъ двѣ недѣли, пока прибыло войско. Новгородцы не успѣли сжечь посадовъ; ихъ опять захватили, какъ въ прошлогоднюю войну. Иноземный художникъ Аристотель управлялъ артиллеріей; онъ поставилъ противъ Новгорода пушки; — его пушкари искусно и мѣтко палили; а въ Великомъ Новгородѣ возникали по прежнему несогласія; многіе, прежде приставшіе, повидимому, къ мятежу, теперь бѣжали къ великому князю. Патриотамъ невозможно было управлять обороною; безпрестанно грозила измѣна. Послали просить опасы для переговоровъ. Но времена тѣ прошли, когда можно было вести переговоры. Великій князь, указавши на себя, сказалъ: «Я вамъ опасъ; я опасъ невиннымъ; я государь вашъ; отворяйте ворота; войду, — никого невиннаго не оскорблю!».

Тогда ворота отворились; архіепископъ съ духовенствомъ вышли впередъ со крестами; съ ними ихъ новый посадникъ, новый тысячскій, старосты пяти концовъ, бояре и множество народа: всѣ пали ницъ и вопили о пощадѣ и прощеніи. Иванъ сказалъ: «Я, вашъ государь, даю всѣмъ невиннымъ въ этомъ злѣ миръ; ничего не бойтесь». И спокойнымъ шагомъ шелъ онъ къ св. Софіи, помолился тамъ, а потомъ помѣстился въ домѣ новоизбраннаго посадника Ефима Медвѣдева,—не гостемъ, а полнымъ хозяиномъ этого дома.

У Ивана былъ уже списокъ главныхъ заговорщиковъ, сообщенный ему предателями. По этому списку онъ велѣлъ схватить пятьдесятъ человекъ. Ихъ начали пытать. Въ мукахъ они стали говорить на другихъ и указали, что и владыка Теофилъ былъ въ согласіи. Московскій государь не долго разбиралъ дѣйствительность вины владыки: 19-го января, по его приказанію, архіепископа схватили, безъ церковнаго суда, отвезли въ Москву и заточили въ Чудовомъ монастырѣ. Его имѣніе, состоявшее во множествѣ жемчуга, золота, серебра, камней, взялъ московскій великій князь себѣ. Обвиненныхъ казнили. Предъ смертью многіе вопили, что они въ безпамятствѣ, подъ пытками, наговорили напраслину; но на это не обратили вниманія. Схватили еще болѣе ста человекъ и начали пытать. И эти подъ муками наговорили на себя; и этихъ казнили. Все имѣніе казненныхъ взято было въ пользу государя. Вслѣдъ за тѣмъ, по подозрѣнію въ нерасположеніи къ московской власти, болѣе тысячи семей купеческихъ и дѣтей боярскихъ выслали изъ Новгорода и поселили въ Переяславль, Владимиръ, Юрьевъ, Муромъ, Ростовъ, Костромъ и Нижнемъ-Новгородѣ. Все ихъ имѣніе было взято въ пользу государя. Черезъ нѣсколько дней московское войско погнало болѣе семи тысячъ семействъ въ Московщину, зимою, по морозу, не давъ имъ собраться, не позволивъ

ничего взять съ собою; ихъ дома, ихъ недвижимое и движимое имущество — все сдѣлалось достояніемъ великаго князя. Послѣ такой расправы, уѣхалъ Иванъ, февраля 3-го, услышавши, что идетъ на него ханъ Золотой Орды.

Многіе изъ сосланныхъ умерли на дорогѣ; оставшихся расселили по разнымъ городамъ, посадамъ и селамъ Московской Земли; дѣтямъ боярскимъ давали помѣстья на Низу, а вмѣсто ихъ въ Новгородскую Землю посылали для поселенія москвичей. Такъ и вмѣсто купцовъ, сосланныхъ въ Московщину, въ Новгородъ отправили новыхъ купцовъ изъ Московщины.

Этимъ не кончилась расправа. Въ 1484 г. великій князь посѣтилъ Новгородъ и пробылъ въ немъ девять недѣль. Онъ жилъ тогда въ самомъ городѣ—въ Славенскомъ концѣ. Тогда онъ приказалъ похватать бояръ и боярынь Великаго Новгорода, имѣвшихъ имѣнія въ Новгородской Землѣ; нѣкоторыхъ, по подозрѣнію, заточилъ въ тюрьму; другимъ подавалъ помѣстья въ южныхъ и приволжскихъ краяхъ. Въ то время,—по замѣчанію лѣтописца,—схвачена и разграблена была богатая Настасья Григоровичева, у которой нѣкогда пировалъ великій князь, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ. Въ 1487 г., по доносу Якова Захарыча, намѣстника, Иванъ вывелъ изъ Новгорода пятьдесятъ семей лучшихъ гостей и перевелъ ихъ во Владимиръ. Въ слѣдующемъ году ненавистный для новгородцевъ намѣстникъ открылъ заговоръ — будто бы хотѣли убить его; многихъ тогда же намѣстникъ перерубилъ и перевѣшалъ; а Иванъ приказалъ выселить еще болѣе семи тысячъ житыхъ людей въ Москву и расселилъ ихъ по разнымъ городамъ и селамъ. Имѣнія владычнія и боярскія были раздаваемы московскимъ дѣтямъ боярскимъ. Въ слѣдующемъ году Иванъ перевелъ всѣхъ остальныхъ житыхъ людей (хозяевъ) въ Нижній-Новгородъ, а многихъ изъ нихъ приказалъ умертвить въ Москвѣ: они жаловались на намѣ-

«стниковъ», а имъ поставили это въ вину, вывода изъ того, что они хотѣли убить намѣстника.

Такъ добилъ московскій государь Новгородъ, и почти стеръ съ земли отдѣльную сѣверную народность. Большая часть народа по волостямъ была выгублена во время двухъ опустошительныхъ походовъ. Весь городъ былъ выселенъ. Мѣсто изгнанныхъ старожилловъ заняли новые поселенцы изъ Московской и Низовой Земли. Владѣльцы земель, которые не погибли во время опустошенія, были также почти всѣ выселены; другіе убѣжали въ Литву. Остатки прежней народности въ сальскомъ классѣ смѣшались съ новою, наплывшею къ нимъ, московскою:—неудивительно послѣ этого, что Новгородъ, какъ кажется, скоро примирился съ своей судьбою, и забылъ о своей старинѣ. Потомство вольныхъ людей, разселенное въ чужихъ земляхъ, не имѣло корней для воспоминаній о старинѣ и должно было по необходимости распуститься въ массѣ преобладающей московской народности; а потомство новосельцевъ въ новгородской волости и въ самомъ городѣ не имѣло ничего общаго съ прежнею стариною. Вотъ почему и теперь напрасно бы мы искали на мѣстѣ памяти о древней областной независимости и свободѣ. Отъ старины осталась только земля; но старую душу нельзя было вложить въ чуждое ей новое тѣло.

Уничтоживъ самобытность гражданскую, Иванъ поразилъ также и церковную. Злополучный Теофилъ, добрякъ и простякъ, котораго судьба нехотати бросила въ политическій водоворотъ, долженъ былъ въ угожденіе побѣдителю подписать добровольное отреченіе отъ своего достоинства. «Познаваю,—написалъ онъ,—убожество моего ума и великое смятеніе моего неразумія».

Вмѣсто него, по волѣ великаго князя, митрополитъ Геронтій поставилъ новгородскимъ владыкою московскаго протопопа Симеона, переименованнаго при посвященіи въ

Сергія. Онъ,—говорить составитель житія владыки Моисея,—возносился vysotoю сана своего: на то онъ былъ изъ Москвы; онъ чувствовалъ свою принадлежность къ побѣдителямъ и давалъ другимъ чувствовать, что пришелъ къ плѣннымъ и поработченнымъ. Приближаясь къ Новгороду, завернулъ онъ въ Сковородеку, гдѣ давно уже призывали новгородцы почитать гробъ своего владыки Моисея. Москвичъ вошелъ въ церковь, помолился образамъ и выходилъ вонъ; тутъ ему сказали: «Вотъ гробъ основателя обители — владыки Моисея». — «Отворите гробъ,—сказалъ Сергій священнику:—посмотримъ». — «Мы не дерзаемъ,—сказалъ священникъ,—открывать мощей святителя: это твое святительское дѣло!» — «Что? — съ гордостью сказалъ Сергій:—стану я этого смердяго сына смотрѣть?». Въ его понятіи новгородецъ — даже святой владыка — былъ низкое существо. Но когда онъ расположился во владычнихъ палатахъ, къ нему начали появляться усопшіе новгородскіе владыки, лежащіе у св. Софіи — сначала во снѣ, а потомъ уже на яву. «Зачѣмъ, безумецъ,—говорили они ему:—зачѣмъ дерзнулъ ты принять поставленіе святительства нашего, на мѣсто поруганнаго, неправедно сверженнаго и еще живого владыки? Не по правиламъ ты осмѣлился сѣсть на мученическій престолъ! Оставь его!». Онъ сперва бодрился и не поддавался вліянію видѣній; наконецъ невидимая сила поразила его и еле жива оставила; суровѣе другихъ владыкъ казался ему Іоаннъ, ѣдившій на бѣсѣ, вѣкогда молитвенникъ за свободу Новгорода. Сергій сдѣлался какъ помѣшанный, ни съ кѣмъ не говорилъ: выйдетъ изъ келіи безъ мантии, сядетъ подъ св. Софіей или у Евфиміевской паперти и глядитъ безсмысленно. Черезъ десять мѣсяцевъ свезли его въ Троицкій монастырь больного ¹⁾. Другое сказаніе ²⁾ говоритъ,

¹⁾ Пск. II, 92; Новг. Л. III, 243; Пам. р. ст. лит. IV, 12.

²⁾ Соф. II, II. С. Л. VI, 236.

что у него новгородцы отняли умъ волшебствомъ; новгородцы не хотѣли ему покориться, а онъ не былъ съ ними однихъ мыслей, а еслибъ и захотѣлъ, то не смѣлъ: великій князь поставилъ наблюдать за поведеніемъ владыки своего боярина, да съ нимъ казначея и дьяка.

Преемниковъ Сергія уже не беспокоили усопшіе. Другая жизнь покатила въ Новгородѣ, съ другими нравами, понятіями, языкомъ, безъ воспоминаній о старой вольности, безъ желанія новой.

Такъ передали намъ новгородскую катастрофу лѣтописцы наши ¹⁾. Въ большей части повѣствованій объ этихъ событіяхъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ, видна московская рука. Новгородскіе отрывки перепутались съ ними; новгородцы, быть можетъ, и мало писали объ этомъ:—горе было слишкомъ тяжело, чтобы о немъ разглагольствовать. Въ этомъ сознается одинъ лѣтописецъ: «Я бъ и еще что-нибудь иное написалъ, да не могу отъ большой печали!» ²⁾.

¹⁾ Новг. Л. IV. 128—129, 133, 150; Пск. I, 242, 251, 256, 259; Псков., II. 36, 38, Соф. I. П. С. Л. т. VI. 1—20. — Соф. II. 191—221, 236. Воскрес. П. С. Л. т. VIII, 162—163, 183—199, 204, 218. Татищ. V, 12—25, 41—75, 80, 89, 92.

²⁾ А иное бы писалъ и не имѣю что писать отъ многія жалобы. Соф. I, 19.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВЯТКА.

ВЯТКА.

Вслѣдъ за пораженіемъ новгородской свободы, Іоаннъ раздѣлялся и съ Вяткой, новгородской старой колоніею, управлявшеюся независимо отъ Новгорода. Нѣтъ ничего въ русской исторіи темнѣе судьбы Вятки и земли ея. Начало этой колоніи лѣтописецъ Вятской Земли ¹⁾ относитъ къ 1174 (6682) г. и нѣсколько противорѣчитъ самъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что жители новгородскіе отправились въ путь самовольно и отдѣлились отъ Великаго Новгорода, а въ другомъ,—что они отправились съ согласія Великаго Новгорода. Вѣроятно первое, потому что эта колонія не признавала власти Новгорода, нѣсколько разъ являлась враждебною Новгороду, никогда не бывала съ нимъ во взаимодѣйствіи и испытывала противъ себя—по сказанію той же мѣстной лѣтописи—злобу своей метрополи. Впослѣдствіи, къ происхожденію вятской колоніи, пришли старинную греческую басню объ основаніи Тарента, которая, будучи занесена къ намъ, примѣнялась не къ одной Вяткѣ. Говорили, будто новгородцы отправились на войну и оставили дома своихъ женъ съ рабами. Во время ихъ семилѣтняго отсутствія, рабы воспользовались правами мужей и прижили съ новгородскими женами дѣтей. Опа-

¹⁾ Рук. Публ. Библ. № 103.

саясь мщенія мужей, жены бѣжали изъ Новгорода съ своими любовниками и незаконными дѣтьми: эти-то бѣглецы, будто бы, основали Вятку. Такъ какъ основаніе Вятки относятся къ той эпохѣ, когда, послѣ упорнаго сопротивленія суздальцамъ и пораженія Андреева ополченія, Новгородъ примирился съ Андреемъ, то, быть можетъ, выходцы изъ Новгорода въ это время состояли изъ заклятыхъ враговъ суздальской партіи и не хотѣли оставаться въ отечествѣ, когда въ немъ дѣла обратились противно ихъ чувствіямъ. По извѣстію упомянутаго лѣтописца, колонисты поплыли на судахъ по Волгѣ, дошли до Камы, тамъ поставили городокъ и намѣревались здѣсь оставаться. Но тутъ услышали они, что далѣе на востокъ живутъ вотяки въ землѣ привольной, богатой и укрытой лѣсами. На Камѣ жить было не безопасно, потому что большая рѣка — большой путь; на нихъ станутъ нападать то тѣ, то другіе; притомъ и новгородцы знаютъ этотъ путь и станутъ требовать подчиненія. Часть колонистовъ осталась въ ново-построенномъ городкѣ, другая отправилась далѣе по Камѣ. Они вошли въ рѣку Чепецъ и начали жечь и разорять вотяцкія жилища, укрѣпленныя земляными валами. Вотяки были народъ мало воинственный, пришли въ страхъ отъ нападенія неожиданныхъ гостей и разбѣгались. По рѣкѣ Чепцу новгородцы вошли въ рѣку Вятку и, проплывъ по ней пять верстъ, увидѣли на высокой горѣ Болванскій городокъ. Взять его было трудно. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ усилій, новгородцы положили себѣ зарокъ — не пить, не ѣсть, пока не завоюютъ городка. Случился день Бориса и Глѣба. Новгородцы стали призывать на помощь этихъ святыхъ. Святые помогли имъ. Они взяли Болванскій городокъ; множество вотяковъ было побито, остальные разбѣжались: русскіе построили здѣсь церковь Бориса и Глѣба и назвали городокъ Никулицынъ.

Тѣ, которые остались прежде на Камѣ, узнали, что ихъ

братья нашли себѣ лучше пріютъ, бросили свой городокъ и поплыли по Камѣ, а потомъ по рѣкѣ Вяткѣ. Они напали на черемисскій городокъ Каршаровъ. Услыхавъ, что святые Борисъ и Глѣбъ помогли ихъ соотечественникамъ при взятіи Болванскаго городка, стали и они призывать этихъ святыхъ. И имъ помогли святые Борисъ и Глѣбъ, — въ угоду русскимъ напустили на черемисовъ видѣніе: тѣмъ представилось, будто на нихъ нападаетъ многочисленное войско; тогда одни изъ нихъ пустились въ разсыпную, а другіе безъ боя отворили побѣдителямъ ворота. Завоевавши Каршаровъ, новгородцы переименовали его въ Котельничъ и послали партіи развѣдывать: нельзя ли чего еще завоевать. Между тѣмъ, и тѣ, что утвердились въ Болванскомъ городкѣ, послали партіи на провѣдъ: какія есть подалѣе земли; хотѣлось имъ найти удобное мѣсто, гдѣ бы построить еще городъ. При устьѣ рѣки Хлыновицы, на высокой горѣ, мѣсто имъ понравилось, и они zaloжили городъ, и назвали его Хлыновъ — это нынѣшняя Вятка. Преданіе осталось, будто рѣка Хлыновица названа такъ новгородцами оттого, что они на этомъ мѣстѣ услышали крикъ дикихъ птицъ: хлы! хлы!

Основаніе Хлынова не обошлось безъ чудесъ. Когда новгородцы стали строить городъ, то увидали деревья, чудодѣйственно приготовленныя невидимою силою и приплывшія къ мѣсту построенія города. Состроивъ дѣтинецъ, новопоселенцы поставили въ немъ церковь Воздвиженія Честнаго Креста. Этотъ городокъ съ сѣверо-запада и юга опоясанъ былъ глубокимъ рвомъ, а съ востока защищался крутымъ берегомъ и рѣкою Вяткою; вмѣсто городской стѣны служили жилища, плотно поставленныя одно близъ другаго задними стѣнами на внѣшнюю сторону. Мѣсто было удобное; такой крѣпости было на первый разъ достаточно противъ туземцевъ. Въ срединѣ городка вырыли колодезь, поставили земскую избу для управленія и винокурню.

Такъ основался Хлыновъ. Жители его прозвались вятчане, по имени рѣки, носившей туземное названіе Вятки, и вся земля, занятая новопоселенцами, названа была Вятскою Землею. Населеніе Вятскаго края возрастало, какъ естественнымъ путемъ, такъ и приливомъ новыхъ пришельцевъ изъ Устюга, изъ Новгорода, и изъ другихъ странъ; недовольные ходомъ дѣлъ въ отечествѣ не рѣдко убѣгали въ Вятскую Землю. Такъ около Хлынова образовался посадъ, который былъ обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями; дремучіе лѣса защищали его. Мало-по-малу стали возникать селенія и погосты. Лѣтопись кратко упоминаетъ о томъ, что переселенцы терпѣли набѣги отъ вотяковъ и черемисъ, которые, конечно, смотрѣли непріязненно на новыхъ обитателей своего отечества, а потомъ отъ татаръ Ногайской и Золотой Орды, появившихся на берегахъ Волги и Камы. Поэтому всѣ русскія поселенія были укрѣплены; неоднократно русскіе выдерживали нападенія и отбивали враговъ: ихъ подвиги оставались въ народной памяти съ героическимъ блескомъ. Въ воспоминаніе объ нихъ вятчане устроили торжественные ходы и праздники. Такимъ образомъ, на память одной жестокой битвы съ вотяками и черемисами, было установлено ежегодно носить изъ Волковскаго погоста близъ Никулицына образъ великомученика Георгія въ Хлыновъ и встрѣчать его торжественно со свѣчами и желѣзными стрѣлами, которыя означали оружіе побѣжденныхъ враговъ. Другой ходъ былъ изъ Никулицына съ образомъ Бориса и Глѣба, — въ память взятія Волванскаго городка. Третій — съ чудотворнымъ образомъ Николая. Черемисы препятствовали разселенію русскихъ. Однажды, толпа поселенцевъ, хотѣвшихъ основаться въ земляхъ нынѣшняго яренскаго уѣзда, подверглась ихъ нападенію. Русскіе бѣжали отъ нихъ и въ бѣгствѣ покинули образъ Николая чудотворца. Много времени спустя послѣ этого событія, въ 1383 году, какой-то поселя-

нинъ зачиналъ поселеніе близъ той горы, гдѣ покинуть былъ образъ и выбралъ себѣ мѣсто для усадьбы на берегу ручья. Однажды отправился онъ въ лѣсъ за деревомъ, и увидалъ свѣтъ: онъ окружалъ образъ; по этому признаку поселянинъ нашелъ образъ и поставилъ у себя въ новоотстроенной избѣ. Около него стали селиться другіе; заводилось и умножалось поселеніе. Тогда образъ оказался пѣлебнымъ и чудотворнымъ, и въ избу поселянина стали стекаться богомольцы. Вѣсть объ этомъ дошла до хлыновскаго духовенства: оно стало помышлять, какъ бы приобрѣсть такое сокровище для города. Жители деревни долго ни за что не уступали образа; едва городскіе жители упростили ихъ уладить дѣло такъ, чтобъ изъ Хлынова каждагодно совершать крестный ходъ въ эту деревню и приносить туда образъ. Такимъ образомъ, установленъ былъ ежегодный ходъ въ эту деревню, построенную на берегу рѣки Великой.

Внутреннее устройство Вятки намъ неизвѣстно въ подробностяхъ. Вѣрно только то, что вятчане управлялись сами собою, вѣчемъ—по образцу новгородскому. Лѣтописецъ говоритъ о нихъ: «И тако Новгородци начаша обществствовати, самовластвующе правами и обладаемы своими жители, и нравы свои отеческіе и законы, и обычаи новгородскіе имѣяху.» Хлыновъ былъ главный городъ всей земли; подъ его первенствомъ были пригороды, изъ которыхъ извѣстны, какъ существовавшіе во времена независимости, Котельничъ, Никулицынъ, Орловъ, Слободской. По новгородскому обычаю устроены были погосты, къ которымъ тянули деревни. Несмотря на сходство въ нравахъ съ новгородцами,—по извѣстію вятскаго лѣтописца,—вражда господствовала между Новгородомъ и Вяткою. Новгородъ, считая Вятку своимъ поселеніемъ, домогался отъ ней такой же зависимости, какъ отъ двинскихъ колоній. Вятчане ни за что не хотѣли ему подчиняться и платить

дани. Тогда новгородцы давали отъ себя князьямъ отказныя и предавали вятчанъ на произволъ то тѣхъ, то другихъ князей; а князья всѣ вообще не любили Вятки, почитали вятчанъ самовольниками и съ своей стороны препятствовали имъ сойтись и помириться съ новгородцами. Вятка—одна изъ всѣхъ русскихъ земель, управлялась безъ князей; одна сохраняла чистое народоправство, и не нуждалась въ княжеской власти. Природа помогала ей защищаться и отъ метрополіи, и отъ князей; трудно было провести къ ней войско сквозь непроходимые лѣса; однимъ вятчанамъ были извѣстны пути въ своемъ отечествѣ. Зато и вятчане не сидѣли въ покоѣ. Тамъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь распространено было ушкуйничество. Постоянно нерасположенные къ Новгороду, вятчане однако не чуждались новгородскихъ ушкуйниковъ, разгуливавшихъ на востокъ безъ воли Великаго Новагорода, и наполняли ихъ шайки. Въ Вяткѣ былъ гостепріимный пріютъ удалцамъ; тамъ происходили сборы на удалые выправы. Только однажды, въ 1449 г., они съ ушкуйниками не поладили и разбили ихъ. Плавая въ судахъ по Камѣ и по Волгѣ, вятчане грабили гостей бесерменскихъ и нападали на татарскія жилища. За это-то въ отмщеніе, въ 1391 году, по повелѣнію хана Тохтамыша, татарскій царевичъ Бекбуть напалъ съ ордою на Вятку; много было побитыхъ, много въ полонъ захвачено. Вѣчные враги Новгорода, вятчане помогали великимъ князьямъ противъ него: такъ въ 1417 году, вмѣстѣ съ новгородскими бѣглецами и измѣнниками, они опустошали Двинскую Землю ¹⁾. Съ Устюгомъ они жили во враждѣ; въ 1436 и 1438 г. они разорали Устюгъ, сожгли городъ Гледенъ и разогнали жителей по лѣсамъ. Когда уже московское самовластіе начало и до нихъ добираться, они упрямо оборонялись противъ него:

¹⁾ Новг. Л. I, 107.

такимъ образомъ мы видимъ ихъ сторонниками Василя Косого и Шемяки, возстававшихъ противъ Василя. Послѣ укрощенія князей, Василій отправилъ войско на Вятку, въ 1456 году, подѣ предводительствомъ князя Ряполовскаго и Горбатаго, но они, дошедши до самаго Хлынова, ничего не сдѣлали: вятчане подкупили ихъ посулами ¹⁾. Архангельскій лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ какого-то Григорія Перхушкова ²⁾. На слѣдующій годъ отправлено снова войско подѣ главнымъ начальствомъ князя Патрикѣева: на этотъ разъ москвичи взяли два вятскихъ города, Орловъ и Котельничъ. Вятка покорилась и признала надъ собою власть великаго князя ³⁾. Но это признаніе было только на словахъ. Она продолжала управляться сама собою. Въ 1468 г. вятчане заключили союзъ съ казанскимъ царемъ Ибрагимомъ и не хотѣли помогать москвичамъ и соединеннымъ съ ними русскимъ силамъ противъ татаръ ⁴⁾. Они—то отговаривались, что царь казанскій обязалъ ихъ не стоять ни за кого, то не отвѣчали на приглашенія. Видно было, что Москва внушала имъ такую ненависть, что они не поддались искушенію—воевать своихъ непримиримыхъ враговъ, татаръ, которые издавна безпрестанно грабили и разоряли ихъ гдѣ только могли. Но въ 1471 году они пошли за великаго князя противъ другихъ своихъ враговъ и братьевъ—новгородцевъ; ихъ ополченіе воевало противъ двинянъ ⁵⁾. Въ тотъ же годъ другое ополченіе совершило блистательный ушкуйнический набѣгъ на понизовье Волги: оно напало врасплохъ на Сарай, взяло и ограбило его. Татары спохватились, пустились по Волгѣ впередъ, чтобъ загородить имъ путь: вся Волга была

¹⁾ Львова лѣтоп. II, 353.

²⁾ Карамз. т. V, пр. 367.

³⁾ Львова лѣтоп. II, 354.

⁴⁾ Воскр. II. С. Л. VIII, 155—156.

⁵⁾ Воскрес. II. С. Л. VIII, 155—166.

перенята ихъ судами; но вятчане пробились сквозь нихъ. Хотѣли-было перенять ихъ подъ Казанью, но и тамъ пробились они и благополучно ушли въ свою землю съ добычею ¹⁾).

Участвуя въ пораженіи Новгорода, Вятка приготовила гибель и себѣ. Новгородъ палъ, а Вятка напрасно думала оставаться съ своей независимостью, съ своимъ народоправствомъ и съ своею удалою вольницею. По давнишней враждѣ своей къ Устюгу, вятчане въ 1486 году пошли воевать на этотъ городъ; ограбили три устюжскихъ волости, а потомъ подплыли подъ городокъ устюжскій, Осиновецъ; но тутъ ушли отъ нихъ воеводы и они обратились назадъ. Эти самовольные походы дали право московскому государю укорять ихъ въ разбойничествѣ. Когда потомъ войска великаго князя отправились въ походъ противъ казанцевъ, вятчане рѣшительно объявили себя независимыми и прогнали великокняжескаго намѣстника, къ нимъ посланнаго. Иванъ Васильевичъ, вѣрный своей политикѣ—казаться правымъ—дѣйствовать прежде всего убѣжденіями и нравоученіями, и повидимому прибѣгать къ уничтоженію стараго свободнаго порядка, какъ-бы въ крайнемъ случаѣ, приказалъ митрополиту Геронтію написать къ нимъ увѣщательныя посланія. Такихъ посланій дошло до насъ два: одно къ вятчанамъ всѣмъ вообще, другое къ вятскому духовенству ²⁾). Посланіе къ вятчанамъ обращено къ воеводамъ, атаманамъ и ко всему вятскому люду. «Вы—писалъ митрополитъ—только-что зоветесь христіанами, а дѣлаете злыя дѣла: обидите святую соборную апостольскую церковь, русскую митрополию, разоряете церковныя законы, грубите своему государю великому князю, пристааете къ его недругомъ, соединяетесь съ

¹⁾ Воскр. II. С. Лѣт. т. VIII, 168.

²⁾ А. И. I, 141—142.

погаными, воюете его отчину, губите христіанъ убійствомъ, полономъ и грабежемъ, разоряете церкви, похищаете изъ нихъ кузнъ (металлическія вещи), книги и свѣчи, да еще и челомъ не бьете государю за свою грубость.» Онъ грозилъ имъ, въ случаѣ непослушанія, приказать священникамъ затворить всѣ церкви и выдти прочь изъ Вятской Земли, и на всю землю посылать проклятіе. Въ посланіи къ священникамъ митрополитъ изъясняетъ сомнѣнія, дѣйствительно ли они настоящіе духовныя лица. «Мы не знаемъ—пишетъ онъ,—какъ васъ называть; не знаемъ отъ кого вы получили поставленіе и рукоположеніе». Дѣйствительно, не имѣя своихъ владыгъ, неизвѣстно откуда Вятка получала священнослужителей. Вѣроятно туда приходили изъ разныхъ мѣстъ духовныя лица; и свои вятчане отправлялись посвящаться въ разныхъ мѣстахъ. Понятно, что при такомъ составѣ, тамъ господствовало чрезвычайное уклоненіе отъ церковнаго порядка. Митрополитъ укорялъ ихъ, что ихъ духовные дѣти, вятчане, не наблюдаютъ церковныхъ правилъ о бракахъ, женятся, будучи въ родствѣ и сватовствѣ, иные совокупляются четвертымъ, пятымъ, шестымъ, седьмымъ бракомъ. Видно, что вятскіе священники не хотѣли знать никакого святителя, потому что митрополитъ грозилъ наложить на нихъ тягость церковную, выражаясь такъ: «если вы, зовущіеся священниками, игуменами, попами, діаконами и черноризцами, не познаете своего святителя.....»

Эти посланія, какъ слѣдовало ждать, не имѣли успѣха. Великій князь послалъ на Вятку рать подъ предводительствомъ Шестака-Кутузова. Но этотъ воевода поладилъ съ вятчанами. Они какъ-то оправдали себя, и онъ воротился, не сдѣлавъ имъ зла. Иванъ Васильевичъ двинулъ на нихъ въ 1489 году другое сильное войско, подъ главнымъ предводительствомъ князя Данилы Щени и Григорія Морозова; съ ними пошли тверичи, вологжане, устюжане, двиняне,

вожане, каргопольцы, бѣлозерцы, жители береговъ Выми и Сысолы: Иванъ умышленно составилъ это ополченіе преимущественно изъ сѣверныхъ сосѣдей вятчанъ, которые были ихъ давніе враги, терпѣли отъ нихъ много разъ набѣги и разоренія и теперь съ охотою шли отомщать своимъ извѣчнымъ недругамъ. Даже татаръ казанскихъ послалъ московскій государь на Вятскую Землю—мстить за всю старую злобу. Войска было,—по сказанію архангельскаго лѣтописца,—шестьдесятъ четыре тысячи; эта страшная сила прошла опустошительной грозою по Вятской Землѣ и 16-го августа явилась подъ Хлыновымъ. Вятчане—такъ смѣло презиравшіе могущество московскаго государя, рѣшаясь не покоряться тому, кто уже подчинилъ себѣ Новгородъ,—конечно не ожидали, чтобы столько гостей, да еще такихъ старыхъ знакомыхъ гостей, явилось у нихъ подъ стѣнами. Сопротивляться было невозможно. Они выслали воеводамъ поминки съ Исупомъ Глазатымъ: это средство прежде удавалось; но теперь воеводы поминки приняли, а вятчанамъ дали опасъ только до другого дня. На другой день вышли изъ города большіе люди, поклонились воеводамъ и сказали: «Покоряемся на всей волѣ великаго князя, и дань даемъ и службу». Воеводы отвѣчали: «Цѣлуйте крестъ за великаго князя и выдайте вашихъ измѣнниковъ и коромольниковъ: Ивана Оникіева, Пахомія Лазорева, да Палку Богодайщикова». Вятчане сказали на это: «Дайте намъ сроку до завтраго».—«Даемъ»,—отвѣчали воеводы и отпустили ихъ.

Вятчане поняли, что отъ нихъ не удовольствуются ни данью, ни службою; задаться за великаго князя, цѣловать крестъ за него—значило лишиться своей воли, своего народоправленія, своихъ вѣковыхъ обычаевъ. Въмѣсто того, чтобъ явиться на другой день и дать отвѣтъ, прошло два дня; воеводы терпѣли, наконецъ на третій день вятчане дали отказъ. Тогда воеводы приказали каждому пятиде-

сѣтку ратниковъ тащить двѣ сажени плетня и приставить къ стѣнамъ, а другимъ приказали нести смолу и берестъ. Вскрабавшись на плетни, они бросали черезъ стѣны огненные приметы. Тогда вятчане отворили ворота, ударили челомъ и выдали троихъ требуемыхъ зачинщиковъ. Воеводы приказали ихъ тотчасъ же заковать и отдать устюжанамъ—ихъ врагамъ, подъ наблюденіе. У воеводъ уже было заранѣе приказаніе, что имъ дѣлать. 1-го сентября они развели Вятку—по сказанію одного лѣтописца ¹⁾,— всю, а по извѣстіямъ другихъ, только большихъ людей. Ихъ повели въ Московщину. Великій князь приказалъ ихъ расселить въ Боровскѣ, Алексинѣ, Кременцѣ, и дать имъ помѣстья; торговыхъ людей поселилъ въ Дмитровѣ, а коноводовъ приказалъ высѣчь кнутомъ, а потомъ повѣсить ²⁾. Вмѣстѣ съ плѣнными вятчанами привели и Арскихъ, т.-е. вотяцкихъ князей Вятской Земли; но Иванъ Васильичъ не счелъ ихъ опасными и отпустилъ въ свою землю.

¹⁾ Карамз. т. IV, примѣч. 312, стр. 407.

²⁾ См. Соф. Врем. II. С. Л. IV, 238.—Воскрес. лѣтоп. II. С. Л. VIII, 218;—Новг. IV, 157;—Никон. IV, 124;—Татищ. V, 107;—Карамз. VI, прим. 312; св. на Архан. лѣтоп.

ГЛАВА ТРЕТЯ.

**ОТНОШЕНІЯ ПСКОВА КЪ НОВГОРОДУ, КНЯЗЬЯМЪ
И ЗЕМЛЯМЪ РУССКИМЪ.**

I.

ДРЕВНОСТЬ ПСКОВА.—XII, XIII И XIV ВѢКА.—ВСЕВОЛОДЪ-
ГАВРИИЛЪ.—ДОВМОНТЪ.—КОЛЕБАНІЕ МЕЖДУ ЛИТВОЮ И
НОВГОРОДОМЪ.

Начало Пскова неизвѣстно. Древнее названіе его было Плесковъ или Пльсковъ. Названіе Псковъ, конечно, сокращеніе предъидущаго, въ древней Новгородской Лѣтописи является въ половинѣ XIV-го вѣка, мѣшается съ названіемъ Плесковъ и, наконецъ, замѣняетъ его. Псковскія лѣтописи, которыя достигаютъ формы самобытнаго и подробнаго повѣствованія только въ XIV вѣкѣ, предпочитаютъ послѣднее вездѣ. Лѣтописи, не говоря о времени основанія этого города, даютъ знать, что онъ существовалъ во времена св. Ольги, которая была родомъ изъ Плескова. Въ глубокой древности, вѣроятно, онъ былъ пригородъ Новгорода, между народонаселеніемъ кривичской вѣтви славянъ и вмѣстѣ съ Изборскомъ временно составлялъ удѣлъ Трувора, а потомъ продолжалъ быть частію новгородской волости. Неизвѣстность судьбы сѣвернаго края вообще послѣ отхода Олега на югъ лишаетъ насъ возможности объяснить, въ какомъ положеніи онъ находился, будучи новгородскимъ пригородомъ. Въ XI-мъ вѣкѣ о немъ нѣтъ почти помина. Въ XII, считаясь пригородомъ

Новгородской Земли, онъ уже выдается съ большими зачатками самобытности, чѣмъ другіе города, подчиненные Новгороду. Нѣтъ сомнѣнія, что преданіе о происхожденіи изъ этого города Ольги, святой княгини, память которой была постоянно священною для русскаго міра, придавало ей родинѣ особое достоинство и воспитывало въ духѣ жителей Пскова стремленіе къ самостоятельности до извѣстной степени. Въ 1132 году, при изгнаніи князя Всеволода, псковичи вмѣстѣ съ ладожанами дѣйствуютъ съ новгородцами, какъ правные члены одного государственнаго тѣла. Мирославъ, поставленный въ то время въ Псковѣ, играетъ важную роль въ новгородскихъ дѣлахъ, потому что въ 1135 г. онъ ѣздилъ мирить кіевлянъ съ черниговцами ¹⁾.

Въ дѣлѣ Всеволода-Гавріила Псковъ призналъ князя, изгнаннаго новгородцами, и, сколько извѣстно, явился въ первый разъ подъ управленіемъ особаго отъ Новгорода князя. Это должно было городу придать видъ самостоятельной удѣльной земли въ русской федераціи. Впрочемъ, тутъ еще не видно было намѣренія отторгнуться отъ Новгорода. Псковичи дѣйствовали за одно съ новгородскими благопріятелями Всеволоду: лѣтописецъ повѣствуетъ, что Всеволодъ Мстиславичъ явился во Псковъ для того, чтобъ княжить не въ одномъ Псковѣ, но и въ Новгородѣ. Партія, благопріятствовавшая Всеволоду, состоявшая изъ бояръ, ограбленная противною въ Новгородѣ, бѣжала во Псковъ. Такимъ образомъ, въ этой распрѣ, когда Всеволодъ сдѣлался княземъ во Псковѣ, все-таки наблюдался между Новгородомъ и Псковомъ общій интересъ съ обѣихъ сторонъ. Псковичи боролись за князя, какъ сограждане одного и того же Новгорода.

По смерти Всеволода, псковичи, противъ воли большинства новгородцевъ, хотѣли поставить въ Землѣ Новгород-

¹⁾ Новг. I, 37.

ской и Псковской княземъ Всеволодова брата, Святополка, но вскорѣ заключили миръ съ новгородцами. Неизвѣстны условія этого мира; должно быть, онъ былъ выгоденъ для псковичей, потому что долго послѣ того не видно вражды между городами; а она бы вспыхнула, если бы псковичи находились въ невыгодномъ для себя соединеніи съ Новгородомъ.

Случайная смерть Всеволода во Псковѣ и святость, возложенная на него духовенствомъ за его благочестіе и благорасположеніе къ духовнымъ, придали еще болѣе важности Пскову. Всеволодъ, получивъ значеніе святого, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ создателемъ главной церкви св. Троицы во Псковѣ; Всеволодъ сталъ первымъ мѣстнымъ патрономъ Пскова и притомъ въ укоръ Новгороду: составила легенда, что новгородцы, раскаявшись въ своей несправедливости противъ этого князя, хотѣли взять къ себѣ его тѣло, но никакъ не могли сдвинуть его съ мѣста. Св. Всеволодъ, въ знакъ примиренія съ Новгородомъ, даровалъ новгородцамъ одинъ только свой ноготь, а все тѣло осталось во Псковѣ. Псковъ, хотя продолжалъ оставаться въ связи съ Новгородомъ тѣснѣ другихъ русскихъ земель, хотя все еще считался новгородскимъ пригородомъ, но уже съ тѣхъ поръ имѣлъ достаточно признаковъ и самостоятельности, преимущественно предъ другими новгородскими пригородами: ни въ какомъ другомъ пригородѣ не было такихъ священныхъ воспоминаній, возвышавшихъ мѣстное значеніе города и подвластной ему земли.

Въ XII-мъ вѣкѣ псковичи постоянно являются съ новгородцами въ союзѣ; такъ они помогаютъ вмѣстѣ съ ними Изяславу Мстиславичу; когда Андрей озлобился на Новгородъ, псковичи стояли за послѣдній, и вмѣстѣ съ новгородцами, въ 1169 г., ходили на полочанъ ¹⁾). Они имѣли

¹⁾ Новг. I, 14.

своихъ князей, но зависимыхъ отъ Новгорода. Такъ, въ 1177 — 1178 г., Мстиславъ Ростиславичъ посадилъ во Псковѣ племянника своего, Бориса; и когда сотскіе псковскіе не хотѣли его имѣть княземъ, то Мстиславъ ввѣлъ ихъ подъ стражу и утвердился съ людьми ¹⁾. Въ концѣ XII-го вѣка псковичи были передовою силою Новгородской Земли въ борьбѣ съ Чудью и Литвою. Такъ, въ 1190 г., псковичи отразили напоръ Поморской Чуди ²⁾, а въ 1191 г. Ярославъ новгородскій ходилъ вмѣстѣ съ ними и съ новгородцами на Медвѣжью-Голову ³⁾. Въ началѣ XIII вѣка во Псковѣ были свои особые князья, но все еще подъ рукою Новгорода; такимъ образомъ, при Мстиславѣ-Удаломъ былъ во Псковѣ князь Владимиръ; тутъ не было какой-нибудь особой привилегіи Пскова, потому что то же могло быть и въ другихъ новгородскихъ пригородахъ; и дѣйствительно, въ 1210 г. этого Владимира плесковского новгородскій князь назначилъ въ Луки ⁴⁾. Но признавая первенство Новгорода, Псковъ уже считалъ себя вправѣ распоряжаться внутреннею своею судьбою такъ же свободно, какъ и Новгородъ собою: тотъ же князь Владимиръ опять сдѣлался псковскимъ княземъ и былъ изгнанъ псковитянами въ 1213 г. На слѣдующій годъ во Псковѣ появился иной князь, Всеволодъ Борисовичъ ⁵⁾; въ 1216 г. опять Владимиръ ⁶⁾: псковичи съ нимъ вмѣстѣ участвовали нераздѣльно съ новгородцами въ борьбѣ противъ суздальцевъ. Когда Мстиславъ ушелъ на югъ, Владимиръ былъ во Псковѣ и подъ его начальствомъ псковичи воевали противъ Чуди,—новгородцы составляли съ ними одно вѣче по

¹⁾ Ипат. Спис. 120.

²⁾ Новг. I, 20.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Н. I, 30.

⁵⁾ Н. I, 32.

⁶⁾ Н. I, 34.

военному дѣлу ¹⁾. О князѣ ихъ Владимирѣ мы знаемъ изъ хроникъ Генриха, что онъ (вѣроятно, выгнанный псковичами), подружился съ нѣмцами, получилъ въ Ливоніи фогство, но потомъ помирился съ псковичами и воевалъ противъ рыцарей. Замѣчательное проявленіе самостоятельности Пскова выказывается въ дѣлѣ 1228 г., когда Ярославъ съ новгородцами отправлялся противъ нѣмцевъ, начавшихъ уже свое опустошительное крещеніе Чуди. Новгородцы, нападая на Ливонію, ограничились тѣмъ, что, подступая къ городу, спѣшили схватить, что было возможно, а потомъ и удалялись. За эти походы нѣмцы отомстили на псковичахъ, какъ на ближайшихъ сосѣдяхъ; это побудило псковичей заключить съ Ригю отдѣльный миръ и выложить (исключить) новгородцевъ. Тогда Ярославъ отправился ко Пскову; но псковичи не пустили его: въ городѣ распространилась вѣсть, что онъ хочетъ переловить вящихъ мужей,—ководовъ противной себѣ партіи. Ярославъ жаловался въ Новгородѣ на вѣчѣ; говорилъ, что онъ ѣздилъ во Псковъ вовсе не для того, чтобы творить тамъ расправу, а везъ въ коробьяхъ псковичамъ дары—паволоки и овощи. Уладившись съ новгородцами, онъ послалъ во Псковъ посломъ какого-то Мишу и просилъ, чтобы псковичи отправились вмѣстѣ съ нимъ на нѣмцевъ и выдали противниковъ. Псковичи уперлись и отвѣчали, что эти нападенія выгодны только для новгородцевъ, когда они берутъ себѣ окупъ, а псковичи за нихъ претерпѣваютъ бѣду, и недавно за то ихъ братію побили на озерѣ. «Вы—говорили они—раздираете миръ, и на насъ злое задумали. Такъ и мы противъ васъ со св. Богородицею и съ поклономъ: или насъ перебейте и женъ и дѣтей возьмите себѣ». Готова была вспыхнуть междоусобная война. Псковичи уже заключили союзъ съ нѣмцами и подвигали противъ новгородцевъ

¹⁾ Н. I, 35.

Чудь, Лотыголу, Либь (Ливовъ), выгнали изъ города всѣхъ, кого подозрѣвали въ благопріятствѣ къ новгородскому князю. Но обошлось безъ войны. Новгородцы сказали своему князю: «Безъ своей братьи, псковичей, мы не пойдемъ на Ригу». Послѣ такого рѣшительнаго отказа Ярославъ долженъ былъ уйти изъ Новгорода.

Псковъ игралъ тогда важную роль въ политическихъ дѣлахъ Новгорода, все еще составляя съ нимъ какъ-бы одно цѣлое: это былъ какъ-бы одинъ городъ, раздѣленный на двѣ половины, отстоявшія одна отъ другой слишкомъ на 200 верстъ. Изъ послѣдующихъ извѣстій, которыя, однако, не противорѣчатъ ничему прежнему, видно, что связь Новгорода со Псковомъ изображалась въ образѣ родственнаго союза: такъ Псковъ именовался меньшимъ братомъ Новгорода.

Въ 1232 г. Ярославъ, возвратившись въ Новгородъ, въ другой разъ вошелъ во вражду со псковичами. Когда одна новгородская партія его призывала, другая была противъ него и нашла себѣ опору въ Псковѣ. Споръ, однако, скоро уладился; псковичи помирились, признали Ярослава княземъ и потребовали отъ него особаго подручника. Онъ имъ далъ шурина своего, Юрія ¹⁾, и псковичи выгнали противниковъ Ярославовыхъ. Въ этомъ дѣлѣ видно то же равенство и связь съ Новгородомъ, какъ и прежде, но также и желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе. Въ половинѣ XIII-го вѣка усилились нѣмцы въ Ливоніи. Ихъ вражда съ Новгородомъ приняла теперь широкій размѣръ; противъ Новгорода ополчились шведы. Побѣды Александра спасли Новгородъ; но Псковъ, по своему положенію на границѣ Ливоніи, былъ поставленъ подъ ближайшіе удары непріятеля, набравшаго силы. Во Псковѣ нашлись измѣнники, которые, должно думать, были вмѣстѣ поборниками

¹⁾ Новг. Л. I, 88.

зарождавшася стремленія оторваться отъ Новгорода. На челѣ ихъ былъ сынъ Владимира — Ярославъ, нѣмецкими писателями называемый князь на Герцикѣ (на Городищѣ). Онъ подружился съ нѣмцами, и завоевалъ вмѣстѣ съ ними Изборскъ. Псковичи сразились и были разбиты; партія, благопріятствовавшая нѣмцамъ, сдала городъ въ 1240 г., и какой-то Твердило Ивановичъ сдѣлался правителемъ отъ руки нѣмцевъ. Вся Псковская область со своими городами была завоевана. Но тѣ псковичи, которые не хотѣли подлегать чужеземному владычеству, бѣжали съ женами и дѣтьми въ Новгородъ. Нѣмцы разсадили въ покоренной странѣ своихъ фогтовъ (тіуновъ), ворвались въ Водь. Псковской Земли имъ было не довольно; они думали овладѣть и всею Новгородскою. Тутъ остановилъ ихъ герой Новгорода, Александръ. Въ 1242 г. Александръ одержалъ надъ нѣмцами побѣду на Чудскомъ озерѣ. Псковъ былъ уступленъ со всѣми завоеванными областями и снова соединенъ съ Новгородомъ, какъ его меньшій братъ.

Испытанное на короткое время чужое завоеваніе придало ему силу и энергію въ неизбѣжной въ грядущемъ борьбѣ съ нѣмцами. Пскову угрожало безпрестанно враждебное сосѣдство; Псковъ живо чувствовалъ потребность самоуправленія для свободной дѣятельности своихъ оборонительныхъ силъ; но та же опасность удерживала его, не менѣе другихъ обстоятельствъ, все еще въ связи съ Новгородомъ, ради взаимной защиты. Въ 1266 г., послѣ кровавыхъ переворотовъ, случившихся въ Литвѣ, когда былъ убитъ Миндовгъ, прибѣжалъ во Псковъ князь Довмонтъ. Воскресенскій Списокъ говоритъ, что онъ былъ сынъ Миндовга и братъ знаменитаго Воишелга. Но чуть-ли это не былъ самъ убійца Миндовговъ, котораго также звали Довмонтъ или Даумантъ. Это правдоподобіе и потому, что псковской Довмонтъ ушелъ во Псковъ не тогда, какъ Миндовгъ былъ убитъ, а когда Воишелгъ, оставя свой мо-

настырь, началъ мстить за убитаго отца и преслѣдовать его враговъ ¹⁾. Тогда прибѣжало во Псковъ до трехъ сотъ литвиновъ,—все они были крещены во Псковѣ, гдѣ былъ тогда князь по имени Святославъ. Новгородская Лѣтопись прибавляетъ, что новгородцы хотѣли ихъ перебить; но князь Ярославъ не допустилъ. Остается подѣ сомнѣніемъ, о какихъ литвинахъ идетъ здѣсь рѣчь: о тѣхъ-ли, которые прибѣжали во Псковъ, и Ярославъ дѣйствовалъ здѣсь на правѣ первенства Новгорода надъ Псковомъ, или же кромѣ тѣхъ, которые пришли во Псковъ, приходили еще другіе въ Новгородъ, и рѣчь идетъ о послѣднихъ. Довмонтъ принялъ крещеніе и нареченъ Тимофеемъ. Увидѣвши въ немъ богатырскую натуру, псковичи провозгласили его княземъ. Со свойственною своему племени переродчивостію, Довмонтъ сдѣлался совершенно русскимъ душою и породнился съ Рюриковымъ домомъ, женившись на дочери сына Александра Невского, Димитрія. Его тридцатипятилѣтнее княженіе было героическимъ періодомъ псковской исторіи, временемъ удалыхъ подвиговъ и блестящихъ побѣдъ. Народъ любилъ его. Онъ былъ храбръ и имѣлъ даръ воодушевлять подвластную толпу, кстати и въ пору, и словомъ, и примѣромъ. Довмонтъ остановилъ побѣдительный наплывъ нѣмецкаго племени; удержалъ Псковъ отъ набѣговъ на него своихъ прежнихъ соплеменниковъ—литовцевъ, и остался въ памяти народа святымъ мужемъ, чудотворцемъ и покровителемъ Пскова. Трудно представить себѣ личность, которая-бы такъ удовлетворяла нравственному взгляду своего времени, какъ этотъ литовскій пришелецъ. Самсе его таинственное происхожденіе, приходъ изъ чуждой земли, его довѣрчивая преданность новому отечеству,—все придавало этому лицу особое достоинство въ глазахъ современниковъ и потомковъ. «Этотъ

¹⁾ Псков. I, 180; Новг. I, 40.

князь—говорить летопись—не одною храбростію былъ надѣленъ отъ Бога, но и боголюбіемъ, былъ привѣтливъ, украшалъ церкви, любилъ и кормилъ поповъ и монаховъ, честно проводилъ праздники, давалъ милостыню сиротамъ и вдовицамъ. Съ его поры Псковъ уже твердо созналъ свою самостоятельность. Довмонтъ, по своему времени, былъ столь же умный политикъ, какъ храбрый воинъ и благочестивый мужъ. Возбуждая исковичей противъ вѣнскихъ враговъ, онъ старался поддерживать съ Новгородомъ связь и дружелюбный союзъ. При немъ Новгородъ жилъ въ ладу со Псковомъ. Новгородскій князь Ярославъ раздосадовался было на псковичей за то, что они избрали свободно князя изъ чуждаго племени; за это Ярославъ хотѣлъ идти войною на Псковъ; новгородцы не допустили его до этого. Впрочемъ, степень власти Довмонта въ Псковѣ во все время его княженія не вполне извѣстна; въ Новгородской Лѣтописи говорится, что въ 1270 г., когда князь Ярославъ уѣхалъ въ Орду, то оставилъ въ Новгородѣ Андрея Воротиславича, а плесковичамъ далъ князя Аугуста. Кто былъ этотъ князь литовскаго происхожденія и зачѣмъ онъ явился во Псковѣ, неизвѣстно. Но, кажется, что въ то время, когда во Псковѣ былъ Довмонтъ, Новгородъ имѣлъ право посылать туда еще (кромя его) князей въ качествѣ подручниковъ своего князя. Во всякомъ случаѣ, при жизни Довмонта, Псковъ, образуя отдѣльную землю и особое управленіе, составлялъ, однако, съ Новгородомъ федеративное тѣло на болѣе тѣсныхъ основаніяхъ, чѣмъ съ прочими русскими землями.

Когда два брата, сыновья Невскаго, Димитрій и Андрей, поссорились между собою, и Новгородъ принялъ сторону сильнѣйшаго изъ соперниковъ, Андрея, покровительствуемаго ханомъ, Псковъ не побоялся принять къ себѣ Димитрія Александровича, тестя Довмонтова. Но эта размолвка съ Новгородомъ была непродолжительна и не по-

вела къ дальнѣйшей враждѣ. Псковъ слишкомъ часто былъ обезпокоиваемъ сосѣдствомъ нѣмцевъ, не могъ оставаться безъ князя, и при связи съ Новгородомъ довольствовался однимъ княземъ: Новгородъ самъ это понималъ. Когда Юрій, будучи новгородскимъ княземъ, въ 1321 году, поѣхалъ-было въ Орду, его ограбили на дорогѣ тверичи; онъ убѣжалъ во Псковъ ¹⁾. Псковичи, по увѣренію Псковской Лѣтописи ²⁾, оказали ему честь отъ всего сердца. Но у нихъ тогда былъ призванный изъ Литвы князь Давидъ, да еще другой князь Евстафій, котораго они посадили въ Изборскъ. Юрій пріѣхалъ во Псковъ осенью 1322 г. и жилъ во Псковѣ до февраля 1323 года. Князя Давида не было тогда во Псковѣ; когда онъ воротился, у Юрія, по извѣстію Новгородской Лѣтописи, ограбили товаръ — и Юрій ушелъ въ Новгородъ. Поступки Пскова казались признакомъ расторженія связи съ Новгородомъ. Призывая литовскихъ князей, псковичи какъ будто дѣлались подручниками Гедимины; и въ самомъ дѣлѣ, этотъ государь, создавая себѣ державу изъ русскихъ земель, считалъ и Псковъ подвластнымъ своему господству ³⁾. Что касается до самого Пскова, то онъ не считалъ себя черезъ это во враждѣ съ Новгородомъ, и обращался къ Новгороду съ просьбою помогать ему въ войнѣ съ Ливонією. Но тогда ни Новгородъ, ни князь новгородскій, Юрій, не помогли ему ⁴⁾. Этого мало. Новгородъ, еще прежде прибытія своего князя изъ Пскова, въ январѣ 1293 г. заключилъ съ рыцарями — врагами Пскова — оборонительный союзъ. У новгородцевъ у самихъ было тогда много враговъ: и шведы, только-что помирившись съ Ливонією, нападали на Ловать, и устю-

¹⁾ Новг. I, 73.

²⁾ Пск. I, 184.

³⁾ Bunge II, Н. 2. 151.

⁴⁾ Пск. I, 185.

жане грабили новгородцевъ, отправлявшихся въ Югру. Псковичи, предоставленные самимъ себѣ, отразили враговъ собственными силами. Это обстоятельство было препятствіемъ дальнѣйшему расторженію съ Новгородомъ.

Черезъ четыре года послѣ того явился во Псковѣ изгнанникъ, Александръ тверской, бѣжавшій туда отъ преслѣдованія хана и подручника его, московскаго князя. Псковъ принялъ его. Новгородцы были тогда на сторонѣ послѣдняго по давней непріязни къ сосѣдственнымъ тверскимъ князьямъ: новгородцы должны были видѣть въ этомъ поступкѣ противодѣйствіе не только князю, которого тогда признавали своимъ, но и Великому Новгороду. Они требовали выгнать Александра; иначе грозили идти на Псковъ со всею областью Новгородскою отъ Бѣло-озера, и отъ Заволочья, и отъ Корелы. Послы отъ князей, противниковъ Александра, Лука Протасьевъ съ товарищами и послы отъ Новгорода, владыка Моисей, тысяцкій Аврамъ и посадникъ Федоръ, требовали, чтобъ князь ѣхалъ въ Орду самъ. Александръ готовъ былъ ѣхать за вся христіяны—говорить лѣтописецъ. Но псковичи сказали ему: «не ѣзди, господине, въ Орду,—что-бы ни было съ тобою,—умремъ, господине, всѣ съ тобою въ одномъ мѣстѣ». Князь московскій, вѣроятно, догадался, что если станутъ добывать Александра оружіемъ, то псковичи призвуть на помощь Литву и потому намолвилъ митрополита Феогноста: митрополитъ наложилъ на Псковъ отлученіе и проклятіе. Владыка Моисей, кажется, раздѣлялъ тоже негодованіе на псковичей, потому что только впослѣдствіи, когда псковичи уступили, онъ послалъ имъ свое благословеніе. Проклятіе подѣйствовало на псковичей и на Александра. «Братья мои, друзья мои!—сказалъ онъ на вѣщѣ:—да не будетъ проклятія и отлученія надъ вами изъ-за меня! Уѣду изъ города вашего прочь; да не будетъ цѣлованія вашего на мнѣ, ни моего на васъ; цѣлуйте только

крестъ, что не выдадите княгини моей». Псковичи цѣловали ему крестъ и онъ уѣхалъ въ Литву. Псковичи дали знать чрезъ посадника Селогу и другихъ пословъ московскому князю Ивану и соединеннымъ князьямъ, что Александра нѣтъ болѣе во Псковѣ. Послы застали Ивана у Опочки; онъ шелъ на Псковъ, но медленно, — «не хотя псковичей разгнѣвити». — «Тебѣ, господину своему князю великому—говорили послы — весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика, и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и вдовицы, и жены, и малыя дѣти». Услыша, что соперника нѣтъ болѣе въ Псковѣ, Иванъ заключилъ со псковичами миръ по старинѣ—по отчинѣ и дѣдинѣ, т.-е. призналъ вольность Пскова, а митрополитъ Теогностъ и владыка новгородскій благословили псковичей ¹⁾.

Но неудовольствіе осталось. Мысль объ отдѣленіи отъ Новгорода не исчезала. Черезъ полтора года Александръ явился снова во Псковъ, и псковичи приняли себѣ его княземъ отъ руки великаго князя Гедимины; они, какъ будто, признавали надъ собою старѣйшинство послѣдняго, какъ будто отдѣляясь черезъ то и отъ Новгорода, и отъ всей русской федераціи, которая связывалась особою великаго князя Восточной Руси. Политика Гедимины хотѣла оторвать совершенно Псковъ отъ старшаго брата. Псковъ былъ зависимъ отъ новгородскаго владыки. Гедиминъ, по согласію съ Александромъ и псковичами, отправилъ на Волынъ къ находившемуся тамъ тогда митрополиту какого-то Арсенія, нареченнаго въ особые владыки Пскову. Такое покушеніе было тѣмъ законнѣе, что, въ то самое время, владыка Моисей, котораго признавали псковичи, удалился со владычества и избранъ Василій; пока еще послѣдній не былъ посвященъ, псковичи законно могли домогаться учрежденія особой епархіи, не соглашаясь признать владыкою того,

¹⁾ Пск. Л. I, 185—186.

кто еще не имѣлъ для нихъ этого достоинства. Но это не удалось. Митрополитъ отказался посвятить его. Недовольный такимъ поступкомъ, лѣтописецъ новгородецъ размышляетъ по этому случаю: «Богъ и святая Софія низлагаетъ всегда высокомыслящихъ, потому что псковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новгороду, посадили себѣ князя Александра отъ литовскія руки». При всемъ неудовольствіи новгородцевъ на псковичей, несогласія съ Иваномъ, возникшія у новгородцевъ, были причиною, что Александръ сидѣлъ во Псковѣ на княженіи десять лѣтъ. Самъ Новгородъ, враждуя съ Московю, поставилъ себя въ дружественныя отношенія съ Гедиминомъ; въ 1333 г. новгородцы приняли къ себѣ княземъ его сына Наримунта. Въ 1335 г. новгородцы помирились съ Иваномъ и готовились идти войною на Псковъ, но отложили походъ до другого времени. Въ 1337 г. новгородцы хотя были опять не въ ладу съ Иваномъ, но со Псковомъ не помирились. Князь тверской, жившій во Псковѣ, будучи врагомъ московскаго князя, не былъ другомъ Новгороду. Притомъ же владыка Василій отправился во Псковъ, думая собрать тамъ свой подѣздъ, но псковичи, все еще домогаясь отдѣльнаго церковнаго управленія, не дали ему, и владыка Василій проклиналъ ихъ ¹⁾. Но тогда князь Александръ Михайловичъ, бывшій столько времени предлогомъ къ враждебнымъ зацѣпкамъ ко Пскову и со стороны Новгорода и со стороны московскихъ князей, самъ рѣшился оставить Псковъ навсегда, идти въ Орду и просить возвращенія своего отеческаго достоянія. «Все равно,—такъ рассуждалъ онъ: —если я останусь здѣсь, то дѣти мои будутъ лишены наслѣдія въ Русской Землѣ». Еще въ 1336 г. онъ отправилъ сына Θεодора развѣдать, будетъ ли онъ милостиво принять ханомъ. Когда сынъ прислалъ къ нему благоприятное

¹⁾ Новг. Л. I, 77.

извѣстіе, онъ уѣхалъ изъ Пскова. Сначала ханъ отдалъ ему отцовское наслѣдіе, а потомъ, по проiscaмъ заклатаго врага, Ивана московскаго, его опять позвали въ Орду и тамъ умертвили, вмѣстѣ съ сыномъ.

Послѣ него явился во Псковѣ княземъ Александръ Всеволодовичъ (1341—1342 года.) Подъ тотъ часъ возникла у псковичей ссора съ нѣмцами. Князь Александръ Всеволодовичъ разсорился со псковичами и уѣхалъ отъ нихъ. Псковичи обратились къ Новгороду, съ просьбою подать имъ помощь противъ нѣмцевъ и прислать къ нимъ намѣстника:—имъ пришлось такъ круто, что за помощь, которую имъ окажутъ, они соглашались стать въ непосредственное подчиненіе къ Новгороду. Дѣло не состоялось. Новгородская и Псковская Лѣтописи расходятся между собою въ извѣстіяхъ объ этомъ событіи. Псковская говорить, что новгородцы не дали псковичамъ ни помочи, ни намѣстника, и потому псковичи, оставленные самимъ себѣ, рѣшились на дѣло, которое имѣло видъ отторженія отъ союза съ Новгородомъ ¹⁾. Напротивъ, Новгородская Лѣтопись говорить, что новгородцы, получивъ просьбу отъ псковичей, которые тогда называли Новгородъ господою своею, попечатали обчины (казенныя имущества), составили ополченіе и поспѣшно отправились, какъ вдругъ на дорогѣ близъ Мелетова встрѣчаютъ ихъ послы отъ Пскова и извѣщаютъ, что нѣтъ нужды новгородцамъ идти къ нимъ на помощь: рать нѣмецкая только ставить городъ на границѣ и притомъ на своей землѣ, а не на Псковской. Новгородцы хотѣли-было продолжать путь, вѣрно для того, чтобъ во всякомъ случаѣ исполнить предложеніе псковичей о вводѣ у нихъ намѣстника; однако псковскіе послы упростили ихъ воротиться: послѣ открылось, что псковичи отверглись и Новгорода, и великаго князя. Псковъ приз-

¹⁾ Псковск. Л. I, 186.

налъ надъ собою власть Ольгерда ¹⁾. Но, по увѣренію Псковской Лѣтописи, псковичи поступили такъ именно потому, что новгородцы не помогали имъ. Послы ихъ явились къ Ольгерду въ Витебскъ и говорили: «Братья наши Новгородцы насъ покинули — не помогаютъ намъ; помоги намъ, господине, въ это время ²⁾. Соображая это разнорѣчіе лѣтописцевъ, кажется, вѣрнѣе всего, что въ Псковѣ дѣйствовали и боролись между собою двѣ партіи: одна находила необходимымъ возобновить древнюю связь Пскова со старшимъ братомъ и вообще тѣснѣе держаться союза съ русскими княжествами; другая — мѣстна-національная, искала спасенія областному отечеству въ конечномъ отдѣленіи отъ Новгорода: покровительство Литвы, входившей въ то время въ силу, казалось этой послѣдней партіи выгоднымъ для Пскова; притомъ Ольгердъ наследовалъ отъ предковъ вражду противъ нѣмцевъ; дѣйствуя съ такимъ сильнымъ покровителемъ, можно было обезопасить себя отъ враговъ, которые, иначе, не давали Пскову покоя и очевидно высматривали только случая, чтобъ овладѣть имъ. Не дождавшись Ольгерда, псковичи должны были воевать съ нѣмцами, одни. Имъ посчастливилось на нѣсколькихъ стычкахъ. Ольгердъ прислалъ во Псковъ своего воеводу — Юрія Витовтовича, а потомъ въ 1341 г. прибылъ и самъ съ сыномъ, нареченнымъ Андреемъ, и братомъ Кестутіемъ. Но пользы отъ этого оказалось псковичамъ мало. Юрій Витовтовичъ, отправленный Ольгердомъ напередъ, наткнулся на нѣмцевъ, былъ разбитъ и заперся въ Изборскѣ. Изборяне, осажденные нѣмцами, умоляли о помощи; а Ольгердъ, находясь во Псковѣ, послалъ имъ благоразумное наставленіе, которое, по Никоновской Лѣтописи ³⁾, гласило такъ: «Сидите въ го-

¹⁾ Новг. Л. I, 81.

²⁾ Пск. Л. I, 187.

³⁾ III, 177.

родѣ и ни за что не сдавайтесь; бейтесь съ ними; если у васъ не будетъ крамолы, они ничего не успѣютъ; а мнѣ съ моею силой нельзя идти на ихъ великую силу: много мертвыхъ будетъ, а за кѣмъ верхъ останется—неизвѣстно. Если Божіею милостію и нашъ верхъ будетъ, да много погибнетъ воиновъ,—какая изъ этого польза? А вы сидите въ городѣ, да усердствуйте: они ничего не сдѣлаютъ!» И дѣйствительно, нѣмцы постояли дней десять подъ Изборскомъ и ушли. А между тѣмъ, самого Ольгерда псковичи убѣждали креститься. По сказанію Псковской Лѣтописи ¹⁾, онъ просто не хотѣлъ; а Никоновская лѣтопись говоритъ, что онъ сказалъ: «Я уже крещенъ и христіанинъ; нельзя два раза креститься». Во всякомъ случаѣ дѣло кончилось тѣмъ, что Ольгердъ оставилъ во Псковѣ сына своего Андрея: этотъ юноша пріѣхалъ съ отцомъ некрещенный, только съ молитвеннымъ именемъ, и крестился въ церкви св. Троицы ²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ новокрещенецъ уѣхалъ изъ Пскова, и думалъ управлять имъ черезъ своихъ намѣстниковъ. Псковичи увидали тогда, что отъ союза съ Литвою нѣтъ проку и помощи. Послали сказать Андрею, жившему въ Полоцкѣ, что если онъ самъ оставилъ Псковъ и не живетъ въ немъ, а управляетъ имъ черезъ намѣстниковъ, такъ и они его вовсе не хотятъ. Ольгердъ за это переловилъ въ своей землѣ псковскихъ купцовъ и взялъ съ нихъ окупъ; а сынъ его, которому псковичи отказали въ княженіи у себя, сдѣлалъ нападеніе на Вороночскую волость Псковской Земли ³⁾. Тогда псковичи, наживъ себѣ, вмѣсто союзниковъ, враговъ, обратились къ Новгороду. Другого исхода не было. Въ 1347 г. заключенъ съ Новгородомъ договоръ. Новгородъ признавалъ Псковъ младшимъ братомъ; Новгородъ не могъ

¹⁾ Пск. Л. I, 188.

²⁾ Пск. Л. I, 188; Ник. Л. III, 178.

³⁾ Пск. I, 190.

назначать во Псковъ посадниковъ, не могъ позывать псковичей на судъ, ни чрезъ подвойскихъ, ни чрезъ извѣстниковъ, ни чрезъ бирючей; владыка долженъ былъ поручить свой церковный судъ только природному псковичу. Это едва ли было новостью: скорѣе то было подтвержденіемъ прежнихъ отношеній. Изъ хода обстоятельствъ не видно, чтобы Псковъ находился до того въ строгой зависимости отъ Новгорода, отъ которой освобождаетъ его этотъ договоръ ¹⁾.

Печальное сосѣдство съ нѣмцами препятствовало Пскову утвердиться вполне самостоятельно; онъ долженъ былъ примкнуть куда-нибудь, — либо къ Новгороду, либо къ Литвѣ, либо къ Москвѣ. Союзъ съ Новгородомъ не удовлетворялъ псковичей: въ 1369 г. случилось, что новгородцы, приславши помощь псковичамъ противъ нѣмцевъ, не пособили имъ этимъ; но лѣтописецъ, такъ выражаясь, противорѣчить нѣсколько себѣ, указывая, однако, что нѣмцы отступили отъ Изборска, услыша, что новгородцы пришли на помощь псковичамъ ²⁾. Ссоры съ Новгородомъ безпрестанно возобновлялись, но не доходило до войны. Въ 1390 году возникла рагоза (распря) между городами. Въ Сольцѣ обѣ стороны помирились между собою ³⁾. Но что-то непріязненное между ними оставалось. На слѣдующій годъ нѣмцы заключили мирный договоръ съ Новгородомъ и Псковомъ особо. Въ 1393—1394 г., послѣ того какъ Василій Димитріевичъ нападалъ на новгородскія волости и новгородцы должны были уступить, между псковичами и новгородцами нерасположеніе опять-было готовилось перейти въ явную вражду: покончивши дѣло съ Васи́ліемъ, новгородцы собирались воевать своихъ мень-

¹⁾ Новг. Л. IV, 59.

²⁾ Псковск. Л. I. 192.

³⁾ Псковск. Л. I, 195.

шихъ братій, дошли до Пскова, но не могли ничего сдѣлать и, послѣ недѣльной стоянки, побросали свои стѣнобитные снаряды и ушли ¹⁾. Во время недоразумѣній новгородскихъ владыкъ съ митрополитомъ, Псковъ, какъ будто на зло Новгороду, оказывалъ митрополиту хорошія отношенія. Когда Кипріанъ посѣтилъ Новгородъ, псковичи прислали къ нему пословъ своихъ. Митрополитъ уѣхалъ отъ новгородцевъ съ дурнымъ расположеніемъ ко владыкѣ, — Пскову же, напротивъ, и его пригородамъ послалъ свое святительское благословеніе. Окончателное примиреніе съ Новгородомъ наступило въ 1397 г.; тогда прибыли въ Новгородъ псковскіе послы и просили владыку благословить псковичей. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что псковичи просили, чтобъ «Господинъ Великій Новгородъ имъ нелюбье отдалъ» ²⁾. Въ Псковской Лѣтописи такого выраженія нѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ, — Новгородъ за себя и за свои пригороды и волости; Псковъ — за себя и за свои пригороды и волости ³⁾. Условія этого мира въ подробностяхъ неизвѣстны; неизвѣстны равно и поводы къ ссорѣ, которая окончена этимъ миромъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка были во Псковѣ разные князья, призванные одни за другими. Они уже не имѣли прежняго принципиальнаго значенія власти надъ всею Псковскою Землею, а были только «кормленьщиками»; ихъ было по нѣскольку разомъ: имъ давали въ кормленье разные пригороды. Невозможно опредѣлить порядокъ ихъ преемничества между собою. Въ 1354 г. встрѣчаемъ князя Евстафія, умершаго въ 1360; при жизни его былъ другой князь, Василій Будиволна, прибывшій во Псковъ въ 1357 году. ⁴⁾. Подъ 1368 г. упоминается князь Александръ, подъ

¹⁾ Новг. Л. IV. 100.

²⁾ Новг. Л. I, 97.

³⁾ Пск. Л. I, 193.

⁴⁾ Пск. Л. I, 191.

1375 г. князь Матей ¹⁾. При заключеніи договора съ Новгородомъ въ 1397 году во Псковѣ было двое князей, Иванъ Андреевичъ и Григорій Евстафьевичъ. Послѣдній былъ на челѣ посольства, отправленнаго въ Новгородъ ²⁾.

II.

XV-й вѣкъ.

ПСКОВЪ ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ МОСКОВСКИХЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Въ 1401 г. Псковъ принялъ къ себѣ князя въ качествѣ намѣстника великаго князя московскаго, и съ тѣхъ поръ вошло въ постоянный обычай, что псковскіе князья получали утвержденіе отъ великаго князя. Псковъ признавалъ надъ собою верховное первенство послѣдняго. Впрочемъ, вѣковое право избранія этимъ еще не подрывалось. Псковичи избирали себѣ князей и потомъ просили великаго князя утвердить выборъ; по своей волѣ удаляли ихъ, приглашали другихъ, возвращали прежнихъ, и каждый разъ обращались къ великому князю за утвержденіемъ своего выбора. Просьба Пскова всегда удовлетворялась, и потому не происходило недоразумѣній. Такъ дѣлалось до половины XV-го вѣка. Такъ въ 1401 г. псковичи приняли въ качествѣ великокняжескаго намѣстника князя Данила Александровича; въ 1407 г. прогнали его, — пригласили вмѣсто его Константина, меньшого брата великаго князя московскаго ³⁾, а на слѣдующій годъ опять призвали Данила Александровича; послѣ смерти его, въ 1410 г.

¹⁾ Пск. Л. I, 133.

²⁾ Пск. Л. I, 195.

³⁾ Псковск. Л. I, 194.

избрали и попросили у великаго князя Александра Ѳеодоровича; на слѣдующій годъ не поладили съ нимъ, — пригласили опять Константина, который былъ у нихъ въ 1407 г. ¹⁾. Въ 1414 г. онъ удалился въ Москву. Псковичи приняли княземъ Андрея Александровича ростовскаго; на слѣдующій годъ его прогнали, испросили у великаго князя Ѳеодора Александровича. Въ 1420 г. онъ постригся и уѣхалъ въ Москву ²⁾. Въ 1422 г. явился во Псковѣ опять Александръ Ѳеодоровичъ, также отъ руки великаго князя. Въ 1423 г. онъ уѣхалъ изъ Пскова; вмѣсто него прибылъ туда княземъ отъ руки великаго князя Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, внукъ Наримунта. Но въ 1425 г. онъ убоился морового повѣтрія и уѣхалъ изъ Пскова, а въ 1428 г. явился во Псковѣ опять Александръ Ѳеодоровичъ тоже отъ руки великаго князя ³⁾. Этотъ князь въ 1434 г. уѣхалъ въ Москву со всею своею челядью; псковичи, по своему выбору, получили, съ утвержденія великаго князя, сына бывшаго своего князя Данила, Володимира Даниловича ⁴⁾. Въ 1439 году псковичи его выгнали и приняли Ольгердова правнука, Александра Ивановича. Въ 1442 г., послѣ постриженія и смерти его, былъ у нихъ князь по имени Александръ Васильевичъ ⁵⁾. Эти князья назывались собственно псковскими князьями, имѣли принципиальное значеніе надъ Псковомъ и его землею, и были подручниками великаго князя московскаго. Кромѣ ихъ, Псковъ принималъ разныхъ князей и давалъ имъ кормленья; они являлись и уходили одинъ за другимъ. Такъ въ 1401 г., когда княземъ псковскимъ былъ Данило Александровичъ, на кормленьи у псковичей былъ князь

¹⁾ Псковск. Л. I. 200.

²⁾ Псковск. Л. II, 22—23.

³⁾ Псковск. Л. II, 26; Псковск. Л. I, 205.

⁴⁾ Псковск. Л. I, 208.

⁵⁾ Псковск. Л. I, 212.

Григорій Евстафіевичъ ¹⁾. Въ 1431 г., при князѣ Александрѣ Ѳеодоровичѣ, упоминается при заложении города на Гдовѣ, князь Дмитрій Александровичъ, сынъ его, вѣроятно, получившій пригородъ этотъ въ кормленье. Въ 1436 и 1437 были въ Псковѣ недолго (около полугода, не болѣе) литовскіе князья—Иванъ Баба и Иванъ Андреевичъ; оба, поживши во Псковѣ, уѣхали въ Москву ²⁾. Великіе князья московскіе не вмѣшивались въ дѣла вольнаго города, не дѣлали никакихъ притязаній, потому что Псковъ и его волость не представляли такихъ приманокъ, какъ Новгородъ. Московская политика должна была находить выгоднымъ ласкать свободу Пскова, потому что въ немъ находила противодѣйственную силу Новгороду, отдѣляла Псковъ отъ Новгорода и тѣмъ ослабляла послѣдній. И въ самомъ дѣлѣ, какъ возрастало доброе отношеніе къ Москвѣ, такъ съ тѣмъ вмѣстѣ развивалось и неприязненное отношеніе къ Великому Новгороду.

Витовтъ литовскій, преслѣдуя наслѣдованное отъ предковъ стремленіе къ овладѣнію Русью, не оставлялъ и Псковъ. Въ 1406 г., безъ объявленія войны Пскову, а пославши разметныя грамоты Великому Новгороду, онъ напалъ на псковскіе пригороды. Онъ считалъ Псковъ нераздѣльно связаннымъ съ Новгородомъ и потому своимъ врагомъ, какъ скоро самъ находился во враждѣ съ Новгородомъ. 5-го февраля Витовтъ неожиданно подступилъ къ псковскому пригороду Коложе и взялъ его. Литовцы повоевали всю Коложскую волость и погнали въ плѣнъ одиннадцать тысячъ народа обоого пола и всякаго возраста. Отъ Коложе рать литовская подошла къ Вороночу, на рѣкѣ Сороти, стояла подъ этимъ городомъ два дня и не взяла его. Уходя изъ-подъ города, литвины съ досады наметали

¹⁾ Псковск. Л. I, 195.

²⁾ Псковск. Л. I. 210.

двѣ лодки мертвыхъ дѣтей. Какъ и Псковъ сталъ на свѣтъ, такой пакости не бывало—говорить лѣтописецъ ¹⁾. Такимъ образомъ, союзъ съ Новгородомъ навлекалъ на Псковъ опасность, а новгородцы не подавали ему помощи. Напротивъ, въ слѣдующемъ 1407 году, помирившись съ Витовтомъ, они пригласили себѣ княземъ Лугвенія Ольгердовича, Витовтова подручника. Все это—говорить лѣтописецъ Пскова—дѣлалось наперекоръ Пскову; новгородцы дружились съ его врагами—съ Литвою и нѣмцами, но не помогли псковичамъ ни дѣломъ, ни словомъ, и псковичи должны были положить все упованіе на св. Троицу, да на великаго князя московскаго. Тяжело имъ приходилось обороняться отъ литовцевъ и нѣмцевъ разомъ. Новгородъ не оказывалъ имъ пособія и находился въ мирѣ съ ихъ непріятелями; напротивъ, московскій великій князь велъ съ ними вмѣстѣ за-одно войну противъ своего тестя Витовта, и, помирившись съ нимъ на Угрѣ, въ 1409 г. устроилъ миръ между Витовтомъ и Псковомъ. Въ слѣдующіе годы Псковъ находился не въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, хотя до открытой войны дѣло не доходило. Такъ было до 1417 г.; тогда заключенъ былъ съ Новгородомъ миръ ²⁾. Въ 1426 г. возникла у Пскова опять война съ Литвою. Какой предлогъ войны поставилъ тогда Витовтъ — неизвѣстно. На Петровъ день объявилъ онъ войну Пскову; 1-го августа, въ понедѣльникъ, явился онъ подъ городомъ Опочкою, построеннымъ недавно вмѣсто разореннаго литовцами Коложе. Съ Витовтомъ были не только литовцы, но поляки, и чехи, и волохи, и толпы татаръ. Святой Спасъ помогать опочанамъ, — говорить лѣтопись ³⁾. Непріатели стояли подъ Опочкою два

¹⁾ Псков. Л. I, 197.

²⁾ Пск. Л. I, 202.

³⁾ Пск. I, 203.

дня и двѣ ночи. Опочане притаились въ своемъ маленькомъ городѣ за валомъ, такъ что осаждающимъ казалось, что городокъ пустъ. Черезъ ровъ, окружающій валъ, былъ мостъ на веревкахъ, а подъ мостомъ были натканы острые колья. Татары, не подозрѣвая хитрости, бросились на мостъ; тогда веревки подрѣзали и они попадали въ ровъ на колья. Немедленно за тѣмъ опочане бросились изъ города и нахватали плѣнниковъ. Тогда заплатили они равнымъ звѣрствомъ за тѣхъ мертвыхъ дѣтей подъ Вороночемъ, которыя возбудили ужасъ лѣтописца - современника. Они отрѣзывали татарамъ дѣтородныя части и вставляли имъ въ ротъ, а съ ляховъ, чеховъ, и волоховъ сдирали кожи и ободранныхъ показывали на валу непріятелю ¹⁾). Витовтъ не взявъ Опочки и двинулся къ Вороночу. Онъ пришелъ туда 5-го августа и стоялъ подъ городомъ три недѣли; пороки били непрестанно въ городъ; городъ не сдавался, благодаря крѣпкому мѣстоположенію и высокому валу, хотя вороночанамъ,—по замѣчанію лѣтописца—было очень тяжело. Посадники, начальствовавшіе городомъ, успѣли дать знать псковичамъ: «Господа псковичи!—писали они—помогите намъ и гадайте о насъ; намъ очень пристужно». Псковичи прислали Витовту челобитную о мирѣ. Витовтъ сначала не хотѣлъ и слушать, а потомъ согласился. Лѣтописецъ приписываетъ такую перемѣну въ литовскомъ князѣ ночной грозѣ. Громъ былъ таковъ, что Витовтъ, ухватясь за шатерный столбъ, кричалъ: «Господи, помилуй!» Ему чудилось, что земля пожретъ его, и онъ на дно адаво снидетъ,—говоритъ лѣтописецъ ²⁾). Въ самомъ же дѣлѣ, были причины и болѣе обыкновенныя, склонившія его къ миру: отрядамъ, посланнымъ изъ литовскаго войска разорять Псковскую Землю

¹⁾ Ник. .I. V, 93.

²⁾ Ник. .I. V, 95.

не слишкомъ посчастливилось. Подъ Котельномъ литовскій отрядъ напалъ на небольшой псковской отрядъ. По увѣренію Псковской Лѣтописи, литовцевъ и татаръ было семь тысячъ, а псковичей четыреста человекъ. Это, конечно, невѣроятно. Хотя убито было семнадцать, и взято въ плѣнъ тринадцать человекъ псковичей, но весь псковской отрядъ успѣлъ уйти въ Котельно, а литовцевъ и татаръ легло много. Еще удачнѣе поразили островичи (изъ пригорода Острова) литовскую рать въ лѣсу, а другой отрядъ подъ пригородомъ Вревомъ разсѣяли вревичи. Все показывало Витовту, что если дѣло пойдетъ на завоеваніе Псковской Земли, то у псковичей хватитъ мужества на защиту своей вольности. Между тѣмъ, псковичи предлагали ему тысячу рублей, если онъ выйдетъ изъ Псковской Земли ¹⁾. Сверхъ того, пріѣхалъ къ нему посолъ отъ его внука, великаго московскаго князя и просилъ пощадить Псковскую Землю, которую называлъ отчиною великихъ князей ²⁾. Витовтъ согласился взять тысячу рублей и вышелъ изъ псковскихъ предѣловъ. Деньги были отданы ему въ слѣдующемъ году, и тогда-же возвращены захваченные на войнѣ плѣнные; Витовтъ, принявъ отъ Пскова своихъ плѣнниковъ, не отпустилъ псковскихъ иначе, какъ взявши за нихъ со Пскова еще полпятаста рублей окупа (четыреста пятьдесятъ рублей) ³⁾. По извѣстію Псковской Лѣтописи, псковичи тогда умоляли новгородцевъ подать имъ помощь. Новгородъ отправилъ къ Витовту посла своего Александра Игнатьевича; но этотъ Александръ Игнатьевичъ шелъ съ войскомъ псковскаго непріятеля, былъ свидѣтелемъ ратныхъ дѣлъ и уѣхалъ въ Новгородъ, не учинивъ добра ничто-же, а только хуже зла надѣлалъ. Напро-

¹⁾ Псковск. Л. I, 204.

²⁾ Ник. Л. V. 95.

³⁾ Пск. Л. I, 205.

тивъ, и на этотъ разъ болѣе помогъ псковичамъ великій князь московскій: только при посредствѣ посла его, псковичи купили себѣ миръ за тысячу рублей. Не обращали на Псковъ вниманія новгородцы и въ 1427—28 гг., когда произошла распря съ нѣмцами, и Псковъ долженъ былъ собственными силами отдѣливаться и мириться. Также и псковичи не оказывали помощи новгородцамъ, когда въ 1428 году Витовтъ явился подъ новгородскимъ пригородомъ Порховомъ, и новгородцы должны были покупать себѣ миръ за пять тысячъ рублей. Псковичи говорили новгородцамъ: «Вы намъ не помогали, и мы вамъ помогать не станемъ, да еще у насъ съ Витовтомъ договоръ такой, чтобъ вамъ не пособлять»¹⁾. Псковъ опять послѣ того находился съ Новгородомъ нѣсколько лѣтъ въ ссорѣ. Это видно изъ того, что въ 1432 г. посолъ изъ Пскова ѣздилъ въ Новгородъ предлагать миръ, однако новгородцы не приняли псковскаго челобитья; не доходило впрочемъ и до войны; не было—по выраженію лѣтописца—ни мира, ни развратъ²⁾. И въ 1433 году ѣздили послы отъ Пскова въ Новгородъ и не помирились съ Новгородомъ. Удачнѣе было посольство въ слѣдующемъ 1434 г. Тогда—говоритъ лѣтописецъ—помиловалъ Богъ и св. Софія и владычье благословеніе³⁾. Великій Новгородъ принялъ челобитье, и миръ состоялся по старинѣ. Только миръ этотъ былъ опять-таки непродолжителенъ. Приѣхалъ владыка Евфимій во Псковъ требовать суда и управы: насильственные поступки съ духовными довели до ссоры между пскокичами и «софьянами» — многочисленною дружиною, съ которою ѣздилъ владыка. Евфимій уѣхалъ съ гнѣвомъ. Такимъ образомъ, старое неудовольствіе возобновилось. Въ 1441 году представился случай, когда оно разразилось открытою враждою.

¹⁾ Пск. .I. II, 26.

²⁾ Пск. .I. I, 206.

³⁾ Пск. .I. I, 205.

Великій князь потребовалъ отъ псковичей помощи себѣ противъ Новгорода. Князь псковской Александръ и посадники отослали Новгороду мирную грамоту и отказали пѣлованіе. Какую роль играла при этомъ масса псковскаго народа—неизвѣстно; въ лѣтописи приписывается объявленіе войны князю и посадникамъ, а не говорится о *всемъ Псковѣ*, какъ-бы этого можно было ожидать, если бы народъ объявилъ эту войну единогласно. Очень можетъ быть, что существовало и несогласіе на эту войну; только въ то время не могла противодействовать ей та партія, которая вскорѣ, какъ увидимъ, дала другой оборотъ отношеніямъ къ Новгороду. До сихъ поръ неудовольствія между двумя городами ограничивались болѣе взаимными упреками, нерасположеніемъ и неохотою помогать другъ другу; но почти не доходило до кровавыхъ послѣдствій. На этотъ разъ псковичи, объявивъ Новгороду рѣшительную войну, опустошали пограничную новгородскую волость верстъ на триста въ длину и верстъ на пятьдесятъ въ ширину, отъ литовскаго рубежа до нѣмецкаго ¹⁾. Псковское оружіе рѣшало споръ великаго князя съ Новгородомъ въ пользу московскаго единодержавія. Новгородцы поспѣшили заключить деманскій договоръ и купить себѣ миръ деньгами. Это обстоятельство должно было расположить московскую политику къ тому, чтобъ дорожить союзомъ со Псковомъ: ей нуженъ былъ этотъ союзъ противъ Новгорода.

Скоро, однако, хотя на время, показалась во Псковѣ партія, которая видѣла въ будущемъ опасность для древней свободы своей земли въ союзѣ съ Москвою, а спасеніе и крѣпость — въ дружной связи съ Новгородомъ, во взаимномъ содѣйствіи къ защитѣ обоюдной независимости. Въ 1448 г. принять княземъ потомокъ суздальскихъ князей (правнукъ Дмитрія Константиновича нижегородскаго)

¹⁾ Пск. Л. II, 21. Пск. Л. I, 219.

Василій Васильевичъ; онъ находился въ родовой непріязни къ московскому дому. Не видно, чтобы псковичи просили его утвержденія отъ великаго князя ¹⁾. Тогда-то Псковъ сблизился дружески съ Новгородомъ. Оба города заключили миръ съ нѣмцами, тогда какъ прежде давно уже псковичи воевали и мирились съ нѣмцами безъ участія новгородцевъ. Въ 1450 г., владыка прибылъ во Псковъ и былъ встрѣченъ съ большими почестями и радушіемъ. Онъ служилъ въ соборной церкви св. Троицы, пѣлъ многолѣтіе живущимъ подъ покровомъ (окрестъ) св. Софіи и св. Троицы и поминалъ положившихъ свои головы за эти Божіи дома. Все показывало видъ согласія и искренняго братства двухъ городовъ. Во всѣхъ концахъ Пскова владыку дарили; не было уже обычнаго ропота на поборы: съ честью отъѣхалъ онъ за рубежъ Псковской Земли, провожаемый своею псковскою паствою ²⁾. То же повторилось и въ 1453 г. ³⁾. Въ 1455 г. князь Василій уѣхалъ въ Новгородъ, а Псковъ пригласилъ къ себѣ княземъ правнука Ольгердова, Александра Черторизскаго, также недоброжелателя московской политики, проживавшаго у новгородцевъ на кормленѣ, въ Русѣ. Еще не успѣлъ этотъ князь пріѣхать, какъ въ началѣ 1456 года вспыхнула новая война московскаго князя съ Новгородомъ. Тогда псковичи увидали на своемъ вѣтѣ новгородскаго подвойскаго Есифа: «Братья! — говорилъ онъ—мужи псковичи! Братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется! Помогайте намъ противъ великаго князя; правьте крестное цѣлованіе!» И псковичи — говорить ихъ лѣтописецъ ⁴⁾—не припомнили тогда древнихъ лѣтъ, когда Новгородъ не помогалъ Пскову въ нуждѣ. Псковское ополченіе подъ предводительствомъ своихъ посадниковъ вышло

¹⁾ Пск. Л. I, 213. Пск. Л. II, 31.

²⁾ Пск. Л. I, 214.

³⁾ Пск. Л. II, 31.

⁴⁾ Пск. Л. I, 216.

на помощь новгородцамъ. Упорной войны не было. Владыка Евфимій съ новгородскими и псковскими послами поѣхалъ къ великому князю и уладилъ дѣло платежей. Псковичи участвовали въ платежѣ осьми съ половиною тысячъ рублей. Послѣ того владыка снова прибылъ во Псковъ и принять былъ съ прежнею радостью и съ прежними подарками.

Но дружное и взаимное содѣйствіе Новгороду не могло быть прочно. Послѣднее сопротивленіе великому князю принесло Пскову одинъ вредъ: Псковъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Новгородомъ платить окупъ, тогда какъ прежде никогда не бывало, чтобы Псковъ платилъ великому князю. Теперь это случилось именно отъ союза съ Новгородомъ. Угрожали Пскову нѣмцы; распри съ ними не прекращались. Помощь отъ сильнаго московскаго великаго князя казалась нужною. Въ 1460 году прибылъ великій князь Василій въ Новгородъ. Партія, желавшая съ нимъ союза, взяла тогда во Псковѣ верхъ:—отправлены были изъ Пскова въ Новгородъ послы къ великому князю съ подарками 50-ю рублями. «Мы приобщены отъ поганныхъ Нѣмцевъ и водою, и землею, и головами—говорили псковскіе послы — и церкви Божіи пожжены отъ поганныхъ Нѣмцевъ на миру и на крестномъ цѣлованіи; бьемъ челомъ, чтобъ нашему князю псковскому Александру Васильевичу Черторизскому быть отъ тебя, великаго князя, у насъ намѣстникомъ». Великій князь отвѣчалъ: «Я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганныхъ, какъ дѣлали и отцы наши, и дѣды, и великіе князья; а что вы мнѣ извѣщаете объ Александрѣ Черторизскомъ, и о томъ я васъ, свою отчину, жалую: пусть только поцѣлуетъ князь Александръ животворящій крестъ, ко мнѣ, великому князю, и къ моимъ дѣтямъ, что ему зла на насъ не хотѣтъ, не мыслить—тогда онъ будетъ вамъ князь, а отъ меня намѣстникъ». Когда привезли Черторизскому этотъ отвѣтъ, онъ явился

на вѣче и сказалъ: «Не стану я цѣловать креста московскому князю: не слуга я великому князю; а если такъ, то пусть не будетъ вашего цѣлованія на мнѣ, а моего на васъ! Прощайте псковичи!.. я болѣе вамъ не князь! Когда начнутъ вороны псковичей-соколовъ хватать, тогда и меня, Черторизскаго, вспомняете!» Напрасно псковичи упрашивали его остаться; онъ не принялъ челобиття псковичей, собралъ своихъ триста человекъ кованой (въ панцыряхъ) рати и уѣхалъ въ Литву ¹⁾.

По удаленіи Черторизскаго, Псковъ вошелъ въ прежнее отношеніе къ великому князю и получалъ отъ него князей въ значеніи великокняжескихъ намѣстниковъ. Но разъ отъ разу отношенія эти становились для Пскова зависимостію. Тотчасъ по отъѣздѣ Черторизскаго прибылъ отъ великаго князя сынъ его, Юрій, съ боярами во Псковъ. Псковичи приняли его съ честію, посадили на столъ въ церкви св. Троицы, но послали просить у великаго князя другого сына, Ивана Васильевича. Кажется, что псковичи перемѣнили одного брата на другого единственно для того, чтобъ удержать свое старое право избранія: Юрій пріѣхалъ во Псковъ неизбранный. Уступая желанію великаго князя, чтобъ во Псковѣ былъ намѣстникомъ его сынъ, они по крайней мѣрѣ изъ сыновей его хотѣли указать себѣ князя сами, а не принимать назначеннаго безъ спроса о ихъ желаніи. Такъ псковскимъ княземъ сдѣлался въ 1460 г. Иванъ Васильевичъ, тотъ самый, который впослѣдствіи, ставши великимъ, нанесъ ударъ вѣчевой свободѣ въ Сѣверной Руси. Въ слѣдующемъ году онъ отправился къ родителю вмѣстѣ съ посольствомъ отъ Пскова—просить защиты противъ враговъ нѣмцевъ, чтобы великій князь печаловался своею отчиною, и не оставлялъ мужей своихъ псковичей, «добровольныхъ людей». Псковичи хотѣли этимъ титуломъ

¹⁾ Пск. Л. I, 219.

напомнить, что если они и подчиняются великому князю, то по своей доброй волѣ, а не по нуждѣ.

Въ 1462 г., псковской князь по смерти отца сдѣлался великимъ, а во Псковъ на его прежнее мѣсто посланъ Владимиръ Андреевичъ, — не по псковскому прошенію и не по старинѣ ¹⁾, — замѣчаетъ лѣтописецъ. Явно Москва начинала затрогивать право псковичей получать себѣ князя не иначе, какъ по собственному избранію. Псковичи проглотили это неуваженіе къ своей старинѣ въ первый разъ, и посадили на столъ непризваннаго князя честно; не могли однако забыть они, что онъ у нихъ сѣлъ не такъ, какъ слѣдовало — и черезъ полтора года изгнали его. «Ты приѣхалъ не по псковской старинѣ, — было ему сказано: — Псковичами не званъ и на народъ не благъ». Вслѣдъ за нимъ отправлено посольство къ великому князю о томъ, чтобъ назначалъ князей по псковской старинѣ, который князь Пскову любъ. Имени князя, котораго бы они хотѣли, не указывалось; повидимому, самое тогдашнее посольство было не о князѣ, а о сохраненіи права. Ивану Васильевичу очень не понравилась такая выходка; онъ три дня не допускалъ къ себѣ на глаза пословъ, и велѣлъ имъ сказать, что дивится такому посольству; но въ то же время разсчелъ, что Псковъ ему нуженъ противъ Новгорода, и не слѣдуетъ, пока, раздражать псковичей черезъ чуръ. Призвавъ пословъ къ себѣ, онъ сказалъ имъ: «Жалую отчину мою Псковъ, добровольныхъ людей, по старинѣ, и дамъ вамъ такого князя, какого сами захотите. Явите Пскову: пусть скажетъ Псковъ, какого князя хочетъ; я того имъ и дамъ; пришлите ко мнѣ грамоту съ своимъ бояриномъ».

Послы воротились, и вѣче избрало Ивана Александровича, князя звенигородскаго, Иванова подручника. Вели-

¹⁾ Пск. Л. I. 222.

кій князь утвердилъ выборъ. Псковичи посадили новаго князя у св. Троицы. Въ 1466 г. онъ уѣхалъ добровольно ¹⁾). Псковичи, какъ видно, послѣ того уже и сами между собою не поладили въ выборѣ князя; посольство ихъ отправилось въ Москву съ именами двухъ кандидатовъ: Ивана Стриги и Ѳедора Юрьевича. Отъ великаго князя зависѣло послать имъ того или другого. Онъ далъ имъ Ѳедора Юрьевича. Первый разъ въ исторіи Пскова случилось подобное, и этотъ случай, естественно, самъ собою велъ къ болѣе подчиненности великому князю. Князь Ѳедоръ былъ во Псковѣ и тогда, когда Псковъ помогалъ великому князю въ войнѣ противъ Великаго Новгорода, въ 1471 году.

Непріятныя отношенія къ Новгороду скоплялись годъ отъ году. Въ 1463 г. псковичи воевали съ нѣмцами: новгородцы не хотѣли помогать псковичамъ, сколько тѣ ни просили. Умеръ Евфимій, умѣвшій нѣсколько ладить съ Псковомъ; преемникъ его Іона былъ нетерпимъ псковичами. Въ 1464 г. псковичи начали у великаго князя хлопотать объ отдѣльномъ владыкѣ;—ихъ домогательства не удались, но озлобили новгородцевъ: послѣдніе побуждали великаго князя послать во Псковъ войско усмирять псковичей. Великій князь сдержалъ тогда вражду двухъ городовъ, не потакая ни тому, ни другому. Новгородъ, защищая права своего архіепископа, ропталъ, что псковичи отнимаютъ церковныя имущества, въ противность священнымъ правиламъ. Псковъ упрекалъ своего старшаго брата за то, что онъ покидаетъ меньшаго въ бѣдѣ, и не помогаетъ противъ нѣмцевъ. «Мы,—говорили псковичи,—съ новгородцами за одно постановили съ нѣмцами перемирье; стало-быть, когда нѣмцы не додержали его, такъ новгородцы за одно со псковичами должны сѣсть на коня и воевать

¹⁾ Пск. Л. I, 230.

противъ нѣмцевъ; а вы, новгородцы, не только-что не хотите знать, что есть наше перемирье, а еще съ нѣмцами соединяетесь, чтобъ вамъ съ нѣмцами за одно стать противъ насъ псковичей, свою братью молодшую обижаете!» На жалобы новгородцевъ, что Псковъ захватилъ владычнія земли, псковскіе послы оправдывали въ этомъ своихъ именно тѣмъ, что новгородцы не помогаютъ псковичамъ въ войнахъ противъ нѣмцевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, псковскіе послы сказали: «Вотъ вамъ, братья, наша старѣйшая, и воды, и земли владычнія и всѣ оброки съ земель по старинѣ; а что мы два лѣта собирали хлѣбъ съ этихъ земель и въ водахъ рыбу ловили, такъ мы тѣмъ кормили силу великаго князя; а мы должны были призывать ее къ себѣ, потому что вы намъ не помогали на Нѣмцевъ». Много было о томъ истомы, — замѣчаетъ лѣтописецъ: — наконецъ обѣ стороны цѣловали крестъ и присягнули быть во единомъ братствѣ; и владыка благословилъ тѣхъ и другихъ ¹⁾).

Въ 1469 году духовенство Пскова покусилось-было отложиться отъ владыки и управляться само собою. Покупеніе не удалось: митрополитъ не одобрилъ его. Владыка Іона преслѣдовалъ своихъ недоброжелателей и требовалъ особаго побора отъ священниковъ. Это озлобило псковичей противъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ противъ новгородцевъ, всегда державшихъ сторону своего владыки. Тогда присоединились другія причины неудовольствій: въ Новгородѣ задержали псковскихъ купцовъ и ихъ товары. Въ такихъ отношеніяхъ находился Псковъ, съ одной стороны, къ великому князю, съ другой, — къ Новгороду, когда великій князь подвинулъ псковичей на войну противъ Новгорода въ 1471 году.

Какъ только Иванъ Васильевичъ сладилъ съ Новгоро-

¹⁾ Псковск. Л. I. 229.

домъ, тотчасъ и псковичи начали сильнѣе чувствовать на себѣ его тяжелую руку. Начались тогда же стѣсненія вѣчевыхъ правъ, предвозвѣщавшія, что рано или поздно Псковъ долженъ будетъ совсѣмъ разстаться съ своею стариною. До тѣхъ поръ, хотя великіе князья и утверждали избранныхъ псковичами князей, но псковичи считали себя въ правѣ изгнать своего князя и выбрать другого: такъ дѣлалось; и великіе князья, не вступая въ разбирательство,—какъ и почему,—утверждали того, кого городъ вновь избиралъ. Теперь Иванъ Васильевичъ самъ предупредилъ псковичей и объявилъ ихъ посламъ, что если у нихъ князь станетъ чинить насилье, или вообще псковичи за что-нибудь будутъ недовольны своимъ княземъ пусть не безчестуютъ его сами; пусть принесутъ на него жалобу великому князю, а великій князь пожалуетъ свою отчину. Такъ и случилось въ 1472 году. Псковичи поѣхали въ Москву жаловаться на своего князя Ѳедора Юрьевича и просить себѣ другого—Ивана Стригу. Великій князь не далъ имъ желаемого князя, и приказалъ, чтобы псковичи указали на другого. Псковичи тогда представили имена двухъ кандидатовъ: Ивана Бабича и Ярослава, брата князя Стриги. Великій князь утвердилъ послѣдняго. Уже эти князья начали считать себя независящими отъ Пскова, подобно прежнимъ князьямъ, а уполномоченными того, кто претендовалъ на верховную власть надо Псковомъ: они дозволяли себѣ оскорбительныя своевольства, возбуждавшія всеобщую досаду.

Между тѣмъ, псковичи до рѣшенія дѣла, пока ихъ послы были въ Москвѣ съ жалобою на князя Ѳедора, не смѣли сами прогнать этого ненавистнаго для нихъ князя, какъ поступили бы ихъ дѣды и отцы въ такомъ случаѣ. Этотъ князь, видя, что его уже черезъ-чуръ не терпятъ, рѣшился уѣхать самъ, и не смотря на свою злобу къ нему, псковичи должны были, почитая въ немъ великокняже-

скаго. намѣстника, провожать его съ почестью, надѣлили его хлѣбомъ, вологою и медомъ. Князь этотъ не заплатилъ такую же вѣжливостію Пскову; напротивъ, какъ только переѣхалъ за рубежъ, — ограбилъ посадниковъ, и сотскихъ, и подвойскихъ, провожавшихъ его, и отпустилъ ихъ чуть не нагими домой. Желая угодить великому князю, Псковъ оказалъ самый радушный пріемъ невѣстѣ великаго князя, Софіи Палеологъ, проѣзжавшей съ своею свитою въ 1473 году. Но на слѣдующій же годъ Псковъ еще разъ испыталъ, какъ страшно, хотя и необходимо, покровительство сильной Москвы. Завязалась у Пскова война съ нѣмцами. Государь прислалъ ратную силу; Новгородъ, уже подручный ему, поневолѣ долженъ былъ прислать свои вспомогательныя силы; нѣмцы должны были просить мира; оборона для Пскова отъ великаго князя была дѣйствительна. Вслѣдъ за тѣмъ въ Москву поѣхалъ посломъ Григорій Умыль-Вородка, бить челомъ на жалованьи и печаловаться, то есть благодарить великаго князя. Этотъ посолъ, воротившись назадъ, привезъ соотечественникамъ нелюбе и гнѣвъ великаго князя. Великій князь былъ недоволенъ тѣмъ, что послы, которые прежде пріѣзжали просить у него вспомогательной силы, не были большіе послы. Это, какъ видно, у московскаго государя былъ только предлогъ. Ему хотѣлось безпрестанно придирается то къ тому, то къ другому; такой путь былъ выбранъ, чтобъ, мало-по-малу, обратить псковичей изъ добровольныхъ въ недобровольныхъ. Самъ псковскій князь, а съ нимъ три посадника, да нѣсколько посадничьихъ дѣтей и бояръ, поѣхали въ Москву и повезли великому князю поминка сто рублей. Великій князь не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза и не принялъ поминка, даже не указалъ имъ подворья: они простояли пять дней въ полѣ и воротились ни съ чѣмъ. Лѣтомъ Псковъ отрядилъ опять посольство и отправилъ съ нимъ великому князю уже не сто, а сто

пятьдесятъ рублей поминка. Великій князь на этотъ разъ принялъ посольство, и далъ такой отвѣтъ: «Я радъ свою отчину держать въ устроеніи; положите предо мною пошлинныя грамоты прежнихъ великихъ князей». Это значило: начинался пересмотръ свободныхъ правъ вольнаго города.

Возвратившись изъ посольства, намѣстникъ князь Ярославъ Васильевичъ, конечно ободренный великимъ княземъ, сталъ превышать свою власть и судъ въ противность прежнимъ обычаямъ, удвоилъ судныя пошлыны, а именно: ѣзду на ссылку, т.-е. ѣзду по свидѣтельству истца или отвѣтчика вдвое; его намѣстники собирали по пригородамъ княжую продажу и намѣстничьи деньги ¹⁾. Псковъ отрядилъ двухъ посадниковъ съ грамотами, которыя требовалъ великій князь, и вмѣстѣ послалъ жалобу на Ярослава. Великій князь пересмотрѣлъ грамоты и сказалъ: «Эти грамоты не великихъ князей; вы исполняйте то, чего у васъ просятъ князь Ярославъ». Но, видно, требованія Ярослава казались нестерпимы. Опять псковичи послали просить великаго князя удалить его. На этотъ разъ великій князь задержалъ пословъ и сказалъ: «О всѣхъ управѣхъ я пошлю своего посла къ вамъ, въ свою отчину».

Послѣ этого великій князь отправился въ Новгородъ. Узнавъ, что онъ тамъ, псковичи снарядили къ нему еще разъ посольство: четырехъ посадниковъ, и по два человека бояръ съ каждаго конца. Они поднесли Ивану Васильевичу поминка пятьдесятъ рублей и били челомъ, чтобъ великій князь держалъ свою отчину Псковъ по старинѣ. Великій князь, принявъ поминки, сказалъ:—«Если у меня здѣсь будетъ князь Ярославъ, тогда я васъ отпущу». Послы дожидались въ Новгородѣ три недѣли; на-

¹⁾ Княжая продажа имати обоя и намѣстничьи деньги (Пск. Л. I, 250); въ другомъ спискѣ вмѣсто обоя—отъ боя.

конецъ, прибыль требуемый князь и привезъ отъ Пскова, а не отъ себя, двадцать рублей. Противъ обвиненій на него онъ сталъ обвинять псковичей и жаловаться на посадниковъ и на весь Псковъ. Тогда великій князь отвѣчалъ псковскимъ посламъ такъ: — «Я отпускаю васъ теперь; а съ княземъ Ярославомъ пріѣдутъ мои послы разсудить васъ въ срочные дни». Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 1-го января 1476 г., возвратился во Псковъ Ярославъ, а съ нимъ пріѣхали великокняжескіе послы, которые должны были разбирать дѣло. Судъ рѣшенъ былъ заранѣе въ расчетъ великаго князя; онъ считалъ нужнымъ укротить псковскую вольность, и потому непременно оправдать своего намѣстника. Послы говорили на вѣчѣ: «Въ чемъ вы преступили предъ княземъ Ярославомъ, добейте ему челомъ, давайте ему, что онъ потребуетъ: намѣстничью деньгу, двойную ѣзду, княжія продажи намѣстникамъ его по городамъ, нивные суды по старинѣ, судить всякія копныя дѣла ¹⁾, изгородное прясло (работы по городу), коневыя валища; а если вы не учините этого, то знайте: вашъ государь, великій князь, прислалъ насъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ, чтобъ мы въ пять дней съѣздили сюда и назадъ воротились». Посадники, проигравъ свое дѣло, дали отъ имени всего Пскова князю Ярославу на вѣчѣ 130 рублей, какъ бы пени, и сверхъ того обѣщались великому князю исполнять все, что приказано князю и его намѣстникамъ по пригородамъ.

5-го января Ярославъ опять отправился къ великому князю съ его послами; Псковъ также послалъ своихъ пословъ просить, чтобъ великій князь содержалъ свою от-

¹⁾ Копы—народныя собранія съ цѣлю суда, извѣстныя во всей Западной и Южной Руси. Вѣроятно, такой смыслъ имѣетъ и здѣсь выраженіе „копныя дѣла“. Московская политика, уничтожая древнюю свободу, хотѣла подчинять великокняжескому намѣстнику это свободное учрежденіе.

чину по старинѣ. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ: — «За то, что вы общаете мнѣ и вашему князю, я тѣмъ жалую мою отчину и хочу васъ держать по старинѣ; а кого къ вамъ ни пришлю о своихъ дѣлахъ, вы того и слушайте, и вѣрьте ему, какъ мнѣ, великому князю, или моей грамотѣ». Съ такимъ отвѣтомъ возвратились послы домой.

Такимъ образомъ, московскій государь подтверждалъ, что онъ будетъ держать Псковъ по старинѣ, и въ то же время съ каждымъ шагомъ надламывалъ эту старину. При пересмотрѣ грамотъ, онъ признавалъ дѣйствительность только такихъ грамотъ, которыя были даны великими князьями, — слѣдовательно уничтожалъ важность мѣстныхъ постановленій; заставилъ Псковъ противъ его воли отбывать въ пользу мѣстнаго князя такіе поборы, которыхъ не было прежде; оправданіемъ своего намѣстника показавъ, что мѣстный князь можетъ быть не удаленъ, вопреки желанію Пскова, даже и съ докладомъ великому князю, тогда какъ въ старину не былъ необходимъ самый докладъ, а вольный городъ самъ собою могъ удалять князя; наконецъ послѣднимъ приказаніемъ — вѣрить словамъ всякаго, кого онъ пришлетъ безъ грамоты, онъ подрывалъ значеніе самобытнаго государственнаго тѣла и хотѣлъ подчинить Псковъ условіямъ владѣльческаго имѣнія, гдѣ хояинъ можетъ дѣлать распоряженія по своему произволу безо всякихъ правилъ, заранѣе начертанныхъ, когда захочетъ и какъ захочетъ. Ярославъ ободрился, началъ мстить своимъ противникамъ, дѣлать разныя вымогательства и насилія; намѣстники его по пригородамъ и волостямъ вели себя необузданно и притѣсняли народъ; въ противность старымъ правамъ — никого не брать подъ стражу безъ суда, они хватали людей единственно за то, что князю или его намѣстнику въ пригородѣ показалось грубымъ какое-нибудь слово. Псковичи не вытерпѣли и еще разъ послали къ великому князю съ жалобою на князя Ярослава и

умоляли, чтобъ великій князь далъ вмѣсто его Пскову другого князя. Но каждое посольство, какъ будто, должно было служить московскому государю предлогомъ къ еще большему стѣсненію и уменьшенію свободныхъ правъ города. Великій князь отвѣчалъ:—«Я пошлю въ мою отчину, Псковъ, творить судъ не по старинамъ, какъ мои прародители держали свою отчину, Псковъ, а по моимъ засылнымъ грамотамъ». Тутъ явно показывалось, что великій князь хочетъ уничтожить всякое право, освящаемое стариною, и вмѣсто него, поставить господствующимъ началомъ управленія и суда свою личную волю.

Но когда псковскія посольства одно за другимъ ѣздили въ Москву, во Псковѣ, 2-го сентября 1477 г., на княжемъ дворѣ сдѣлалась ссора между псковичами и княжескими дворянами или шестниками, какъ назывались они въ Новгородской и Псковской Земляхъ. Псковичъ везъ на торгъ продавать капусту изъ своего огорода мимо княжескаго двора; одинъ шестникъ схватилъ у него наручіе (качанъ) капусты и сталъ кормить княжескаго барана. Псковичи, увидавши это, приняли такой поступокъ за оскорбленіе ихъ правъ, прицѣпились къ шестнику; за шестника заступились его товарищи ¹⁾. Псковичи были вытѣснены изъ княжескаго двора; шестники погнались за ними; свалка началась на площади на торгу; выскочилъ самъ князь въ панцырѣ, съ лукомъ, началъ стрѣлять и заохочивать своихъ къ стрѣльбѣ. Онъ былъ пьянъ въ то время. «И пошли шестники на весь міръ,—говоритъ лѣтописецъ:—они стрѣляли изъ луковъ, кололись ножами, а псковичи, застигнутые въ распахъ, отбивались каменьями». Но разнеслась объ этомъ вѣсть по всему городу; посадники, бояре, житейскіе люди бросились со всѣхъ концовъ города на торгъ на выручку своихъ съ оружіемъ; люди благоразумные старались раз-

¹⁾ Пск. Л. II, 37.

гонять объ стороны. Тутъ шестники увидѣли, что имъ можетъ не на шутку достаться, когда выведутъ псковичей изъ тертѣнія, и скрылись въ своемъ княжескомъ дворѣ. Много псковичей было тогда ранено и избито; кому въ ротъ, кому въ глазъ, кому въ спину или въ ногу досталось; нѣкоторые тутъ же и духъ испустили. Цѣлую ночь послѣ того псковичи стояли на торгу во всемъ оружїи; шестники хвалились, что они зажгутъ городъ и начнутъ бить псковичей подъ тревогу ¹⁾.

Это событіе вывело наконецъ Псковъ изъ тертѣнія. На другой день послѣ такого побоища, утромъ, собралось вѣче; не смотря на то, что великій князь не дозволялъ псковичамъ ни въ какомъ случаѣ безъ воли своей прогонять изъ Пскова князей-намѣстниковъ, рѣшили: князю Ярославу тотчасъ же отречься отъ княженія, а псковичамъ выпроводить его изъ города; между тѣмъ, отправить въ Москву посольство съ извѣстіемъ объ этомъ. 5-го сентября посольство поѣхало въ Москву; Ярослава высылали, но онъ уперся: сказалъ, что не пойдетъ, а будетъ дожидаться рѣшенія великаго князя во Псковѣ. Псковичи не смѣли выгнать его силою. Онъ, съ своей стороны, послалъ къ великому князю жалобу на Псковъ; описывалъ псковичей своевольниками, упрекалъ ихъ, что они освободили тѣхъ, которыхъ онъ и его намѣстники по своему судебному приговору заковали.

Между тѣмъ, по прежнему посольству псковичей съ жалобою на Ярослава, 20-го сентября, прїѣхали во Псковъ великокняжескіе послы—два боярина и дьякъ. Они принесли такой отвѣтъ отъ московскаго государя: — «Вы, псковичи, жаловались на князя Ярослава, что онъ и его намѣстники творятъ насиліе по пригородамъ и волостямъ, и берутъ людей безъ суда; но вы не жаловались на него

¹⁾ Пск. Л. I, 253.

въ этомъ, когда великій князь былъ въ Новгородѣ. — «Мы боялись худшаго себѣ — сказали на нѣчѣ (большей упалки)». — «А князь Ярославъ, — возразили имъ, — и тогда на Псковъ жаловался, и прежде того жаловался, и теперь опять жалуются». Въ заключеніе послы высказали такое рѣшеніе великаго князя: — «Отдайте виновныхъ, что были по суду закованы въ пригородахъ; а если того не исправите, то я, князь великій, моля Бога и Пречистую Богородицу, хотимъ это исправить, а князя Ярослава, я, великій князь, осаживаю въ Псковѣ на столѣ». Бояре прожили двѣ недѣли во Псковѣ и домогались исправы: требовали, чтобы псковичи выдали головою князю и его намѣстникамъ тѣхъ лицъ, которыхъ они заковали, а псковичи освободили. Тогда псковичи старались уладить дѣло и смягчить поминками московскихъ бояръ, уполномоченныхъ великаго князя. Никогда, — говоритъ современный лѣтописецъ, — во Псковѣ не было такихъ пословъ; ничѣмъ ихъ нельзя было задобрить; въ двѣ недѣли Псковъ заплатилъ рублей 80, а они брали дары, и все-таки держали сторону ненавистнаго князя. Псковичи вышли изъ терпѣнія, и вѣче дало такой рѣшительный отвѣтъ: — «Мы не можемъ, бояре, выдавать головою невинныхъ людей; такъ не дѣлалось по старому обычаю при прежнихъ государяхъ; вы намъ насильно сажаете князя Ярослава; мы не можемъ съ нимъ ужиться, — онъ творить надъ нами насилія; мы пошлемъ пословъ объ этомъ бить челомъ нашимъ государямъ, чтобы оставили насъ при старинахъ». Бояре уѣхали съ неудовольствіемъ; псковичи еще на дорогу дали имъ денежные поминки, но одинъ изъ бояръ не принялъ; за то, какъ только эти послы доѣхали до рубежа, то отняли у провожатыхъ и деньги, и платье, и лошадей, и самихъ поколотили ¹⁾).

Вслѣдъ за великокняжескими послами отправились снова

¹⁾ Пск. Л. I, 254.

псковскіе послы къ великому князю съ челобитьемъ. Отправились 1-го октября; воротились во Псковъ не ранѣе какъ 8-го января. Не зная долгое время о ихъ судьбѣ, псковичи беспокоились за нихъ, и потому-то лѣтописецъ, говоря о ихъ возвращеніи, выразился, что они воротились живы и здоровы, какъ будто намекая на то, что современники ожидали противнаго. Послы рассказали, какъ, не заставши великаго князя въ Москвѣ, поѣхали они во Владимиръ: тамъ былъ великій князь. Иванъ Васильевичъ не позвалъ ихъ къ себѣ; три дня пробыли они во Владимирѣ; наконецъ, вѣдѣно было имъ ѣхать въ Москву и тамъ дожидаться. Въ Москвѣ ждали они четыре недѣли; наконецъ, великій князь пріѣхалъ, позвалъ ихъ къ себѣ, выслушалъ и, когда они представили челобитье отъ Пскова, чтобъ великій князь держалъ свою отчину по старинѣ, великій князь сказалъ:—«Наша отчина, Псковъ, находила на дворъ нашего намѣстника, своего князя Ярослава Васильевича; этимъ она уже выступила изъ старины; она сама старину нарушила, а не я, князь великій». Съ тѣмъ послы и поѣхали прочь. Ясно было, что великому князю не нравилось болѣе толковать о старинѣ; ему не хотѣлось повсе оставлять во Псковѣ старину. Великій князь сдѣлалъ свое дѣло; князь-намѣстникъ, вопреки желанію Пскова, остался во Псковѣ по волѣ великаго князя. Но великій князь еще не хотѣлъ до конца раздражать и унижать псковичей;—ему еще они были нужны; онъ тогда собирался кончить съ Новгородомъ; ему довольно было и того, что желаніе псковичей не исполняется, когда великій князь того не хочетъ; но держать долѣе князя Ярослава во Псковѣ не было нужды. Иванъ Васильевичъ понималъ хорошо, что Ярославъ и его намѣстники зазнаются и поступаютъ несправедливо; онъ опредѣлилъ ихъ вывести, но не тогда, когда псковичи ихъ выгоняли, а тогда, когда псковичи принуждены будутъ, по волѣ великаго князя, повиноваться

имъ противъ своего желанія; чтобъ такимъ образомъ избавленіе свое отъ ненавистныхъ намѣстниковъ псковичи почитали милостію великаго князя, а не какимъ-нибудь долгомъ по старинѣ. Притомъ же въ видахъ Ивана Васильевича было, чтобъ и намѣстники его не слишкомъ зазнавались и помнили, что они зависятъ отъ произвола государя. Иванъ Васильевичъ продержалъ Ярославъ послѣ свиданія со псковскими послами еще около двухъ мѣсяцевъ, и неожиданно, 12-го февраля 1477 года, прислалъ ему грамоту: въ ней приказывалось ему выѣхать изъ Пскова съ княгинею и дѣтьми въ Москву и не оставлять во Псковѣ никого изъ своихъ. 23-го февраля князь Ярославъ явился на вѣче, сложилъ, по обычаю, крестное цѣлованіе и поѣхалъ. Псковъ, чувствуя великокняжескаго намѣстника, несмотря на все несогласіе съ нимъ, далъ ему почетныхъ провожатыхъ, и на всѣ станы впередъ повезли ему и его дружинѣ кормъ и напитки. Но его дружина по дорогѣ нарочно дѣлала разныя безчинства и оскорбленія жителямъ и, наконецъ, разставаясь съ Землею, которою онъ правилъ четыре года и четыре дня, самъ князь ограбилъ приставовъ и, взявъ изъ числа провожатыхъ восемнадцать челоуѣкъ, приказалъ ихъ заковать и повезъ съ собою въ Москву. Вслѣдъ за нимъ потомъ отправились въ Москву псковскіе послы просить новаго князя; они по прежнему указывали на двухъ: на Василия изъ Новгорода, и на князя Ивана Володимировича. Для умиловленія великаго князя повезли ему поминка сто рублей. Великій князь принялъ поминокъ, обращался ласково съ послами, отпустилъ съ честію и сказалъ, что о псковскихъ дѣлахъ пришло время онъ своихъ бояръ. О князѣ не было и помина. Въ мартѣ были послы псковскіе въ Москвѣ, а обѣщанное посольство не являлось ни въ апрѣлѣ, ни въ маѣ. Только іюня 7-го пріѣхали двое гонцовъ изъ Москвы. Псковичи, вѣроятно, надѣялись узнать, кого назначить имъ великій

князь въ намѣстники; но посоль этотъ не говорилъ о намѣстникѣ, а извѣстилъ, что великій князь поднимаетъ Псковъ на Великій Новгородъ и требуетъ, чтобы псковичи послали въ Новгородъ свои розметныя грамоты, и сами садились бы на коней. Даромъ что великій князь еще прежде приказалъ вѣрить словеснымъ своимъ приказаніямъ, сообщаемымъ чрезъ посыльныхъ; однако, все еще какъ-то странно казалось псковичамъ приступить къ такому важному дѣлу, какъ объявленіе войны, безъ приказаній болѣе положительныхъ. Псковъ отвѣчалъ:—«Мы сами хотимъ услышать это отъ своихъ государей. Пусть они скажутъ намъ то своими устами». Іюля 21-го они отправили своихъ пословъ въ Москву. Нѣсколько ранѣе псковскій гонецъ Богданъ поѣхалъ въ Новгородъ.—«Насъ,—говорилъ этотъ гонецъ новгородцамъ,—великій князь поднимаетъ на Великій Новгородъ; извѣщаемъ васъ объ этомъ по крестному цѣлованію; но если вамъ будетъ какое дѣло до великаго князя, мы рады за васъ отправить къ нему пословъ и бить челомъ». Новгородцы отвѣчали этому гонцу, что приплетъ Великій Новгородъ своему младшему брату Пскову пословъ.

Во Псковъ явился изъ Новгорода посоль Иванъ Поклончеевъ и говорилъ:—«Псковичи! поцѣлуйте крестъ сейчасъ на нашемъ пригожствѣ, опроче коростынского докончанья. Мы тогда явимъ все вамъ по нашему последнему крестному цѣлованію; а когда вы намъ этого не сдѣлаете, такъ мы не хотимъ отъ васъ никакого пригожества до великихъ князей,—ни челобитья вашего, ни пословъ».

27-го августа прибыли обратно псковскіе послы, отправленные въ Москву, и привезли извѣстіе, что пріѣдутъ скоро послы великаго князя. Между тѣмъ, изъ Новгорода выбирались тогда купцы съ товарами и разные жители съ своими имуществами во Псковъ; нѣкоторые остались тамъ; другіе уѣзжали въ Литву. Псковичи не имѣли теперь про-

тивъ Новгорода прежней злобы, удовлетворенной черезъ чуръ несчастіями Новгорода. Поступки великаго князя со Псковомъ показывали уже слишкомъ явно, до чего хочетъ великій князь московскій довести оба города. Только страхъ и неизвѣстность удерживали Псковъ отъ союза съ Новгородомъ въ эту эпоху. Выигрышъ Новгорода казался тогда уже очень сомнительнымъ. Его ополченіе было сокрушено въ предъидущую войну; показалась очевидно слабость его военныхъ силъ; его волость была опустошена и не могла еще оправиться. Напротивъ, силы великаго князя были огромны. Соединить свою судьбу съ Новгородомъ въ то время должно было казаться ужаснымъ и безразсуднымъ всякому, кто сталъ бы размышлять объ этомъ безъ увлеченія.

Сентября 15-го пріѣхалъ во Псковъ посолъ, дьякъ Григорій Волнинъ, первый разъ въ іюнѣ уже посѣщавшій Псковъ. Снова началъ онъ поднимать Псковъ на Новгородъ, и двѣ недѣли трубилъ псковичамъ, чтобъ они посылали скорѣе взметную грамоту и выступали въ походъ. — «У насъ нѣтъ князя» — говорили псковичи. — «Я вамъ приставленъ воеводою отъ великаго князя, — сказалъ онъ: — сейчасъ садитесь на коней; а гдѣ великаго князя найдемъ, онъ дастъ вамъ тамъ намѣстника и князя».

Псковичи не ранѣе какъ 30-го сентября отправили въ Новгородъ свои взметныя (или розметныя) грамоты. Но тутъ опять пріѣхалъ изъ Новгорода гонецъ, подвойскій Панкратъ, убѣждать псковичей дѣйствовать заодно съ Новгородомъ. Онъ просилъ, чтобы Псковъ отправилъ вмѣстѣ съ новгородскими послами своихъ къ великому князю. Дьякъ Волнинъ схватилъ-было этого новгородскаго гонца, но псковичи упросили его не трогать посла и отпустили его въ Новгородъ. Дьякъ по прежнему неотвязно требовалъ, чтобы псковичи выступили. Псковичи медлили. «Мы пошлемъ еще разъ гонца своего къ великому князю, — го-

говорили они:—пусть онъ намъ самъ повелить и дать намъ князя; а князь, какъ прїѣдетъ къ намъ и поцѣлуетъ крестъ, тогда онъ съ нами и сядетъ на коня, и мы съ нимъ сядемъ; а до тѣхъ поръ не хотимъ». Тутъ 10-го октября случился сильный пожаръ въ городѣ. Это несчастіе дало поводъ отдѣлываться отъ непрїятной обязанности идти въ походъ. Псковичи послали къ великому князю посольство, извѣщали, что Псковъ разоренъ пожаромъ, и просили освободить ихъ отъ войны. Но великій князь задержалъ пословъ и увелъ съ собою въ походъ, а во Псковъ отправилъ княземъ Василю, изъ Шуйскихъ. 16-го ноября прибылъ онъ во Псковъ. Девять мѣсяцевъ великій князь оставлялъ Псковъ безъ князя, наконецъ, прислалъ его, но не по старинѣ, не по избранію и желанію псковичей, а по своей волѣ. Онъ показывалъ псковичамъ и теперь, что уже права для нихъ нѣтъ, что все зависитъ отъ воли московскаго государя: захочетъ онъ — вовсе не пришлетъ имъ князя; захочетъ—пришлетъ не по ихъ желанію, а того, кого ему будетъ угодно. 19-го ноября этотъ князь былъ посаженъ на столъ, въ домѣ Живоначальной Троицы. Надъ нимъ совершенъ обрядъ, также какъ совершался надъ вольноизбранными князьями въ старину. Вмѣстѣ съ княземъ прибылъ во Псковъ великокняжескій воевода Василій Дятлевъ, и потребовалъ, чтобъ псковичи шли немедленно. Отговорка пожаромъ не была принята въ уваженіе. Псковичи оповѣстили своимъ пригородамъ, чтобъ немедленно выходили ¹⁾).

Ополченіе Псковской Земли дѣйствовало съ меньшей энергіей, чѣмъ въ прежнюю войну. Нельзя было не сознавать, что, добывая Новгородъ, псковичи готовили ту же участь и своей Землѣ впослѣдствіи. Главное ихъ участіе въ послѣдней катастрофѣ Новгорода состояло въ томъ, что

¹⁾ Пск. Л. I, 256—259.

они подвозили запасы для осаднаго войска, стоявшаго около Новгорода — хлѣбъ, муку, рыбу, медъ, и псковскіе купцы продавали разные товары въ Ивановомъ войскѣ.

III.

ПАДЕНІЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЫ ПСКОВА.

Новгородъ палъ. Псковъ получилъ отъ великаго князя позолоченный кубокъ.—«Смотрите же, псковичи, — говорилъ посолъ великаго князя, правя поклонъ Пскову вмѣстѣ съ кубкомъ:—я, князь великій, хочу васъ, свою отчину, держать въ старинѣ; и вы, наша отчина, слово свое держите честно надъ собою и наше себѣ жалованье. Чтобъ вы это знали и помнили!» Вслѣдъ за тѣмъ безостановочно продолжалось дѣло постепеннаго уничтоженія свободы Пскова.

Думая, что за услуги, оказанныя Псковомъ великому князю подъ Новгородомъ, можно теперь высказать великому князю тѣ непріятности, какія Псковъ терпѣлъ отъ великокняжескаго произвола, замѣнявшаго старину, псковичи отправили пословъ въ Москву, и жаловались, что послы московскіе, ѣдучи по дорогѣ, обижаютъ людей, у проѣзжихъ отнимаютъ лошадей и имущества, грабятъ по станамъ и на подворьѣ въ городѣ, требуютъ грубо отъ Пскова поминковъ не по силѣ; и что имъ Псковъ даетъ, — они того не принимаютъ, и дѣлаютъ разныя оскорбленія людямъ. Но великій князь взглянулъ грозно на эту просьбу, подивился и гораздо больше повѣрилъ своимъ боярамъ.

Новыя нападенія нѣмцевъ, опустошенія Псковской Земли требовали помощи великаго князя; войска его явились оборонять Псковскую Землю, но сами позволяли себѣ всякія безчинства. Въ 1480 г. нѣмцы напали на Псковскую Землю. Князь псковскій Василій былъ пьяница и гуляка, и не годился ни къ управленію, ни къ войску.

Услышавъ, что въ Великихъ-Лукахъ находятся братья великаго князя, Андрей и Борисъ, нѣкоторые, въ отчаяніи отъ нѣмцевъ, пригласили ихъ. Они набрали уже 10,000 дружины. Но когда князья пріѣхали, Псковъ ужасно переполошился: эти князья были въ ссорѣ съ великимъ княземъ. «Мы пойдемъ,—сказали князья,—боронить васъ; а женъ и дѣтей оставимъ у васъ». Псковичи начали толковать между собою и рѣшили, что нельзя принимать ихъ. — «Господари, великіе князья, — сказали они имъ: — мы хотимъ вѣрны быть старѣйшему брату вашему, Ивану Васильевичу; а вы себѣ думайте о своемъ и о нашемъ добрѣ, чтобъ нашему граду въ конецъ не погибнуть». — «Вѣдь кто врага царскаго сохранить, тотъ врагъ царю, — говорили грамотѣи, — такъ и эти князья, хотя великому князю и братья, но супостаты». Тогда князья разсердились, считая, конечно, поруганіемъ себѣ, что ихъ же пригласили, а потомъ прогоняють. Выѣхавши изъ Пскова, распустили они свою рать; и начала эта сбродная толпа безчинствовать. Только, — говорить лѣтописецъ, — не жгли и не убивали, потому что никто имъ не противился; за то перебили много скота, оскверняли женщинъ и дѣвицъ, грабили не только людскія имущества, но и Божіе дома. Хуже нѣмцевъ показались они Пскову.

Въ 1483 году князя Василя уже не было; на мѣсто его явился новый — Ярославъ Владимировичъ.

Въ 1484—1485 г. Иванъ Васильевичъ имѣлъ случай наложить руку и на внутренній порядокъ Пскова. Князь Ярославъ съ посадниками составили грамоту, какъ кажется опредѣлявшую работы смердовъ. Грамота эта не представлена была вѣчу. Когда объ этомъ узнали, то партія черныхъ людей взволновалась; у нѣкоторыхъ посадниковъ порубили дворы; одного посадника, Гаврила, убили на вѣчѣ; убили также одного смерда, а трехъ смердовъ посадили въ погребъ. Другіе посадники убѣжали въ Москву.

Тогда вѣче написало на убѣжавшихъ «мертвую» грамоту, т.-е. осуждавшую ихъ на смерть. Ихъ «закликали», т.-е. вѣче объявило ихъ на судѣ народномъ преступниками. Посадники отправились къ великому князю съ посольствомъ,—просить, чтобъ великій князь содержалъ Псковъ въ старинѣ, и привезли изъ Москвы приказаніе,—откликать посадниковъ, отпечатать грамоты, и просить прощенія у князя Ярослава. Черные люди взволновались, кричали:—«Этого великій князь не говорилъ!.. Это выдумали тѣ посадники, которые, убѣгая народного суда, ушли въ Москву!» За недѣлю до праздника Рождества Христова отправили еще посольство, поѣхали въ Москву четыре посадника и десять бояръ изъ концовъ. Когда великій князь узналъ, что ничего не сдѣлано изъ того, что прежде приказано:—смерды не выпущены, посадники не откликаны, князю Ярославу челомъ не доби́ли,—то разсердился и приказалъ черезъ бояръ своихъ псковскимъ послать дать такой же отвѣтъ, какой данъ былъ прежнему посольству. Послы возвратились во Псковъ, стали править свое посольство на вѣчѣ. Черные люди взволновались. «Они,—кричали они противъ пословъ,—согласились съ тѣми посадниками, что убѣжали на Москву и норовятъ имъ!» Началась сумятица: посадники, бояре и житые люди хотѣли исполнить приказаніе великаго князя и стращали себя и другихъ великокняжескою казнію. Черные люди кричали:—«Мы во всемъ правы; не погубить насъ князь великій, а вамъ не вѣримъ: князю Ярославу намъ не за что бить челомъ!» Послѣ продолжительныхъ споровъ и ссоръ, черные люди отправили посольство въ Москву уже собственно только отъ себя, отъ своего сословія. Поѣхало двое пословъ: одинъ изъ Полонища, другой изъ Запсковья (вѣроятно, эти части города наиболѣе были населены «черными», иначе «молодыми» людьми). Черные люди изъявляли готовность творить волю великаго князя, если узнаютъ

ее, и извѣщали, что вслѣдъ за посланными будутъ и большіе послы. Этихъ пословъ не допустили до Москвы тверскіе разбойники, убили ихъ на дорогѣ. Другое посольство, состоявшее изъ четырехъ посадниковъ и по боярину отъ каждаго конца, отправилось послѣ. Въ Москвѣ они получили такой отвѣтъ отъ лица великаго князя:—«Если моя отчина, Псковъ, исправить мое слово и начнетъ потомъ мнѣ бить челомъ о своей нечести, то я буду васъ милловать по пригожаю». Послѣ этого псковичамъ оставалось уступить. Они отпечатали мертвыя грамоты на посадниковъ и выпустили изъ тюрьмы смердовъ (Стехна, Сырня и Лежня), отпечатали дворы и имущества обвиненныхъ и, сдѣлавши все по желанію великаго князя, отправили пословъ бить челомъ и просить прощенія. Великій князь отдалъ Пскову свое нелюбіе и сказалъ, что хочетъ, чтобы Псковъ жилъ по старинѣ. Бѣглые посадники воротились въ отечество. Это дѣло о смердахъ и о мертвыхъ грамотахъ тянулось два года и стоило Пскову до 1000 рублей ¹⁾.

Но въ тотъ же годъ опять принесена была жалоба на князя Ярослава и на его намѣстниковъ; изъ всѣхъ пригородовъ и волостей стекались во Псковъ обиженные и доставляли псковскому вѣчу и посадникамъ жалобы на тѣхъ намѣстниковъ, которыхъ Ярославъ разсадилъ по Псковской Землѣ. Жалобъ оказалось такое множество, что— по словамъ псковскаго лѣтописца — счесть ихъ было невозможно. По этимъ жалобамъ составлены были обидныя грамоты, и отправлено посольство: въ немъ было двое посадниковъ, нѣсколько бояръ и по два человѣка изъ каждаго пригорода, взятыхъ изъ числа тѣхъ, которые жаловались на несправедливости Ярославовыхъ намѣстниковъ ²⁾. Сюда присоединилось еще такое дѣло. Какой-то попъ въ

¹⁾ Пск. Л. II, 43—45.

²⁾ Пск. Л. II, 45.

Наровской губѣ отыскалъ старую грамоту, гдѣ было сказано, какія повинности должны отправлять наровскіе смерды, что платить князю и Пскову, и какія урочныя работы слѣдовало имъ отправлять. Эти правила пришли уже въ забвеніе. Священникъ выводилъ ихъ опять на свѣтъ. Естественно, смердамъ не могли они полюбиться. Когда священникъ сталъ читать эту грамоту—одинъ смердъ вырвалъ ее у него изъ рукъ и утаилъ. Вѣсть объ этомъ произвела повсюду ропотъ. Псковичи обвиняли смердовъ за то, что они умышленно припрятывали правила, обявлявшія ихъ къ работамъ и уклонялись отъ своихъ повинностей. Смерда, который у священника вырвалъ грамоту, посадили подъ стражу. Послы предъ великимъ княземъ и объ этомъ дѣлѣ упомянули, сказали, что смердъ находится на *крѣпости*. Спрашивали, что съ нимъ дѣлать.— «Вы мнѣ опять о смердахъ,—сказалъ князь:—давно-ли я вамъ за это вины отдать, а вы снова за то же? Я не принимаю отъ васъ жалобъ на князя вашего, а пошлю бояръ и прикажу имъ сдѣлать управу».

Смерть развязала дѣло о князѣ. Сдѣлался моръ, и этотъ князь умеръ вмѣстѣ съ женою и сыномъ ¹⁾.

Преемникъ его, Симеонъ Романовичъ, въ 1489 г. назначенъ княземъ безъ воли Пскова, и Псковъ долженъ былъ принять его съ честію и посадить на княженіе у св. Троицы. Въ 1491 г. его смѣнилъ князь Василій Ѳеодоровичъ, также назначенный великимъ княземъ. По смерти его въ 1496 г. новый князь, Александръ Владимировичъ ростовскій, также назначенъ былъ безъ участія вѣча и посаженъ съ обрядами древности. Въ 1499 г. является въ Псковъ посолъ отъ великаго князя и извѣщаетъ, что великій князь отдалъ Новгородъ и Псковъ сыну своему Василю. Эта новость поразила псковичей; они послали бить челомъ, чтобы

¹⁾ Псковс. Л. I, 267.

государь держалъ свою отчину по старинѣ и чтобъ Псковъ зналъ одного московскаго великаго князя.—«Развѣ я не воленъ кому хочу отдать свою отчину?»—сказалъ великій князь и засадилъ пословъ. Для Пскова это было только испытаніе. Когда псковичи смирились, великій князь оставилъ Псковъ въ прежнемъ положеніи. И опять назначались туда князья-намѣстники по волѣ великаго князя. Такъ было и до смерти великаго князя. Послѣ Александра Владимировича былъ тамъ княземъ Иванъ Ивановичъ суздальскій (1501 г.); въ 1503 г. смѣнилъ его князь Дмитрій Владимировичъ ростовскій; а преемникъ Ивана великій князь Василій въ 1507 году назначилъ вмѣсто него князя Петра Васильевича. Въ 1508 году назначилъ Василій Ивановичъ намѣстникомъ во Псковѣ князя Ивана Михайловича Оболенскаго. Присланные противъ воли народа, эти намѣстники и ихъ довѣренныя по пригородамъ дѣлали разныя насилія, грабили жителей, подстрекали ябедниковъ подавать на зажиточныхъ людей доносы, присвоивали себѣ самовольно право суда, вопреки вѣковѣчнымъ мѣстнымъ обычаямъ, обвиняли невинныхъ, чтобы съ нихъ за то сорвать что можно; при требованіяхъ разныхъ повинностей обращались съ жителями грубо и несправедливо. Даже и тѣ, которые были не столько дерзки и нахальны, не могли вообще ладить со псковичами; не могли псковичи освоиться съ привычками пришлецовъ, и съ грустію вспоминали то время, когда за малое нарушеніе свободы Пскова и Земли его выборный князь со всею дружиною своею подвергался изгнанію. Почти на каждого изъ намѣстниковъ подавались просьбы, чтобъ государь вывелъ его изъ Пскова. Послѣдній князь былъ особенно ненавистенъ. Можно подозревать, что онъ чѣмъ-нибудь прежде заявилъ себя, и Василій Ивановичъ, зная его качества, послалъ его нарочно во Псковъ именно для того, чтобъ онъ не ужился со псковичами, чтобы псковичи вышли изъ терпѣнія, вы-

разили бы свою досаду какимъ нибудь смѣлымъ поступкомъ и тѣмъ дали бы великому князю предлогъ доконать сразу гражданскую свободу Пскова. Когда онъ пріѣхалъ въ городъ, не встрѣтили его священники съ крестами; онъ самъ не далъ о себѣ знать заранѣе, какъ обыкновенно случалось, и остановился на загородномъ дворѣ. Псковичи нашли его тамъ и пригласили на торгъ, а оттуда уже ввели къ св. Троицѣ; тамъ, скрѣпя сердце, посадили они его по древнему обычаю на княженіе — отъ этого его прозвали «найденомъ». Съ первыхъ дней не влюбились его:—«онъ былъ лютъ до людей»—говорить современникъ. Онъ дѣлалъ притязанія самъ судить и управлять безъ воли вѣча; разсылалъ по пригородамъ своихъ намѣстниковъ, которые для своей наживы дѣлали притѣсненія жителямъ. Вскорѣ по своемъ пріѣздѣ во Псковъ, онъ отправилъ на псковичей доносъ:—«Вью челомъ великому государю»—писалъ онъ:—«псковичи держатъ меня нечестно,—не такъ какъ прежде держали и чтили намѣстниковъ великаго князя; не по прежнему исполняютъ государевы дѣла, вступаются въ суды, оброки, пошлины и всякіе доходы, и мои люди терпятъ отъ нихъ безчестіе и насиліе». Великій князь отправилъ бояръ своихъ во Псковъ съ правоученіемъ. «Велить государь сказать вамъ, посадники и бояре, и вся отчина, чтобъ вы держали имя государское честно и дѣла дѣлали также, какъ было при прежнихъ намѣстникахъ, не вступались бы въ пошлины и доходы княжескіе».

23-го сентября 1509 года великій князь отправился въ Новгородъ. Съ нимъ поѣхали: братъ его Андрей, зять царевичъ Петръ Ѳеодоровичъ, отпущенный изъ неволи крымскій царевичъ Абдулъ-Летифъ, коломенскій епископъ Мартирій, который долженъ былъ исполнять временно въ Новгородѣ служеніе владыки, котораго тамъ въ то время не было; взять былъ изъ Москвы симоновскій архимандритъ;

поѣхали съ великимъ княземъ бояре и значительный отрядъ войска, дѣтей боярскихъ. Василий ѣхалъ медленно. То было вмѣстѣ и походъ и торжественный поѣздъ. Великій князь прибылъ въ октябрѣ, и переселенцы, освоившіеся, за тридцать лѣтъ, въ дворахъ изгнанниковъ новгородцевъ, съ холопьею радостію встрѣчали своего государя; и все должно было казаться исполненнымъ радости въ печальномъ Новгородѣ, незадолго предъ тѣмъ пострадавшемъ отъ сильнаго пожара. Псковичи, услышавъ, что великій князь идетъ въ Новгородъ съ многочисленною свитою, стали побаиваться. Они послали къ нему пословъ.

Чтобы подладиться къ строгому властелину и угодить ему, въ своей челобитной, псковичи сначала излили чувства благодарности и собственной вѣрности въ такихъ выраженіяхъ:

«Посадники, степенные и старые, дѣти посадничьи, бояре, купцы, житые люди и весь Псковъ, отчина твоя, государь, бьетъ тебѣ челомъ зато, что ты, государь, жалуешь насъ, свою отчину, Псковъ,—держишь въ старинѣ, и обороняешь ото всѣхъ земель, какъ и прежніе государи, твои прародители, насъ жаловали, и отецъ твой, Иванъ Васильевичъ держалъ насъ въ старинѣ. И мы, государь, сколько Богъ намъ дастъ силы — ради служить тебѣ, также какъ служили вѣрно отцу твоему и прародителямъ твоимъ». Вмѣстѣ съ благодарностію, эта челобитная давала великому князю чувствовать, что псковичи дорожатъ своею стариною.

Послѣ этихъ увѣреній слѣдовала просьба:—«Бьетъ челомъ тебѣ, государь, твоя отчина, и жалуется на твоего намѣстника, князя Ивана Михайловича: и онъ, и его люди творятъ надъ нами насилія и обиды. Смилуйся, государь, оборони насъ отъ него и отъ людей его».

На эту челобитную велѣно было боярамъ дать такой отвѣтъ:

«Мы — говорили бояре отъ лица государя — и нынѣ, какъ и прежде, хотимъ жаловать нашу отчину, Псковъ — держать въ старинѣ и оборонять отъсюду, какъ намъ Богъ поможетъ; а что вы били челомъ намъ на нашего намѣстника, князя Ивана Михайловича и его людей, будто онъ сидитъ не по старинѣ и дѣлаетъ вамъ насильства, такъ и намѣстникъ нашъ, князь Иванъ Михайловичъ, прислалъ къ намъ бить челомъ, что ему отъ васъ творится безчестіе, что вы вступаетесь въ суды и пошлыны его и людей его, и поступаете не такъ, какъ при прежнихъ нашихъ намѣстникахъ бывало. И такъ вы, наша отчина, держите имя наше честно и грозно, по старинѣ, чтите намѣстника нашего и не вступайтесь въ его судъ и пошлыны. А я вамъ посылаю во Псковъ своего окольничаго—Петра Васильевича Великого, да дьяка Третьяка Далматова, и велю имъ выслушать и намѣстника, и васъ: чтобъ вы передъ ними управились съ нашимъ намѣстникомъ».

Посланные во Псковъ примирители никакъ не могли помирить враждебныя стороны, и, возвратившись въ Новгородъ, доносили, что не учинили управы между намѣстника и псковичей. Вмѣстѣ съ ними пріѣхали въ Новгородъ снова псковскіе посадники и били челомъ, чтобъ государь свелъ отъ нихъ князя, Ивана Михайловича:—«Намъ нельзя съ нимъ прожить»—говорили они.

Бояре, отъ лица великаго князя изложивъ передъ псковичами все дѣло, дали имъ отвѣтъ такого содержанія:

— «Такъ какъ нашъ окольничій Петръ Васильевичъ Великой и дьякъ Третьякъ Далматовъ не учинили управы между вами и намѣстникомъ нашимъ, княземъ Иваномъ Михайловичемъ,—и мы, жалуя свою отчину, Псковъ, велимъ намѣстнику своему князю Ивану быть у себя въ Новгородѣ; а наша отчина Псковъ пусть пришлетъ къ намъ обидныхъ людей; и мы, выслушавъ разомъ и намѣстника, и обидныхъ людей, учинимъ вамъ напередъ управу, какъ

будетъ пригоже; а не выслушавши при себѣ и псковичей и намѣстника, намъ нельзя свести намѣстника съ нашей отчины. Но когда мы сами увидимъ, что на него будетъ много челобитчиковъ, тогда и обвинимъ его передъ вами».

Казалось, дѣло велось такъ, какъ только требовала справедливость. Приказано было явиться къ великому князю на судъ, съ одной стороны намѣстнику, съ другой всѣмъ тѣмъ, которые имъ недовольны и могутъ противъ него что-нибудь сказать.

Во Псковѣ посадники и бояре, ненавидѣвшіе намѣстника, ухватились за это и рассчитали, что чѣмъ больше будетъ жалобъ на него, тѣмъ больше надежды, что великій князь избавитъ отъ него псковичей; самъ великій князь обѣщалъ его обвинить, когда увидитъ, что имъ точно недовольны многіе. Они оповѣстили по пригородамъ, чтобы собирались всѣ, кто только можетъ пожаловаться въ чемъ-нибудь на намѣстника и на его людей. «Кто только отъ кого-нибудь изъ нихъ былъ обиженъ, всякъ, не разсуждая, каковъ человѣкъ, поѣзжай къ великому князю и бей челомъ на князя-намѣстника»—писали они. Этимъ воспользовались не одни тѣ, которые хотѣли смѣны намѣстника; нашлись и такіе, что увидали случай представить свои частныя тяжбы на разсмотрѣніе великаго князя. Такъ, одинъ изъ старыхъ посадниковъ, Леонтій, пріѣхалъ въ Новгородъ жаловаться на другого посадника Юрія Копыла; другіе, жившіе на рубежѣ, пріѣхали съ жалобою на новгородскихъ помѣщиковъ, переведенныхъ въ опустѣлую, послѣ паденія Новгорода, Землю Новгородскую; иные — люди черные, наѣхали жаловаться на знатныхъ и богатыхъ. Этихъ послѣднихъ особенно и нужно было великому князю. Великій князь говорилъ, что все еще на князя жалобъ недостаточно, а пусть съѣзжаются людей поболѣе. Челобитныя подавались и принимались. Суда и рѣшенія никому не давали. Посадникъ Юрій Копыла, какъ видно, по

приказанію великаго князя, писалъ во Псковъ: «Пусть ѣдутъ жалобники говорить противъ князя Ивана, а то вся Земля останется виновата».

Тогда еще болѣе народу отправилось въ Новгородъ; въ томъ числѣ девять посадниковъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. День-ото-дня челобитныхъ, набиралось болѣе и болѣе; но князь все еще не выслушивалъ никого и говорилъ: «Копитесь, копитесь, жалобники: придетъ Крещенье Господне; тогда я вамъ всѣмъ дамъ управу». Псковичи дожидали Крещенія, надѣясь получить управу.

Прибыль, между тѣмъ, и намѣстникъ къ отвѣту; и великій князь не заставилъ его ожидать Крещенія, а выслушалъ его оправданія прежде разбирательства жалобъ, принесенныхъ на него.—«Мнѣ—говорилъ намѣстникъ—было великое безчестіе отъ псковичей: они вступались въ мои суды и пошлины, держали меня не такъ, какъ прежнихъ намѣстниковъ; сверхъ того, отъ посадниковъ и бояръ дѣлаются большія обиды и оскорбленія ихъ же братья, псковичамъ, черному и бѣдному народу: богачи бѣдняковъ утѣсняють; а что хуже всего, псковичи презирають государево имя и причиняють государю безчестіе своимъ непослушаніемъ». Такимъ образомъ, великій князь отъ намѣстника все выслушалъ и всему повѣрилъ, а псковичи въ простотѣ сердца ожидали Крещенія.

Пришло Крещеніе. Всѣмъ псковичамъ велѣно было идти на водоосвященіе; самъ великій князь пошелъ на Волховъ съ боярами. Послѣ обряда процессія отправилась къ св. Софіи. Тогда великокняжескіе бояре крикнули псковичамъ:

«Посадники псковскіе, и бояре, и всѣ псковичи жалобные люди! Государь велѣлъ вамъ собраться на владычный дворъ; всѣ приходите; бойтесь государственной казни, — если не придете; сегодня государь хочетъ вамъ всѣмъ дать управу».

Всѣ пошли по приказанію. Посадники, бояре, купцы, вошли во владычную палату; люди молодшіе (простые) стали толпою на дворѣ. Въ палатѣ были московскіе бояре и со вниманіемъ поглядывали на входящихъ; когда уже псковичи перестали входить, они спросили: «Сполна-ли всѣ собрались?».

Всѣ отвѣчали, что всѣ уже собрались. Тогда провозгласили:—«Поиманы есте Богомъ и великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ всея Руссиі». Это значило, по тогдашнему образу юридическаго выраженія, что ихъ арестовали. Въ то же время дворъ былъ затворенъ; и стали переписывать поименно всѣхъ стоявшихъ на дворѣ молодыхъ людей.

Когда перепись окончили, то, по приказанію великаго князя, всѣхъ ихъ развели по улицамъ и отдали домохозяевамъ содержать и беречь. Неизвѣстно, въ тотъ ли самый день или на другой арестованные псковичи начали бить челомъ боярамъ такъ:

«Познаемъ вину свою и бьемъ челомъ государю, чтобъ онъ пожаловалъ насъ, своихъ холопей, и весь Псковъ, какъ ему Богъ извѣститъ!».

Слово «холопъ» въ первый разъ дано себѣ псковичами. Это, естественно, понравилось государю; ему было видно, что они понимали, что сопротивляться нельзя, а слѣдовательно, можно было все съ ними сдѣлать безъ труда. Пять бояръ и два дьяка, получивъ отъ великаго князя приказаніе, вошли къ задержаннымъ и сказали:

«Государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всея Руссиі и великій князь, велѣлъ вамъ, своимъ слугамъ, сказать: прародители наши, великіе князья, и отецъ нашъ, и мы, держали отчину свою, Псковъ, въ своемъ жалованьи въ старинѣ до сихъ поръ, и берегли отсюду; а вы, наша отчина, Псковъ, имя наше держали честно и грозно, по старинѣ, и оказывали честь своимъ князьямъ.

нашимъ намѣстникамъ. А нынѣ вы, отчина наша, Псковъ, наше имя и нашихъ намѣстниковъ держите не такъ какъ прежде; и къ намъ пришли жалобники: на посадниковъ, и на земскихъ судей бьютъ челомъ, что отъ нихъ нѣтъ управы и дѣлаютъ они большое раззореніе. За это слѣдуетъ на васъ, свою отчину, положить великую опалу; но великій государь кажетъ намъ милость и жалованье, если только вы сотворите волю государеву: свѣситъ прочъ вѣчевой колоколъ и больше вѣчамъ не быть, а быть во Псковѣ двумъ намѣстникамъ; и по пригородамъ псковскимъ также будутъ намѣстники. А какъ во Псковѣ и по пригородамъ будутъ судить намѣстники, государь самъ прибудетъ въ Псковъ поклониться Жвоначальной Троицѣ, и всему тому учинить указъ. Если вы познаете государево жалованье и по его волѣ будете этимъ довольны, то государь васъ жалуетъ вашимъ достояніемъ и не будетъ вступаться въ земли ваши. А если вы не познаете государева жалованья и не учините его воли, то государь будетъ свое дѣло дѣлать, какъ ему Богъ поможетъ; и кровь христіанская възыщется на тѣхъ, которые государево жалованье презираютъ и воли его не творятъ!»

Со слезами выслушали псковичи свой приговоръ, и, поклонившись, отвѣчали:

«Мы всѣ здѣсь головами на томъ государевомъ жалованьѣ. Бьемъ челомъ государю за то, что отлагаетъ казнь свою надъ нами, своими холопами, и отдаетъ опалу свою отчинѣ своей, Пскову, чтобъ кровь христіанская не проливалась! Отчина государева отъ прародителей его, государей русскихъ, и при отцѣ его, и при немъ, государѣ нашемъ, была неотступна и неизмѣнна ни въ чемъ до сихъ поръ, и нынѣ, и напередъ такъ останется. Вѣдаетъ Богъ, да государь: въ какомъ жалованьи похочетъ онъ учинить свою отчину».

Бояре пересказали эту рѣчь великому князю и, по приказанію его, принесли такое рѣшеніе псковичамъ:

«Государь великій князь приговорилъ-было своимъ боярамъ послать на Псковскую Землю рать; но теперь вы будете челомъ за себя и за нашу отчину, Псковъ,—отдаете государево жалованье въ его волю; поэтому государь говоритъ вамъ: дайте намъ крѣпкое слово за себя и за нашу отчину и за всю Псковскую Землю, что Псковъ, отчина наша, пожелаетъ нашего жалованья и учинить волю нашу во всемъ томъ, о чемъ бояре наши вамъ говорили; а государь поплетъ съ этимъ своимъ жалованьемъ во Псковъ дьяка Третьяка Далматова; да и вы сами не хотите ли отъ себя послать отсюда о томъ же къ нашей отчинѣ, Пскову, къ своимъ пріятелямъ, которые у васъ тамъ есть, чтобъ они хотѣли нашего жалованья и учинили во всемъ нашу волю?».

Невольники на все согласились и порѣшили послать во Псковъ съ своею грамотою одного изъ между себя, купца Онисима Манухина. Тогда бояре приказали имъ цѣловать крестъ на вѣрность государю. Принесена была крестоцѣловальная записъ, и псковичи по ней передъ боярами и дьяками великаго князя произнесли клятвенное обѣщаніе слушать своего государя, хотѣть ему добра во всемъ, безъ единой хитрости, не мыслить и не думать лиха ни великому князю, ни его княгинѣ, ни его дѣтямъ, ни его землямъ и пребывать неотступно отъ своего государя до конца живота своего. По окончаніи присяги, бояре сказали имъ, что великій князь велитъ имъ быть у него и бить челомъ. Великій князь принялъ ихъ ласково и пригласилъ на обѣдъ. Потомъ ихъ отпустили на свои кварталы, къ своимъ семействамъ, съ которыми они пріѣхали, и велѣно имъ оставаться въ городѣ до рѣшенія дѣла.

Во Псковѣ псковичи тотчасъ же узнали, что сдѣлалось съ ихъ братією въ Новгородѣ. Псковскій купецъ Филиппъ

Поповичъ на Крещеніе ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ и, доѣзжая до Веряжи, услышалъ о задержаніи псковичей, оставилъ свой товаръ на мѣстѣ и погналъ назадъ порожнемъ. Достигши Пскова, онъ кричалъ по улицамъ:— «Князь великій переловилъ нашихъ въ Новгородѣ!» Тогда, —говорить лѣтописецъ,—напалъ на весь Псковъ страхъ и трепеть, и печаль: и горла у псковичей пересохи, и уста слѣпились; много разъ нѣмцы подходили къ городу, а такой скорби не было, какъ въ то время. Зазвонили на вѣче; сбѣжались толпы. Нѣкоторые смѣльчаки кричали: «Ставьте щитъ противъ государя! Запремся въ городѣ!» Но другіе возражали: «Вѣдь наши братья, посадники и бояре, и всѣ лучшіе люди у него!» Иные припоминали крестное цѣлованіе, убѣждали, что нельзя поднимать рукъ на своего государя. Среди всеобщаго недоумѣнія и волненія, пріѣзжаетъ Онисимъ Манухинъ съ грамотою отъ задержанныхъ въ Новгородѣ псковичей. Въ грамотѣ своей они извѣщали весь Псковъ, чего государь отъ нихъ потребовалъ. «И мы,—говорили они,—подумавши между собою сколько насъ ни есть здѣсь, посадниковъ и бояръ, и всѣхъ псковичей, дали государю крѣпкое слово за себя и за всю Псковскую Землю; потому что мы, государева отчина, всѣ какъ одинъ человекъ до сихъ поръ». Предупреждая, что вслѣдъ затѣмъ пріѣдетъ съ государевымъ требованіемъ дьякъ Третьякъ Далматовъ, они просили согласія всего Пскова въ такихъ словахъ:—«Господа и братія наши! Посадники, и всѣ псковичи, и вся Земля Псковская! Похотите, вмѣстѣ съ нами, государева жалованья и учините его волю;—мы за себя и за васъ дали своими душами крѣпкое слово своему государю, и вы не учините съ нами розни; а если не сотворите государевой воли во всемъ по его хотѣнію, то будетъ вамъ вѣдомо, что государь нашъ съ яростію и съ гнѣвомъ пойдетъ на свою отчину, Псковъ, дѣлать свое дѣло съ великимъ и много-

народнымъ воинствомъ, и пошлетъ воеводъ своихъ со многими людьми; и прольется христіанская кровь; и наши головы погибнуть; и то будетъ на васъ за то, что не захотѣли государева жалованья и не учинили его воли. Государь учинилъ и сромъ дьяку Третьяку Далматову въ 10-й день генваря. Господа и братья! сдѣлайте же это великое дѣло и не задержите государева посланника. Потщитесь, пока царевъ гнѣвъ еще не пришелъ съ яростію на Землю. Здравствуйте!»

Псковское вѣче, выслушавъ это посланіе, отправило въ Новгородъ гонца, сотскаго Евстафія, съ такимъ челобитьемъ:

«Весь Псковъ отъ мала до велика бьетъ челомъ тебѣ, государю, чтобы ты, государь нашъ, великій князь Василий Ивановичъ, пожаловалъ свою старинную отчину; а мы, сироты твои, прежде сего и нынѣ отъ тебя не отступали и не противны тебѣ, государь; Богъ воленъ и ты съ своею отчиною и съ нами, твоими людишками».

Псковичи думали этою покорностію смягчить великаго князя; приходила имъ слабая надежда, авось онъ смиляется, сжалится, увидить, что Псковъ не думаетъ противиться; всему покоренъ, что государь прикажетъ. И государь, можетъ быть, сдѣлаетъ угодное своей отчинѣ: оставить во Псковѣ старинный порядокъ.

Наконецъ, пріѣхалъ дьякъ Третьякъ Далматовъ. 12-го января въ субботу зазвонили на вѣче. Передъ тѣмъ дьякъ сказалъ, что государь хочетъ оставить ихъ въ старинѣ, и у псковичей отлегло на сердцахъ; они приходили съ радостію на вѣче, думая, что, наконецъ, покорность смягчила великаго князя, что государю хотѣлось только испытать своихъ псковичей. Дьякъ взомель на ступени воввышеннаго мѣста, стоявшаго на вѣчѣ, и сказалъ ласково:

«Поклонъ всему Пскову отъ великаго князя. Валить вамъ великій князь сказать: если вы, отчина моя, посад-

ники и всѣ псковичи, Хотите прожить въ старинѣ, то учините мои двѣ воли: чтобъ у васъ вѣчья не было и вы бы колоколъ вѣчевой сняли; да чтобъ въ городѣ были два намѣстника и на пригородахъ намѣстники. Тогда вы въ старинѣ проживете. А только тѣхъ двухъ воль вы не сотворите, то будетъ съ вами, какъ государю Богъ на сердце положить; есть у него много силы готовой; и станется кровопролитіе надъ тѣмъ, кто не сотворитъ государевой воли. Государь нашъ князь великій хочетъ побывать на поклонѣ къ святой Троицѣ во Псковъ».

Сказавши эту рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени возвышеннаго мѣста, съ котораго говорилъ ее.

Псковичи потупили головы и долго не могли дать отвѣта; они услышали то, чего не ждали: Третьякъ, пріѣхавши, увѣрялъ, что великій князь передумалъ и хочетъ оставить Псковъ по старинѣ. Вся толпа стояла въ изумленіи; потомъ начались вопли. «Не плакалъ тогда,—говоритъ лѣтописецъ—развѣ грудной младенецъ при сосцахъ матернихъ!» Третьякъ съ приказнымъ хладнокровіемъ ожидалъ отвѣта. Наконецъ, нѣкоторые смышленные отозвались:—«Посоль государевъ! подожди до утра; мы себѣ подумаемъ и потомъ тебѣ все скажемъ».

Дьякъ отвѣчалъ, что онъ ждетъ утромъ отвѣта.

На утро 13-го января, въ воскресенье, на разсвѣтѣ, зазвонили въ вѣчевой колоколъ и уже въ послѣдній разъ! Третьякъ вошелъ на вѣче.

Тогда посадникъ отъ имени всѣхъ псковичей, стоявшихъ съ потупленными головами, сказалъ:

«Посоль государевъ! у насъ въ лѣтописцахъ записано такъ: съ прадѣдомъ и дѣдомъ и отцомъ великаго князя и со всѣми великими князьями было у насъ положено крестное цѣлованіе: намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто будетъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ, а намъ жить по старинѣ въ

доброй воли. А если мы, псковичи, отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или къ Нѣмцамъ, или сами собою станемъ жить, безъ государя, то падеть на насъ гнѣвъ Божій, гладъ, огонь, потопъ и нашествіе невѣрныхъ; а если государь нашъ великій князь этого же крестнаго цѣлованія не станетъ хранить и насъ не будетъ держать въ старинѣ, то и на него тотъ же обѣтъ, который на насъ. Теперь Богъ и государь воленъ въ своей отчинѣ, надъ городомъ Псковомъ и надъ нашимъ колоколомъ: мы прежняго крестнаго цѣлованія не хотимъ измѣнять и навлекать на себя кровопролитія; мы не поднимаемъ рукъ на своего государя и не станемъ запирается въ городѣ; если государь нашъ хочетъ помолиться Живоначальной Троицѣ и побывать въ своей вотчинѣ,—мы рады всѣмъ сердцемъ и тому, что не погубилъ насъ до конца!».

На эту рѣчь не могъ отвѣчать Третьякъ Далматовъ и приказалъ спустить вѣчевой колоколъ, висѣвшій на башнѣ стѣны, близъ Живоначальной Троицы. Колоколъ сняли. Всѣ псковичи горько плакали по своей волѣ. «Какъ звѣницы не упали со слезами! Какъ сердце не урвалось отъ горести!—воскликаетъ лѣтописецъ. Колоколъ повезли на Снѣтогорское подворье и оттуда отправили въ Новгородъ къ государю. За нимъ поѣхалъ дьякъ, и 15-го января докладывалъ государю объ успѣхѣхъ своего дѣла.

Великій князь отправилъ впередъ партію бояръ для приведенія всѣхъ псковичей ко крестному цѣлованію, а за нею самъ двинулся во Псковъ, по обѣщанію, данному псковичамъ, поклониться Живоначальной Троицѣ и учинить управу. Псковичи были безропотны и не показали ни малѣйшей охоты сопротивляться; но великій князь шель посѣтить городъ съ вооруженною силою, какъ на войну. Самъ онъ шель по одной прямой отъ Новгорода дорогѣ; по другимъ двумъ дорогамъ, вправо и влево, слѣдовали тѣ ратныя силы, которыми предводительствовалъ

великій князь; другіе полки шли съ воеводами. Можетъ быть великій князь не довѣрялъ такому кроткому послушанію и подозревалъ, что псковичи могутъ одуматься и начать защищаться. Между тѣмъ посланы были передовые во Псковъ, съ приказаніемъ, чтобы приготовили для великаго князя дворъ; чтобы всѣ хояева отдали свои дома въ Среднемъ городѣ государевымъ боярамъ и людямъ, а сами бы перебрались въ Большой городъ. Псковичи оставались себѣ вѣрны. Какъ только великій князь переступилъ рубежъ Новгородской Земли и пріѣхалъ въ Загряжье, первое псковское селеніе, бывшіе посадники и бояре встрѣчали его съ поклономъ. На другой день духовенство хотѣло встрѣчать его за городомъ, но пріѣхалъ коломенскій владыка и сказалъ, что государь не велитъ духовнымъ выходить за городъ на встрѣчу. Священники съ владыкою во всемъ облаченіи, съ крестами и хоругвями стали въ городѣ на Торгу; народъ выходилъ за городъ. За двѣ версты отъ Пскова толпы встрѣтили Василя и поклонились ему до земли.

Великій князь ѣхалъ верхомъ; онъ спросилъ ихъ о здоровьѣ.

— «Ты бы, государь нашъ, князь великій, здоровъ былъ»! крикнули псковичи.

Сопровождаемый народомъ, въѣхалъ великій князь въ городъ прямо на Торгъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояло духовенство и слѣзъ съ коня. Первенствующими лицами между духовенствомъ были москвичи—коломенскій епископъ и симоновскій архимандритъ. Великій князь поклонился святынь и вошелъ въ ворота Дѣтинца прямо къ Живоначальной Троицѣ.

Отслужили молебень и пропѣли многолѣтіе великому князю. Москвичъ-владыка, знаменуя великаго князя крестомъ, воскликнулъ:

«Богъ тебя благословляетъ, Псковъ вземши!».

Псковичи оскорбились за невниманіе къ ихъ покорности и сказали со слезами:

— «Богъ воленъ, да государь; а мы изстари были отчина отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ вашихъ!».

Прошло два дня. Великій князь обѣдалъ и бесѣдовалъ съ своими духовными и съ своими боярами, да воеводами. Псковичей не звали и не обращались къ нимъ. Но въ воскресенье, 27-го января, утромъ, кликали государевы люди кличь по городу, чтобъ всѣ псковичи: и лучшіе, и середніе, и молодшіе люди, всѣ шли на дворъ къ великому князю слушать его управу. Когда народъ сошелся къ назначенному мѣсту по приказанію, бояре сказали, что псковскіе посадники, бояре, купцы и знатные люди должны идти въ большую гридню и тамъ слушать, что имъ скажутъ, а остальной весь народъ пусть стоитъ на дворѣ. Государь сидѣлъ съ боярами въ другой избѣ, называемой средней. Оттуда онъ поручилъ нѣсколькимъ боярамъ ¹⁾ передать свою волю лучшимъ людямъ, собравшимся въ большой гриднѣ, а другимъ боярамъ приказалъ говорить народу, стоявшему на дворѣ. Бояре, появившись въ гриднѣ, произнесли такую рѣчь лучшимъ людямъ псковичамъ:

«Государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всея Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ говорить: какъ прежде я пожаловалъ васъ, мою отчину, Псковъ, такъ и теперь жалую, не вступаюсь въ имущества и достоянія ваши, и впередъ хочу жаловать васъ; но здѣсь въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, быть вамъ не пригоже, для того, что прежде были многія жалобы на ваши неправды, безпорядки, обиды и оскорбленія и разоренія людямъ: я васъ жалую

¹⁾ Именно: князю Александру Владимировичу, Григорію Ѳеодоровичу, стольнику Ив. Андреевичу, окольничему князя Петру Великому, казначею Дмитрію Владимировичу и дьяку Третьяку Далматову. Мисюрѣ Мунехину, Ивану Телешеву, Лукѣ Семенову....

нынѣ своимъ жалованьемъ въ Московской Землѣ; и вамъ теперь же ѣхать въ Москву, съ женами и дѣтьми!».

Псковичи отвѣчали:

«Прародителямъ его, государямъ, и ему, государю, мы всегда были неизмѣнны и неотступны до сихъ поръ; и нынѣ мы положились на Бога и на своего государя и царя во всей его волѣ; какъ онъ хочетъ, такъ насъ и пожалуетъ! Вѣдаютъ Богъ, да государь!».

Другіе бояре, которые были посланы къ простому народу, стоявшему на дворѣ, говорили:

«Тѣмъ псковичамъ, что отобраны въ избѣ, я, великій князь, не велю быть во Псковѣ, а посылаю ихъ въ Московскую Землю; это дѣлается потому, что я жалую васъ, свою отчину, Псковъ, для того, что прежде на нихъ бывали челомъ мелкіе люди, псковичи: что отъ нихъ чинятся насилія и обиды; а васъ, какъ я пожаловалъ уже свою отчину, Псковъ, такъ и впередъ тѣмъ же хочу жаловать; развода не бойтесь; только тѣхъ посадниковъ и псковичей, что въ избѣ отобраны, велѣлъ я вывести; но и тѣхъ въ Московской Землѣ я пожалую своимъ жалованьемъ, какъ будетъ пригоже; а вы живите въ нашей отчинѣ, Псковѣ, и слушайтесь тѣхъ бояръ и псковскихъ намѣстниковъ, которыхъ я пожалую намѣстничествомъ въ своей отчинѣ».

Простой народъ плакалъ; раздался такой отвѣтъ:

«Мы челомъ бьемъ за его жалованье и рады слушать во всемъ государева намѣстника!».

Простой народъ разошелся по домамъ съ унылыми лицами. Тѣ, которые собрались въ гриднѣ, уже не увидали своихъ домовъ. Когда сообщили великому князю отвѣтъ ихъ, явились по его приказанію къ нимъ въ избу дьяки и дѣти боярскіе; первые сдѣлали имъ перепись и отдали послѣднимъ; дѣти боярскіе имѣли порученіе везти ихъ въ Москву каждого по росписи, кому кого назначено. Ихъ

женамъ и дѣтямъ велѣно собираться и быть готовыми на другой же день. Такимъ образомъ они могли ваять только самое необходимое, и должны были покинуть въ прежнемъ отечествѣ не только дворы и дома, лишившись на нихъ права, но и большую часть движимаго имущества. 28-го января все уже было готово. Триста семействъ потянулись на санихъ къ московской дорогѣ, подъ стражею, въ сопровожденіи вооруженныхъ дѣтей боярскихъ. Съ ними отправлены были также жены и дѣти тѣхъ псковичей, которыхъ задержали въ Новгородѣ. Князь Михайло Даниловичъ Щенятевъ начальствовалъ этимъ поѣздомъ.

И остальныхъ псковичей не оставили безъ передвиженія; хотя ихъ не выслали тогда въ Московщину, но великій князь не велѣлъ жить ни одному изъ нихъ ни въ Кромѣ, ни въ Середнемъ городѣ, и велѣлъ всѣхъ вывести въ Застѣнье, въ Большой городъ. Великій князь прожилъ во Псковѣ мѣсяцъ и установилъ въ немъ московскую управу. Онъ поручилъ управленіе Пскова и Псковской Земли двумъ намѣстникамъ ¹⁾ и при нихъ двумъ дьякамъ, опредѣлили воеводъ, начальствующихъ военною силою, городничихъ, которые надзирали за городскими укрѣпленіями, устроилъ во Псковѣ тысячу московскихъ дѣтей боярскихъ, пищальниковъ и воротниковъ, а сверхъ того пять сотъ новгородскихъ (т.-е. москвичей же, но переведенныхъ прежде въ Новгородъ) пищальниковъ. Судъ производился намѣстниками и ихъ тиунами, т.-е. довѣренными, а дѣлопроизводство лежало на дьякахъ; какъ охранители правды, поставлены были двѣнадцать человекъ москвичей и двѣ-

¹⁾ А на отчинѣ своей пожаловалъ князь великій намѣстничествомъ боярина своего князя Григорія Ѳеодоровича Морозова, да конюшаго своего Ивана Ондреевича Челядина, да въ Псковѣ же велѣлъ быть дьяку Мисюрѣ Мунехину вѣдать приказныя дѣла, а въ ямскихъ дѣлахъ велѣлъ быти Ондрею Никифорову, сыну Волосатаго, писати ему полные данные грамоты и докладные.

надпять псковичей, которые должны были сидѣть въ Судѣ¹⁾.

До тѣхъ поръ во Псковѣ была вольная торговля и таможенныхъ пошлинъ не существовало; теперь великій князь приказалъ прибыть изъ Москвы гостямъ и дождался ихъ во Псковѣ; эти купцы (гости), москвичи, установили тамгу по оцѣнкѣ торговыхъ предметовъ, какъ было въ Москвѣ. Во всѣ десять псковскихъ пригородовъ посланы были намѣстники изъ Московщины съ москвичами. Чтобы смѣшать народонаселеніе, намѣсто выведенныхъ изъ Средняго города, по приказанію великаго князя, пріѣхало множество семей изъ Московщины. Такимъ образомъ, паденіе свободы Пскова было тяжело не только для псковичей, но и для москвичей, которые должны были, по приказанію государя, оставлять свои жилища и ѣхать въ чужую сторону. Деревни и земли псковскихъ бояръ розданы московскимъ боярамъ, чтобъ во Псковской Землѣ пресѣчь историческую непрерывность со стариною. Для истребленія вѣчевыхъ воспоминаній, великій князь приказалъ перевести торгъ отъ Довмонтовой стѣны, гдѣ онъ былъ прежде, за Средній городъ, противъ Лужскихъ воротъ²⁾; въ заключеніе, чтобъ оставить потомству память объ уничтоженіи вольности въ Псковѣ, заложилъ онъ церковь во имя св. Ксеніи,³⁾ потому что въ день, посвященный этой святой (24 января), онъ вошелъ во Псковъ. На второй недѣлѣ поста, въ понедѣльникъ, выѣхалъ онъ изъ Пскова, съ великою побѣдою, безъ крови, — по выраженію псковскаго лѣтописца.

¹⁾ Пск. Л. I, 287—288.

²⁾ Противу Лужскихъ воротъ за рвомъ, на Юшковѣ огородѣ Носихина, да на Григорьевѣ посадниковѣ садникѣ Кротова.

³⁾ На Пустой улицѣ въ Ермолкинѣ садникѣ Хлѣбниковѣ, а потому та улица Пустая слыла, что межъ огородовъ, а дворовъ на ней не было.

Управленіе и судъ оставленныхъ во Псковѣ москвичей казались невыносимы для псковичей. На судъ смотрѣли судьи только какъ на доходную статью и не разбирали средствъ увеличивать свои доходы. Подстрекали ябедниковъ подавать челобитныя на богатыхъ псковичей; призывали послѣднихъ къ суду, брали съ нихъ взятки и посулы, и разоряли. Такимъ образомъ, добро, нажитое торговлею и промыслами въ прежнія времена независимости, теперь переходило въ руки московскихъ дьяковъ. Государь оставилъ имъ свою уставную грамоту; но по этой грамотѣ никто изъ судей не думалъ поступать. Вообще какъ правители, такъ и служилые обращались съ псковичами какъ съ безгласными невольниками; когда псковича отдавали по суду на поруки, то брали съ него болѣе, чѣмъ сколько было указано въ уставной грамотѣ; псковичъ жаловался, — за то псковича били, а иногда убивали до смерти. Все сходило съ рукъ москвичамъ. На обиду отъ москвича негдѣ было псковичу найти управы; на судѣ москвичъ всегда будетъ оправданъ, а псковича оберутъ, да еще и накажутъ. У московскихъ судей, — говоритъ лѣтописецъ, — правда улетала на небо, а кривда одна оставалась на судѣ ¹⁾. Чего не додѣлалъ Василій, чтобъ судьба Пскова была похожа на судьбу Новгорода при Иванѣ Васильичѣ, то доканчивали его намѣстники и дьяки. Псковичи, спасаясь отъ оскорбленій, бросали свои дома и имущества и убѣгали въ чужія земли. Многіе ушли въ монастыри и постриглись. Въ одинъ годъ большая часть дворовъ опустѣла. Прежде во Псковѣ проживало много инородцевъ; теперь не осталось ни одного! Торговля и промышленность упали и подъ покровительствомъ московскихъ начальниковъ перешли исключительно въ руки поселенцевъ москвичей. Только эти переселенцы казались

¹⁾ Пск. Л. I, 287.

нѣсколько зажиточными. Оставшіеся во Псковѣ прежніе жители пришли въ нищету и скоро подъ гнетомъ нужды и московскаго порядка по-неволѣ забыли старину свою и сдѣлались холопами. Уже современникъ этихъ роковыхъ событій, Герберштейнъ, замѣтилъ, что прежніе гуманные и общительные нравы псковичей стали замѣняться испорченными, московскими. Исчезла прежняя искренность, добродушіе, простота, чѣмъ отличались псковичи, когда въ торговыхъ сдѣлкахъ своихъ не прибѣгали къ многословію съ цѣлію надуть покупателя, а достаточно было одного слова псковича для объясненія дѣла ¹⁾). Нельзя бороться съ исторіей. «Некуда было дѣться,—говоритъ лѣтописецъ ²⁾), —земля подъ нами не разступится, а вверхъ не взлетѣтъ!» ³⁾).

¹⁾ Unde factum, ut pro cultioribus atque adeo humanioribus Plescovienorum moribus corruptiores in omnibus fere rebus Moscoviensium mores sint introducti. Tanta enim in contractibus Plescoviensium erat integritas, candor et simplicitas, ut omni verbositate in fraudem emptoris omissa, uno tantum verbo res ipsas indicarent (Herberst. edit Starczewski. 52).

²⁾ Псков. Л. I, 288.

³⁾ Вотъ какую краснорѣчивую и полную глубокаго смысла панихиду по свободному Пскову отправила мѣстная лѣтопись:

„О славнѣйшій граде Псковѣ великій! Почто бо сѣтуеши и плачеша? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: „како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрынный орелъ исполнь крылъ львовыхъ ногтей и взять отъ мене три кедр Ливанова, и красоту мою и богатство и чада моя восхити; Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша, а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша. А иные во градѣ мнози постригахуса въ черныцы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады. Нынѣ же се,

братіе, видяще, убоимся прещенія сего страшнаго, припадемъ ко Господу своему, исповѣдающеся грѣховъ своихъ, да не внидемъ въ болшій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горши первой; а еще ждетъ нашего покаянія и обращенія; а мы не покаяхомся, но на болшій грѣхъ превратихомся, на злыя поклєпы и лихія дѣла и у вѣчи кричаніе, а не вѣдуши глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хожемъ: сего ради само-воля и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны (Псковск. I. I, 287).

Подробности о паденіи Пскова взяты, между прочимъ, изъ неизданнаго повѣствованія, хранящагося въ рукописи Румянцовскаго Музея.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

БОРЬБА СЪ ТЕВТОНСКИМЪ ПЛЕМЕНЕМЪ.

БОРЬБА СЪ ТЕВТОНСКИМЪ ПЛЕМЕНЕМЪ.

По географическому положенію и по теченію историческихъ обстоятельствъ, новгородскія и псковскія земли подвергались непрерывному ряду столкновений съ нѣмецкимъ племенемъ. Новгороду и Пскову суждено было отстаивать на сѣверѣ славянскій міръ отъ властолюбивыхъ вѣковыхъ покушеній. Въ то время какъ ганзейскій торговый союзъ успѣлъ обратить торговую дѣятельность Новгорода исключительно въ свою пользу, съ одной стороны шведы, съ другой—ливонскіе рыцари покушались оружіемъ лишить русскую стихію самобытности. Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ какъ будто завѣщана была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака доисторическихъ временъ на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ. Въ IX вѣкѣ, какъ мы видѣли, Новгородъ подпалъ подъ власть шведовъ: чуждое завоеваніе пробудило спящія силы сѣверныхъ народовъ. Изгнавши пришельцевъ, эти народы почувствовали необходимость сплотиться тѣснѣе; положено было начало государственному тѣлу, долженствовавшему современемъ достигнуть огромнаго размѣра. Но чрезъ это скандинавы не перестали налегать на Новгородъ. Олегъ установилъ между Новгородомъ и ими компромиссъ: новгородцы откупались отъ ихъ покушеній на свою независимость платежемъ

каждогодной дани. Князя въ своихъ междоусобіяхъ призывали ихъ сами. Владимиръ съ помощью скандинавскихъ варяговъ побѣдилъ Ярополка. Его бѣгство за море показываетъ, что онъ не надѣялся на самихъ новгородцевъ; и дѣйствительно, едва только онъ убѣжалъ, какъ соперникъ его и братъ безпрепятственно посадилъ своихъ посадниковъ въ Новгородѣ. Не можетъ быть, чтобъ шведы, помогавшіе Владимиру, тогда же не дали знать себя новгородцамъ. Дѣйствительно, князь русскій покупалъ свою власть на счетъ порабощенія народа. Это видно изъ того, какъ варяги смотрѣли на ту помощь, какую оказывали Владимиру. Когда съ варягами онъ завоевалъ Кіевъ, его союзники говорили: «это нашъ городъ, мы его взяли; мы хотимъ взять на его жителей окупъ по двѣ гривны съ человека». Успѣвъ отправить часть ихъ въ Грецію, Владимиръ иначе, однако, не могъ отъ нихъ отвязаться, какъ только давши важнѣйшимъ изъ нихъ лицамъ грады для управленія. Эти черты ясно показываютъ, что норманны, вмѣшиваясь въ междоусобія русскаго міра, пускали въ него свои корни. Хотя въ Новгородѣ посадникомъ поставленъ былъ не пришлецъ, а дядя Владимира, Добрыня, однако, преданіе о томъ, что Новгородъ продолжалъ платить и при Владимирѣ, ради мира, 300 гривенъ варягамъ, показываетъ, что этотъ край не могъ освободиться совершенно отъ вліянія этихъ чужеземцевъ. Яснѣе видимъ мы слѣды этого тяготѣнія норманства на жизнь Новгорода во время Ярослава. Видно, что норманны служили этому князю наемнымъ войскомъ, поддерживали его власть противъ покушеній древней свободы прорваться наружу. Новгородъ былъ обложенъ данями; его мірская свобода была въ это время подавлена. Оружіемъ для князя служили норманны. Въ 1015 году произошло противъ нихъ возстаніе. Лѣтописецъ говоритъ, что варяговъ было много у Ярослава; они готовились идти на Владимира, а между тѣмъ, распо-

ложившись въ Новгородѣ, смотрѣли на жителей, какъ на порабощенныхъ себя—творили насилія новгородцамъ и ихъ женамъ. Тогда новгородцы составили заговоръ и перебили пришельцевъ. Какъ Ярославъ мститъ за убитыхъ, какъ потомъ помирился съ новгородцами, — рассказано было прежде. Это столкновение съ варягами-норманнами было на этотъ разъ послѣднимъ. Ярославъ утѣлся въ Кіевѣ, возвратилъ Новгороду его древнюю свободу: съ тѣхъ поръ Новгородъ пересталъ платить и свою заморскую дань, установленную Олегомъ. Скандинавы начали терять свои силы во внутреннихъ междоусобицахъ и выпустили изъ рукъ сѣверно-русскій край. Только Ладога была отдана Ярославомъ въ пожизненное владѣніе ярлу Рагнвальду, какъ вѣно за шведскую княжну Ингигерду, на которой Ярославъ женился. Быть можетъ, эта отдача Ладоги и была замѣною тѣхъ трехъ сотъ гривень, которыя платили новгородцы. Впослѣдствіи и Ладога возвращена была Новгороду, какъ его пригородъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что внутренніе раздоры въ Швеціи отвлекли ея удалцовъ отъ варяжства и отъ русскаго міра, Новгородъ, между тѣмъ, окрѣпъ самъ и въ XII-мъ вѣкѣ подчинилъ себя южную Финляндію. Это повлекло его снова въ непріязненные столкновения со шведами. Въ 1143 году, южные финны, выбиваясь отъ покушеній Новгорода на власть надъ ними,—нашли себѣ союзниковъ въ шведахъ, распространившихъ тогда христіанство въ Финляндіи. Сначала Емъ напала на Ладожскій край; ладожане отбили это нападеніе; затѣмъ явился шведскій король съ епископомъ въ шестидесяти ладьяхъ. Этотъ походъ имъ не удался; они только напали на новгородскихъ гостей, плывшихъ изъ южнаго Варяжья. Въ 1164 г. шведская флотилія подступила снова подъ Ладогу; и это покушеніе тоже не удалось и окончилось въ пользу русскихъ. Ладожане храбро выдержали нападеніе, а между тѣмъ, дали

знать новгородцамъ. Послѣдніе съ своимъ княземъ Свято-славомъ напали неожиданно на шведовъ и разбили ихъ на-голову, такъ-что изъ 55-ти шнекъ успѣло уйти только двѣнадцать, и изъ тѣхъ многія убѣжали съ пробоинами; остальныхъ сорокъ три шнеки были взяты; кромѣ попавшихся въ плѣнъ, много шведовъ погибло въ битвѣ ¹⁾.

Но это были сами по себѣ незначительные предвѣстники гораздо важнѣйшей борьбы съ нѣмецкимъ племенемъ; ей приходилось разыграться тогда, какъ тевтонскіе рыцари, въ началѣ XIII вѣка, поселились въ Ливоніи, и систематически начали крестить и истреблять чудскія и литовскія племена. Еще въ половинѣ XII вѣка бременскіе купцы основали первое поселеніе на устьѣ Двины и съ тѣхъ поръ мало-по-малу на западѣ стали обращать вниманіе на Остзейскій край. По предложенію бременскаго архіепископа, папа Александръ III назначилъ туда миссіонеромъ Мейнгарда, провозглашеннаго первымъ мѣстнымъ епископомъ. Онъ успѣшно выпросилъ право поселенія нѣмцамъ у полоцкаго князя, считавшаго себя верховнымъ правителемъ береговъ Двины. Но Чудь уже съ перваго раза встрѣтила негостепріимно пришельцевъ. Епископъ Альбертъ основалъ Ригу и увидѣлъ, что этотъ народъ невозможно просвѣтить свѣтомъ евангелія безъ военной силы, и по его ходатайству учрежденъ былъ папою, въ 1202 году, Орденъ рыцарей Меча, вѣтъ Тевтонскаго Ордена. Онъ состоялъ изъ нѣмцевъ;—его цѣль была распространеніе вѣры и, вмѣстѣ съ нею, нѣмецкой народности. Пришельцы неизбежно должны были столкнуться съ русскими. Часть чудскихъ народовъ была уже подвластна Новгороду; Летигола (Латыши) по Двинѣ признавала надъ собою господство Полоцка. Въ Латышской Землѣ сидѣли русскіе князьки, подъ верховною властью полоцкаго князя. Нѣмцы обманули

¹⁾ Новг. Л. I, 18.

тогдашняго полоцкаго князя, по имени Владимира; по ихъ просьбѣ онъ дозволилъ имъ безпрепятственно основаться въ Ливоніи и проповѣдывать вѣру, но они вскорѣ же показали, что вѣра у нихъ — предлогъ, а подъ этимъ предлогомъ скрываются властолюбивыя намѣренія. Проповѣдь пошла путемъ насилія и порабощенія. Ливы возстали на защиту отечества. Владимиръ полоцкій въ 1207 году принялъ ихъ сторону и осадилъ Ригу, но долженъ былъ снять осаду, когда русскіе узнали, что къ нѣмцамъ прибываетъ на помощь морская сила датчанъ. Вслѣдъ за тѣмъ два князя, удѣльно правившіе въ Латышской Землѣ, потеряли свои владѣнія. Первый былъ въ Кукеноисѣ, Вячко, данникъ полоцкаго князя: предательски схваченный нѣмцами, онъ долженъ былъ признать надъ собою верховную власть епископа, а потомъ покусился освободиться отъ зависимости, но былъ остановленъ нѣмцами, въ отчаяніи сжегъ свой городъ и убѣжалъ. Другой, Всеволодъ, кажется, братъ Вячка, основался въ городѣ, называемомъ у нѣмецкихъ историковъ Герсеке (вѣроятно Городище). Женатый на литовской княжнѣ, онъ сдѣлался открытымъ сторонникомъ непокорныхъ язычниковъ и сталъ на челѣ ихъ. «Это былъ заклятый врагъ латинской вѣры и христіанства», говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ современникъ ¹⁾. Начальствуя литовцами, онъ сдѣлался тогда страшилищемъ не только для нѣмцевъ, но и для латышей, даже для самихъ русскихъ,—никого не щадилъ воюючи. Въ 1209 году епископъ Альбертъ, собравши все войско и вооруживъ латышей, взялъ мѣстопробываніе этого князя; въ плѣнъ попалась жена его — литовская княжна. Тогда Всеволодъ притворно просилъ мира. Епископъ согласился отдать ему княгиню, если онъ присягнетъ не дѣлать болѣе вреда Церкви латинской, отдать все княжество въ лену

¹⁾ Ненг. XIII, 135.

церкви св. Маріи, получить его обратно уже какъ вассальное владѣніе отъ епископа и станетъ вѣрнымъ слугою нѣмцевъ. Всеволодъ согласился и присягнулъ въ Ригѣ. Епископъ Альбертъ далъ ему грамоту, которою утверждалъ его права на владѣніе ¹⁾. Эти мѣры, разумѣется, могли только болѣе раздражать русскихъ и готовить въ будущемъ усиленіе вражды ихъ съ нѣмцами. Нѣмцы, между тѣмъ, расправляясь уже съ мелкими князьями, чувствовали, что еще не окрѣпли до того, чтобы такъ же расправиться съ полоцкимъ княземъ и держались съ нимъ миролюбивой политики. Въ 1210 году епископъ заключилъ съ нимъ союзъ, по которому обѣщалъ платить извѣстную дань полоцкому князю, а полоцкій князь, довольный этимъ, позволилъ свободно распространять латинское христіанство въ Ливоніи ²⁾.

Послѣ того, какъ пришельцы столкнулись съ Полоцкомъ, послѣдовало столкновеніе и съ Великимъ Новгородомъ. Ливонскій край, называемый Уггенонсъ—страна, прилегавшая къ Чудскому озеру, гдѣ находился Юрьевъ (Дерптъ), издавна считалась подвластною Новгороду; но туземцы много разъ пытались освободиться отъ этой зависимости. Когда нѣмцы стали энергичнѣе совершать свое дѣло крещенія Чуди въ латинскую вѣру, новгородцы, какъ видно, до того времени мало обращавшіе вниманія на апостольство, теперь съ княземъ своимъ Мстиславомъ Удалымъ явились въ Уггенонсъ съ требованіемъ не только дани, но и крещенія. Мстиславъ осадилъ Медвѣжью-Голову (Оденпе), тогдашній главный пунктъ національной защиты у Ливовъ. Отъсненныя впродолженіи восьми дней, ливы сдались, заплатили новгородцамъ 40 гривенъ и дали обѣщаніе креститься. Новгородъ обѣщалъ прислать своихъ свя-

¹⁾ Bunge, Band Heft. I, 20.

²⁾ Henr. 148.

щениковъ ¹⁾). Вмѣстѣ съ новгородцами за одно дѣйствовали и псковичи, съ княземъ своимъ Владимиромъ. Новгородцы совершенно удовлетворялись такою покорностью, какую оказали имъ ливы въ Оденпе и по прежнему своему обычаю не устанавливали никакого своего управления въ инородномъ краѣ; какъ въ томъ же году явились подъ Оденпе нѣмцы, завоевали городъ, разграбили и стали крестить въ латинство край, который новгородцы признавали давно уже своимъ и гдѣ недавно готовились распространять православіе. Вслѣдъ затѣмъ нѣмцы начали крестовый походъ по всей Ливоніи и, опустошая города и села, заставляли креститься и сожигали жилища тѣхъ, которые отказывались. Новгородъ, оскорбленный поступкомъ въ Оденпе, отправилъ въ Чудскую страну пятнадцать тысячъ новгородцевъ и псковичей подъ начальствомъ князя Всеволода Борисовича, того самаго, который недавно такъ неудачно раздѣлывался съ нѣмцами въ Герсекѣ; съ ними были торопчане съ княземъ своимъ Давидомъ, братомъ Владимира псковского. Мстиславъ Удалой прошель провинціи Вагію, Герву, потомъ вступилъ въ край, называемый по-русски Чудъ-Ерева, а у нѣмецкихъ писателей Jergen. Нѣмцы не встрѣчались ему. Онъ вошелъ въ Гаррию, лежащую по берегу моря, въ Эстляндіи, около нынѣшняго Ревеля. Нѣмцы, услышавъ, что русскіе идутъ противъ нихъ, ушли въ Ригу. Мстиславъ осадилъ чудскую крѣпость, называемую у Генриха Варболе ²⁾ а у новгородскаго лѣтописца Воробинъ (переводъ Варболе) ³⁾. Туземцы поклонились и обѣщались давать дань. Много плѣнниковъ привели съ собою побѣдители. Тѣмъ и кончился тогда походъ новгородцевъ въ 1214 году. Но ободренные приходомъ новгородцевъ въ Ливонію,

¹⁾ Henr. 138.

²⁾ Henr. 162.

³⁾ Новг. Л. I, 32.

ливы и эсты подняли сильное возстаніе противъ нѣмцевъ и перебили нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Это событіе вѣроятно способствовало усиленію взаимной непріязни русскихъ и нѣмцевъ. Владимиръ, псковскій князь, отдалъ сестру за Теодориха, брата епископа Альберта. За это псковичи его выгнали. Онъ убѣжалъ въ Ливонію, получилъ въ управленіе фогство въ Латышской Землѣ и способствовалъ нѣмцамъ къ покоренію туземцевъ ¹⁾. Ливы и эсты были между двухъ огней; они не терпѣли ни русскихъ, ни нѣмцевъ; первые правда не крестили ихъ ²⁾, за то обирали; вторые принуждали поклоняться кресту, угрожая огнемъ и мечомъ, въ случаѣ непокорства. Туземцы не въ силахъ были сами сладить съ иноплемениками, не знали куда пристать, искали помощи то у тѣхъ, то у другихъ, то противъ того, то противъ другого; разумѣется, черезъ это они содѣйствовали собственной гибели.

Стѣсненные пришельцами, туземцы вопили о помощи и защитѣ къ слабому полоцкому князю. Владимиръ какъ-бы очнулся. «Ливонцы мои подданные,—говорилъ онъ:—въ моей власти ихъ крестить и оставить некрещенными». Альбертъ предложилъ полоцкому князю свиданіе. Владимиръ псковскій вызвался быть посредникомъ. Какъ ни объяснялъ епископъ силу словесъ Христовыхъ: «идите, научайте вся языцы, крестяще ихъ», какъ ни льстилъ полоцкому князю, увѣряя, что нѣмцы повелѣваютъ туземцамъ воздавать кесарево кесареви, т.-е. давать дань полоцкому князю, однако не уговорилъ Владимира. Тотъ потребовалъ, чтобы нѣмцы

¹⁾ Scilicet urbem Antinam Zeessowe et alias ad fidem conversas deinde praestito nobis hominio et fidei sacramento praedictam urbem cum terra et bonis attinentibus a manu nostra solempniter cum tribus vexillis in beneficio recepit (Henr. 165. 176).

²⁾ Est enim consuetudo Regum Ruthenorum quamcumque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subicere sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subjugare (Henr. 166).

перестали насильно крестить туземцевъ. Вѣроятно, на этотъ разъ полоцкаго князя подстрекали русскіе духовные, которымъ было завидно видѣть успѣхъ проповѣдниковъ латинства. Владимиръ кликнулъ кличъ къ язычникамъ. Рыцари пошли противъ нихъ; но Владимиръ псковскій, все-еще вѣрный союзникъ пришельцевъ, уладилъ тутъ дѣло; онъ отправился къ полоцкому князю и убѣдилъ его оставить предпріятіе, представивъ, что этимъ поступкомъ полоцкій князь раздражитъ нѣмцевъ до крайности; а у нихъ сила велика и еще увеличится, и война можетъ имѣть неблагопріятныя для русскихъ послѣдствія. Нѣмецкій лѣтописецъ-современникъ ¹⁾ увѣряетъ, что полоцкій князь не только заключилъ миръ, не только явился къ епископу съ сыновнимъ уваженіемъ, но отказался отъ дани, которую обязаны были нѣмцы платить ему по прежнему договору за уступленное имъ право проповѣдывать въ Ливоніи, да еще обѣщался всегда имъ помогать. Фактъ самъ по себѣ почти невѣроятный и темный, безъ подробностей, которыя отъ насъ укрылись. Но какъ бы то ни было, скоро самъ Владимиръ псковскій, котораго услугамъ приписывается такой неожиданный поворотъ дѣла съ полоцкимъ княземъ, поссорился съ нѣмцами за то, что его упрекали въ несправедливости суда надъ жителями, отданными въ его управленіе: онъ думалъ только о сборѣ своихъ доходовъ, судилъ несправедливо и лицепріятно, помогалъ богатымъ и разорялъ бѣдныхъ. Онъ ушелъ въ Русь со всею семьей и въ 1217 г., когда Мстиславъ Удалий отлучился въ Кіевъ, явился съ новгородцами врагомъ нѣмцевъ. Новгородцы хотѣли отнять Оденпе, попавшее въ руки нѣмцевъ. Новгородцы удачно завоевали Оденпе. «Тогда,—говоритъ лѣтописецъ,—Владимиръ разослалъ партію псковичей и новгородцевъ грабить и разорять

¹⁾ Henr. 168.

тѣ чудскія селенія, которыя приняли латинство, отпавши отъ православной вѣры, принятой прежде. Послѣдніе призывали въ помощь противъ новгородцевъ рыцарей и когда новгородцы со псковичами и съ посадникомъ своимъ Твердиславомъ были въ полѣ, вдругъ ударили на нихъ нѣмцы. Новгородцы однако не были разбиты: они отняли до 700 коней, убили двухъ воеводъ, третьяго взяли живьемъ и ушли здоровы ¹⁾.

Ободренный этими успѣхами соотечественниковъ, Владимиръ полоцкій опять пробудился. Ливы уже стали склоняться передъ своею судьбою, и многіе волею-неволею, какъ и враги ихъ, латыши, вступали въ ополченіе противъ русскихъ по волѣ нѣмцевъ; но эсты призывали полоцкаго князя освободить ихъ отъ нѣмцевъ, указывая на возможность овладѣть Ригю, а сами вызывались отбивать ливовъ и латышей и запереть дюнаминдскую гавань ²⁾. Владимиръ призывалъ къ ополченію русскихъ и литовцевъ противъ латинства, но смерть, по сказанію нѣмецкихъ историковъ, поразила его скоропостижно въ ту самую минуту, какъ онъ, готовясь идти въ походъ противъ рыцарей, сѣлся въ лодку. Его войско разсѣялось ³⁾.

Владимиръ псковской продолжалъ дѣло войны съ нѣмцами и возбуждалъ эстовъ. Съ своей стороны, нѣмцы видѣли противъ себя уже важный заговоръ русскихъ; собирали подати, ополчали туземцевъ; населеніе Ливоніи раздѣлилось: новокрещенцы были за нѣмцевъ, язычники искали освобожденія въ помощи русскихъ. Нѣмцы укрѣпили Оденпе и засѣли въ немъ; а между тѣмъ, въ концѣ 1217 и началѣ 1218 г., шайка туземцевъ, латышей и ливовъ, настроенная нѣмцами, подъ предводительствомъ нѣмецкихъ ватажковъ, пустилась дѣлать пакости по новгородской

¹⁾ Новг. Л. I, 35. Псков. Л. I, 177.

²⁾ Henr. 199.

³⁾ Henr. 200.

волости. Имъ помогало то, что жители не ожидали бѣды. Пришли святки; поселяне пили — гуляли; а враги наскakивали врасплохъ на веселыя села, — истребляли ихъ; много перебили и народа, и скота, и лошадей; много увели плѣнниковъ, особенно женщинъ ¹⁾. Новгородцы выслали войско; агенты ихъ бѣгали по Эстонской Землѣ, заохочивая туземцевъ къ сверженію нѣмецкаго ига, — призывали собираться въ русское ополченіе. Народное чувство поднялось. Прибывали въ новгородское войско не только явчичники изъ Гарріи, Саккалы, острова Эвеля, сгѣшившіе сразиться за спасеніе своихъ боговъ, но и христіане православные, и даже принявшіе латинство — съ надеждою прогнать иноплемениковъ и доставить отечеству независимость. Войско русское простиралось, — по сказанію лѣтописца, — до 20-ти тысячъ. Предводительствовалъ имъ князь Владимиръ. Это ополченіе осадило Оденне и держало въ осадѣ городъ семнадцать дней, а въ то самое время отряды русскихъ расходились по краю, истребляли и брали въ плѣнъ всѣхъ, кто отзывался за нѣмца. Самъ магистръ ордена, Волквинъ, съ братомъ епископа, зятемъ Владимира исковскаго, пошли на выручку осажденному городу. Но русскія силы были значительное нѣмецкихъ; нѣмцы сразились, потеряли нѣсколько человекъ рыцарей, должны были отступить, и заперлись въ городѣ. Но тамъ уже свирѣпствовалъ голодъ. Нѣмцы принуждены были питаться лошадьми, которыя падали отъ недостатка корма, по выраженію лѣтописца, отгрызая другъ у друга хвосты. Но и въ русскомъ лагерѣ также сдѣлался недостатокъ сѣбстнаго. И потому на третій день, послѣ того, какъ магистръ заперся въ Оденне, оба непріятеля вступили въ переговоры. Нѣмцы сдали городъ и выговорили себѣ спокойный возвратъ. Братъ епископа Теодорихъ, зять Владимира, по извѣстію лѣтописца, пригласи-

¹⁾ Henr. 204.

шенъ имъ во Псковъ для утвержденія мира, но новгородцы увели его, какъ плѣнника ¹⁾. Побѣда эта возбудила эстовъ къ возстанію: составилось ополченіе; отправили просить помощи у новгородцевъ и псковичей. Новгородцы обѣщали немедленно прислать имъ свѣжаго войска, а Владимиръ побуждалъ туземцевъ сопротивляться нѣмцамъ всѣми силами, пока подоспѣютъ русскіе; и дѣйствительно, эсты разныхъ провинцій стекались въ ополченіе подъ начальство Ламбита, старѣйшины въ Саккалѣ, вѣтви эстонскаго народа, но не дождались русскихъ. Нѣмцы, — съ помощію латышей, которыхъ старою ненавистью къ эстамъ и ливамъ они продолжали пользоваться, — разбили наголову эстонское ополченіе, напрасно ожидавшее русскихъ. Туземцы покорились ²⁾. Но скоро явились русскіе агенты, извѣщали, что Владимиръ съ новгородцами вступаетъ въ Ливонію. Опять поднялись усмиранные. Нѣмцы призывали изъ-за границы новыхъ воиновъ креста. Датскій король тоже прислалъ войско, ибо Данія успѣла захватить часть Гарріа, гдѣ также вспыхнуло тогда возстаніе. Епископъ Альбертъ обѣщаль отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто пойдетъ воевать противъ язычниковъ и ихъ помощниковъ русскихъ ³⁾. Рыцари двинулись въ Гаррію къ Ревелю, чтобъ утушить мятежъ, и близъ Феллина поймали новгородскихъ или псковскихъ эмиссаровъ, возстановлявшихъ народъ. На разспросы нѣмцевъ, тѣ сказали, что Владимиръ со псковичами и новгородцы со Всеволодомъ Мстиславичемъ вступили въ Уггеноисъ. Это заставило нѣмцевъ поворотить направо, навстрѣчу русскимъ. Они встрѣтились съ ними тогда, когда русскіе перешли черезъ рѣку Эмайокки. Туземцамъ Ливоніи приходилось драться между собою; съ русскими были эсты, съ нѣмцами ливы и латыши. Въ

¹⁾ Ненр. 205.

²⁾ Ненр. 210.

³⁾ Ненр. 218.

войскъ нѣмецкомъ туземцы сражались гѣшіе, нѣмцы вер-
хами. Русскіе не успѣли установиться въ боевой порядокъ,
были сбиты и отступали; нѣмцы отняли стяг новгород-
скаго князя, преслѣдовали русскихъ, но не могли догнать,
потому что туземцы, составлявшіе значительную часть
нѣмецкаго войска, были, какъ сказано, гѣшіе. Псковичи
и новгородцы достигли какой-то небольшой рѣки, перепра-
вились черезъ нее и тамъ устроились опять. Владимиръ
возбуждалъ храбрость уговорами; били въ бубны, играли
на трубахъ. Нѣмцы дошли до рѣки, цѣлый день стояли,
какъ будто размышляя, что и какъ имъ дѣлать, покуша-
лись-было пуститься черезъ рѣку, да новгородцы и пско-
вичи, хорошіе стрѣлки, мѣтко попадали въ нихъ, какъ
только тѣ приближались къ рѣкѣ. Латыши и ливы стали
расходиться. Когда уже остались только одни рыцари, ко-
торыхъ число лѣтописецъ уменьшаетъ до двухъ сотъ, при-
бавляя, что даже изъ этихъ сто уклонились отъ битвы ¹⁾,
тогда Владимиръ приказалъ русскимъ переходить; но и
незначительнаго числа стерегущихъ переправу нѣмцевъ
было достаточно, чтобъ не пропустить русскихъ: такъ были
нѣмцы храбры,—по увѣренію ихъ историка. Русскихъ же,
если вѣрить тому же лѣтописцу, погибло до 500 человекъ;
и русскіе, ничего не сдѣлавши, отступили восвояси. Между
тѣмъ, не знавшіе о такомъ отступленіи взбунтованные
эсты бродили партіями и разоряли церкви, убивали хри-
стіанъ, сожигали хлѣбъ на поляхъ и особенно жестоко
истязали духовныхъ. Сынъ Владимира, Ярославъ, съ дру-
гимъ отрядомъ новгородцевъ и псковичей, направился къ
Кеси (Вендену). Этотъ отрядъ не зналъ, какъ видно, объ
отступленіи Владимира. Посражавшись день цѣлый съ
рыцарями подъ Кесью, Ярославъ отошелъ, перешелъ Гойву
(Аа) и подвигался на соединеніе съ отцомъ, а на пути

¹⁾ Henr. 222.

наносилъ опустошенія Идумейской провинціи, истребляя все христіанское и нѣмецкое. Нѣмцы погнались за нимъ, въ Тренденѣ собрали ополченіе и преслѣдовали русскихъ до рѣки Рауны. Ярославъ, догадываясь, что нѣмцы оставили Кесъ безъ сильной защиты, опять быстро перешелъ черезъ Гойву и опять подошелъ къ Кеси: а между тѣмъ, къ нему собирались толпы гаррійцевъ и эзельцевъ. Но Ярославъ ошибся,—нѣмцы не оставили Кеси; изъ города они искусно поражали русскихъ метательными камнями, а русскіе въ этомъ родѣ войны не отличались. Ярославъ долженъ былъ оставить осаду и предлагалъ миръ. Нѣмцы не согласились: нѣмцы знали, что русскіе принуждены будутъ во всякомъ случаѣ выступить изъ Ливоніи, какъ только услышатъ, что толпа латышей уже пустилась опустошать Псковскую область. Дѣйствительно, какъ только Ярославъ отступилъ отъ Кеси, къ нему дошла вѣсть, что Псковъ въ опасности, и онъ поспѣшно оставилъ Ливонію ¹⁾. Изъ нашихъ лѣтописей мы видимъ, что въ этой осадѣ былъ и новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ; новгородцы стояли подъ городомъ двѣ недѣли, не взяли города, но ушли здоровы ²⁾. Неизвѣстно, былъ ли то одинъ и тотъ же походъ, описываемый Генрихомъ, или можетъ быть Новгородская Лѣтопись рассказываетъ о другой осадѣ той же Кеси, особо отъ той, которая предпринята Ярославомъ; а можетъ быть, Генрихъ приписалъ два похода одному и тому же лицу, такъ что первый приступъ принадлежитъ Ярославу послѣ того, какъ Ярославъ покинулъ осаду и ушелъ за Гойву. Во всякомъ случаѣ русскіе не помогли дѣлу несчастныхъ эстовъ, которыхъ сами же взбунтовали. Латыши изъ Куkenois, подъ начальствомъ Мелюке и Варгриббе, подобравъ къ себѣ другихъ латышей, предан-

¹⁾ Henr. 224.

²⁾ Новг. Л. I, 34.

ныхъ рыцарямъ, опустошали окрестности Пскова, сожигали поля и деревни, убивали мужчинъ, а женщинъ уводили въ плѣнъ. Тогда, въ отместку, псковичи ворвались въ Латышскую Землю и заплатили латышамъ тѣмъ же ¹⁾).

Нѣмецкій лѣтописецъ говоритъ, что послѣ того псковичи заключили съ нѣмцами миръ подѣ Оденпе. Но Великій Новгородъ продолжалъ поддерживать язычниковъ; и въ 1222 г. опять явилось его оконченіе въ Ливоніи. Начальствовалъ князь Всеволодъ Юрьевичъ; на помощь новгородцамъ прислалъ суздальскій князь, отецъ Всеволода, другого сына, Святослава; вдобавокъ Новгородъ заключилъ союзъ съ Литвою, условившись стоять взаимно противъ общихъ враговъ ²⁾. Нѣмецкій лѣтописецъ говоритъ, что русскихъ тогда было тысячъ двѣнадцать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскіе тогда имѣли, съ своей стороны, религіозное побужденіе воевать противъ нѣмцевъ. Нѣмцы, насильно обращая къ христіанству язычниковъ, точно также приневоливали принимать католичество крещенныхъ въ православную вѣру туземцевъ; этого мало, они насилывали и тѣхъ коренныхъ русскихъ поселенцевъ, которые водворились прежде въ Ливоніи. Папа Гонорій въ 1222 г. повелѣвалъ ливонскимъ судьямъ преслѣдовать русскихъ, которые, живучи въ Ливоніи, оказывали пренебреженіе къ латинскому обряду и увлекали къ своей вѣрѣ чуждскихъ неофитовъ. Это привлеченіе къ православію изъ недавно принятаго католичества случалось особенно тогда, когда представлялась охота нарушить брачный союзъ ³⁾. Тогда неофиты обращались въ православіе и смѣло расторгали свои браки, полагая, что эти браки стали недействительны, какъ скоро принята другая вѣра. Папа обявлялъ ливонскихъ судей прину-

¹⁾ Henr. 234.

²⁾ Новг. Л. I, 138; Henr. 260.

³⁾ *Contracta inter neophytas matrimonia dissolventes* (Bunge, B. I. H. 1. 39).

ждать силою самихъ русскихъ поселенцевъ подчиниться римской Церкви. Такимъ образомъ, Новгородъ и Псковъ возбуждены были противъ нѣмцевъ и оскорбленіемъ своей религіи. Русскіе опустошали Латышскую Землю, истребляли принявшія латынскую вѣру поселенія, свирѣпствовали двѣ недѣли и такимъ образомъ подступили подъ Кесь (Пертуевъ, Венденъ). Нѣмцы, видя ихъ многочисленность, сожгли сами близъ-лежавшій посадъ и заперлись въ замкѣ. Новгородцы не стали брать замка приступомъ, а повернули въ сторону и продолжали жечь селенія, церкви и хлѣбные запасы принявшихъ католичество. Тутъ съ ними соединились литовцы и — по выраженію лѣтописца — добавляли то зло, котораго не успѣли надѣлать русскіе. Будучи язычниками, литовцы воевали особенно съ большимъ звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ. Войска союзниковъ, разбившись на отряды, повредили сами себѣ; нѣсколько такихъ отрядовъ захвачено нѣмцами врасплохъ: по своей малочисленности они не могли устоять и были разбиты. Распространился слухъ, что нѣмцы готовятъ новыя силы. Это заставило союзниковъ повернуть въ Угленомъ, и потомъ повернуться въ отечество. Литвины ушли во Псковскую Землю, и пробывши тамъ мѣсяцъ, возвращались домой; но на дорогѣ, при переправѣ черезъ Двину, нѣмцы и латыши напали на нихъ и потрепали. Лѣтописецъ говоритъ, что, какъ-бы въ наказаніе за свирѣпство надъ христіанами, князь новгородскій впослѣдствіи погибъ отъ татаръ. Дѣйствительно, этотъ князь былъ тотъ самый, который погибъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, во время разрушенія этого города Батыевымъ полчищемъ.

Въ отмщеніе за опустошительный походъ, латыши сдѣлали нападеніе на новгородскія земли, сожигали деревни, убивали и уводили въ плѣнъ жителей, и даже недалеко отъ Новгорода ограбили церковь, забрали съ собой иконы, колокола и церковныя украшенія. Такъ, съ обѣихъ сто-

ронъ, вражда выражалась взаимными нападеніями и разореніями. Въ Лѣтописи Новгородской ¹⁾ это ополченіе названо *Литвою*; видно, что опустошеніе это происходило не такъ близко отъ Новгорода, а именно недалеко Торопца. Преемникъ Всеволода, неужившагося съ новгородцами, Ярославъ, погнался за ними и не догналъ. Враждебные поступки требовали тоже вознагражденія. Ярославъ въ 1223 году съ новгородцами ворвался опять въ Ливонію. Каждое такое появленіе русскихъ поддерживало духъ вражды къ нѣмцамъ въ эстонскомъ народонаселеніи; теперь явленіе ихъ было желаннымъ какъ нельзя болѣе. Въ это время эзельцы, самые упорные язычники, расправились съ датчанами, истребили до основанія замки, построенные пришельцами, и умерщвляли ихъ самихъ безъ изъятія. Во всѣхъ углахъ Эстонской Земли закипѣла свирѣпая вражда; вооружились партіи туземцевъ, строили и починали укрѣпленія, учились сражаться, терзали нѣмецкихъ фогтовъ и священниковъ, не щадили никакой нѣмецкой души, гдѣ только ее ни встрѣчали. Живымъ разрѣзывали внутренности, вынимали сердца, жарили на огнѣ и ѣли, думая, что черезъ это сами исполнятся мужества въ войнѣ съ нѣмцами, а тѣла замученныхъ бросали собакамъ. Омерзѣніе язычниковъ къ христіанству было такъ велико, что они совершали въ домахъ своихъ языческой обрядъ омовенія, думая, что этимъ смываютъ съ себя слѣды крещенія; вырывали трупы и кости умершихъ и очищали ихъ языческими обрядами и заклинаньями отъ принятаго христіанства. Партіи быстро пересылались одна съ другою, посылали въ Новгородъ пословъ за послами, отдавались во власть Новгорода безусловно, лишь бы избавиться отъ нѣмцевъ и ихъ насильственного крещенія. На эти призывы новгородскіе удалыцы явились въ Дерптъ, Феллинъ, Сак-

¹⁾ Новг. Л. I, 39.

калѣ, повсюду, гдѣ собирались и вооружались туземцы, и предводительствовали ими. Войско, составленное изъ эзельцевъ, уроженцевъ провинціи Еревы и Виры, осаждали Ревель, но были прогнаны. Въ такомъ напряженномъ состояніи была Эстляндія, когда явился туда Ярославъ съ новгородцами въ 1223 году.

Вся провинція Уггеноисъ прислала ему дары и признала надъ собою власть Великаго Новгорода. Туземцы отдавали новгородцамъ связанныхъ плѣнниковъ, нѣмецкихъ рыцарей, купцовъ и вообще всѣхъ нѣмцевъ, какихъ только ловили въ своей землѣ. Князь объявилъ Уггеноисъ, по прежнему, новгородскою волостью. Въ Юрьевѣ новгородцы объявили своимъ подручникомъ князя Вячеслава или Вячка, того самаго, котораго нѣкогда нѣмцы выгнали изъ Куkenoisа. Оденпе также признало власть Новгорода. Новгородцы дошли до Пнисаде. Въ это время явились къ Ярославу послы отъ эзельцевъ и просили прежде взять Ревель, выгнать датчанъ изъ Гарріи и потомъ уже идти противъ нѣмцевъ. Между тѣмъ, провинція Саккала была утишена нѣмцами, и туземцы, не дождавшись русскихъ, покорились волѣ побѣдителей; новгородскіе эмиссары, волновавшіе народъ, были повѣшены нѣмцами у Вилеенде (Феллинъ). Ярославъ, услышавъ о ихъ смерти и о трусости саккальцевъ, въ отмщеніе началъ поступать по-непріятельски съ Саккалою; и тѣ,—говорить нѣмецкій лѣтописецъ,—которые убѣжали отъ мщенія нѣмцевъ, и спаслись отъ болѣзни, свирѣпствовавшей въ странѣ, теперь погибли отъ русскихъ, какъ скоро не успѣвали отъ нихъ спрятаться въ лѣсахъ. Жители Еревы, Виры и Варболы (Воробіина города), вмѣстѣ съ эзельцами пристали къ новгородцамъ. Это ополченіе приступило къ ревельскому замку. Четыре недѣли союзники осаждали его и не могли взять, ибо датчане не допускали ихъ къ стѣнамъ, отбивая и поражая метательными камнями. Новгородцамъ надоѣло вести

долге осаду; они удовольствовались тѣмъ, что выжгли и ограбили окрестную страну и ушли во свояси, оставя туземцевъ мщенію побѣдителей ¹⁾. Нѣмцы ворвались въ Ереву, истребляли и стараго, и малаго, и навели такой ужасъ, что еревцы обѣщали вѣчное послушаніе. Вслѣдъ за тѣмъ, дѣйствуя вмѣстѣ съ датчанами, нѣмцы усмирили Гаррію и разрушили укрѣпленія, недавно построенныя туземцами и русскими.

Послѣ того нѣмцы обратились на Уггеноисъ. Князь Вячко, принявши отъ Великаго Новгорода въ управленіе край, утвердился въ Юрьевѣ, началъ показывать притязанія на всю Ливонію и посылалъ отряды требовать дани отъ сосѣднихъ краевъ. Въ случаѣ отказа онъ угрожалъ войною. Послѣ пасхи 1224 г. нѣмцы подошли къ Юрьеву, но не могли его на этотъ разъ взять, и довольствовались опустошеніемъ окрестностей. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли новыя военныя силы изъ Германіи; произведенъ былъ новый раздѣлъ Ливоніи: Юрьевъ съ Уггеноисомъ по этому раздѣлу достался епископу Герману, брату рижскаго епископа Альберта. Новый владѣтель утвердился въ Оденпѣ; ему покорялись тѣ изъ туземцевъ, которые испытали въ короткое время, что покровительство новгородцевъ мало чѣмъ бываетъ лучше нѣмецкаго владычества. Зато, съ другой стороны, около Вячка въ Юрьевѣ столпились бѣглецы изъ всей Эстоніи, всѣ, которые въ прошедшемъ возмущеніи слишкомъ звѣрски свирѣпствовали противъ нѣмцевъ и не могли надѣяться отъ нихъ пощады. Епископъ послалъ къ Вячку ласковое посольство; онъ не отнималъ у него Юрьева, а только просилъ, чтобы князь выслалъ отъ себя прочь возмутителей, оскорбившихъ и поругавшихъ таинство крещенія, отступниковъ Христовой вѣры, убійцъ своихъ господъ, разбойниковъ, терзавшихъ

¹⁾ Henr. 278.

собственныхъ единомышленцевъ за то, что они приняли Христову вѣру. Должно быть Вячко и прежде, до полученія права на Юрьевъ отъ руки Великаго Новгорода, получилъ его отъ нѣмцевъ въ качествѣ подручника рыцарей, ибо нѣмецкій лѣтописецъ, выставляя его злодѣянія, говоритъ, что онъ перебилъ тѣхъ вѣрныхъ ему людей, которыхъ дали ему рижане для защиты отъ нападенія литовцевъ. Какъ бы то ни было, только Вячко не поддался на мирныя предложенія, потому что ожидалъ помощи отъ Новгорода и надѣялся на русскихъ стрѣлковъ и на военные запасы. Рижскій епископъ собралъ рыцарей и пилигримовъ, пришедшихъ изъ Германіи и купцовъ, созвалъ въ ополченіе крещеныхъ ливовъ и эстовъ. Оба епископа — рижскій и новоназначенный дерптскій, отправились въ походъ, достигли Юрьева; 15 августа, въ день Успенія Богородицы, нѣмцы разбили шатры вокругъ всего города. Городъ былъ опоясанъ ровомъ. Нѣмцы въ восемь дней построили огромную деревянную башню, высотой равнѣ стѣнами замка, и прикатали ее ко рву. Потомъ они принялись засыпать ровъ. Работа шла неусыпно и днемъ и ночью. Свѣжіе воины немедленно перемѣняли усталыхъ. На другой день ровъ былъ почти засыпанъ; башню подкатали подъ самыя стѣны. Тогда нѣмцы послали къ Вячку еще разъ мирное предложеніе. Они требовали, чтобъ онъ выступилъ изъ Юрьева, и обѣщали ему свободный выходъ оттуда. Вячко надѣялся на выручку отъ новгородцевъ и упорствовалъ. Нѣмцы открыли приступъ, бросали въ городъ раскаленное желѣзо и горшки съ огнемъ, чтобъ произвести пожаръ; съ обѣихъ сторонъ метали другъ въ друга камнями и пускали стрѣлы: такъ прошло нѣсколько дней. Чтобъ самимъ не заснуть, нѣмцы вокругъ города производили нарочно шумъ: ливы и латыши также ударяли мечами въ щиты, нѣмцы колотили въ литавры, дудили на дудкахъ и трубахъ. Русскіе въ городѣ съ своей

стороны кричали и играли на своихъ инструментахъ. Такъ прошло нѣсколько дней. Осада стала надоѣдать нѣмцамъ. Тогда одинъ изъ рыцарей, предводитель пилигримовъ, сказалъ: «Много замковъ мы пограбили, а все милость оказывали злодѣямъ; оттого они и не боятся насъ. Теперь дадимъ обѣтъ: кто взойдетъ первый на стѣну, тому окажемъ почестъ, и подаримъ ему лучшихъ лошадей и значительнѣйшихъ плѣнниковъ; а вѣроломнаго князя повѣсимъ на высокомъ деревѣ.» Они дали такой обѣтъ Богу и Богородицѣ. На другой день эсты сдѣлали вылазку изъ тайнаго отверстія въ стѣнѣ, выкатили оттуда колеса, наполненные горючимъ матеріаломъ на башню, и чуть было не зажгли ее; но нѣмцы потушили начавшійся пожаръ. Вслѣдъ за тѣмъ началась ожесточенная битва; посреди схватки братъ епископа, Іоаннъ ф. Аппельдернъ, первый взомель на стѣну съ огнемъ въ рукахъ. За нимъ, воодушевленные его смѣлымъ примѣромъ, полѣзли одинъ за другимъ; воины подсаживали своихъ товарищей, а подсаженные въ свою очередь подавали руки оставшимся и помогали взбираться наверхъ. Дорога была проложена; все ополченіе, не только нѣмцевъ, но и ливовъ, и латышей ринулось черезъ стѣну въ городъ. Началась рѣзня; не падали ни старыхъ, ни малыхъ; когда одни расправлялись съ русскими, другіе окружили замокъ и не позволяли никому спастись изъ него бѣгствомъ. Такъ погибло ихъ двѣсти и въ томъ числѣ Вячко. Остался въ живыхъ одинъ только человѣкъ, суздалецъ родомъ; рыцари оставили его въ живыхъ нарочно, и послали извѣстить новгородцевъ о томъ, что случилось въ Юрьевѣ. Новгородцы были уже на пути недалеко Пскова, но получивъ извѣстіе о печальной гибели Вячка, воротились назадъ ¹⁾. Вслѣдъ за взятіемъ Юрьева, въ Новгородской Лѣтописи ²⁾ упоминается о новомъ на-

¹⁾ Непр. 289; Новг. Л. I, 39.

²⁾ Новг. Л. I, 39.

бѣгѣ Литвы; такъ какъ изъ прежнихъ извѣстій видно, что новгородскія лѣтописи Литвою называли тогда латышей, то и здѣсь, кажется, слѣдуетъ разумѣть этихъ послѣднихъ. Очень естественно, что, по прежнему обычаю, послѣ побѣды надъ русскими въ Юрьевѣ, латыши отправились въ Новгородскую Землю надѣлать непріятелю пакостей. Они напали на Русу, и притомъ неожиданно. Русскій посадникъ Оедоръ выѣхалъ на нихъ; но латыши сбили съ коней всадниковъ, отняли лошадей и разогнали разбитыхъ воиновъ по лѣсу. Вѣроятно слѣдуетъ разумѣть латышей и въ 1225 году ¹⁾, когда, по извѣстію Новгородской Лѣтописи, вооруженный отрядъ ихъ, подъ именемъ Литвы, дошелъ до Торжка и сильно опустошилъ окрестности этого города: тогда погибло много купцовъ, ѣздившихъ съ товарами. Князь Ярославъ отправился противъ враговъ съ своими дворянами, да съ новоторжцами; къ нимъ присоединились торопчане съ своимъ княземъ; на Усвятѣ догнали враговъ возвращавшихся съ награбленною добычею и съ толпою плѣнниковъ. Сраженіе кончилось удачно для русскихъ; плѣнники были отняты. До двухъ тысячъ враговъ легло на мѣстѣ; прочіе разбѣжались, но торопчане потеряли тогда своего князя Давида.

Рядъ неудачныхъ обстоятельствъ въ войнѣ съ нѣмцами, бѣдствія, какія терпѣлъ новгородскій край отъ безпрестанныхъ набѣговъ, располагалъ новгородцевъ прекратить войну. И такъ, вмѣстѣ со псковичами, въ концѣ 1225 г., они послали въ Ригу пословъ для заключенія постоянного мира съ нѣмцами. Въ это время случился въ Ригѣ папскій легатъ. Какъ легатъ, такъ и нѣмцы съ радостію приняли предложеніе Новгорода и Пскова, освобождавшее ихъ отъ враговъ, которые препятствовали дѣлу

¹⁾ Новг. Л. I. 42.

обращенія туземцевъ Ливоніи и служили какъ-бы горючимъ матеріаломъ упорству послѣднихъ ¹⁾).

Но миръ былъ непроченъ. Въ 1228 г. опять-было стали возникать непріязненные отношенія. Не дошло до войны. Эта война до сихъ поръ ограничивалась безплодными набѣгами; новгородскій край отплачивался за нее разореніемъ своихъ волостей, плѣномъ своихъ жителей, объединеніемъ края: — неудивительно, что она надоѣдала массу народа; она могла быть только привлекательною для воинственной княжеской дружины, да для толпы удалцовъ, всегда готовыхъ стать подъ военный стягъ, идти куда бы то ни было, лишь бы пограбить и помѣряться удалю. Такимъ скучно было оставаться безъ войны. Послѣ заключенія мира князь Ярославъ ходилъ въ Финляндію (на Емь) и за это въ отплату Емь въ Ладогѣ нахватала плѣнниковъ. Теперь удалцы захотѣли опять идти на нѣмцевъ. Вѣроятно и со стороны чудскихъ язычниковъ были опять моленія о помощи противъ завоевателей; но видно, что въ Новгородѣ уже не нашлось столько охотниковъ, какъ прежде, потому что князь привелъ тогда войско изъ Переяславля. Тогда псковичи, услышавъ, что затѣвается опять вражда съ нѣмцами—отправили въ Ригу посольство и заключили съ нѣмцами особый миръ, выгородившій новгородцевъ. «То мы, а то новгородцы»—говорили ихъ послы:—«мы не хотимъ воевать съ вами; но зато, если новгородцы пойдутъ на насъ, то вы помогайте намъ». Въ знакъ согласія они оставили въ Ригѣ сорокъ человекъ заложниковъ союза. Узнавъ о такомъ отпаденіи Пскова, князь порывался идти на Псковъ. «Княже — отвѣчали псковичи послу его:—мы кланяемся тебѣ и брату Новгороду, а на Ригу не идемъ; не мы ли съ Новгородомъ разомъ взяли миръ въ Ригѣ? Вы ходили къ Колывани (Ре-

¹⁾ Ненг. 296.

велию), только собрали серебро, а города не взяли и правды не устроили; и къ Кеси ходили, и къ Медвѣжьей-Головѣ, и нигдѣ ничего не довели до конца; а за это нашу братью перебили на озерѣ, другихъ въ плѣнъ забрали; мы не пойдемъ; и если вы пойдете противъ насъ самихъ, то и мы съ Святою Богородицею: хотя перебейте насъ всѣхъ, а женъ и дѣтей себѣ заберите, а мы не пойдемъ!» Новгородцы разсудили, что псковичи вообще правы; къ тому же въ то время былъ неурожай и дороговизна увеличилась; цѣны поднялись еще болѣе, какъ только разошлась молва о предпринимаемой войнѣ. Новгородцы отказались идти съ княземъ и разрывать миръ съ нѣмцами, и князь отпустилъ набранные полки ¹⁾).

Въ слѣдующемъ году опять повторяется нашествіе Литвы по нашимъ лѣтописямъ, а какъ мы уже видѣли, что подъ Литвою разумѣли латышей, то и здѣсь, вѣроятно, было продолженіе прежней вражды; нападеніе было сдѣлано на окрестности озера Селигера,—они воевали Мореву и Любни ²⁾). Такимъ образомъ опять былъ поводъ къ разрыву, уже не со стороны русскихъ. Но такой поводъ представился еще важнѣе въ 1232 году. Враждебная князю Ярославу новгородская партія нашла себѣ пріютъ во Псковѣ, но потомъ псковичи помирились съ княземъ и прогнали отъ себя его недруговъ. На челѣ этихъ недруговъ былъ бывшій новгородскій тысячскій, Борисъ. Псковичи показали «Борисовой чади» путь, то есть прогнали его родичей и приверженцевъ. Изгнанники убѣжали въ Оденпе и тамъ призывали нѣмцевъ на помощь противъ соотечественниковъ. Вмѣстѣ съ ними былъ сынъ Владимира псковского, тогда уже вѣрно умершаго, Ярославъ, рѣшившійся подражать раннимъ, а не позднимъ поступ-

¹⁾ Новг. Л. I, 43; Псков. Л. I, 178.

²⁾ Новг. Л. I, 45.

камъ своего отца. Съ помощію нѣмцевъ они захватили Изборскъ; но псковичи тотчасъ явились подъ взятымъ городомъ, обступили его и достали въ плѣнъ князя Ярослава и всѣхъ нѣмцевъ, кто не успѣлъ убѣжать. Они послали тогда къ новгородскому князю Ярославу извѣстіе. Ярославъ приказалъ плѣнниковъ заковать и отправить въ Переяславль-Залѣсскій. Въ отмщеніе за то нѣмцы поймали какого-то новгородца Кирила Синкиница и засадили въ тюрьму. Тогда Великій Новгородъ, считая этотъ поступокъ нарушеніемъ мира, объявилъ войну, а князь Ярославъ отправился къ Юрьеву и, по обычаю, разослалъ отряды по окрестностямъ въ зажитіе, то есть на грабежъ. На рѣкѣ Омовжѣ произошло сраженіе. Нѣмцы потеряли много своихъ и предложили миръ (поклонившася князю). Схваченный Кирило былъ выпущенъ. Это происходило въ великій постъ 1234 г. Не смотря однако на возобновленный миръ, едва только Ярославъ воротился съ новгородцами (изъ которыхъ не убыло во время похода ни одного человѣка), какъ услышали, что подъ Русою опять появилась Литва. На этотъ разъ тамъ произошла незначительная стычка, стоившая четырехъ человѣкъ Русѣ. Послѣ того враги, ограбивъ монастырь Св. Спаса и убивъ четырехъ чернецовъ, пошли на Клинь. Ярославъ погнался за ними и разбилъ ихъ на-голову въ Торопецкой волости ¹⁾. Объ этомъ походѣ нельзя сказать положительно, что Литва, здѣсь упоминаемая—были также латыши, какъ и прежде, потому что лѣтописецъ называетъ ее *безбожною* Литвою: но также послѣднее выраженіе не даетъ права непременно видѣть здѣсь литовцевъ-язычниковъ, потому что тогда лѣтописецъ могъ такимъ образомъ называть новокрещенныхъ католиковъ.

Миръ не могъ состояться на долго. Тевтонизмъ, поку-

¹⁾ Новг. Л. I, 49.

сившись на дѣло порабощенія литовскихъ и чудскихъ племенъ, встрѣтилъ на полстолѣтіе себѣ препятствіе въ сѣверномъ славянствѣ Новгорода и Пскова. Славянство не удержало оспариваемой у него власти надъ ливонскими инородцами;—славянство должно было уступить; тевтонизмъ не могъ сразу забыть того. Какъ скоро онъ почувствовалъ свою силу надъ врагомъ, явилось убѣжденіе, что и славяно-русскія общины отданы ему судьбою, какъ латыши, ливы и эсты.

Властолюбивые замыслы обратились на Сѣверную Русь послѣ уступки нѣмцамъ Ливоніи. Возникла мысль, что призваніемъ ливонскихъ крестоносцевъ было не только крестить язычниковъ, но и обратить къ истинной вѣрѣ русскихъ. Русскіе представлялись на Западѣ врагами св. отца и римско-католической Церкви, даже самого христіанства, потому что заступались за непокорныхъ язычниковъ, возбуждали ихъ къ отступничеству. Съ другой стороны Орденъ въ то время потерялъ Гаррию съ Ревелемъ и Вирландію, уступивъ эти земли датскому королю Вольдемару, по рѣшенію папы. Папа предоставлялъ рыцарямъ вознаградить себя другими землями на востокѣ; и вотъ они обратились на славянъ. Покушеніе овладѣть Новгородомъ и Псковомъ должно было возникнуть еще и потому, что рыцари сознавали за собою призваніе крестить чудскихъ язычниковъ вообще, а не въ одной Ливоніи; а имъ извѣстно было, что владѣнія Новгорода и, вѣроятно, отчасти еще Пскова, были заселены чудскими племенами, погруженными въ язычество. Если имъ удалось отнять у Новгорода Ливонскую Чудь, то естественно было желать отнять у того же Новгорода и Водь, да наконецъ, и самихъ славянъ, которые, какъ сказано выше, въ ихъ глазахъ были почтѣ тѣ же язычники, — покорить духовной власти св. отца и поработить себѣ матеріально. Въ то же время ихъ побуждало начать завоеваніе славянъ и то, что

Орденъ Меченосцевъ въ то время соединился съ Нѣмецкимъ и, слѣдовательно, силы крестоносцевъ были удвоенны.

Первый дерптскій епископъ Германъ смотрѣлъ враждебно на псковичей, какъ и послѣдніе на него. Германъ рассчитывалъ, что русскимъ должно быть прискорбно, что Юрьевъ, принадлежавшій русскому міру, отнять у него; и при удобномъ случаѣ они покусятся возвратить его; поэтому лучше предупредить ихъ и покорить нѣмцамъ самихъ русскихъ по сосѣдству. Онъ кликнулъ влечь; собрались къ нему рыцари; стеклись къ нему и люди датскаго короля; недавно поселившіеся въ Гарріи нѣмцы бросились въ Изборскъ и взяли его штурмомъ. Князь Ярославъ Владимировичъ тогда былъ въ нѣмецкихъ рядахъ и предательски велъ иноплемениковъ на свое отечество. Никого не оставили въ покоѣ изъ русскихъ — говорить нѣмецкій лѣтописецъ-современникъ:—кто только прибѣгалъ къ защитѣ, тотъ былъ убиваемъ, или взятъ въ плѣнъ, и по всей землѣ распространились вопли.

Псковичи смѣло пошли на рыцарей и вступили въ битву. «Псковичи—это народъ свирѣпый!»—говоритъ древній нѣмецкій историкъ:—«у нихъ вооруженіе блестящее, а шлемы сіяютъ какъ стекло. Сошлись нѣмцы съ псковичами; нѣмцы пробili ряды псковичей. Псковичи были поражены: восемьсотъ человѣкъ легло на мѣстѣ, а остальные бѣжали, отчаянно припориная и прихлестывая своихъ лошадей, и вокругъ лѣсъ гремѣлъ столами и проклятіями» ¹⁾. Рыцари, одержавъ побѣду, двинулись ко Пскову: быстрота помогла имъ. Русскіе были измучены подъ Изборскомъ и не успѣли еще отдохнуть, какъ уже нѣмцы разбили свои шатры въ виду Пскова и сожгли неукрѣпленный посадъ близъ города. Много было у нихъ

¹⁾ Reimschron. v. Alnp. 84.

пришельцевъ изъ Германіи; много датчанъ: всѣ поглядывали на Псковъ, надѣясь получить свой удѣлъ въ завоеванной землѣ. Начались переговоры. Альнпеке говоритъ, что они такъ были ведены, что король псковичей (князь) Герполтъ (?) добровольно передалъ Псковъ во владѣніе Ордена. Псковская Лѣтопись говоритъ, что въ самомъ Псковѣ были измѣнники, передавшіе нѣмцамъ городъ. Главнымъ былъ посадникъ Твердило Ивановичъ. Псковъ былъ сданъ и достался Ордену со всею своею землею.

Упоенные побѣдою, нѣмцы, усѣвши въ Псковѣ, тотчасъ же стали замышлять покореніе Новгорода. Псковская партія Твердилы давала имъ совѣтъ, и уже начались набѣги на Новгородскую волость. Между тѣмъ, поднялась на Новгородъ съ другой стороны туча. Возбуждая противъ русскихъ крестоносцевъ, папа возбуждалъ противъ нихъ шведовъ. Папская булла поручала шведамъ начать крестовый походъ на Новгородъ, на мятежниковъ, непокорныхъ власти намѣстника Христова, на союзниковъ язычества и враговъ христіанства. Какъ ливонскіе пришельцы ненавидѣли новгородцевъ за то, что они принимали сторуку язычниковъ и оспаривали у нѣмцевъ владѣніе Ливонскою Землею, такъ шведы стояли съ Новгородомъ во враждебномъ отношеніи за Финляндію: Новгородъ мѣшалъ шведамъ распространять католичество между Емью и Корелою. Въ 1239 году папа Гонорій призывалъ крестоносцевъ соединиться со шведами и обратить оружіе на русскихъ, чтобъ не допустить ихъ болѣе препятствовать крещенію Финляндіи ¹⁾.

Тогда управлялъ дѣлами Швеціи, вмѣсто больного короля Эрика Эриксона, Биргеръ; онъ предводительствовалъ войскомъ, составленнымъ изъ шведовъ, норвежцевъ и подвластныхъ финновъ. Нѣсколько духовныхъ сановниковъ,

¹⁾ Bunge, B. I; H. 2. 164.

епископовъ съ своими вассалами, придавали исполнѣ этому ополченію значеніе священной брани за вѣру. Шведы шли не за тѣмъ, чтобъ сдѣлать нападеніе и пограбить пограничный край, а съ тѣмъ, чтобы покорить Новгородъ со всѣми его обширными землями. Виргеръ прислалъ въ Новгородъ ко князю Александру объявленіе войны, надменное и грозное: «Я пришелъ, — говорилъ онъ черезъ посла, — посѣтить твою землю; если можешь сопротивляться мнѣ, то знай, что я уже въ твоей землѣ». Со стороны новгородцевъ война тоже приняла священный характеръ. Дѣло шло о защитѣ православія, на которое разомъ посягали враги: шведы, нѣмцы, датчане, соединенные благословіемъ папы. Александръ Ярославичъ молился въ св. Софіи. Владыка Спиридонъ благословилъ его и его воиновъ на святую брань. Въ его ополченіи, составленномъ изъ новгородцевъ, были ратники и изъ другихъ земель русскихъ: были охотники изъ Полоцка; были пришедшіе съ княземъ изъ Суздальской волости отца его Ярослава. Въ Ладогѣ пристали къ нимъ ладожане, подручники Великаго Новгорода. Шведы уже вошли въ Неву и бросили якоря на устьѣ Ижоры. Вѣроятно, это былъ роздыхъ: они намѣревались плыть черезъ озеро и достигнуть Ладоги врасплохъ. Прежде всего ее слѣдовало взять, а потомъ вступить въ Волховъ и идти на Великій Новгородъ. Но не знали они того, что въ Новгородѣ уже знали о нихъ. Александръ предупредилъ ихъ, и 15 іюля на память Кирика и Улиты, — о чемъ счелъ нужнымъ замѣтить лѣтописецъ, — приблизился къ Ижорѣ. У новгородцевъ былъ обычай, что, при впаденіи Невы въ море, ставилась приморская стража изъ окрестныхъ туземныхъ жителей Водской Земли; надзирать за такимъ важнымъ дѣломъ довѣрялось преимущественно крещенымъ туземцамъ. Начальство надъ такой приморской стражей тогда поручено было какому-то вождю, который на своемъ природномъ на-

рѣчи носилъ имя Пелгусій, а во св. крещеніи именовался Филиппъ. Это былъ мужъ очень благочестивый: живя среди своихъ единоземцевъ, еще массою погруженныхъ въ идолопоклонство, Пелгусій былъ такъ набоженъ и богоугоденъ, что по средамъ и пятницамъ ничего не ѣлъ, а потому сдѣлался способнымъ видѣть видѣнія. Когда шведы явились, онъ шелъ къ Александру извѣстить о ихъ прибытіи и рассказалъ ему какъ стали шведы. «Мнѣ было видѣніе,—сказалъ онъ,—когда я еще стоялъ на вскрай моря; только что стало восходить солнце, услышалъ я шумъ страшный по морю и увидѣлъ одинъ насадъ; посреди насада стояли святые братья Борисъ и Глѣбъ; одежда на нихъ была вся красная, а руки держали они на плечахъ; на краю ихъ ладьи сидѣли гребцы и работали веслами, ихъ одѣвала мгла и нелзя было различить лица ихъ; но я услышалъ, какъ сказалъ Борисъ-мученикъ брату своему св. Глѣбу: «брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!». И я слышалъ гласъ Бориса и Глѣба; и мнѣ стало страшно, такъ что я трепеталъ; и насадъ отошелъ изъ глазъ у меня». — «Не говори же этого никому другому», отвѣчалъ ему Александръ.

Шведы не ждали непріятелей и расположились спокойно на отдыхъ; ихъ шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Неизвѣстно, какъ новгородцы дошли до нихъ на другой берегъ рѣки: приплыли ли они туда отчасти въ ладьяхъ, или ранѣе переправились на другой берегъ; лѣтописецъ говорить, что вообще имъ было неудобно. Извѣстіе о лошадяхъ при описаніи сраженія показываетъ, что у новгородцевъ была тогда конница, но были и пѣшіе, а потому вѣроятно пѣшіе плыли въ ладьяхъ, а конница шла по берегу, сообщаясь съ ходомъ лодокъ. Часовъ въ одиннадцать утра новгородцы неожиданно появились передъ шведскимъ лагеремъ,

бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Это было не сраженіе, а скорѣе богатырская схватка, — тутъ была возможность показаться личной удали и мужеству. Лѣтописецъ слышалъ отъ самого князя Александра о подробностяхъ этого дня; онъ передаетъ имена тѣхъ молодыхъ, которые тогда особенно отличились. Славную память оставилъ по себѣ Гаврило Олексичъ: увидѣлъ онъ, что шведы, всполошенные неожиданнымъ нападеніемъ, уводили подъ руки знатнаго юношу: то былъ сынъ Биргера; Гаврило наѣхалъ прямо на берегъ на шведскую шнеку; доски еще не успѣли прибрать, что брошена была со шнеки на берегъ. По этой доскѣ бросился Гаврило на своемъ конѣ на шнеку проворно; тутъ обратились на него шведы и столкнули въ воду съ конемъ; но Гаврило поправился, изъ воды выскочилъ, по берегу поскакалъ, налетѣлъ на воеводу Спиридона, схватился съ нимъ и убилъ его. Тутъ же положилъ голову и одинъ изъ епископовъ шведскихъ. Другой новгородецъ, Миша, съ своею пѣшею дружиною, наскочилъ на три корабля и потопилъ ихъ. Остался въ памяти потомковъ Сбыславъ Якуновичъ: съ однимъ топоромъ, отважный молодецъ бросился на непріятеля; и много людей пало подъ топоромъ его, и всѣ дивились силѣ и храбрости его. Лѣтописецъ сохранилъ имя Якова Полочанина, княжескаго ловчаго. Князь хвалилъ его потомъ за то, что мужествовалъ онъ крѣпко съ мечомъ. Со славою пѣшій слуга Ратимиръ положилъ голову отъ многихъ ранъ, которыя ему задали шведы, обступивъ его. Новгородецъ Савва былъ не изъ лучшихъ, а изъ молодыхъ людей, а славу стяжалъ вѣчную. Онъ бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди шведскаго лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подскѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золототерхій.

Самъ Александръ нагналъ предводителя Биргера и хватилъ его мечомъ по лицу: «возложилъ ему печать на лицо»—говорить повѣствователь. Неожиданность явленія новгородцевъ нагнала столбнякъ на шведовъ. Въ слѣдующую же ночь, закопавши трупы мертвыхъ, другихъ мертвецовъ, которые были познатиѣ забравши съ собою, они поплыли внизъ по Невѣ. Такая блистательная побѣда обошлась новгородцамъ чрезвычайно дешево: у нихъ легло всего человѣкъ двадцать. Можетъ быть иной былъ бы исходъ дѣла, еслибы шведы были предувѣдомлены, что на нихъ нападутъ, а то на нихъ напали врасплохъ и оттого посчастливилось новгородцамъ ¹⁾).

Едва только прибылъ Александръ съ своего славнаго поля битвы въ Новгородъ, какъ разсорился съ новгородцами и ушелъ отъ нихъ. Вслѣдъ за тѣмъ новгородцы послали просить у отца Александра, Ярослава, другого сына, Андрея, въ князья себѣ. Вдругъ новая туча наступила съ другой стороны. Изгнанники псковичи, не хотя подлгать власти нѣмцевъ, толпами являлись въ Новгородъ, съ женами и дѣтьми, и вопили о помощи. И въ то же время нѣмцы, утвердившись во Псковѣ, затѣвали покорить и Новгородъ; стекались къ нимъ изъ Европы новыя силы и передовые отряды пустились разорять новгородскія волости. Рыцари послали ополченіе латышей, ливовъ и эстовъ на Водскую страну. Вожане, испуганные разореніями, сдавались и переходили отъ страха къ побѣдителямъ. Такимъ образомъ взяли новгородскій пригородъ Лугу; шайки летали въ разныя стороны и достигали тридцати верстъ отъ Новгорода; убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ съ товарами. Конорье — тогда еще только новгородскій погостъ—было взято: нѣмцы сдѣлали въ немъ мѣсто опоры для власти надъ Водскою

¹⁾ Соф. Л. I, 179.

страною и построили укрѣпленіе. Вожане должны были неволею становиться въ ряды побѣдителей; тѣ, которые не хотѣли—разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Нѣмцы забирали лошадей, скоть; «не на чѣмъ было орать по селамъ»,—говоритъ лѣтопись ¹⁾). Рыцари считали уже пріобрѣтеннымъ своимъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Корелію; отдавали эти страны католичеству и папа присудилъ ихъ церковной юрисдикціи эвельскаго епископа. 13-го апрѣля 1241 г. этотъ епископъ, по имени Генрихъ, заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее, рыбныя ловли, управленіе и всѣ вообще мірскіе доходы ²⁾).

Въ такихъ обстоятельствахъ Новгородъ опять приглашалъ Александра. Александръ не перечилъ. Дѣло было общерусское.

Въ 1241 году собрались ополченіемъ новгородцы и ладожане; вооружена была по призыву Великаго Новгорода Корела и Ижора. Александръ отправился на Копорье и счастливо отнялъ его у нѣмцевъ. Городъ, построенный

¹⁾ Новг. Л. I, 43.

²⁾ *Notum ergo facimus tam posteris quam praesentibus, quod fratres domus L. Mariae Theutin Livonia nobiscum concordaverunt, cum a sede apostolica postularent, iurisdictionem nostram extendi, ad terras inter Estoniam, iam conversam et Rutiam; in terris, videlicet Watlande, Nouwe Ingriae et Carelae, de quibus spes erat conversionis ad fidem Christi cum iam occupatae essent a praedicti fratribus per quoddam castrum, multorum de ipsis terris consensu sub hac forma compositionis ut videlicet nos in spiritualibus in terris illis providentes, decimae decimae perciperimus in omnigenis proventibus exceptis, variis pelliculis, ipsis autem fratribus omne reliquum cederemus emolumentum, tam in iure patronatus ecclesiarum, quam piscationibus advocatiis et ceteris imperialibus (temporalibus?) pro eo quod ipsis incumberat labor, expensa et periculum in barbarorum subiugatione* (Bunge, Band III, Heft. 1, 34).

нѣмцами, былъ уничтоженъ до основанія: одни изъ нѣмцевъ погибли тогда въ сѣчѣ; другіе отведены были плѣнниками въ Новгородъ. Александръ нѣкоторыхъ пожаловалъ и отпустилъ, потому что онъ былъ,—по выраженію лѣтописца,—милостивъ паче мѣры. Не такъ милостиво поступилъ онъ съ вождями и Чудью, подданными Великаго Новгорода, принявшими сторону нѣмцевъ, можетъ быть болѣе изъ крайней необходимости, чѣмъ изъ неприязни къ Новгороду. Александръ велѣлъ ихъ вѣшать. Послѣ того надобно было освободить Псковъ. Александръ призвалъ на помощь низовцевъ съ братомъ Ардреемъ и въ 1242 году двинулся ко Пскову. Городъ былъ освобожденъ. Два нѣмца, намѣстники Пскова, въ оковахъ отправлены въ Новгородъ. Александръ сѣлъ во Псковѣ; впередъ въ Нѣмецкую Землю были посланы отряды за вѣстами. Александръ ожидалъ новой войны; она должна была послѣдовать отъ нѣмцевъ. И дѣйствительно, скоро онъ услышалъ, что нѣмецкая сила напала на посланные въ Нѣмецкую Землю отряды, разбила ихъ и идетъ на Псковъ. Мейстеръ Валеъ и епископы шли съ увѣренностію, что дѣло поправится на ихъ сторону. Нѣмецкое ополченіе шло по льду по Чудскому озеру, съ цѣлью дойти до Пскова льдомъ. Но Александръ провѣдалъ путь непріятелей, и самъ выступилъ изъ Пскова по льду, съ новгородцами и псковичами. Александръ устроилъ свое войско въ боевой порядокъ на озерѣ; у скалы Вороній Камень, на Узмени, при поворотѣ изъ Псковскаго озера въ Чудское. Мѣсто это названо такъ потому, что тамъ дѣйствительно постоянно кружатся вороны. Нѣмцы двинулись на русскихъ. По способу тогдашней тактики, Александръ поставилъ свое войско свиньею: такъ называлось построеніе треугольникомъ, образовавшимъ острый конецъ, обращенный къ непріятелю. Увидя приближающихся враговъ, Александръ поднялъ руки вверхъ, и гром-

ко предъ всѣмъ войскомъ своимъ говорилъ: «Суди мнѣ, Боже, и разсуди споръ мой съ этимъ вѣлѣрѣчивымъ народомъ; помоги мнѣ, Господи, какъ Ты помогаль прародителю моему, Ярославу, противъ окаяннаго Святополка!» Была тогда суббота пятой недѣли великаго поста, день 5-го апрѣля. Солнце только что восходило. Когда нѣмцы приблизились, Александръ стремительно двинулъ свою свинью рыломъ на непріятеля, и нѣмецкій строй былъ разрѣзанъ. Тогда, — говоритъ лѣтописецъ, передающій рассказъ свой словами очевидца, сообщавшаго о славномъ дѣлѣ извѣстіе: — «тогда поднялся трескъ отъ ломки копій и звукъ отъ мечнаго сѣченія. Казалось, двинулось замерзлое море, и великая сталась сѣча нѣмцамъ и Чуди съ нами, и льду не видно было: все покрылось кровію». Разорванные, потерявшіе строй, нѣмцы бѣжали; русскіе съ торжествомъ гнались за ними семь верстъ по льду, до Суболическаго берега. Лѣтописецъ насчитываетъ побитыхъ нѣмцевъ пятьсотъ человекъ, а о Чуди говоритъ, что ее пропало безчисленное множество; иные въ водѣ потонули: тогда уже въ весеннее время ледъ былъ не крѣпокъ; а изъ тѣхъ, которые убѣжали, многіе были съ ранами, и умирали отъ ранъ. Пятьдесятъ нѣмцевъ взято живьемъ. А идучи, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — они говорили: «мы руками возьмемъ князя Александра». Самовидецъ, передававшій лѣтописцу рассказъ объ этомъ замѣчательномъ событіи, говоритъ: «я видѣлъ полки Божіи на воздухѣ; они приходили на помощь князю Александру Ярославичу; и они-то обратили ратнымъ плещи и избивали ихъ, гоня по воздуху; и некуда было бѣжать врагамъ. Александръ побѣдилъ силою Божіею, святой Софіи и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». Эта побѣда воскресила-было на время языческую ревность Финляндіи. Таваста возмущалась; но русскіе, занятые другимъ дѣломъ, упустили изъ виду Финляндію, и шведы принялись крестить финновъ

еще дѣятельнѣе. Биргеръ для укрощенія края построить крѣпость Тавастгусъ ¹⁾).

Съ торжествомъ возвращался Александръ во Псковъ, освобожденный имъ отъ иноплеменной власти. Близъ ко-ня его вели знатныхъ рыцарей; за нимъ гнали толпу про-стыхъ плѣнниковъ. Когда богатырь приближался къ го-роду, навстрѣчу ему вышло духовенство, и весь народъ издавалъ радостные крики и торжественныя пѣсни, вос-кликая: «Богъ, пособившій Давиду на иноплеменниковъ, освободилъ нашъ городъ Псковъ отъ иноязычниковъ ру-кою великаго князя Александра Ярославича». Въ Нов-городѣ, куда Александръ повезъ своихъ плѣнниковъ, вя-тыхъ на ледяномъ побоищѣ, его ожидали такія же по-чести, такая же слава. «Прославилось,—говорили тогда, сообразно тогдашнимъ географическимъ свѣдѣніямъ,—имя великаго князя Александра Ярославича, отъ моря Варяж-скаго, до моря Понтесскаго и до моря Хупожскаго, и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратскихъ, а объ ту страну Варяжскихъ горъ, и Аравитскихъ, даже до Рима великаго; имя его стало извѣстнымъ тьмамъ темъ и ты-сячамъ тысячъ людей» ²⁾).

Пораженные нѣсколько разъ, нѣмцы прислали въ Нов-городъ посольство и отступились отъ всего, на чтѣ поку-шались—отъ Пскова, Води, Луги и Латыголы, отпускали всѣхъ захваченныхъ новгородскихъ и псковскихъ плѣнни-ковъ и взамѣнъ просили отпустить нѣмецкихъ. Великій Новгородъ согласился на миръ, и миръ былъ заключенъ. Этотъ миръ отрѣзывалъ нѣмецкому племени путь ко вла-дычеству надъ славянами на сѣверѣ, отнималъ у него часть сѣвернаго финскаго народонаселенія и связывалъ ее со славянскимъ міромъ, тогда какъ другой суждено было под-

¹⁾ Дал. 167.

²⁾ Соф. Врем. I, 181. Новг. Л. I, 54.

пасть подъ власть нѣмцевъ. Не такъ, однако, усмирились легко латыши: еще нѣсколько партій ихъ, подъ прежнимъ у русскихъ названіемъ Литвы, вторгалось въ новгородскіе предѣлы. Александръ выходилъ противъ нихъ и побѣдилъ семь такихъ отрядовъ; убили у нихъ воеводъ; иныхъ взяли въ плѣнъ. Новгородцы, раздраженные за опустошенія, которыя они дѣлали, привязывали ихъ къ лошадинымъ хвостамъ, и такъ тащили за собою ¹⁾. Но славная побѣда Александра не прекратила вражды ни съ нѣмцами, ни со шведами. Она продолжалась во все время существованія независимости Новгорода и Пскова. Въ 1251 году нѣмцы сдѣлали новое покушеніе на Псковъ, но были отбиты. За то, въ отмстку, новгородцы съ Корелою опустошили земли за Нарвой ²⁾. Католическая пропаганда продолжала отрывать отъ православія Водь, Ижору, Корелу; изъ числа жителей, новообращенные тянули сами къ шведамъ и нѣмцамъ. Въ 1255 г. папа Александръ IV-й, вмѣсто звельскаго епископа подчинилъ новгородскія страны рижскому архіепископу, и поручилъ ему назначить вмѣсто себя суффрагана ³⁾. Шведы, распространяя крещеніе въ Финляндіи, переходили за ея предѣлы и покушались обращать Корелу въ новгородскихъ земляхъ. Въ 1256 г. они, подъ начальствомъ Дидмана, стали строить городъ на берегу Наровы. Очевидно было покушеніе на новгородское достояніе. Новгородъ сталъ готовиться къ войнѣ. Но на этотъ разъ шведы не рѣшились воевать, и, не кончивши постройки, ушли. Въ отмщеніе за это новгородцы съ Александромъ прогулялись по Финляндіи ⁴⁾. Завоеваніе Руси татарами дало папской власти благовидный предлогъ, подстрекая крестоносцевъ на дальнѣйшія попытки покоренія

¹⁾ Соф. Врем. I, 181. Новг. Л. I, 55—56.

²⁾ Карам. III, прим. 91. Новг. Л. I, 56.

³⁾ Bunge, В. III, Н. I, 55.

⁴⁾ Новг. Л. I, 56.

русскаго міра. Въ 1260 году папа Александръ IV-й побуждалъ рыцарей всѣхъ католическихъ Орденовъ отбивать Русь у татаръ, объявилъ ее заранѣе собственностью св. Петра на вѣчныя времена, дарилъ рыцарямъ съ условіемъ искоренять проклятый греческій расколъ, и присоединить Русь къ римской Церкви ¹⁾. Понятно, что такіа увѣщанія должны были разжигать рыцарскую пропаганду и приводить къ ненависти и нескончаемой враждѣ.

Въ 1262 году новгородцы подъ предводительствомъ своего князя Дмитрія Александровича, въ союзѣ съ полочанами, у которыхъ княжилъ тогда Товтиваль, и съ Литвою, подступили подъ Юрьевъ. Нѣмцы, овладѣвши этимъ городомъ, укрѣпили его; однако, Новгородская Лѣтопись говоритъ, что не смотря на такую крѣпость, городъ былъ взятъ ²⁾. Много людей было истреблено; другіе сгорѣли во время пожара; третьи попались въ плѣнъ. Нѣмецкій лѣтописецъ ³⁾ повѣствуетъ, что русскіе взяли новый посадь и сожгли его, и, послышавъ о приближеніи мейстера, поспѣшно удалились. Во всякомъ случаѣ, отъ этого успѣшнаго дѣла новгородцы не получили никакого существеннаго приобрѣтенія: — древній ихъ городъ былъ восстановленъ епископомъ, заселенъ нѣмцами, и снова принадлежалъ къ ихъ ливонскому владѣнію, а не возвратился къ Новгороду.

Крестоносцы дѣлали безпрестанныя нападенія на Псковъ въ XIII вѣкѣ. Тогда-то прославился въ битвахъ съ ними Довмонть. Какъ видно, возникло у нихъ намѣреніе снова покорить своему владычеству этотъ городъ съ его землею. Не могли нѣмцы забыть, что онъ уже былъ нѣкогда въ ихъ рукахъ: рыцари съ своими ополченіями нѣсколько разъ подходили ко Пскову, но Довмонть отражалъ ихъ и раз-

¹⁾ Bunge, B. I, H. IV, 442.

²⁾ Новг. Л. I. 57.

³⁾ Russow, 20.

бывалъ. Война принимала значеніе закоренѣлой религіозной международной вражды. Псковичи смотрѣли на этихъ враждебныхъ сосѣдей, какъ на покушающихся ниспровергнуть св. Троицу, перебить мужей сильныхъ и поработить народъ. Приготовляясь къ брани, Довмонтъ въ церкви св. Троицы положилъ мечъ свой на алтарѣ, а игуменъ Исидоръ имъ препоясалъ его. Въ 1269 году нѣмцы стояли десять дней подъ Псковомъ, и были отбиты. Новгородцы дѣйствовали со псковичами за одно, и хотя не участвовали въ битвѣ, но приближеніе ихъ напугало нѣмцевъ такъ, что они поспѣшно сняли осаду, перебрались за рѣку и заключили миръ, отступившись отъ Наровы ¹⁾. Съ тѣхъ поръ новгородцы уже не участвовали въ войнахъ Пскова съ нѣмцами. Псковъ подвергался опасности по Новгородской въ 1298, и по Псковской Лѣтописи въ 1299 г. Этотъ походъ вызванъ былъ нападеніемъ псковичей на дерптское епископство въ началѣ 1299 года; дерптскій епископъ жаловался, что русскіе огнемъ и мечомъ опустошили значительную часть его діоцезіи ²⁾. Тогда сильное нѣмецкое ополченіе наскочило на Завеличье, разорило два монастыря — Спасскій и Снѣтогорскій, и осадило Псковъ. Посадъ около города былъ сожженъ, остался въ цѣлости одинъ Дѣтинецъ со святыней Троицы. Довмонтъ сразился съ нѣмцами у Петра и Павла и побѣдилъ; командоръ, приводившій ополченіе, возвратился съ раною на головѣ; много было захвачено въ плѣнъ и отправлено къ великому князю Андрею. Это былъ предсмертный подвигъ славнаго литвина, уже тогда одряхлѣвшаго отъ лѣтъ.

Съ конца XIII вѣка возникла между Новгородомъ и Швеціею война. Прежнія враждебныя отношенія были предвѣстниками этой войны. Шведы, подчинивши фин-

¹⁾ Новг. Л. I, 61.

²⁾ Bunge III. 25 100.

ляндскую Емь, теперь уже рѣшительно покушались на Корелу, бывшую издавна подъ властью Новгорода; страна между Ладожскимъ озеромъ и моремъ сдѣлалась спорною между шведами и новгородцами. Шведы хотѣли въ ней утвердиться и строили укрѣпленія, пункты опоры для владѣнія. Вмѣстѣ съ этимъ должно было возникнуть шведское населеніе посреди корельской народности и вытѣснить рускую. Шведы и норвежцы жаловались, что русскіе и ихъ подручники, корелы, нападаютъ на католиковъ, живущихъ по границѣ, жгутъ ихъ жилища, разрушаютъ церкви, хватаютъ людей въ неволю. Жалоба ихъ обращена была къ св. отцу. По этой просьбѣ папа проповѣдывалъ крестовый походъ противъ русскихъ и жертвовалъ на содержаніе крестовой рати шестилѣтній сборъ, слѣдуемой папскому престолу со Швеціи и Норвегіи десятины ¹⁾. Папскія воззванія, передаваемые народу посредствомъ духовенства, возбуждали шведовъ, а духовные въ то время имѣли въ Швеціи большую силу. Правитель Торкель Кнутсонъ съ епископомъ Петромъ Вессерасомъ вошелъ въ Корелію и сталъ ревностно крестить жителей. Разумѣется, новгородцы должны были противиться такимъ покушеніямъ не только ради удержанія власти надъ Корелою, но и ради собственной цѣлости. Шведы старались въ Новгородской Землѣ строить городки, которые были бы точками опоры для власти надъ туземцами; новгородцы пытались разорять эти городки. Въ 1293 году Торкель Кнутсонъ построилъ Выборгъ. Въ 1295 году шведы поставили городокъ въ Корелии: новгородцы осадили его, голодомъ принудили гарнизонъ къ сдачѣ и разорили городокъ. Комендантъ Сигелакке былъ убитъ ²⁾. Съ своей стороны, новгородцы возвели укрѣпленія въ Копорѣѣ. Въ 1299 году шведы поста-

¹⁾ Baronii Annal. XXIV, стр. 321.

²⁾ Dalin Hist. 249.

вили городокъ на устьѣ Охты и назвали его Вѣнецъ-Земли (Ляндскроне). Этотъ городокъ показался особенно ненавистнымъ для новгородцевъ, потому что стоялъ посреди ихъ водянаго пути, слѣдовательно, во всякое время могъ стѣснять ихъ торговлю. Городокъ былъ построенъ съ цѣлью католической пропаганды; даже строили его мастера, присланные отъ папы, въ числѣ ихъ были священники, занимавшіеся и ремеслами. На другой годъ новгородцы подошли къ нему, рѣшившись во что бы то ни стало уничтожить его. Тогда оказалось, что городокъ построенъ дурно — изъ сырого кирпича: въ одинъ годъ погнили въ немъ запасы. Новгородцы, окруживъ его, начали метать въ него огонь и произвели пожаръ внутри, а потомъ стали брать стѣны приступомъ. Городокъ былъ взятъ; новгородцы всѣхъ безъ пощады били; только нѣсколько храбрецовъ спасли себѣ жизнь: они забрались въ погребъ; новгородцы никакъ не могли оттуда ихъ вытащить; шведы защищались отчаянно, мѣтко поражали наступавшихъ на нихъ, и, наконецъ, вытребовали себѣ условіе выйти безопасно. Такъ они спасли себѣ жизнь. Новгородцы дали имъ слово и сдержали. Храбрецы ушли въ виду побѣдителей ¹⁾. Для укрѣпленія Корелы, новгородцы въ 1310 году построили въ Корелѣ городокъ на устьѣ рѣки Узервы, впадающей въ Ладожское озеро. На слѣдующій 1311 годъ рать новгородскихъ удальцовъ отправилась походомъ въ Финляндію: они переплыли море, опустошили емскія села на берегахъ рѣки Купецкой ²⁾, потомъ вошли въ рѣку Черную ³⁾, до-

¹⁾ Dal. Hist. 254.

²⁾ У Карамзина т. IV, прим. 214. Кюмень рѣка, по другимъ звали Поно; см. Соловьева т. III, прим. 398.

³⁾ По Карамзину *ibid.* Кумо; по другимъ (см. Соловьева) *ibid.* Нокія.

шли до города Ваная ¹⁾. Городъ Ваная стоялъ на высокой скалѣ; взять его не могли, но за то, по извѣстію русскаго лѣтописца, шведы предложили тогда миръ. Новгородцы опустошили окрестности этого города, потомъ они перебрались въ рѣку Кавгалу ²⁾, а потомъ въ рѣку Перну ³⁾, и снова вышли въ море, а моремъ приплыли въ Неву и домой.

За этотъ опустошительный набѣгъ шведы отплатили тѣмъ, что напали на Ладогу и сожгли ее въ 1313 году. Потомъ успѣли произвести раздвоеніе между Корелю, явились въ этомъ народѣ враги новгородской власти и склонили народъ отдаться шведамъ. Корельскій городокъ былъ взятъ шведами при помощи туземцевъ; но скоро другіе единомысленцы снова сдали его новгородцамъ. Шведы препятствовали торговлѣ и нападали на берега Ладожскаго и Онежскаго озеръ, убивали купцовъ, плававшихъ тамъ ради торговыхъ дѣлъ. Въ 1321 г. опять было сдѣлано покушеніе на Корельскій городъ и неудачно. Новгородцы въ свою очередь въ слѣдующемъ году напали на Выборгъ, и тоже не взяли его, хотя и стояли подъ нимъ цѣлый мѣсяцъ, только перевѣшали шведовъ, попадавшихся имъ въ плѣнъ ⁴⁾. Въ противодѣйствіе Выборгу, построенному шведами, новгородцы построили въ 1323 году городъ на Орѣховомъ островѣ на истокѣ Невы ⁵⁾. Утомившись съ обѣихъ сторонъ драками, обѣ воюющія стороны заключили миръ въ томъ же 1323 году, назвавъ

¹⁾ У Карамзина ссыл. на Бюшинга *Erdebeschreib.* 1. 634. Біорнеборъ, стоявшій прежде выше того мѣста, гдѣ находится теперь, на мѣстѣ, называемомъ Ванаккиа.

²⁾ Принимаютъ ее за рѣку Борго, отдѣляющую нынѣшнюю Кюменогородскую губ. отъ Тавастгусской.

³⁾ Въ Кюменогородской губерніи, гдѣ нынѣ мѣстечко Перно

⁴⁾ Новг. Л. I. 72.

⁵⁾ Новг. Л. I. 73.

его вѣчнымъ. Новгородцы уступали Швеціи Западную Корелу, провинціи Саволакскъ, Яскисъ и Аурепе (послѣдняя въ окрестностяхъ Выборга, отъ озера того же имени). Любечанамъ и готландцамъ предоставлялась свобода плаванія и торговли, какъ по Невѣ въ новгородскихъ предѣлахъ, такъ и въ заливѣ, съ правомъ заходить въ Выборгъ и тамъ торговать. Чтобы не раздражать однимъ другихъ, положено, какъ съ той, такъ съ другой стороны, не строить крѣпостей въ Корелии, бѣглыхъ же выдавать съ обѣихъ сторонъ. Шведы не должны покупать земель и водъ ни у новгородцевъ, ни у Корелы, остающейся за Новгородомъ ¹⁾. Въ этой войнѣ замѣшана была и Норвегія, тогда соединенная съ Швеціею по случаю перехода по наслѣдству къ королю Магнусу, по матери внуку послѣдняго норвежскаго короля. Правитель Норвегіи, Ерлингъ Вадкунсонъ, узнавъ, что, во время военныхъ дѣйствій со Швеціею, новгородцы разорили принадлежащій ему домъ въ Біорне, испросилъ у папы грамоту на крестовый походъ противъ Новгорода. Когда новгородцы помирились со Швеціею, то заключили особый мирный договоръ и съ Норвегіею, по которому постановлено отдать другъ другу то, что захвачено, и оставаться въ прежнемъ взаимномъ положеніи ²⁾. Вражда однако не успокоилась совершенно этимъ миромъ. Шведы не переставали думать о расширеніи границъ и о подчиненіи себѣ Корелы. Новгородцы, предвидѣвъ, что война должна возобновиться, старались обезопасить границы и въ 1333 году пограничныя земли отдали съ этою цѣлію въ кормленье князю Наримунту, чтобы имѣть тамъ организованную защиту ³⁾. Дѣйствительно, въ 1337 году опять вспыхнула война. Между Корелою сдѣлалось междоусобіе. Часть Корелы

¹⁾ Antiquités Russ. II, 491.

²⁾ Dal. 317.

³⁾ Новг. Л. I. 77.

приняла шведскую сторону. На этотъ разъ война ограничилась тѣмъ, что новгородцы разоряли корель, принявшихъ шведскую власть, а шведы съ своею Корелою разоряли обонежскихъ корель, оставшихся подъ властію Великаго Новгорода, и сожгли посадъ въ Ладогѣ. На слѣдующій годъ опять заключили миръ. Шведское правительство нарушение прежняго мира приписало своевольному поступку своего воеводы Стена. Новый миръ заключенъ въ Людовгъ ¹⁾.

Можно себѣ представить безвыходное положеніе Корелы, которая, благополучно проживая въ продолженіи вѣковъ съ своими идолами, теперь была осуждена сдѣлаться мишенью двухъ враждебныхъ народностей, которыя мало того что требовали отъ нея дани и послушанія, еще принуждали принимать новую вѣру. Принимали корелы православіе — навлекали гоненіе отъ шведовъ; принимали католичество — подвергались гоненію отъ новгородцевъ.

Черезъ восемь лѣтъ опять вспыхнула едва притихшая вражда. Еще въ 1344 году Климентъ VI издалъ буллу, въ которой уговаривалъ шведовъ принять оружіе и объявить крестовый походъ противъ русскихъ, враговъ апостольской столицы и покровителей язычества ²⁾. Король Магнусъ, ограниченный и капризный, то сластолюбивый, то набожный до ханжества, воспылалъ до такой степени апостольскою ревностью къ этой войнѣ, что перешелъ даже за предѣлы угодности духовенству. Онъ посчиталъ обратитъ на расходы для этой войны подать, собираемую для папы и отсылаемую въ Авиньонъ. Противъ этого тогда вооружилось духовенство. Самъ Геннингъ, епископъ въ Або, примасъ

¹⁾ Карамз. т. IV, Пр. 255. Договоръ Новгородцевъ съ Норвегіею и Швеціею см. *Antiquités Russ.* t. II, и въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1837 года, ч. 23.

²⁾ *Dal.* I, 365.

Финляндіи, лицо, которое, по своему положенію, болѣе другихъ должно было сочувствовать такому предпріятію, былъ противъ него. Къ довершенію всего, сестра короля, Бригитта, которая еще при жизни, за свою святость, чрезвычайно уважалась, предсказывала неуспѣхъ предполагаемаго крестоваго похода. Магнусъ отправилъ пословъ своихъ въ Новгородъ, съ оригинальнымъ требованіемъ: «Высылайте на съѣздъ своихъ философовъ, а я пошлю своихъ» — говорили послы именемъ короля: — «пусть они поговорятъ о вѣрѣ, а я хочу узнать, чья вѣра лучше, и если ваша вѣра лучше, я пойду въ вашу вѣру, а коли наша вѣра будетъ лучше, то вы пойдете въ нашу вѣру, и будемъ всѣ за одинъ человѣкъ; а не пойдете въ единство съ нами, то я хочу идти на васъ со всею своею силою». Владыка Моисей съ посадникомъ и тысячскимъ и со всѣми новгородцами, обсудивши на вѣчѣ такое предложеніе, отвѣчали: «Коли хочешь узнать чья вѣра лучше, наша или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху; мы отъ грековъ приняли правовѣрную вѣру, а съ тобою не будемъ препираться о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь обида — пошлемъ къ тебѣ на съѣздъ». Новгородъ отправилъ на съѣздъ тысячскаго своего и нѣсколько бояръ въ Орѣховецъ; но потомъ пришла вѣсть, что Магнусъ, задержавъ пословъ, идетъ на Новгородъ съ военною силою. Послали къ нему боярина Кузьму Твердиславича для объясненія. «У меня нѣтъ на васъ жалобы, — сказалъ Магнусъ: — нѣтъ отъ васъ мнѣ никакой обиды; а я хочу, чтобы вы пошли въ мою вѣру; а не пойдете — иду на васъ со всею силою!» Шведы, вступивъ въ Ижорскую Землю, стали перекрещивать насильно Ижору и поступать по-непріятельски съ тѣми, которые упорствовали. Наконецъ, подошли къ Орѣховцу. Сначала новгородцы мужественно отразили нападеніе. Онцифоръ Лукинъ съ 400 новгородцевъ 24 іюля 1348 года разбилъ 500 шведовъ на

Жабѣ полѣ¹⁾; но потомъ, когда князь Симеонъ, котораго новгородцы призывали на помощь, ушелъ назадъ, Магнусъ 6-го августа взялъ городъ и установилъ тамъ свой гарнизонъ. Всѣмъ, кто попадался въ плѣнъ, предложено было или креститься въ католическую вѣру, или же погибать. Нѣкоторые были изрублены за то, что не хотѣли креститься, будучи язычниками, или же принимать католичество изъ греческой вѣры; не столь твердые крестились—имъ даровали жизнь и отпустили ихъ на волю съ тѣмъ, чтобы они убѣждали своихъ единомысленцевъ поступить такъ же, какъ они поступили. Но эти насильно крещенные, какъ только вырвались отъ шведовъ, тотчасъ отрекались отъ католичества; вмѣсто того, чтобы склонять земляковъ въ пользу шведовъ, возбуждали ихъ противъ короля-фанатика и сами шли сражаться противъ шведовъ. Думали шведы, что счастье имъ рѣшительно служить, и потому не боялись раздѣлить своего войска на отряды и отправить для крещенія вожанъ и Ижоры по Водской Землѣ. Этимъ воспользовались новгородцы, разсѣяли ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, потомъ напали на флотъ, стоявшій близъ Ладоги. Во флотѣ было тогда дурно: свирѣпствовали болѣзни, не доставало припасовъ, а Магнусъ роздалъ значительныя военныя должности прибывшимъ изъ разныхъ сторонъ Европы крестовымъ иноземцамъ, и этимъ раздражилъ своихъ шведовъ; наконецъ, самое духовенство было нерасположено къ нему и къ его крестовому походу. Все это охлаждало мужество въ шведахъ и способствовало успѣху новгородцевъ. Новгородцы одержали побѣду; нѣсколько судовъ было потоплено; самъ король съ остаткомъ убѣжалъ, и увезъ съ собой тысяческаго Авраама, прибывшаго къ нему посломъ отъ Новгорода, съ одиннадцатью человекъ. Новгородцы осадили Орѣхо-

¹⁾ Новг. Л. IV, 58.

вещь и стояли подъ нимъ съ Успеньева дня всю осень и зиму до 24-февраля 1349 года. Въ новгородскомъ войскѣ были и псковичи, но, не дождавшись конца осады, ушли прочь. Шведы смѣялись, стоя на стѣнахъ Орѣховца, когда псковичи, уѣзжая изъ новгородскаго стана, били въ бубны и играли на трубахъ и посвистѣляхъ. Новгородская Лѣтопись обвиняетъ ихъ кругомъ, тѣмъ болѣе, что Новгородъ далъ имъ тогда право навсегда не посылать къ нимъ посадниковъ и не посылать на судъ въ Новгородъ. Но изъ Псковской Лѣтописи видно, что въ то время ливонскіе нѣмцы напали на псковскіе предѣлы и причиною такого отхода псковичей изъ-подъ Орѣховца была важная необходимость защищать собственную землю. Дѣло окончилось счастливо и безъ псковичей. 24 февраля удалось новгородцамъ своими приметами произвести пожаръ; Орѣховецъ былъ взятъ; шведы были частію изрублены, частію взяты въ плѣнъ и съ торжествомъ приведены въ Новгородъ ¹⁾.

Въ 1350 г. новгородцы подступили къ Выборгу и хотя города не взяли, но пожгли и опустошили окрестности и потѣшались тѣмъ, что изрубили много шведовъ съ женами и дѣтьми, а другихъ привели плѣнными ²⁾.

Желая выгородить себя, съ одной стороны, передъ папою, съ другой, передъ народомъ, Магнусъ извѣщалъ всѣхъ, что онъ отступилъ по причинѣ мороваго повѣтрія, отъ недостатка въ людяхъ и просилъ папу объявить повсемѣстный походъ противъ русскихъ; увѣрялъ, что корелы молятъ о спасеніи, потому что русскіе принуждаютъ ихъ отречься отъ христіанства и подвергаютъ мукамъ, рубятъ мечами, вѣшаютъ на деревьяхъ, травятъ собаками. Папа писалъ объ этомъ къ улсальскому архіепис-

¹⁾ Dalin, 380. Ссылка на Messen. Scand. Illust. III, p. 13. Geiers Geschichte Schwedens.—Новг. I. 84. IV. 58—59. Псковская Л. I, 189.

²⁾ Новг. Л. IV, 58. 59. 85.

копу, побуждая его подвигать шведовъ на священную брань съ русскими и объявлять прощеніе грѣховъ, наравнѣ съ тѣми, которые отправляются воевать въ Палестину ¹⁾. Но это не помогло Магнусу. По возвращеніи съ несчастнаго похода, духовенство наложило на него интердикцію за растрату суммъ, принадлежащихъ Церкви, и, наконецъ, государственные чины низложили его съ престола. Съ новгородцами заключенъ былъ миръ въ Юрьевѣ, слѣдовательно, при посредствѣ Ливонскаго Ордена, который, принимая участіе въ выгодахъ, получаемыхъ Европою отъ торговли съ Новгородомъ, приходилъ уже къ тому убѣжденію, что гораздо выгоднѣе жить съ Новгородомъ въ мирѣ, чѣмъ воевать. Миръ установленъ на томъ, что рѣка Сестра должна быть границею между новгородскими и шведскими владѣніями. Новгороду уступлена была часть Кореліи, Ескисъ, Еграпа и Малый Саволакскъ ²⁾. Римскому двору этотъ миръ былъ совсѣмъ не по вкусу; папа возбуждалъ шведовъ къ крестовому походу. Но времена крестовыхъ походовъ проходили, и судьба вѣрныхъ еще давнимъ преданіямъ пылкихъ натуръ, подобныхъ Магнусу, приближала ихъ къ типу ламанскаго рыцаря.

Рыцарскій характеръ короля Магнуса въ глазахъ новгородцевъ придалъ воспоминанію объ этой войнѣ поэтической колоритъ и произвелъ легенду о Магнусовомъ рукописаніи, о которой скажется въ своемъ мѣстѣ. Непріязненные отношенія со шведами въслѣдствіи принимали

¹⁾ Nos enim attendentes, quod tanto gratior est defensio fidei quanto caeteris virtutibus animae fides debet praetiosior reputari, de omnipotentis Dei misericordia et beatorum S. Petri et Pauli Apostolorum ejus autoritate confisi illam ob id assummentibus signam crucis concedimus veniam peccatorum et ipsos ea volumus immunitate gaudere, quam habituri essent si in terrae sanctae subsidium personaliter se transferrent. II. id. Martiis anno IX (Baronii Annal. XXV, 548).

²⁾ Dalin. I, 380.

характеръ отрывочныхъ нападеній, которыя были больше плодомъ частнаго удалства, чѣмъ государственныхъ интересовъ. Такъ въ 1392 году, разбойники-нѣмцы (вѣрнѣе шведы) напали на берегахъ Невы на села и ихъ разорили ¹⁾. Также и война въ 1411 году ²⁾ не имѣла дѣйствительныхъ послѣдствій и ограничилась только взаимнымъ нападеніемъ на предѣлы. Это были частные набѣги или пограничныя недоразумѣнія.

Псковъ, въ отношеніи нѣмецкихъ своихъ сосѣдей, принималъ на себя совсѣмъ другую роль, чѣмъ Новгородъ. Новгородъ, уже послѣ Александра Невского, уклонялся отъ вражды съ Орденомъ. Псковъ въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ велъ съ нимъ нескончаемую войну. Въ 1323 году, нѣмцы перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ; псковичи сдѣлали нападеніе на Ливонію и прошли даже до Колывани (Ревеля); вѣрно это была война не съ рыцарями, а съ датчанами. Слѣдствіемъ этого былъ приходъ нѣмцевъ и ливовъ; восемнадцать дней осаждали городъ и отошли, опустошивши окрестности. Въ это время пострадали села; враги забирали скотъ и уводили въ плѣнъ самыхъ людей; но потомъ псковичи догнали ихъ и отняли захваченныхъ людей и скотъ. Рѣка Великая была еще для Пскова иногда заповѣднымъ предѣломъ. Послѣ этого похода послѣдовало заключеніе мира ³⁾. Новгородцы не только не оказывали псковичамъ помощи, но еще въ томъ же году заключили съ Орденомъ оборонительный союзъ — взаимно дѣйствовать противъ всѣхъ враговъ и даже противъ Пскова. Въ то время они боялись союза врага ихъ, тверского князя, съ Литвою, а Псковъ считали опаснымъ потому, что Псковъ пригласилъ къ себѣ литовскаго князя ⁴⁾. Въ

¹⁾ Новг. Л. I, 96.

²⁾ Новг. Л. I, 104.

³⁾ Псков. Л. I, 185.

⁴⁾ Новг. Л. I, 96.

1341 году ¹⁾ опять вспыхнула вражда: нѣмцы убили псковскихъ пословъ въ Латышской Землѣ. Псковичи тотчасъ собрались ратью и опустошили часть Латышской Земли. Ожидая себѣ мести отъ нѣмцевъ, они обратились къ Новгороду, но не получили помощи. Послали пословъ къ Ольгерду. Надѣясь на помощь могучаго литовскаго государя, псковичи ворвались въ Ливонію и повоевали нѣмецкія села по обѣимъ берегамъ рѣки Омовжи. Непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ происходили потомъ по берегамъ Наровы. Ольгердъ, какъ уже было прежде сказано, мало помогъ псковичамъ; войско, оставленное имъ въ 1343 г. съ княземъ Иваномъ, было разбито. Вслѣдъ за тѣмъ ужасное возмущеніе эстовъ противъ нѣмцевъ удержало Орденъ отъ дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій. Но за то снова въ 1348 году, когда псковичи въ качествѣ всегдашнихъ союзниковъ и младшихъ братьевъ помогали новгородцамъ противъ шведовъ у Орѣховца-города, нѣмцы, зная, что силы военной нѣтъ вовсе или мало во Псковѣ, сдѣлали неожиданное нападеніе и опустошили села около Пскова и Острова; потомъ хотѣли утвердить городъ на Наровѣ, но псковичи его разорили. Неизвѣстно, гдѣ былъ заключенъ послѣ того миръ, — должно быть въ Юрьевѣ, гдѣ примирились новгородцы со шведами; тутъ вѣроятно установленъ миръ и Ордена со Псковомъ. Этотъ миръ опять былъ нарушенъ въ 1362 году тѣмъ, что нѣмцы перебили псковскихъ купцовъ, а псковичи арестовали у себя нѣмецкихъ купцовъ и побрали съ нихъ виры за убытки своихъ торговцевъ. Новгородцы были тутъ примирителями: они послали по боярину изъ концовъ въ Юрьевъ; тамъ послы уладили дѣло нѣмцевъ со псковичами. Обѣ стороны отпустили задержанныхъ купцовъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ опять вспыхнуло несогласіе: въ 1366 году нѣмцы

¹⁾ Новг. Л. I, 104.

не пропускали въ русскія земли товару. Великій князь Дмитрій хотѣлъ примирить обѣ стороны, готовыя снова броситься одна на другую, и послалъ въ Юрьевъ посредникомъ какого-то Никиту. Ничего не сдѣлавши, Никита воротился во Псковъ и за нимъ по слѣдамъ явилась нѣмецкая рать и сожгла посадъ на Запсковѣѣ. Псковичи сдѣлали набѣгъ до Новгородка (Нейгаузена); зато нѣмцы напали на Изборскъ, а потомъ подошли подо Псковъ и стояли три дня. Тогда новгородцы рѣшились помогать псковичамъ и ходили съ ними къ Нейгаузену, но вслѣдъ за тѣмъ оставили ихъ. Псковичи сами продолжали войну, взяли нѣмецкій городъ Кирыпигу и сожгли его (Киремпе, въ Дерптскомъ уѣздѣ).

Со времени избіенія купцовъ съ 1362 по 1371 годъ, Псковъ былъ въ военномъ положеніи и много страдала тогда Псковская волость, — тутъ болѣзни, а тутъ бѣды ратныя ¹⁾. Псковская область терпѣла въ то же время отъ литовцевъ. Новгородцы помогали псковичамъ лѣнливо, но все-таки были вмѣстѣ съ ними во враждѣ противъ нѣмцевъ. Въ 1371 году они заключили съ нѣмцами миръ подъ Новгородкомъ ²⁾.

До 1405 года не упоминается о враждѣ съ нѣмцами. Но въ этотъ годъ, находясь въ непріязни съ Литвою, нѣмцы сдѣлали нападеніе на Полоцкую Землю и тамъ, между прочимъ, на озерѣ Пещердѣ (Нещердѣ) побили псковскихъ купцовъ. Въ отмщеніе за то псковичи ходили къ Нейгаузену, но, по извѣстію лѣтописца, только собственное жито потеряли. Непріязнь началась; надобно было продолжать ее. Псковичи сдѣлали набѣгъ на Кирыпигу, имѣли довольно удачную стычку и пришедши домой ожидали, что нѣмцы заплатятъ имъ тѣмъ же и умоляли о помощи Нов-

¹⁾ Пск. Л. I, 193.

²⁾ Новг. Л. I, 89.

городъ; а Новгородъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло и заводить войну. Тогда Псковъ обратился къ великому князю Василю Димитріевичу. Отъ него прибылъ князь Константинъ, братъ его. Подъ предводительствомъ его въ 1408 г., псковичи ходили за Нарову къ нѣмецкому городу Порху и одержали побѣду. Вслѣдъ за тѣмъ явился самъ мейстеръ съ рыцарями, и съ помощію литовскихъ войскъ приходилъ ко пригороду Велью, а потомъ весною 1409 г. къ самому Пскову. Нѣмцы въ эти два похода не взяли ни Пскова, ни Велья, но опустошили окрестности этихъ городовъ, также какъ дѣлали псковичи передъ тѣмъ въ Ливоніи. Въ 1410 году съѣхались псковскіе и нѣмецкіе уполномоченные въ Изборскъ и заключили миръ на старомъ положеніи вещей ¹⁾. Въ 1427 году, по извѣстію лѣтописца, нѣмцы убили семь человѣкъ опочкихъ бортниковъ и пожгли селенія около Опочки, а чухны, принадлежавшіе нѣмцамъ, косили псковское сѣно, и псковичи поймавъ ихъ повѣсили. За это готова была вспыхнуть война, но дѣло какъ-то уладилось. Въ 1436 году былъ новый поводъ къ ссорѣ. Нѣмцы захватили псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. За это псковичи посадили въ погребъ двадцать-четырехъ нѣмецкихъ купцовъ и побрали у нихъ товаръ ²⁾. Въ 1444 году, за то, что нѣмецкіе чухны напали на Псковскую Землю, псковичи повѣсили ихъ семь человѣкъ, вѣздили подъ Нейгаузенъ и потоптали хлѣбъ ³⁾. Въ этотъ годъ уже возникали сильныя недоразумѣнія, готовые разразиться войною, но дѣло было снова улажено, однако не совершенно, такъ что обѣ стороны, съѣхавшись въ Ригѣ, могли установить миръ только на десять лѣтъ;—значить были съ обѣихъ сторонъ притязанія, которыя остались неразрѣшенными. Въ 1448

¹⁾ Псков. Л. I, 201.

²⁾ Псков. Л. I, 210.

³⁾ Псков. Л. I, 212.

году возникла распря у нѣмцевъ съ новгородцами; въ эту распрю вмѣшались и псковичи; главнымъ поводомъ съ ихъ стороны было то, что нѣмцы, въ продолженіи многихъ лѣтъ, присвоивали себѣ угодья, которыя Псковъ считалъ своею принадлежностію. Тогда на сторонѣ рыцарей и дерптскаго епископа были шведы. Новгородскимъ войскомъ начальствовалъ князь Черторизскій, только что предъ тѣмъ оставившій Псковъ; этотъ литвинъ столько же не любилъ нѣмцевъ, какъ и московскаго государя и съ какой-то любовію служилъ дѣлу двухъ сѣверныхъ республикъ. Сраженіе, происшедшее на берегу Наровы, было выиграно новгородцами. Святая Софія — по выраженію современника, — помогла имъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ миръ, заключенный на рѣкѣ Наровѣ. На сѣздѣ были посадники и бояре, какъ Великаго Новгорода, такъ и Пскова. Миръ заключенъ былъ на двадцать пять лѣтъ и по прежнему договору слѣдовало возвратить Пскову угодья, отнятыя юрьевскими нѣмцами ¹⁾.

Еще не истекъ срокъ двадцатипятилѣтняго перемирія, какъ въ 1459 году опять возникла вражда. Нѣмцы наскочили на урочище Озолицу, принадлежавшее св. Троицѣ, и сожгли церковь св. Михаила и въ ней убѣжавшихъ девять человѣкъ людей. За это псковскій князь Александръ Черторизскій отправился со псковичами въ насадахъ и ладьяхъ на мѣсто, гдѣ произошла обида, и, сдѣлавши досмотръ, началъ жечь людей, мужчинъ и женщинъ, отминая за своихъ. Нѣмцы отправились на своихъ шнекахъ и ладьяхъ за Нарову, въ Березовскую волость и сожгли сорокъ два двора; они бы сожгли и людей, но люди ушли ²⁾. Орденъ обратился къ Новгороду съ жалобою на Псковъ. Новгородцы прислали своихъ пословъ, а Псковъ выбрать

¹⁾ Псков. Л. I, 214.

²⁾ Псков. Л. I, 218.

бояръ изъ всѣхъ концовъ и отправилъ на мѣсто преступленія. Но нѣмцы не явились на срокъ для суда, и новгородцы, принимавшіе здѣсь значеніе третейскихъ судей, воротились домой. Тогда непримиримый врагъ нѣмцевъ, Черторизскій, собралъ своихъ псковичей, вступилъ въ Нѣмецкую Землю и на семьдесятъ верстъ кругомъ опустошалъ ее. Псковичи сожигали до тла села и церкви, грабили имущества и привели во Псковъ много плѣнниковъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ одинъ священникъ. Это, по понятіямъ псковичей, была правда—вознагражденіе за сожженіе Березовской волости, которое нѣмцы дѣлали тоже въ отплату за разореніе отъ псковичей; такимъ образомъ, долженъ былъ наступить нескончаемый рядъ разбоевъ и зажигательствъ съ обѣихъ сторонъ. Но зная, что это не обойдется имъ даромъ и что нѣмцы не пропустятъ своего, а придутъ къ нимъ отблагодарить за послѣднее посѣщеніе, псковичи обратились съ просьбою о помощи къ великому московскому князю. Тогда-то Черторизскій ушелъ изъ Пскова, не желая быть подручникомъ великаго князя, который только съ этимъ условіемъ соглашался оказывать содѣйствіе псковичамъ. Уходъ Черторизскаго, вѣроятно, подѣйствовалъ на нѣмцевъ, которыхъ злоба противъ Пскова соединялась съ ненавистью къ Черторизскому за взаимную его вражду къ нѣмцамъ. Нѣмцы послали въ Новгородъ судью просить принять посредство. Тогда великій князь съ Новгородомъ приняли на себя третейскую обязанность. Князь предложилъ перемиріе на пять лѣтъ. съ тѣмъ, чтобы впередъ до этого срока, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, составлявшемъ предметъ спора, ловили рыбу и псковичи и юрьевцы, каждый на своемъ берегу. Перемиріе заключено въ Новгородѣ. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ судьи псковскіе, и потомъ послали въ Юрьевъ къ епископу и въ Ригу къ архіепископу пословъ съ договорными грамотами; цѣловать крестъ епископъ и ратманы

дерптскіе. Тогда нѣмцы отдали иконы, награбленныя въ церквахъ, и имущества; а вслѣдъ за тѣмъ нѣмцы прибыли во Псковъ и побрали своихъ плѣнныхъ и ихъ имущества; не могли, разумѣется, воротить сожженныхъ людей. Псковъ заплатилъ за этотъ судъ великому князю 50 руб., потому что за судъ всегда платилось ¹⁾.

Не прошло уреченныхъ пяти лѣтъ, какъ опять возникла ссора: нѣмцы въ Юрьевѣ засадили въ погребъ посла псковскаго, да гостя псковскаго, а псковичи во Псковѣ засадили въ погребъ нѣмецкаго гостя. За это нѣмцы напали на псковскіе исады (рыболовство) и подошли къ Новому Городку, потомъ напали на село Колпино близъ озера, зажгли церковь и разоряли исады. Псковичи напали на нихъ въ этомъ мѣстѣ и прогнали, потомъ въ свою очередь вошли въ Нѣмецкую Землю и надѣлали пакостей, а вслѣдъ за тѣмъ изъ Изборска отправились молодцы и пожгли нѣмецкія волости. Потомъ послы нѣмецкіе прибыли во Псковъ и заключили перемиріе на девять лѣтъ; съ обѣихъ сторонъ написали грамоты и приложили печати ²⁾.

По истеченіи девятилѣтняго срока, съ обѣихъ сторонъ заговорили о мирѣ, и послали просить судьбою между собою великаго князя; тотъ прислалъ своего довѣреннаго, но мейстеръ не пріѣхалъ на съѣздъ, отговариваясь неимѣніемъ времени; это показало псковичамъ, что мейстеръ хочетъ войны, и когда потомъ прибыли послы изъ Ливоніи во Псковъ, ихъ задержали, требуя уплаты тѣмъ, которые предъ тѣмъ жаловались на обиды, понесенныя отъ нѣмцевъ. Орденъ принужденъ былъ выкупить своихъ пословъ за 75 рублей. Въ числѣ неудовольствій Пскова на Орденъ было и то, что нѣмцы продавали во Псковскую Землю медъ и пиво, котораго производство вѣрно было обложено пошлинами во Псковской Землѣ.

¹⁾ Псков. Л. I, 220—221.

²⁾ Псков. Л. I, 222—226.

Въ 1473 году съѣхались съ обѣихъ сторонъ уполномоченные, но не довели дѣла до конца. Мейстеръ рѣши-тельно, наконецъ, сказалъ, что Орденъ не продолжаетъ перемирія. Псковъ обратился тогда къ великому князю, съ просьбою постоять противъ нѣмцевъ за домъ св. Троицы, какъ стояли его прародители. Великій князь прислалъ на помощь огромную силу, подъ начальствомъ двадцати двухъ подручныхъ ему князей; верховное предводительство вручено было Даніилѣ Холмскому. Но мейстеръ прислалъ мирное предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, обѣщалъ прекратить ввозъ пива и меда въ Псковскую Землю. Псковъ согласился; составлена была мирная договорная грамота, и посолъ, какъ представитель предлагающей стороны, первый поцѣловалъ крестъ; съ нимъ, когда онъ уѣхалъ обратно, отправились въ Ригу послы: одинъ отъ великокняжескаго воеводы, т. е. отъ стороны великаго князя, а два отъ Пскова. Тамъ передъ ними мейстеръ цѣловалъ крестъ и приложилъ свои печати къ грамотамъ, составленнымъ во Псковѣ, а потомъ псковскіе послы цѣловали крестъ за Псковъ и за всѣ пригороды. Вслѣдъ за отъѣздомъ мирныхъ пословъ, прибылъ во Псковъ посолъ отъ дерптскаго епископа и отъ города Дерпта и заключилъ особый мирный договоръ ¹⁾.

Въ 1480 году опять возникло несогласіе: въ Дерптѣ арестовали псковскихъ купцовъ; за это псковичи посадили въ погребъ нѣмецкихъ купцовъ. Отмщая за то, нѣмцы сдѣлали набѣгъ на пригородъ Вышгородокъ, сожгли стѣну и церковь, перебили людей, не исключая и малыхъ дѣтей, причемъ пострадали до пятидесяти человѣкъ нѣмцевъ, бывшихъ въ этомъ пригородѣ. Потомъ напали на пригородъ Гдовъ и опустошили земли около него. Эти набѣги были такъ быстры, что псковичи не успѣвали на вы-

¹⁾ Псков. I, 249.

ручку своихъ отъ непріятеля. Псковичи пошли въ Нѣмецкую Землю къ Юрьеву, жгли окрестности, убивали жителей, а множество нѣмцевъ и Чуди повели въ плѣнъ. За это въ свою очередь нѣмцы со своею Чудью поплыли на псковскія селенія, жгли ихъ безъ разбора, такъ что во Псковѣ видѣнъ былъ огонь и дымъ горѣвшихъ селеній. Псковичи вышли войскомъ. Нѣмцы избѣжали сраженія и, продолжая свои разоренія, подошли къ городу Кобылѣ, стоящему на берегу озера, сожгли его вмѣстѣ съ церковью, и въ ней погубили всѣхъ укрывшихся, и старыхъ, и малыхъ, не давая выскочить изъ пламени, а тѣ, которые тамъ не были, попадали въ плѣнъ. Окрестности селенія были сожжены, люди побиты или отведены въ плѣнъ. 16 августа 1480 года самъ мейстеръ подступилъ къ Изборску, но не могъ его ваять, а 20 августа подступилъ ко Пскову; въ то же время изъ Дерпта прибыла другая сила на судахъ. Псковичи сами сожгли Завеличье, чтобъ не дать врагамъ притона въ домахъ. Расположившись на Завеличѣ, нѣмцы со своихъ лодокъ (шнекъ) начали стрѣлять по двумъ болѣе слабымъ пунктамъ, по Запсковью и Полонищу, минуя Средній городъ, гдѣ стѣны были выше. Перейти же въ бродъ было трудно, ибо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это возможно, поставлена была военная сила, собранная изъ псковскихъ пригородовъ. Особенно нѣмцы покупались на Запсковье. Собрали оставшіяся отъ пожара на Завеличѣ бревна, жерди, соломѣ, наклали въ учаны, полили смолою и, воспользовавшись вѣтромъ, дувшимъ прямо на Запсковье, зажгли и бросали такіе снаряды въ посадъ. Тогда распространился во Псковѣ страхъ; жители пустились-было бѣжать; самъ князь Василій Шуйскій, намѣстникъ Пскова, приказалъ уже себѣ сѣдлатъ лошадей, но посадники остановили его и упросили. Въ это время какой-то псковичъ сказалъ посаднику: «Мнѣ было во снѣ видѣніе—явился мнѣ благовѣрный князь Довмонтъ и ска-

залъ: возьмите одѣяніе съ моего гроба и обойдите трижды съ крестами городъ; молитесь Богу и ничего не бойтесь». ¹⁾ Псковичи исполнили это священнодѣйствіе, съ одѣяніемъ Довмонта обошли трижды вокругъ Крома. Послѣ этого нѣмцы сдѣлали сильное нападеніе, стрѣляли изъ пушекъ, пускали разомъ и стрѣлы, и изъ пицалей пули, и силились пристать къ берегу въ логу между св. Лазаря и св. Спаса; но псковичи бросились на нихъ: кто съ камнями, кто съ топорами и мечами, захватили одну шнеку, многихъ нѣмцевъ потопили, другихъ изрубили. Тогда нѣмцы рѣшились уйти и покидали много своихъ шнекъ. И такъ они, — по выраженію лѣтописи, — убѣжали со срамомъ, послѣ пятидневнаго неудачнаго приступа; тѣмъ не менѣе псковская волость жестоко пострадала отъ этого нашествія и опустошеній. На бѣду Пскову тамъ былъ князь Василій, невоинственный, грубый, пьяный, ненавидимый народомъ грабитель. Въ слѣдующемъ году (1481) прибыли, по просьбѣ псковичей, двое братьевъ великаго князя и вмѣсто того, чтобы идти за Псковъ, сами ограбили псковскія волости и уѣхали прочь. Наконецъ, прибыли присланные отъ великаго князя воеводы съ московскою воинскою силою (Иванъ Булгакъ и Ярославъ Оболенскій) и съ новгородцами: Новгородъ уже тогда подчинялся московскому владычеству и состоялъ въ вѣдѣніи великокняжескихъ намѣстниковъ, предводительствовавшихъ въ этомъ походѣ войсками. Вмѣстѣ со псковскимъ ополченіемъ это войско ворвалось въ Ливонію. Произошло опустошеніе, которое своимъ варварствомъ превосходитъ, кажется, прежде бывшія; нѣмецкій современникъ рассказываетъ, что въ это время русскіе съ особеннымъ остервенѣніемъ истязали жителей нѣмцевъ и чухонъ: насиловали женщинъ и дѣвицъ, ругались надъ страдальцами, отрѣзывали имъ уши, носы.

¹⁾ Псков. II. 40.

обрубали руки и ноги, и для потѣхи дѣлали надъ мужскими и женскими трупами безстыдныя поруганія, разрѣзывали беременныхъ женщинъ и ѣли плодъ ихъ, заставляли людей вырывать собственными руками у себя внутренности и вѣшали такихъ страдальцевъ на дерево ¹⁾. Псковская вторая лѣтопись ²⁾ говорить, что русскіе, разсѣявшись тремя дорогами, выжгли и разорили всю Землю Нѣмецкую, отъ Юрьева до самой Риги. Нѣмецкая Земля была вся, по выраженію лѣтописца, не въ опасѣ. Нѣмцы себѣ пиво варили, и ничего не боялись; зима была сурова, снѣгъ челоуѣку по пазуху; поэтому, когда русскіе сожигали села, то жители, если и успѣвали спастись отъ меча и отъ огня, то замерзали, или погибали отъ голода. Два города, называемые у псковскаго лѣтописца Вельядъ и Каркусъ, а у нѣмецкаго ³⁾ Феллинъ и Тарвасть, были сожжены до тла со всѣми прилежащими къ нимъ поселеніями. Отдали,—говоритъ псковскій лѣтописецъ,—нѣмцамъ двадцатеро, если не больше; говорятъ, какъ и Псковъ сталъ на свѣтъ, такъ не бывало ⁴⁾. Согласно съ этимъ говорить и нѣмецкій историкъ. Русскіе въ Лифляндіи поступали еще свирѣпѣе, чѣмъ рыцари въ Россіи; ни при одномъ мейстерѣ не было такой бѣды въ Ливоніи, какъ при тогдашнемъ Бернгардѣ фонѣ деръ Борхѣ ⁵⁾. Взятіе двухъ городовъ надѣлило псковичей такимъ множествомъ золота, серебра и всякаго добра, что едва могли вывезти. Вся эта трагедія разыгрывалась въ Ливоніи въ февралѣ и мартѣ 1481 года, и продолжалась четыре недѣли.

¹⁾ Карамз. VI, прим. 258.

²⁾ Псков. II, 41. Iunckfrawen und trauwen beshemten ere Borste abesneten und den Mennen in de Munde stissen, den Mennen ere gemechte berobten und den weibes personen in de Munde hynghen.

³⁾ Balth. Russow стр. 31.

⁴⁾ Псков. II, 41.

⁵⁾ Russ. 31.

Когда воротилось войско во Псковъ, въ городъ пришло извѣстіе, что мейстеръ отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Новгородъ съ мирнымъ предложеніемъ. Псковичи отправили пословъ отъ себя, и тамъ заключено было перемиріе на десять лѣтъ, на прежнихъ основаніяхъ.

Послѣдняя война, которую Псковъ долженъ былъ вести съ нѣмцами еще до паденія независимости, имѣла корень уже въ недоразумѣніяхъ между Орденомъ и великимъ княземъ московскимъ, а Псковъ долженъ былъ участвовать въ этой войнѣ уже только изъ повиновенія Москвѣ. Причины этой войны, очень важной по послѣдствіямъ въ будущемъ, для Ливонскаго Ордена были такія: нѣмцы огорчились за то, что Иванъ Васильевичъ въ 1494 году закрылъ нѣмецкую контору въ Новгородѣ и ограбилъ, по своему обыкновенію, нѣмецкихъ купцовъ; а Иванъ Васильевичъ былъ недоволенъ нѣмцами за то, что въ Ревелѣ казнили двухъ русскихъ, одного за фальшивую монету, а другого за противоестественный грѣхъ. Когда сожигали послѣдняго, то нѣмцы сказали, что еслибъ самъ великій князь московскій такъ у нихъ въ землѣ поступилъ, то они-бъ и его казнили такъ же. Это донесли Ивану Васильевичу. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что онъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ такое неистовство, что изломалъ палку, которую держалъ въ рукахъ, и, обратившись къ небу, призывалъ на нѣмцевъ небесное мщеніе. Если это дѣйствительно дѣлалъ Иванъ Васильевичъ, то, конечно, считалъ нужнымъ показаться 'раздражительнымъ, потому что онъ умѣлъ собою владѣть.

Псковичи должны были участвовать въ этой войнѣ, и доставили съ десяти сохъ по одному конному человѣку на войну. Нѣмцы тайно начали вредить Пскову, и въ 1496 г. какой-то чухна произвелъ пожаръ на Кромѣ у Кутняго костра; пойманный сознался, что его подучили нѣмцы, обѣщавъ за то плату. Его сожгли живого. Псковичи выбра-

лись на войну, какъ кажется, неохотно, потому что когда нѣмцы взяли Иванъ-городъ, то псковичи подвигались только ко Гдову, и воротились назадъ въ добромъ здоровьи, не участвовавши въ битвахъ. На слѣдующій годъ великому князю пришлось посылать снова посольство — поднимать Псковъ.

До 1501 года, однако, торговыя и мирныя сношенія ливонцевъ со Псковомъ не прекращались. Въ этотъ годъ рѣшительную и жестокую вражду открыли нѣмцы. Не объявивъ войны собственно Пскову, нѣмцы арестовали двадцать пять купеческихъ учановъ съ товарами, а съ ними полтораста человѣкъ людей. Послѣ нѣсколькихъ требованій о возвращеніи задержанныхъ, псковичи обратились къ великому князю, и во Псковъ явилось войско подъ начальствомъ князя Василя Васильевича Шуйскаго съ новгородскими помѣщиками, да полкъ тверичей подъ начальствомъ князя Данила Пенки. Псковичи снарядили войско изъ всѣхъ своихъ пригородовъ, которые должны были каждый прислать свою рать во Псковъ. Нѣмцы начали разорять псковскія земли. Псковичамъ было тогда двойное разореніе, потому что и защитники ихъ москвичи также обращались съ ними довольно недружелюбно. Въ августѣ 1501 г. русскіе двинулись въ походъ, съ намѣреніемъ надѣлать разореній въ Нѣмецкой Землѣ; но еще не выступивъ изъ своей, наткнулись на сильное орденское войско подъ начальствомъ самаго мейстера Плеттенберга. Тогда произошла кровавая и печальная для русскихъ битва на рѣкѣ Сирицѣ, 27 августа, въ десяти верстахъ за Изборскомъ. Битву эту открыли псковичи и они же первые побѣждали, когда нѣмцы ударили на нихъ изъ пушекъ и пищалей и убили посадника Ивана Теншина. За ними побѣждали и москвичи, не стерпѣвши нѣмецкаго огнестрѣльнаго оружія. Послѣ этой несчастной битвы, нѣмцы свободно ворвались во Псковскую Землю и опустошили ее. Изборскъ отстоялъ себя отъ

нѣмецкихъ пушекъ. Нѣмцы пошли подѣ Островъ. Псковичи не помогли ему; нѣмцы пробили стѣну и пустили огненные стрѣлы, а псковскіе воеводы издали только смотрѣли. Въ ночь съ 7 на 8 сентября взятъ былъ Островъ и преданъ огню. Люди были отведены въ плѣнъ, другіе преданы огню и мечу; плѣнили домъ святого Николы. Разоривши Островъ, нѣмцы повернули назадъ. Изъ Изборска ударили-было на нихъ въ тылъ и неудачно: нѣмцы разбили изборянъ и взяли въ плѣнъ 130 человекъ. Послѣ этого похода псковичи отправились въ октябрѣ въ Ливонію; на помощь имъ присланы московскія войска подѣ предводительствомъ князя Александра Оболенскаго. Псковичи свирѣпо отмщали за разореніе Острова и его волости. Они опустошили цѣлую Дерптскую Землю, половину рижскаго епископства, округи городовъ: Маріенбурга, Трикаты, Эрмиса, Тарваста, Феллина, Лаиса, Оберпалена, Вирланда и Алентакена и обращались съ женщинами и дѣтьми, какъ не обращаются ни турки, ни какіе нибудь другіе варвары. Такого варварства не слыхано — говоритъ нѣмецкій историкъ ¹⁾. Тогда Ливонія потеряла до 40,000 человекъ. Русскіе совершили этотъ походъ съ чрезвычайною быстротою, прежде чѣмъ рыцари могли собраться. Но не вышелъ изъ Ливоніи назадъ предводитель князь Оболенскій: онъ былъ убитъ въ стычкѣ подѣ городкомъ Гельметомъ, хотя самая эта стычка кончилась въ пользу русскихъ. Нѣмцы были разбиты; москвичи и татары били ихъ какъ 'свиней—шестоперами, говоритъ Псковская лѣтопись ²⁾.

Въ отмщеніе за это разореніе, нѣмцы въ мартѣ 1502 г. вошли снова въ псковскую волость и достигли пригорода Краснаго на рѣкѣ Сини. Окрестности были опустошены, но городъ не подвергся участи Острова. Красногородцы

¹⁾ Hiarn. 190.

²⁾ Псков. Л. I, 275.

въ виду непріятельскаго войска дали обѣтъ, за свое спасеніе, построить церковь св. Пятницы, и св. Пятница спасла городокъ: нѣмцамъ вообразилось, что на горѣ отъ часовни св. Георгія идетъ на нихъ великая сила; и напалъ на нихъ страхъ и трепеть, и всѣ побѣжали. Красногородцы приписывали свое спасеніе заступничеству св. Пятницы и построили церковь во имя ея ¹⁾. Но это нападеніе было только предварительнымъ. Въ томъ же году 2-го сентября самъ мейстеръ съ сильною ратью подошелъ къ Изборску и началъ приступъ. Изборскъ въ другой разъ отстоялъ себя. Нѣмцы, услышавъ, что московскія войска заходятъ имъ въ тылъ, отступили, и послѣ неудачнаго приступа къ Изборску пошли ко Пскову. Они достигли Завеличья ночью 6-го числа. Установивши пушки и направивши ихъ на Псковъ, начали ливонцы усердно палить по городу, направляя выстрѣлы особенно на дѣтинецъ и на св. Троицу. Кромѣ нѣскольکو пострадавъ; но дѣтинецъ и св. Троица остались невредимыми. Псковичи дѣлали на нихъ вылазки на Завеличье, и удачно съ ними бились. Простоявши день, нѣмцы равочли, что трудно брать городъ черезъ рѣку, и пошли къ броду, который находился въ Выбутѣ; но тамъ собрались псковичи, слѣдившіе за путемъ непріятеля. На переправѣ псковичи бились съ нѣмцами, но не могли ихъ удержать; нѣмцы перешли въ бродъ черезъ Великую, и пошли къ Полонищу. Эта часть города была передъ тѣмъ только обведена деревянною стѣною, по приказанію князя Ивана Горбатаго, великокняжескаго намѣстника. За стѣною были еще посадки; псковичи, не успѣвши огородить, сожгли ихъ. Нѣмцы два дня простояли около Полонища, и ничего не сдѣлали. Они отошли. Тогда псковичи, дождавшись московскаго войска, которое шло отъ Изборска подъ начальствомъ князя Данилы Щени и князя Василія

¹⁾ Псков. Л. I. 276.

Васильевича Шуйскаго, погнались за ними. Они догнали ихъ въ Озеровахъ на могильникѣ. Здѣсь 13-го сентября произошла битва, описанная кратко во Псковской лѣтописи, и подробно у нѣмецкихъ историковъ. Псковская лѣтопись называетъ ее не великою. Нѣмцы славились ею, какъ побѣдою. Послѣдніе преувеличивали московско-псковскую силу до 90,000, и говорили, будто москвичи хвалились взять въ плѣнъ все орденское войско и погнать его въ Москву какъ скотъ. Псковская лѣтопись рассказываетъ, что рыцари, ожидая русскихъ, поставили свой копьѣ особо отъ войска, и говорили: если Русь ударить на копьѣ, мы выйдемъ изъ Псковской Земли, а если на насъ, то намъ придется здѣсь положить свои головы. Русскіе бросились не на войска, а на копьѣ, и, прельщаясь добычею, стали грабить; да не подѣлившись, москвичи со псковичами завдорили и стали драться между собою. Мейстеръ воспользовался этимъ, ударилъ на русскихъ, и пробилъ ихъ ряды. Они побѣжали, но потомъ снова сомкнулись, и въ свою очередь ударили на нѣмецкую пѣхоту, и убили до четырехъ сотъ человѣкъ ¹⁾. Но это не обратило сраженія въ пользу русскихъ. Мейстеръ поправился снова, ударилъ на русскихъ и заставилъ отступить. Онъ не преслѣдовалъ

¹⁾ Герберштейнъ, а за нимъ и нѣмецкіе историки (Russow 34. Hiagn. 191) приписываютъ эту потерю измѣнѣ одного изъ рыцарей; это былъ Лука Гаммерштейнъ, побочный сынъ княжескаго брауншвейгскаго дома. Орденскій знаменосецъ Конрадъ Шварцъ, раненный, не могъ держать знамени, и кричалъ, чтобы кто-нибудь изъ храбрыхъ рыцарей, достойныхъ держать это знамя, заступилъ его. Гаммерштейнъ хотѣлъ-было взять знамя. Шварцъ не далъ ему. Въ досадѣ Гаммерштейнъ отрубилъ Шварцу руку; Шварцъ хватилъ знамя въ другую; Гаммерштейнъ отнялъ знамя, и перебѣжалъ къ русскимъ, вѣроятно, страшась наказанія за убійство знаменосца, сдѣланное, можетъ быть, только въ припадѣ оскорбленнаго самолюбія.

ихъ ¹⁾. Лѣтопись Псковская ²⁾ говоритъ, что тогда псковичи не слушали своего князя, потому что не терпѣли его; онъ имъ напоминалъ, чтобы они держались строя, а они прятались въ кустахъ, да бранили его, и придавали ему насмѣшливыя прозвища, называя *опремомъ* и *кормиломъ*. А напрасно, по замѣчанію лѣтописца: еслибъ этотъ князь не догадался построить деревянную стѣну около Полонища и Бродей, то все бы дымомъ пошло до самой старой стѣны. Это была послѣдняя битва вольнаго Пскова съ своими вѣчными врагами. Мейстеръ удалился въ Ливонію, и отправилъ пословъ въ Москву; тамъ заключено было пятидесятилѣтнее перемиріе. Этотъ трактатъ не дошелъ до насъ; а въ немъ было какое-то условіе о платежѣ отъ дерптскаго епископства Пскову: черезъ пятьдесятъ лѣтъ царь Иванъ Грозный понималъ этотъ платежъ данью, и подъ этимъ предлогомъ заварилъ сумятицу, въ которой погибъ Орденъ.

Покончивъ съ независимостью Пскова, Москва приняла на себя какъ-бы долгъ покончить и съ Ливонією. Москва задушила Псковъ — и Москва же отмстила за него тѣмъ, которые нѣкогда хотѣли, да не успѣли его задушить.

¹⁾ Hiarn. 190.

²⁾ Псков. 1. 276.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ИНОРОДЦЫ.

ИНОРОДЦЫ.

Инородцы, входившіе въ предѣлы Новгородской Земли и имѣвшіе съ ними столкновенія, были: Водь, Чудь, Емь, Корела, Заволочьская Чудь, Печора, Югра, Пермь.

Страна на сѣверо-востокъ отъ Новгорода до моря, составляющая нынѣшнюю петербургскую губернію, называвшаяся Водскою Землею, въ послѣдствіи Водскою Пятиною, была издавна населена финскими племенами. Славяне были тамъ только властители и гости. Въ древности обитали здѣсь два родственныя племена—Водь и Ижора. Во времена отдаленныя, которыя совершенно ускользаютъ отъ историческихъ изслѣдованій, Водь была уже подчинена Новгороду. Нѣтъ примѣра, чтобъ она являлась съ элементами особенности или со стремленіями къ независимости; нигдѣ не видно, чтобъ Водь когда-нибудь возставала противъ Новгорода и нуждалась въ укрощеніи, а потому какъ народъ,—она рѣдко упоминается. Еслибъ остатки этого народа не существовали до сихъ поръ, то слова въ лѣтописяхъ—*Водь*, *Вожане*, можно бы принимать не въ смыслѣ народа съ своеобразными этнографическими признаками, а вообще за обитателей страны въ географическомъ значеніи. Подъ 1069 годомъ, по поводу нападенія полоцкаго князя Всеслава, лѣтописецъ говорить, что тогда была великая сѣча (сѣця) Вожанамъ, и

пало ихъ безчисленное множество. Такимъ образомъ видно, что они составляли ополченіе новгородское; но здѣсь можно понимать и жителей Води славянскаго племени, новгородцевъ, поселившихся въ Водской провинціи. Въ 1149 году о Води упоминается по случаю нападенія на нее Еми: тогда новгородцы вмѣстѣ съ Водью воевали противъ Еми и отбивали ее. Подъ 1215 г., по случаю страшнаго голода, терзавшаго Новгородскую страну, лѣтопись говоритъ, что вожане тогда перемерли, а остатокъ ихъ разошелся ¹⁾. Подъ 1240—1241 г. говорится о покореніи нѣмцами Води вмѣстѣ съ Чудью;—эта страна скоро была возвращена, и нѣкоторые вожане за преданность нѣмцамъ были повѣшены. Вожане нѣсколько разъ являются въ новгородскомъ ополченіи на службѣ Великому Новгороду вмѣстѣ съ другими подвластными инородцами, напр. въ 1270 году, противъ князя Ярослава въ походѣ до Голина, въ 1319 г. на защитѣ Новгородской Земли противъ тверскаго князя ²⁾. Въ 1348 г. они подверглись ратному нашествію шведовъ ³⁾.

Ижоряне, жившіе на берегахъ Невы, также какъ и Водь, постоянно были въ зависимости отъ Новгорода и составляли ополченіе новгородскихъ силъ. Такъ въ 1241 году, вмѣстѣ съ Корелою, они помогали Александру отвоевать Водскую Землю отъ нѣмцевъ. Въ 1270 году, вмѣстѣ съ вожанами и жителями другихъ новгородскихъ волостей, они были въ походѣ противъ князя Ярослава. Въ 1292 г. они отбивали нападенія шведовъ. Въ 1316 г. они воевали въ новгородскомъ ополченіи противъ Михаила. Въ 1348 году на этотъ народъ напалъ Магнусъ, король шведскій, и началъ его насильно крестить въ католиче-

¹⁾ Новг. I. 33.

²⁾ Новг. I. 41.

³⁾ Новг. IV. 58.

скую вѣру ¹⁾, но пораженіе, понесенное шведскими войсками, освободило ижорянъ отъ этого насилія. Какъ Водь, Ижора всегда оставалась въ повиновеніи у Новгорода и не было случая, чтобъ нужно было укрощать этотъ народъ оружіемъ. Водь и Ижора, древніе обитатели страны, хотя были народы финскаго племени, но различныхъ вѣтвей. Ижора принадлежала къ корельской вѣтви, Водь же составляла особую вѣтвь. До сихъ поръ удерживаютъ свое имя слабые остатки ижорскаго народа; остатокъ Водди существуетъ въ нарвскомъ уѣздѣ и почти угасаетъ. Слово Водь или Вотъ, по толкованію знатоковъ финскихъ народностей, есть финское: Ватъя-Лайсетъ и происходитъ отъ слова Ваддя—по фински Водая, что значитъ болотистая земля. Какъ Водь, такъ и Ижора приняли православное вѣроисповѣданіе, но христіанство распространялось между ними медленно: новгородцы мало заботились объ этомъ; и потому-то даже въ XVI вѣкѣ жители Водской Земли, по имени христіане, совершали языческіе обычаи предковъ. Кромѣ этихъ двухъ племенъ, населившихъ сѣверо-западную часть Новгородской Земли, вѣроятно еще во время независимости Новгорода были здѣсь и другія двѣ финскія народности, существующія въ наше время въ петербургской губерніи—Савакотъ и Ауралайсетъ.

Емь—племя нынѣшней южной Финляндіи, въ древнѣйшія времена находилась съ Новгородомъ въ столкновеніяхъ и отчасти была подчинена ему: краткость и неясность извѣстій не допускаютъ придти къ какому-нибудь положительному взгляду. Первое извѣстіе объ отношеніяхъ Новгорода къ Еми встрѣчается въ 1040 г., когда князь Владимиръ, сынъ Ярослава кіевского, ходилъ съ новгородцами на Емь, но въ какую сторону былъ направленъ этотъ походъ—неизвѣстно; равнымъ образомъ неизвѣст-

¹⁾ Новг. I. 84.

но, было ли это первое покушеніе подчинить Емь платежу дани, или же то было укрощеніе непокорныхъ, и Емь уже прежде была подвластна Новгороду. До 1123 года нѣтъ болѣе извѣстій о Еми; въ этотъ годъ,—по сказанію лѣтописи,—князь Всеволодъ ходилъ съ новгородцами на Емь и побѣдилъ ее, но тогда новгородцы терпѣли большія лишенія, перенесли голодъ: хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что его покупали по ногатѣ. Въ 1142 году уже не новгородцы совершали походъ на Емь, но Емь напала на Новгородскую Землю — въ окрестностяхъ Ладоги; ладожане побѣдили ее, убивъ до 400 человекъ въ сраженіи. Это нападеніе Еми состояло въ связи съ шведскимъ, потому что въ то же время шведскій князь съ епископомъ приходилъ на Новгородскую Землю въ шестидесяти судахъ, называемыхъ шнеками; съ этихъ поръ столкновенія съ Емью повели къ враждѣ новгородцевъ съ шведами. Причиною было то, что новгородцы подчинили себѣ южную Финляндію и собирали тамъ дань, но потомъ вступили въ Финляндію шведы, начали крестить Емь въ католическую вѣру и вслѣдъ за тѣмъ хотѣли подчинить этотъ народъ своей власти. Такимъ образомъ шведы и новгородцы встрѣтились на одномъ пути и должны были стать соперниками. Объ этомъ нѣтъ прямыхъ указаній въ русскихъ лѣтописяхъ, но есть краткія и темныя въ шведскихъ ¹⁾. Но изъ самыхъ отрывочныхъ лѣтописныхъ

¹⁾ Въ Хроникѣ, изданной Неттельбладтомъ въ его „Шведской Библиотека“ 1728 г., стр. 97. Въ рифмованной Хроникѣ Мессенія, изд. 1774 г. въ Або. Въ шведской рифмованной Хроникѣ, на которую ссылается Скаринъ въ своемъ сочиненіи: *Da Sancto Henrico finno gum Apostolo*. Изъ этихъ хроникъ видно, что шведы отняли южную Финляндію у новгородцевъ. Ученый Лербергъ находитъ, что съ половины XII вѣка шведы вступили въ южную Финляндію съ крестовною цѣлью и цѣлое столѣтіе край находился въ обоюдной зависимости отъ новгородцевъ и шведовъ разомъ. Это было тѣмъ возмож-

русскихъ сказаній можно видѣть, что ожесточенная вражда Новгородѣ со шведами возникла именно за владѣніе этимъ народомъ. Видно, что Емь не принимала новгородскую власть такъ мирно и безмолвно, какъ другіе народы финскаго происхожденія; охотнѣе она склонялась къ шведамъ, и, сопротивляясь покушеніямъ новгородцевъ, нападала иногда со шведами, иногда сама по себѣ на новгородскіе предѣлы. Напротивъ, одноплеменная ей Корела, вмѣстѣ съ другими финскими инородцами, подвластными Новгороду, боролись съ Емью за Новгородъ. Такъ послѣ нападенія Еми на Ладогу, на другой годъ 1143, Корела, въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, ходила на Емь. Въ 1149 г. Емь напала на Водь, но новгородцы вмѣстѣ съ вождями отбили ихъ. Въ 1164 г. Емь, вмѣстѣ со шведами, нападала на Ладогу. Въ 1186 и 1191 годахъ новгородцы сдѣлали два похода на Емь въ страну этого народа. Въ первый изъ этихъ годовъ новгородскіе удалцы, подъ предводительствомъ какого-то Вышаты Васильевича, ходили на Емь и воротились здоровы ¹⁾. Второй походъ предпринять былъ новгородцами вмѣстѣ съ Корелою: вошли въ Емьскую Землю, изсѣкли скоть, сожгли хлѣбъ и воротились здоровы ²⁾. Въ 1227 г. князь Ярославъ съ новгородцами нападалъ на Емь, повоёвалъ всю землю и привелъ плѣнниковъ безъ числа ³⁾. Приводъ плѣнниковъ, поселенныхъ

нѣе, что въ тѣ времена власть надъ такими полудикими народами ограничивалась собраніемъ дани посредствомъ внезапныхъ набѣговъ, безъ правильного разложенія дани на дворы или земли. Что русскіе собирали тамъ издавна дань и вообще простирали свою силу и власть на этотъ край, видно изъ того, что до сихъ поръ въ южной Финляндіи дань называется русскимъ испорченнымъ словомъ апракка, т.-е. оброкъ, и сверхъ того въ языкъ вошло много русскихъ словъ.

¹⁾ Новг. I. 19.

²⁾ Новг. I. 20.

³⁾ Новг. I. 42.

въ Новгородской Землѣ и безъ сомнѣнія оставившихъ по себѣ потомство, вносилъ эту новую народную стихію въ пестрое народонаселеніе Новгородской Земли; но въ слѣдующій годъ, въ отищеніе за этотъ походъ, Емь въ августѣ явилась подъ Ладогой. Изъ Ладоги дали тотчасъ знать въ Новгородъ, но прежде чѣмъ новгородцы поспѣли въ Ладогу съ своимъ княземъ Ярославомъ, посадникъ ладожскій, узнавши, что Емь разоряетъ поселенія около Озера (на Исадѣхъ и Олонѣхъ), бросился на нее и напалъ ночью. Емь стала просить мира; посадникъ Володиславъ не давалъ ей мира; тогда они умертвили плѣнниковъ, которыхъ успѣли наловить, конечно, изъ корелъ, и убѣжали въ лѣсъ. Ижоряне и Корела преслѣдовали ихъ и всѣхъ перебили; а было ихъ тогда до двухъ тысячъ. Это было послѣднее дѣло собственно съ Емью. Отсюда начинается за Емь борьба со шведами.

Какъ покушенія новгородцевъ на власть надъ Емью привели ихъ къ борьбѣ со шведами, такъ съ другой стороны покушенія владѣть Чудью (Ливонією) привели ихъ къ борьбѣ съ нѣмцами.

Подъ Чудью въ лѣтописяхъ вездѣ слѣдуетъ разумѣть ливовъ и эстовъ, жителей нынѣшней Лифляндіи и Эстляндіи. Связь этой страны съ новгородскими славянами теряется въ доисторическихъ временахъ. Прізваніе варяжскихъ князей представляется дѣломъ Чуди, какъ и славянъ. Мы выше уже объяснили, что по нашему мнѣнію здѣсь слѣдуетъ разумѣть не собственно самостоятельную Чудь но Чудскую страну, уже управляемую славянами. Размѣщеніе призванныхъ князей и мужей (вѣроятно принадлежавшихъ къ ихъ роду, съ которымъ они были призваны) указываетъ отчасти, гдѣ надобно искать этой Чуди. Это собственно страна Изборская на западъ отъ Пскова, принадлежавшая впослѣдствіи всегда къ Псковской Землѣ и населенная Чудью, которой остатки, исповѣдующіе пра-

вославіе, существуютъ до сихъ поръ подѣ именемъ полу-вѣрцевъ. Дальнѣйшее на западъ пространство еще не подлегало русскому міру. Не прежде какъ въ 1029 г. Ярославъ шагнулъ далѣе. Онъ покорилъ землю, называемую Уггеноисъ и построилъ на рѣкѣ Эммайокки — названной впоследствии Эмбахомъ, — городъ Юрьевъ въ свое крестное имя. Съ тѣхъ поръ началъ входить туда славянской элементъ, потому что въ городѣ должна была жить дружина, собиравшая съ туземцевъ дань и державшая въ повиновеніи окрестный край. Ярославъ не сдѣлалъ тамъ особаго удѣла, потому-что земли, гдѣ славянское населеніе было малочисленно, не организовались особыми удѣлами: онъ присоединилъ новопокоренную страну къ Новгородской Землѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ безсознательно завѣщалъ Новгороду въ будущемъ выносить на своихъ плечахъ тяжелую и бесполезную борьбу за это приобрѣтеніе.

Въ теченіи XI вѣка, по краткости лѣтописныхъ извѣстій, мы ничего не знаемъ болѣе о Чуди, — не упоминается о ней, кромѣ разсказа о кудесникѣ, котораго видѣлъ новгородецъ, пришедшій въ Чудскую Землю ¹⁾.

¹⁾ Видно, что страна эта и народность финская и въ то время уже славились волшебниками, какъ впоследствии. Новгородецъ пришелъ къ кудеснику для гаданія (волхвованія); кудесникъ сталъ призывать бѣсовъ и вдругъ упалъ безъ чувствъ. „Боги не смѣютъ придти, — сказалъ онъ, — на тебѣ есть что-то такое, чего они боятся“. Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ надѣтъ крестъ, снялъ его и вынесъ изъ избы. Тогда кудесникъ свободно сталъ призывать духовъ. Бѣсы начали метать кудесникомъ, а потомъ дали отвѣтъ, котораго хотѣлъ новгородецъ. „Боги наши боятся знамени небеснаго Бога,“ — сказалъ послѣ того кудесникъ. — „А каковы ваши боги и гдѣ живутъ?“ — „Боги наши въ безднѣ живутъ — черные, крылатые, съ хвостами и подѣ небо всходятъ, повинуются вашимъ богамъ; потому что ваши боги на небесахъ, и если кто изъ вашихъ людей умретъ, того несутъ на небо, а когда кто изъ нашихъ умираетъ, того несутъ въ бездну“ (Соф. Врем. I. 145).

Достаточно уже изъ этого, что связь съ Чудью не прерывалась. Въ началѣ XII вѣка Чудь является въ неприязни къ Новгороду,—отказывается платить дань, и князь Мстиславъ, сынъ Мономаха, нѣсколько разъ принужденъ былъ ходить на нее съ войскомъ и усмирять. Первый походъ былъ въ 1111 г. на Очелу: какъ видно онъ не подчинилъ тогда Чуди, потому что въ 1113 г. отправился съ войскомъ снова и побѣдилъ ее на Бору, а въ 1116 году снова ходилъ на Чудь и взялъ городъ Медвѣжью-Голову (Оденпе). Этотъ городъ находится въ землѣ Уггеноисъ, слѣдовательно здѣсь рѣчь идетъ о той же Чуди, которую подчинилъ Новгороду еще Ярославъ. Въ 1130 и 1131 годахъ опять пришлось новгородцамъ воевать съ Чудью: князь Всеволодъ Мстиславичъ сожигалъ жилища непокорнаго народа и приводилъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Но эти походы не укротили покоренныхъ, а еще болѣе ихъ ожесточили. Юрьевъ, властвовавшій надъ покоренною страною, не устоялъ и попалъ въ ихъ руки; въ 1133 г. новгородцы, подъ предводительствомъ того же князя, возвратили его Новгороду. Съ тѣхъ поръ лѣтъ до сорока Чудь принадлежала Новгороду невозбранно, и служила иногда мѣстомъ ссылки: такъ въ 1141 г. посадникъ Якунъ былъ сосланъ въ Чудь. Въ 1176 году вспыхнуло возстаніе. Уже не новгородцы ходили удерживать Чудь въ повиновеніи, а сама Чудь сдѣлала нападеніе на Псковъ, еще не вышедшій вполнѣ изъ значенія новгородскаго пригорода. Лѣтопись выражается, что тогда напала на Псковъ вся Чудь; это значило,—какъ объясняютъ послѣдующія событія, — что возстанія въ Уггеноисъ вызвали на борьбу съ русскими другихъ чудскихъ единоземцевъ, подалѣе на сѣверо-западъ и западъ. Нападеніе было отбито. Черезъ два года князь Мстиславъ Ростиславичъ пожегъ Чудскую Землю и погналъ Чудь къ морю. Племенное родство съ обитателями Уггеноиса привело жителей Приморской Гар-

ринъ къ враждѣ съ русскими. Въ 1190 году Поморская Чудь опять явилась къ Пскову по озеру на своихъ лодкахъ, которыми лѣтописи даютъ названіе шнекъ. Они были отбиты ¹⁾—ни одинъ живой не ушелъ. Но это нашествіе было предпринято вслѣдствіе успѣха возстанія въ самой Чудской Землѣ. Чудь снова захватила русскіе города, выстроенные въ ихъ землѣ: Юрьевъ и Оденпе. Въ 1192 году новгородцы со псковичами завоевали ихъ обратно.

Начало XIII вѣка было роковою эпохою прибытія крестоносцевъ. Они пришли въ то время, когда туземцы съ возрастающею энергіею отстаивали свою независимость отъ Великаго Новгорода. Новые завоеватели стали отнимать ихъ у старыхъ,—и наступательная борьба русскихъ съ туземцами Ливоніи перешла, въ свою очередь, въ оборонительную противъ пришлаго могучаго врага.

Въ иныхъ отношеніяхъ къ Великому Новгороду были корелы, многочисленное финское племя, жившее вокругъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ. Когда Чудь и Емь оказывали сопротивленіе новгородской власти, корелы были дѣятельными союзниками Новгорода, и отбивали нападеніе шведовъ. Первый разъ упоминается о Корелѣ въ половинѣ XII вѣка по случаю ополченія за Ізяслава Мстиславича. Нельзя изъ этого выводить,—какъ дѣлаетъ ученый Шегренъ,—что новгородцы до того времени не имѣли съ Корелой сношеній. Скудость нашихъ лѣтописныхъ извѣстій не даетъ повода дѣлать заключеній о томъ, что не было на самомъ дѣлѣ того, о чемъ онѣ умалчиваютъ. Изъ этихъ извѣстій видно, что тогда уже Корела входила въ составъ новгородской волости. Новгородцы очень часто воевали Емь вмѣстѣ съ Корелою. Кажется, между этими двумя вѣтвями сѣверо-финскаго племени господствовала давняя непріязнь и вражда и этимъ-то воспользовались

¹⁾ Новг. Л. I, 20.

новгородцы; корелы, ради взаимныхъ враговъ, пристали къ Новгороду. Въ 1228 году, также по случаю нашествія Еми, корелы содѣйствовали истребленію нападавшихъ на новгородскіе предѣлы. Въ 1241 году корелы вмѣстѣ съ ижорянами въ новгородскомъ ополченіи воевали противъ нѣмцевъ. Въ 1253 году, по поводу войны съ нѣмцами, Корела творила зло нѣмецкимъ волостямъ. Въ 1268 году князь Ярославъ хотѣлъ было идти съ оружіемъ на Корелу неизвѣстно по какой причинѣ, но новгородцы не допустили его. Въ 1270 году Корела вмѣстѣ съ Ижорою и вожаками участвовала во всеобщемъ ополченіи новгородской волости противъ князя Ярослава. Въ 1292 году Корела вмѣстѣ съ Ижорою отбила шведскій отрядъ. Въ 1314 году шведы, противъ которыхъ до тѣхъ поръ держались корелы, успѣли составить въ этомъ народѣ для себя партію. Нѣсколько предателей перебили русскихъ, находившихся въ корельскомъ городѣ (нынѣшній Кексгольмъ), обладавшемъ Корельскою страной и сдали городъ шведамъ. Но партія, противная Новгороду, была не велика; какъ только новгородцы подошли къ Корельску — всѣ корелы покорились имъ; измѣнники не успѣли убѣжать: корелы выдали новгородцамъ и шведовъ, которые засѣли въ ихъ городѣ въ качествѣ правителей. Въ первой половинѣ XIV вѣка часть Корелы покорена была шведами и, въ отличіе отъ оставшейся подъ владѣніемъ новгородскимъ, называлась Корелой Нѣмецкой. Это раздвоеніе зависимости было пагубно для народа, потому что новгородцы смотрѣли на Корелу подчиненную шведамъ, какъ на своихъ враговъ; точно также относились шведы къ той Корелѣ, которая осталась за Новгородомъ. Орудіемъ же взаимной вражды была, и съ той и съ другой стороны, сама Корела. Такъ въ 1338 г. корелы, по наущенію шведовъ, побили русскихъ, жившихъ въ Корелѣ и убѣжали къ шведамъ въ шведскій корельскій городъ; потомъ шведы съ своею Корелою воевали

Корелу Обонежскую, находившуюся подъ властію Новгорода; а новгородцы съ своею Корелою воевали Корелу Городецкую, принадлежавшую шведамъ и жившую около Выборга. И такъ народъ корельскій, разъединенный между шведами и новгородцами, подавалъ поводъ ко враждѣ тѣхъ и другихъ между собою, и самъ не зналъ, куда ему пристать,—велъ междоусобную войну въ угодность сильнымъ чужеземцамъ, которые разорвали его и спорили за него, какъ за добычу. Въ 1339 году, новгородцы помирились съ шведами, и новгородскіе послы докончили миръ по старымъ грамотамъ и положили, чтобъ шведы рубили и вѣшали у себя Корелу, перебѣгавшую къ нимъ изъ новгородскихъ предѣловъ, а новгородцы то же будутъ дѣлать съ бѣглецами изъ Шведской Корелы, не исключая тѣхъ, которые крещены въ русскую вѣру ¹⁾. По мѣрѣ того, какъ угасала между Новгородомъ и Швеціей вражда, возбужденная вопросомъ о владѣніи сѣверными финскими народами, извѣстія о Корелѣ дѣлаются рѣже и рѣже. Мало-по-малу край, называемый Обонежье, сталъ заселяться русскимъ элементомъ, но онъ долго былъ незначителенъ: масса народа всего Обонежья была корельская.

Заволочьемъ называлась сѣверная страна, прилегавшая къ морю, по рѣкѣ Двинѣ и ея притокамъ. Шегренъ толковалъ, что это слово надобно принимать не въ значеніи пространства между двумя водяными путями, а въ значеніи пустого пространства земли вообще, то же что наволокъ. Но кажется, что слово «заволочье» естественно образовалось въ смыслѣ страны не за однимъ волокомъ, а за нѣсколькими волоками разомъ, напр., между Онѣгою и Бѣлымъ озеромъ и Вожемъ озеромъ, между Бѣлымъ Озеромъ и Кубенскимъ, между Сизмою, впадаю-

¹⁾ Новг. I. 79.

щею въ Шексну, и Вологдою. Первоначально Заволочье имѣло неопредѣленное значеніе края, простирающагося на сѣверо-востокъ. Впослѣдствіи названіе это получило болѣе точности, такъ что отъ Заволочья стали отличать дальнія земли: Печору, Терскій берегъ, Пермь и Югру, а Заволочьемъ называли собственно берега Онѣги и Двины. Край этотъ, богатый пушными звѣрями, былъ населенъ финскимъ племенемъ, носившимъ у новгородцевъ названіе Заволочьская Чудь, и мало-по-малу былъ заселенъ новгородскими выходцами, устроившими на берегахъ рѣкъ, служившихъ путями сообщенія, свои колоніи. Къ сожалѣнію, недостаточность извѣстій не даетъ намъ возможности знать, какъ совершалось это заселеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненія между туземцами, которые отчасти переродились въ русскіхъ, отчасти были истреблены или вытѣснены. Уже при Ярославѣ новгородцы проникли въ эти страны, какъ показываетъ извѣстіе о походѣ Глѣба къ Желѣзнымъ Вратамъ въ 1032 году. По изысканіямъ ученаго финнолога Шегрена, Желѣзные-Врата находились въ 80-ти верстахъ отъ Устьсысольска, въ селеніи Водса, гдѣ можно видѣть большой холмъ, называемый по-зырянски Кариль (т. е. Холмъ города). Преданіе придаетъ этой мѣстности названіе Желѣзныхъ-Вратъ, такъ что, по этимъ соображеніямъ, выходитъ, что подъ именемъ Желѣзныхъ-Вратъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, слѣдуетъ разумѣть главный городъ этой земли. Народъ, населявшій Заволочьскій край, сопротивлялся покушеніямъ новгородцевъ утвердить свою власть въ ихъ землѣ. Сперва власть эта ограничивалась только случайными сборами даней съ туземцевъ. Подобные сборы были не безопасны, — какъ это показываетъ трагическая судьба князя Глѣба, который въ 1079 году, отправившись въ Заволочье съ новгородцами, былъ убитъ Заволочьской Чудью. Въ половинѣ XII вѣка власть новгородская въ этой землѣ со-

стояла все еще только въ сборѣ даней; но уже богатства, получаемыя тамъ новгородцами, возбуждали у ихъ сосѣдей покушенія проникнуть туда же, въ ущербъ новгородцамъ. Такъ въ 1169 году на посланную для собиранія въ Заволочьѣ дани новгородскую дружину напали суздальцы, но были разбиты ¹⁾. Въ XIV-мъ вѣкѣ уже существовали на Двинѣ новгородскія колоніи и край былъ раздѣленъ на погосты. Подъ 1342 годомъ ²⁾ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Лука Вареломеевъ, собравши холоповъ-сбоевъ, поставилъ на Двинѣ городокъ Орлець, собралъ емчанъ, жителей уже прежде существовавшаго на Двинѣ новгородскаго городка Емца и началъ брать на щить погосты въ Заволочьской Землѣ. Заволочане убили его. По всѣмъ вѣроятіямъ, погосты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были населены туземцами, а не славянскими колонистами. Хотя походъ Луки былъ предпринятъ безъ благословенія владыки и безъ воли новгородскаго вѣча, но чернь въ Новгородѣ сочувствовала ему. Едва-ли можно допустить, чтобъ Лука нашелъ себѣ сочувствіе въ новгородцахъ, еслибъ онъ началъ разорять новгородскіе погосты; напротивъ, очень естественно, что толпа черни почла позволительнымъ ограбить и разорить чужеродцевъ, особенно нехристей; а съ другой стороны, люди, болѣе знакомые съ государственными понятіями, считали этотъ поступокъ такимъ же преступленіемъ, какъ еслибъ разореніе постигло и православныхъ русскихъ. Въ концѣ XIV вѣка Заволочье было уже значительно заселено новгородцами и имѣло своихъ бояръ, которые, бывъ удалены отъ новгорода, до того усвоили своеобытные независимые интересы мѣстности, что пытались отложиться отъ метрополіи. Остается совершенно темнымъ вопросъ: участвовали ли

¹⁾ Новг. Л. I, 14.

²⁾ Новг. Л. I, 82.

и какъ участвовалъ туземный народъ—Заволочьская Чудь—въ этой попыткѣ къ отложенію, возбужденной продѣлками московской политики. Но этотъ народъ сопротивлялся вѣдренію русскаго элемента и погибъ, вѣроятно, отъ борьбы съ нимъ. До сихъ поръ въ мѣстныхъ преданіяхъ сѣвернаго края сохранились темныя воспоминанія о томъ, что жилъ какой-то народъ Чудь, воевалъ съ русскими и былъ истребленъ. Въ разныхъ мѣстахъ показываютъ высокія могилы, гдѣ лежатъ грудami тѣла павшихъ въ этой борьбѣ. Въ настоящее время, по свидѣтельству финнологовъ, остатки этого многочисленнаго племени уцѣлѣли въ небольшомъ количествѣ, отрывками, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и въ пограничѣ Лодейнопольскаго, въ Тихвинскомъ на берегу р. Ойяи, въ Петрозаводскомъ вдоль западнаго берега Онежскаго озера и по рѣкѣ Квинѣ, встрѣчаются они при переходѣ въ Олонецкую Корелію, а въ Олонцкомъ уѣздѣ въ волости Лоянской. Количество ихъ такъ не велико, что обоего пола можно насчитать съ небольшимъ двѣ тысячи. Они называются Людинъ-Кели (т.-е. Языкъ-Людей). Языкъ ихъ, — по изслѣдованію Шегрена, — есть переходъ отъ кожно-финляндскаго или Ямалайсетъ къ корельскому; это народъ однородный съ Емью; изъ этого однородства выходитъ, что Емь, прежде чѣмъ пришла въ южную Финляндію, обитала нѣкогда на сѣверо-востокѣ. Заволочьская Чудь есть древній остатокъ того же народа, не перешедшій въ Финляндію и оставшійся на прежнемъ жительство. Языкъ теперешнихъ потомковъ Заволочьской Чуди представляетъ близкое сходство съ Емью, но удерживаетъ первородные старѣйшіе признаки.

За Вѣлымъ моремъ принадлежалъ Новгороду Терскій берегъ, называемый въ договорныхъ грамотахъ, гдѣ перечисляются новгородскія волости: Тре или Теръ — иногда Тиръ — иногда Тигръ. Онъ былъ населенъ лопарями, на-

зывается тогда Лопь. Новгородцы брали тамъ дани уже въ началѣ XIII вѣка, — какъ показываетъ названіе терскаго данника, встрѣчаемое подь 1216 г. ¹⁾.

Дальнѣйшій сѣверо-востокъ былъ населенъ разными племенами финскими, у новгородцевъ подь названіями Печоры, Перми и Югры. Главныя обитатели нынѣшней вологодской и пермской губерній были пермяки и зыряне, принадлежащіе къ одной фамилии. По изслѣдованіямъ финнологовъ, эти два народа первоначально жили по Камѣ, что доказывается ихъ туземнымъ названіемъ Кама-Мортъ или Кама-Ясь, — такъ называютъ себя равно и пермяки, и зыряне. Въ глубокой древности они подвинулись на сѣверъ, вѣроятно вслѣдствіе какихъ нибудь переворотовъ, и расселились по рѣкамъ Вычегдѣ, Сысолѣ, Вошкѣ, Ишмѣ, Пишмѣ, Зильмѣ, Печорѣ. Въ глубокой древности Пермскій край былъ извѣстенъ скандинавамъ и въ путешествіи Оге-ра называется Біармось — испорченное названіе Пермь, Перемь. Въ нашей Лѣтописи, въ перечисленіи народовъ, обитавшихъ на русскомъ материкѣ, онъ названъ Пермь. Шегренъ думаетъ, что подь этимъ названіемъ разумѣлись собственно пермяки, а другая сѣверная вѣтвь ихъ, зыряне, означены въ лѣтописи названіемъ Печора. Первоначальная лѣтопись, перечисляя народы, помѣщаетъ Пермь и Печору въ числѣ народовъ, платившихъ дань русскимъ. Подь 1092 годомъ Печора явно указывается народомъ, дающимъ Новгороду дань. Въ XIII вѣкѣ, именно въ 1269 году, изъ новгородскихъ договоровъ несомнѣнно видно, что Пермь считалась въ числѣ новгородскихъ волостей; но какъ далеко простиралось новгородское владѣніе Пермью на югъ — неизвѣстно. Вѣрно, однако, что въ XIV вѣкѣ было у новгородцевъ плаваніе по Камѣ, потому что князь Юрій, идучи изъ Заволочья въ Орду, спустился внизъ по

¹⁾ Нозг. Л. VI, 24.

Камѣ ¹⁾). Извѣстія о способѣ владѣнія Новгорода этою отдаленною землею до того скудны, что нѣтъ возможности вывести что нибудь точное. Кажется, что оно ограничивалось собраніемъ дани посредствомъ данщиковъ, которые посылались Новгородѣмъ. Они ходили по странѣ вооруженными отрядами и брали у туземцевъ что могли взять, соображаясь съ тѣмъ, что предположено въ Новгородѣ. Своеобытность Перми не нарушалась новгородцами: Пермь управлялась своими князьями до послѣднихъ временъ; именно въ 1463 году говорится о епископѣ Іонѣ, крестившемъ одного изъ пермскихъ князей. При самомъ паденіи Новгорода, Пермь управлялась туземнымъ княземъ. Новгородскихъ поселеній, сколько извѣстно, тамъ не было. Въ продолженіи вѣковъ, ограничиваясь сборомъ дани съ Перми, новгородцы не заботились о распространеніи тамъ христіанской вѣры. Пермяки спокойно поклонялись идолу—Золотой Бабѣ, солнцу, водѣ, камнямъ, деревьямъ, быкамъ, козламъ и вѣрили своимъ колдунамъ (шаманамъ), которые отгадывали будущее, подавали совѣты при начинаніи дѣла и умилостивляли боговъ въ несчастіи. Только въ концѣ XIV вѣка св. Стефанъ проповѣдалъ христіанство между пермяками, изобрѣлъ для пермскаго языка азбуку и перевелъ на него евангеліе.

Самый крайній предѣлъ новгородскихъ владѣній, переходящій уже границы Европы, была Югра. Положеніе этого полуночнаго края, не ясно указываемаго въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, было предметомъ споровъ между учеными. Георги полагалъ, что подъ этимъ именемъ надобно разумѣть страну отъ Бѣлаго моря до Урала; Шлецеръ — на Вычегдѣ; Миллеръ и Фишеръ—на Печорѣ. Лербергъ объяснилъ ея положеніе, сопоставивъ лѣтописное извѣстіе съ описаніемъ похода отправленнаго для покоренія страны рус-

¹⁾ Новг. Л. I, 73.

скаго войска въ XV вѣкѣ. Согласно этому объясненію, принятому между прочимъ Кастреномъ и Клапротомъ, Югра была земля за предѣлами Уральскаго хребта въ приблизительно указываемыхъ границахъ по обѣимъ сторонамъ Оби и Нижняго-Иртыша,—къ сѣверу до самоѣдскихъ границъ, — къ востоку до рѣкъ Надима, Гана и Ваха. Впрочемъ, быть можетъ не всегда подъ именемъ Югры слѣдуетъ понимать этотъ отдаленный уголь; при той неопредѣленности, какая господствовала въ древности въ географическихъ понятіяхъ, возможно, если бы подъ Югрою разумѣли и ближайшія земли. Въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, новгородцы проникли въ Заволочье и, подвигаясь все далѣе на востокъ, собирали уже дань съ Печоры и достигали Югры. Въ 1092 г. лѣтописцу рассказывалъ новгородецъ Гюрата Роговичъ диковинки про Югру. Отроки Роговича изъ Печоры, которая уже платила Новгороду дань, ходили въ Югру. «Югра языкъ нѣмъ и сидитъ съ Самоѣдью въ полуночныхъ странахъ. Зайдя луку моря, рассказывали Югры русскимъ, есть горы подъ небеса выотою, и въ этихъ горахъ слышанъ шумъ и крикъ: люди живутъ въ срединѣ горы, селятся освободиться, просѣкли изъ горы маленькое оконце и выглядываютъ оттуда, и кричатъ; но разобратъ ихъ языка нельзя: они только знаками указываютъ на желѣзо, и просятъ его, и сами даютъ за ножи и топоры звѣриныя шкуры». Этотъ мифъ указываетъ, что въ этихъ отдаленныхъ странахъ полуночи производилась мѣновая торговля съ остяками и вогуличами: новгородцы получали отъ нихъ мѣха, а имъ давали оружіе. Подъ 1114 г. лѣтописецъ рассказываетъ, что ему говорили въ Ладогѣ, будто въ Югрѣ съ неба изъ тучи выпадаютъ бѣлки и олени, и расходятся по Землѣ. Здѣсь также мифическое изображеніе богатства звѣринаго края. Такой сказочный образъ выраженія о Югрѣ возникъ оттого, что страна была мало извѣстна, и путь къ ней былъ далекъ и опа-

сень. Для собранія дани, новгородцы посылали въ свои дальнія волости ватаги даньщиковъ. Нѣсколько такихъ ватагъ, подъ начальствомъ своихъ ватамановъ, ходили по странѣ и собирали съ жителей звѣриныя шкуры и дорогіе металлы. Странствовать было небезопасно; и дѣйствительно, упоминаются въ лѣтописяхъ случаи, когда новгородскіе даньщики погибали отъ туземныхъ народовъ. Такъ въ 1184 г. были избиты заволочьскіе, печорскіе и югорскіе даньщики: югорскіе не дошли до Югры и положили головы въ Печорѣ. Погибшихъ насчитано до ста. Въ 1193 г. новгородцы послали въ Югру отрядъ съ воеводою Ядремъ. Югорцы противились, и когда новгородцы взяли у нихъ городъ и приступили къ другому, то югорцы прислали сказать такъ: «мы копимъ серебро и соболей и узорочья; не губите своихъ смердовъ и своей дани!» Новгородцы повѣрили; воевода съ двѣнадцатю человекъ лучшихъ людей вошелъ въ городъ; всѣхъ ихъ тамъ перебили. Оставшіеся за городомъ въ полѣ, не дождавшись возвращенія своихъ изъ города, послали туда тридцать человекъ освѣдниться. И тѣхъ побили. Послали за тѣмъ еще 50 человекъ. Одинъ изъ послѣднихъ, по имени Савка, желая спасти себѣ жизнь, совѣтовалъ югорскому князю убить Якова Прокшинича, который вѣрно былъ главнымъ изъ посланныхъ пятидесяти. Югорскій князь послушалъ совѣта Савки: убилъ Якова Прокшинича, а потомъ убилъ и самого Савку. Новгородцы уже шесть недѣль стояли подъ городомъ, но потомъ югорцы сдѣлали вылазку и перебили новгородцевъ. Ускользнуло только восемьдесятъ человекъ, но и о тѣхъ не было ни слуха, ни вѣсти цѣлую зиму.

Извѣстіе о томъ, что югорцы давали новгородцамъ дань серебромъ, золотомъ и узорочьями, помѣщенное въ лѣтописи, подтверждаетъ предположеніе, что въ Сибири, на берегахъ Енисея и далѣе, въ древности производились

горные промыслы, и тамошніе жители отправляли серебро и золото на промѣнъ Перми и Югрѣ, а отъ послѣднихъ получали эти предметы новгородцы. По изслѣдованіямъ финнологовъ, сѣверо-восточные финскіе народы: Пермь, Печора (зыряне) и Югра съ древнѣйшихъ временъ вели значительную торговлю, и это-то привлекало къ нимъ, черезъ Сѣверное море, скандинавскихъ богатырей, которые ѣздили туда то для торговли, то для разбоя. Изъ міеологическихъ описаній югорскихъ горъ въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 1096 годомъ, Кастренъ хочетъ видѣть символическое изображеніе торговаго пути, по которому пермяки и зыряне производили торговлю съ Югрою по рѣкамъ Сысвѣ и Вогулкѣ. Путь этотъ шелъ черезъ Уральскій хребетъ. Кромѣ его, былъ еще другой путь, проложенный пермяками и зырянами и называемый у остяковъ — зырянскимъ путемъ. Это были два «югорскіе» пути, то есть пути въ Сибирь; кромѣ ихъ черезъ Пермь лежалъ путь восточный, отъ Каспійскаго моря по Волгѣ и Камѣ, а потомъ по Двинѣ и Печорѣ до Ледовитаго моря. По этому-то пути плылъ изъ Заволочья князь Юрій, когда отправлялся въ Орду. Города Болгары на Волгѣ, Чердынь на рѣкѣ Колвѣ въ Перми и Холмогоры въ Заволочѣ, были торговыми пунктами. Товары приходили по этому пути изъ Персіи, Вухаріи, Арменіи, Аравіи и — по мнѣнію нѣкоторыхъ — изъ Индіи. Этотъ торговый путь былъ очень древенъ и ему обязана Пермь извѣстностію въ скандинавскихъ памятникахъ, подъ именемъ Біарміи, своими богатствами. Пермяки и зыряне вымѣнивали на мѣха восточные товары и въ древности снабжали ими скандинавскихъ викинговъ. Новгородцы, проложивъ себѣ дорогу въ Пермь и подчинивъ эту страну власти Великаго Новгорода, овладѣли и древнею торговлею края. Кромѣ Чердыни, въ XV вѣкѣ въ Перми были города: Уросъ въ Нижней Перми, Искоръ въ Верхней Перми. Но какъ

Пермь, такъ и Югра, до конца новгородской независимости, оставались съ своею народностью, и московская власть, подчинивши себѣ Новгородъ, покоряла эти страны, считавшіяся новгородскими волостями, какъ край независимые. Пермь была завоевана въ 1472 году, на другой годъ послѣ Коростынского мира. Завоевателемъ былъ воевода князь Ѳедоръ Пестрый. Хотя по Коростынскому договору Пермь оставлена была во владѣніи Великаго Новгорода, но Иванъ московскій не считалъ этотъ договоръ такимъ, который, заключивши, слѣдуетъ соблюдать: онъ не боялся новгородцевъ и былъ увѣренъ въ ихъ безсиліи, а потому нашелъ удобный случай отнять у Новгорода отдаленную страну. Пермью управлялъ тогда, подъ верховною властію Новгорода, туземный крещеный князь Михаилъ. Въ Перми оскорбили какого-то московскаго купца. Иванъ, какъ будто въ наказаніе, заступаясь за своего подданнаго, отправилъ туда войско. Князь Ѳедоръ Пестрый прибылъ на устье Черной и оттуда повелъ войско на плотахъ. Вскорѣ онъ нашелъ удобнымъ раздѣлить его и на себя взялъ завоеваніе Верхней Перми, а другой отрядъ, подъ начальствомъ Гаврилы Нелидова, отправилъ въ Нижнюю Пермь. Оба отлично повели дѣло. Гаврило опустошилъ пермскія поселенія на пути, по которому шель; князь Пестрый же, доходя до Искора, встрѣтилъ туземное ополченіе. Произошло сраженіе — москвичи одолѣли. Предводитель пермяковъ, воевода Качаймъ, взятъ въ плѣнъ. Пестрый взялъ съ бою городъ Искоръ и плѣнилъ пермскихъ воеводъ Бурмата и Мичкина. Еще одинъ пермскій воевода, по имени Зыранъ, пришелъ къ московскому военачальнику по опасу; но не смотря на это, съ нимъ обращались какъ съ плѣнникомъ. По взятіи Искора, Пестрый пошелъ на соединеніе съ Нелидовымъ и сошелся съ нимъ на устьѣ рѣки Почки, впадающей въ Колву. Здѣсь москвичи zaloжили городокъ, назвали его по име-

ни рѣки, на устьѣ которой онъ былъ построенъ—Почкою. Вся Пермская Земля была покорена власти великаго князя. Князь Михаилъ достался въ руки побѣдителей и былъ отправленъ въ Москву вмѣстѣ съ другими воеводами. Какъ образчикъ богатства края, воевода послалъ великому князю въ подарокъ шестнадцать сороковъ соболей, 29 съ половиною поставовъ сукна, соболѣю шубу, панцырь и двѣ булатныхъ сабли ¹⁾).

Югра досталась Москвѣ уже послѣ совершеннаго паденія Новгорода. Въ 1483 году великій князь Иванъ Васильевичъ отправилъ князя Ѳедора Курбскаго-Чернаго и Солтыка-Травина съ устюжскими полками; къ нимъ присоединились рати пермяковъ, потому что пермяки издавна жили во враждѣ съ сосѣдями своими вогуличами. Вогульскій князь Асыка незадолго передъ тѣмъ опустошалъ звѣрски Пермскій край. Сынъ Асыки, Юшманъ, наслѣдовалъ послѣ отца родовую непріязнь къ Перми. Этотъ Юшманъ вышелъ со своими вогуличами на устьѣ Пельши и былъ разбитъ. Побѣдители спустились по рѣкѣ Тавдѣ до Тюмени, потомъ поплыли по Иртышу, вошли въ Обь и тамъ взяли въ плѣнъ другого югорскаго князя Молдана. Плѣнникъ отправленъ въ Москву. На слѣдующій годъ другіе князья, называемые кодскіе, сами прибыли въ Москву, били челомъ, приносили покорность, просили возвратить плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ 1485 году югорскіе князьки, изъ которыхъ два — вымскіе князья, были христіане (Ѳеодоръ и Петръ), присягнули быть въ повиновеніи у великаго князя, какъ прежде предки ихъ признавали надъ собою господство Великаго Новгорода. Присяга происходила на устьѣ Выми и обрядъ ея состоялъ въ томъ, что присягавшіе передъ московскими воеводами пили воду изъ золота. Посредникомъ и свидѣтелемъ по-

¹⁾ Никон. Лѣт. VI, 45.

корности ихъ былъ тогда пермскій владыка Филофей. Но московскій великій князь не довольствовался такою зависимостью и поступилъ съ Югрою сообразно своей обычной политикѣ—уничтожать самобытную жизнь подвластныхъ земель. Въ 1499 г. отправились снова воеводы князь Петръ Ѳеодоровичъ Упатый, князь Семенъ Ѳеодоровичъ Курбскій и Василій Ивановичъ Заболоцкій-Бражникъ съ вологжанами, двинянами и важанами (жителями береговъ рѣки Ваги) по разнымъ рѣкамъ, переходя волоками сухія пространства между ними, добрались до Печоры, а потомъ съ величайшими затрудненіями зимнимъ путемъ перешли гору Камень, т.-е. Уральскій хребетъ. Русскіе удивлялись высотѣ горъ, привыкнуши отъ рожденія проводить жизнь на равнинахъ и болотахъ: «а Камени въ оболочахъ не видать»—говорить современное повѣствованіе объ этомъ походѣ ¹⁾—«коли вѣтрено ино оболочки раздираетъ». «Я,—говорилъ Курбскій впоследствии Герберштейну,—семнадцать дней поднимался на эти горы, а все-таки не дошелъ до самой вершины, которая зовется Столпъ» ²⁾. Когда перешли русскіе Камень, близъ городка Ляпина въ Обдорской Землѣ, явились къ московскимъ предводителямъ туземные князьки, сидя на саняхъ, запряженныхъ оленями, и предлагали, по обычаю, миръ и подданство; но воеводы не съ тѣмъ пришли туда, чтобы оставлять независимымъ подчиненный народъ, — они взяли въ плѣнъ князьковъ и пошли по Югорской Землѣ истреблять жилища и жителей. Такимъ образомъ разорено было сорокъ городковъ, пятьдесятъ князей взято въ плѣнъ и отправлено въ Москву; а вогуличи и остяки вымаливали себѣ жизнь, общая быть въ вѣчномъ холопствѣ московскомъ. Такъ покорена была Югра. Дивныя вещи рассказывали

¹⁾ Карамз. VI, Примѣч. 461. 462.

²⁾ Herberst. 57.

тогда въ Московской Землѣ объ этомъ отдаленномъ таинственномъ краѣ, объ этомъ сказочномъ Лукоморьѣ. Тамошніе люди, какъ настанетъ Юрьевъ осенній день, засыпаютъ мертвецкимъ сномъ и спятъ до Юрьева весенняго дня, а тогда оживаютъ. Съ ними ведутъ торговлю народы: Грустинцы и Серпентовцы — торговлю чудную: нигдѣ такъ не торгуютъ. Готовясь спать или, лучше сказать, замирать, югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары; во время сна приходятъ купцы изъ земли названныхъ выше народовъ, берутъ товары, а на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что, проснувшись, югорцы, бывають недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны случаются. Край Югорскій неизмѣримо богатъ. Золота и дорогихъ камней много. Есть тамъ у язычниковъ идолъ, называется — Золотая Баба: изображаетъ женщину съ младенцемъ-сыномъ; а близъ ней еще ребенокъ: этого внукомъ зовутъ. Подлѣ Золотой Бабы кладутъ такіе инструменты, которые безпрестанно издають звукъ ¹⁾).

Югорскій походъ 1499 года былъ началомъ походовъ, которые совершали русскіе удалцы въ теченіи двухъ вѣковъ, подвигаясь все далѣе и далѣе къ востоку, открывая и подчиняя бѣлому царю московскому новыя земли съ новыми народами, пока наконецъ московско-русская держава не очутилась на берегахъ Восточнаго океана.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

¹⁾ Herberst. 56.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТР.

Отношенія Великаго Новгорода къ прочимъ землямъ русскимъ и ко княжескому роду.

I. Сказочныя преданія о поселеніи славянъ въ при-ильмен- скомъ краѣ	3
II. Призваніе варяжскихъ князей	14
III. Крещеніе Новгорода.—Новгородъ подѣ властію Кіева.— Возвращеніе его независимости	35
IV. Значеніе Ярославовой грамоты.—Новгородъ до борьбы Мономаховичей съ Ольговичами	44
V. Новгородъ въ эпоху княжескихъ междоусобій.—Ополче- ніе Андрея.—Чудо Знаменской иконы Богородицы.—По- кушенія князей Суздальской Земли.—Всеволодъ.—Яро- славъ	58
VI. Подвиги Мстислава Удалого	83
VII. Новгородъ послѣ Мстислава Удалого до татаръ	97
VIII. Новгородъ въ эпоху татарскаго владычества надъ Русью.— Защита свободы противъ покушеній Твери и Москвы	99
IX. Права князей	143
X. Паденіе независимости и свободы Великаго Новгорода	150

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вятка	233
-----------------	-----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношенія Пскова къ Новгороду, князьямъ и землямъ русскимъ.

	СТР.
I. Древность Пскова.—XII, XIII и XIV вѣка.—Всеволодъ-Гавріилъ.—Довмонтъ.—Колебаніе между Литвою и Новгородомъ	247
II. XV-й вѣкъ.—Псковъ подъ покровительствомъ московскихъ великихъ князей	265
III. Паденіе независимости и свободы Пскова	292

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ворьба съ тевтонскимъ племенемъ	321
---	-----

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Иностранцы	389
----------------------	-----

ОШИБКИ и ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ:

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Читатъ</i>
66	31	1157	1158
98	31	Якова	Якина
161	13	Варсанофія	Варсонофія
181	26	Ефремъ	Еспфъ
228	33	92	42
248	33	37	7
250	8	1191	1192
259	33	77	78
263	33	195	194
264	33	193	195
266	13	1428	1429
—	30	200	201
268	21	1417	1418
271	34	205	208
272	33	21	29
—	—	219	211
295	8	своей	моей
334	33	34	37
335	32	138	38
355	21	43	53
357	12	1251	1253
—	14	Нарвой	Наровой
—	32	56	55
367	34	58, 59, 85	58, 59; Новг. I, 85
370	33	104	81; IV, 55; Пск. I, 186
390	17	1319	1316
—	32	41	71
399	31	Онѣгою	Онегою
400	6	Онѣги	Онеги
403	33	VI	IV

